

ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ И РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ ЮЖНОГО УРАЛА (II–VIII века)

История
Южного
Урала

История Южного Урала

серия
из 8 книг

История Южного Урала

Восьмитомное издание «История Южного Урала» подготовлено ведущими учеными-историками Южно-Уральского государственного (национально-исследовательского) университета при поддержке ректора ЮУрГУ А. Л. Шестакова и президента вуза Г. П. Вяткина.

В издании на основе обобщения накопленных материалов по археологии Южного Урала и сопредельных территорий представлена история социального, культурного и экономического развития населения региона в эпоху камня, бронзы и в раннем железном веке. Комплексный анализ археологических и письменных источников раскрывает исторические процессы, протекавшие в южноуральских степях с эпохи Великого переселения народов до распада Золотой Орды. Новые данные, полученные в результате архивных исследований и подробного анализа горного законодательства дореволюционной России, представляют Южный Урал в XVI–XIX веках. Современные исследования раскрывают ключевые события истории Южного Урала в XX веке.

Том 1. В. С. Мосин. Южный Урал в каменном веке

Том 2. А. В. Епимахов и коллектив авторов. Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век

Том 3. А. Д. Таиров. Южный Урал в эпоху ранних кочевников

Том 4. С. Г. Боталов. Эпоха Великого переселения народов и раннее средневековье Южного Урала (II–VIII вв.)

Том 5. С. Г. Боталов и коллектив авторов.

У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX– начало XV в.)

Том 6. Г. Х. Самигулов, Д. Н. Маслюженко, М. В. Моисеев. Южное Зауралье (первая треть XV — конец XIX века)

Том 7. В. М. Свистунов, А. Г. Тептеев. Горнозаводская политика России и заводы Южного Урала (1734–1900)

Том 8. И. В. Сибиряков и коллектив авторов. Южный Урал. Век двадцатый

**ЭПОХА
ВЕЛИКОГО
ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
НАРОДОВ
И РАННЕЕ
СРЕДНЕ-
ВЕКОВЬЕ
ЮЖНОГО
УРАЛА
(II–VIII века)**

УДК 94(470.55)
ББК ТЗ(2Р36)
Б86

Печатается по решению Ученого совета
Южно-Уральского государственного университета.
Протокол № 4 от 29.12.2018 г.

Руководитель проекта:
Г. П. Вяткин,
член-корреспондент Российской академии наук

Б86

Боталов, С. Г.

Эпоха Великого переселения народов и раннее Средневековье Южного Урала (II–VIII века) / С. Г. Боталов // История Южного Урала : в 8 т. Т. 4. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-696-05086-7 (т. 4)
ISBN 978-5-696-05081-2

Четвертый том многотомной «Истории Южного Урала» посвящен событиям и культурно-историческим процессам, происходившим в регионе и на сопредельных территориях в эпоху поздней Древности и раннем Средневековье (II–VIII века). Территория Южного Урала в это время оказалась вовлечена в евразийское цивилизационное пространство.

Издание рассчитано на студентов и учащихся, специалистов-историков и широкий круг читателей, интересующихся историей России.

УДК 94(470.55)
ББК ТЗ(2Р36)

ISBN 978-5-696-05086-7 (т. 4)
ISBN 978-5-696-05081-2

© Боталов С. Г., текст, 2019
© Шарапов Р. Я., оформление, макет, 2019
© Издательский центр ЮУрГУ, 2019

ТЗ(2)
Б86

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт истории и археологии Уральского отделения
Российской академии наук», Южно-Уральский филиал

Эпоха Великого переселения народов и раннее Средневековье Южного Урала (II–VIII века)

Том **4**
История Южного Урала

Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ
2019

Проект «История Южного Урала» значим не только для Южно-Уральского государственного университета, который выступил его инициатором и сыграл ключевую роль в его реализации. Это проект, значение которого выходит далеко за пределы локального научного или образовательного эксперимента. Создание многотомной «Истории Южного Урала» — это серьезный шаг в процессе конструирования нового образа региона, сыгравшего заметную роль в истории России. Формирование такого образа является сложной и ответственной задачей — политической, экономической, социальной, нравственной.

Книга посвящена истории Южного Урала в поздней Древности и раннем Средневековье (II–VIII века). Этот период оказался вехой в становлении южноуральского евразийского пограничья между восточными и западными цивилизациями. Это время возникновения Великого шелкового пути, связавшего западную Римскую империю и Византию

с цивилизационным центром Востока: Парфией, Согдом, Сасанидским Ираном, Индией, государствами Китая и Туркестана. Материалы, приводимые в этом томе, наглядно демонстрируют историко-культурную сопричастность Урала во всех межцивилизационных процессах, происходивших в пределах Евразии в данный период.

В Южно-Уральском государственном университете вместе с российскими студентами обучается молодежь из Китая, Индии, Ирана и среднеазиатских стран. На наш взгляд, им будет весьма полезно прочтение данного издания с целью понимания глубинных, исторических корней межкультурных и межцивилизационных взаимосвязей России и Урала, и в частности, для знакомства с историей и культурой наших народов.

Ректор Южно-Уральского государственного университета
А. Л. Шестаков

История Южного Урала неразрывно связана со многими важнейшими эпохами в истории человечества. Проект, который был инициирован учеными Южно-Уральского государственного университета, по-своему уникален. Он призван показать тесную историческую взаимосвязь социальных, экономических и культурных процессов, происходивших в южноуральском регионе на протяжении тысячелетий, с аналогичными процессами в различных точках евразийского пространства. Исследования ведущих ученых региона раскрывают особую роль, которую сыграл Южный Урал в развитии российского государства, открывают новые границы исторических проблем, решение которых может оказать существенную помощь для политиков, государственных деятелей, ученых, размышляющих не только о прошлом страны, но и о ее будущем.

В данном томе автору удалось собрать огромный материал, позволивший раскрыть неповторимую и легендарную историю гуннов, тюрков, ранних болгар (оногуров) и других народов поздней Древности и раннего Средневековья, обитавших когда-то в урало-казахстанских степях. У ознакомившегося с этой книгой читателя сформируется

устойчивое убеждение, что Южный Урал являлся важнейшим историко-культурным эпицентром, находившимся в срединной части Евразии. Здесь не только проходили важнейшие этнокультурные и торговые коммуникации (Великий шелковый и Пушной пути), но и непосредственно складывались легендарные кочевые союзы и государства (империя гуннов, Западно-Тюркский каганат). Соучастие древнего и средневекового населения нашего региона в наиболее важных процессах, происходивших в западных и восточных цивилизациях, придает особую значимость историческим реконструкциям, описываемым в издании. То, что работа над книгой велась в год 75-летия Южно-Уральского государственного университета, особенно знаменательно. Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) с момента своего создания всегда играл заметную роль в жизни Челябинской области, Южного Урала, страны в целом. История ЮУрГУ неразрывно связана с историей Южного Урала.

Президент Южно-Уральского государственного университета
Г. П. Вяткин

Оглавление

1

**Введение –
10**

**Предисловие –
14**

**Глава 1.
Раннегуннская
эпоха. Итоги
двухсотлетних
исследований –
52**
Хунны и гунны —
великая историче-
ская интрига —
59
Позднесарматская
эпоха —
61
Историко-
культурный
комплекс ран-
них гуннов —
67
Гуннский трензель —
83
Почему гуннский
лук сменил
ханьский меч? —
88
Евразийский марш-
рут бронзовых кот-
лов и неповторимые
формы гуннских
кувшинов —
94
Ханьские зеркала
и их подражания
на службе гуннских
жриц —
112

Кровь и солнце, или
Как появился гунн-
ский полихром —
119
Новый европейский
стиль. Плащевые за-
стежки — фибулы —
123
Далекие окраины
Великого шелково-
го пути. Торговый
импорт, военные
трофеи, мзда —
126
Ранние гунны —
это последние
северные хунну, или
Что такое страна
Юэбань? —
139
Расовый облик
и язык ранних
гуннов —
144
Язык и знаковое
письмо гуннов —
154
Список
литературы —
164

2

**Глава 2.
Раннее средне-
вековье Южного
Урала. Поздне-
и постгуннская
эпоха
(V—VIII вв.) —
168**
Вместо введения.
Наступила эпоха
Средневековья... —
171
Гуннские этнокуль-
турные ареалы —
177
Белые гунны. Хи-
ониты. Эфталиты.
Кидариты. Огуры.
Оногуры —
222
Таинственные
курганы «с усами»
и смутная эпоха
V — VIII вв. —
236

3

**Глава 3.
Южный Урал
в составе Тюркских
каганатов –
298**

Возникновение
тюркского этноса –
301

Гянгуни и ашины
или где начинается
родина тюрков –
306

На дальних рубежах
кочевой цивилиза-
ции. В стране Дуло
и Нушеби –
320

Жертвенно-
поминальные ком-
плексы тюрков
на Южном Урале
и Сары-Арке –
325

Между Великим
Шелковым и Ве-
ликим Пушном
путями –
353

Жаркие объятия
тюркской кочевой
цивилизации –
357

Судьба народов
«Он ок будун» или
народы «десяти
стрел» –
367

Заключение –
370

Список
литературы –
372

**Заключение –
376**

**Об авторе –
382**

Соленый Дол.
Челябинская область.
Аэрофотоснимок: С. Арканов

История Южного Урала

4

том
Введение

ВВЕДЕНИЕ

Э тот том посвящен смутной, непонятной и запутанной истории — эпохе поздней Древности и раннего Средневековья. С исторической точки зрения, буквально еще вчера (не более тридцати лет назад) этот период был представлен комплексом разрозненных материалов и сведений. Складывалась весьма своеобразная ситуация. Специалисты-историки судили об этой эпохе, имея о ней лишь самые общие представления: это было время легендарных гуннов и тюрков. Однако конкретный облик и тех и других был непонятен и загадочен. Археологические исследования последних десятилетий приоткрыли завесу тайны, представив миру и первые гуннские некрополи, и святилища, а также города и памятники Западно-Тюркского каганата. Главными персоналиями эпохи явились грозные гунны («бич господень») и тюрки Западно-Тюркского каганата.

Данное издание рассказывает о легендарных народах, истории их появления и развития. Большая часть освещенных в книге вопросов на сегодняшний день все еще не до конца решены и дискутируются. Однако, несмотря на это, облик самой эпохи, ее овеществленность представляются более чем достоверными. Мы попытались изложить накопившиеся сведения в стиле исследовательского алгоритма. Читателю предлагается следовать за нашей логикой. Однако если какое-либо из наших утверждений покажется ему недостаточно убедительным, это будет означать, что мы на верном пути: мы смогли пробудить в читателе здоровый познавательский скепсис, который неизменно должен привести к новым открытиям и откровениям.

При подготовке этого издания были использованы все имеющиеся на сегодняшний день материалы о памятниках указанного времени, опубликованные российскими и казахстанскими исследователями. Автор выражает особую благодарность Флариду Сунгатову (Уфа), Дмитрию Мещерякову (Оренбург), Айман Досымбаевой (Алматы), Жуману Смагулову (Алматы), Эмме Усмановой (Караганда), Любви Ермоленко (Кемерово), Илье Любчанскому (Челябинск), Марии и Юрию Макуровым (Челябинск), Евгению Шиманскому (Челябинск) за ценные консультации и сведения, а также за предоставленные материалы своих исследований.

Ковыльная степь. Сары-Арка.
Центральный Казахстан.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

4

том
Предисловие

ПРЕДИСЛОВИЕ

Великое переселение народов — многочисленные миграции населения Евразии, происходившие в I тысячелетии н. э. Причины Великого переселения народов, вероятно, связаны с ландшафтно-климатическими колебаниями, которые привели во II–III веках к резкому увлажнению гумидной и осушению аридной зон материка. Последствия этих процессов привели к созданию экстремальных условий в лесных и степных зонах Евразии. Население лесов двинулось на юг, а кочевники устремились на север, в лесостепной пояс и далее вдоль него на запад.

Петроглифы.
Святилище Жайсан.
Казахстан

Традиционно Великое переселение народов связывают с началом движения готов из Сканды (Скандинавии) в Крым (169–170 годы н. э.), синхронно которому с середины II века с территории Юго-Восточного Казахстана двинулась одна из ветвей распадавшегося хуннского союза племен. К концу II века на территории Южного Зауралья она смешивается с сармато-аланским и саргатским (протоугорским) населением. Так произошло сложение особой синкретической гунно-сарматской конфедерации. Ее представители под общим названием «гунны» к концу III века вышли к Волге и в IV–V веках участвовали в войнах против аланов, готов и Римской империи.

Деструктивные последствия экстремальных геоклиматических условий были углублены распадом Западной Римской империи. В V–VI веках земли бывших римских провинций становятся новыми вмещающими ландшафтами переселяющихся аланов, вандалов, макроманов, славянских и германских племен.

Зоной первоначальной этногенетической активности Евразии являлись центральноазиатские степи и предгорья от Иньшаня до Джунгарии и от Алтая до Гоби. На этих территориях возникают крупные союзы кочевых племен и раннегосударственные образования, кроме сюнну, хуннов — сяньбийцы (II–IV века), жужани (V век), Тюркские каганаты (VI–VIII века), тюркешы (VII–VIII века), уйгуры (VII–VIII века), кимаки, кыпчаки (IX–XI века) и др. Постоянные рейды и экспансия кочевых племен преимущественно в западных и северо-западных направлениях приводили к дестабилизации в степях Евразии на протяжении всего I и первой половины II тысячелетия. Так, расширение Великого тюркского каганата, созданного из объединенных племен гаогуя и теле под эгидой рода Ашинов на западе до Каспийского моря, привело к смещению авар и болгар из районов Приаралья в юго-восточную Европу. Расширение мадьярского и кимако-кыпчакского союзов Западной Сибири и Южного Зауралья, а также печенегов и торков (гузов) в Приаралье изменило этническую карту южнорусских и подунайских степей. Относительная стабилизация приходится на период существования Половецкого союза (Дешт-и-Кыпчак) (XII — начало XIII века), когда происходит этнокультурная нивелировка кочевого населения от Иртыша до Дуная.

Гуннское нашествие

Вечное переселение человечества. Предтечи

Монгольское нашествие лишь на короткое время разрушило этноплеменную карту региона. Впоследствии с XIV века основу Золотой орды составляло единое тюркоязычное население Причерноморья, Северного Кавказа, Поволжья, урало-казахстанских степей и Западной Сибири, включающего на тот момент единый Ордынский суперэтнос, в недрах которого вызревали предпосылки формирования автохтонных народов Евразии.

Просвещенный читатель путем несложного соотнесения череды разрозненных исторических событий, вероятно, сможет заметить, что векторы переселений народов были отнюдь не постоянны. Они устанавливались не сразу, а установившись, сохранялись в течение тысячелетних циклов. Чередование их происходило в силу каких-то неизведанных причин и следствий.

Как уже упоминалось, первоотлчком культурных трансформаций явились геоклиматические изменения, произошедшие в огромных регионах степного пояса и приведшие впоследствии к множественным миграциям, длительной этнокультурной перегруппировке степного населения Евразии. Так, кардинальные ландшафтно-климатические изменения, произошедшие в зоне центральноазиатских степей в период с конца II по середину I тысячелетия до н. э., привели к наиболее длительной и поступательной аридизации степей

Ордосская излучина Хуанхэ

Фигурка животного.
«Ордосские бронзы»

Фигурка оленя.
«Ордосские бронзы»

и росту континентальности климата Центральной Монголии и Северного Китая [106, с. 20–21], что явилось причиной серьезной перегруппировки и культурной трансформации варварского населения (так называемых северных варваров): сплошному переходу к кочеванию, китайской ассимиляции племен бассейна Хуанхе, множественным миграциям и перемещениям [64, с. 23; 66, с. 11–14].

Длительная фаза ландшафтно-климатических изменений, произошедшая в конце II — середине I тысячелетия до н. э., привела, по всей видимости, к формированию современных ландшафтных зон Большой Монголии и Северного Китая (образование пояса сухих и предгорных степей, песчаных и каменистых пустынь; резкое сокращение пойменных долин Хуанхэ и ее притоков). Дальними последствиями этих изменений стал переход населения региона к новым культурно-хозяйственным укладам в IV–III веках до н. э. Однако на первых порах (начало — середина I тысячелетия до н. э.) изменения природно-экологических условий привели к серьезной перегруппировке варварского населения жунов и ди и к неизбежному столкновению населения северокитайских провинций и царств («эпоха воюющих царств»). На наш взгляд, яблоком раздора были пойменные долины Хуанхэ (Ордос), в которые устремились пешие палеоиранские скотоводы, уходя из пустынь и сухостепных регионов Монголии. Однако эти районы были стратегически

Ордос

Инventарь.
«Ордосские бронзы»

Изделия из бронзы.
«Ордосские бронзы»

Ордос

важными территориями оседлого китайского населения, в недрах которого формировалось земледелие с принудительным орошением, постепенно превращаясь в сложнейшую ирригационно-дамбовую систему, обеспечивающую высокорациональное производство злаковых. Историческим результатом столкновения двух социокультурных систем явился массовый переход скотоводческого населения к кочевничеству с сезонным циклом кочевания, создание кочевых союзов, империй; создание империи Цинь, массовая ассимиляция и переселение вглубь Китая североварварского жуннского населения, а также к продолжительным миграциям палеоиранского населения на север, запад, северо-запад. Наиболее ранние переселения связаны с оттоком карасукоидного населения из Большой Монголии и Ордоса, участвовавшего впоследствии в формировании на западе памятников бегазы-дандыбаевского и северо-тагискенского круга в X–VIII веках до н. э. Распад жуннско-дисской общности варварских культур Северного Китая приводит к продвижению на запад (в Казахстан и Южное Зауралье) тасмолинского древнесакского населения, на северо-запад (Алтай), а также к формированию в пределах Синьцзяна огромного пласта культур сакского облика.

Следующий этап сакских миграций начинается в V–IV веках до н. э. Материалы типа турфанского Алагу появляются на западе, юго-западе (Иссык,

Сайхазы. Синьцзянский
Алтай, КНР.
Фото С. М. Арканова

Река Чу. Казахстан

Святылище Жайсан

Бесшатыр, Беркара), а также на северо-западе — в Северо-Западном Алтае (яркие комплексы типа Локоть IV, Салтайский Иссyk, Симбирка), и на севере, где это проникновение ярко отразилось в формировании каракобинской культуры и особой (сакской) группы керамического материала в Большереченской культуре Верхнего Приобья.

Западный вектор миграций из районов Южной Монголии и Северного Китая на начальном этапе раннего железного века также довольно хорошо просматривается на памятниках Синьцзяна (Восточного Туркестана).

Синьцзян в это время становится своеобразным узловым регионом, через который пролегают все маршруты сакских миграций. На запад — движение тасмолинского древнесакского населения в Центральный Казахстан и Зауралье, а также саков Приаралья и Северного Тагискена, чуть позднее — в Южный Казахстан, когда появляются комплексы (Иссyk, Беркара), материалы которых имеют аналоги с Алагоу и другими сакскими комплексами Синьцзяна.

Однако вернемся вновь к восточным рубежам евразийской степной ойкумены. Исход северокайских варваров жунов и ди в степи Казахстана и Саяно-Алтайские предгорья был лишь отправным пунктом великих западных миграций. Изменяющиеся ландшафтно-климатические условия азиатских степей неизменно диктовали новые условия существования. К середине I тысячелетия до н. э. там, где раньше были вольготные травянистые степи, образуется гигантское тело каменной пустыни Гоби. Далеко на север и на

Святылище Жайсан. Курган 10. Казахстан

Жайсан. Чуйская степь. Казахстан

Царский курган рядом
с мазарами. Сары-Арка.
Центральный Казахстан

Раскопки большого кургана.
Могильник Лебедевка.
Западный Казахстан

юг отступают горные и субтропические леса. Новые климатические условия бросали вызов человеческим сообществам. Часть племен северных варваров постепенно отступает на юг и на север за уходящими влажными степями.

В пойменных долинах Хуанхэ они сталкиваются с китайскими земледельцами, вынужденными сооружать здесь сложнейшие ирригационные системы для принудительного орошения. Длительное противостояние жуннов и Поднебесной получило название «Эпоха воюющих царств», которая завершилась победой более устойчивой земледельческой цивилизации. Часть жунов была ассимилирована и бесследно растворилась в недрах молодого гигантского желтого этноса. Другая большая часть жунов и ди была вытеснена в монгольские степи, предгорья Алтая, Наньшаня, Дуньхуаня, Циляншаня... Здесь они активно осваивают верховую езду и огромные пространства сезонных пастбищ, то есть превращаются в кочевников.

В новых пастбищно-кочевых провинциях возникают новые племенные объединения, самым многочисленным из которых до конца III века до н. э. были юэчжи. С возникновением более могучей хуннской кочевой империи они были вынуждены покинуть свои родовые земли. Их исход произвел необычайную сумятицу на огромных пространствах великого степного пояса Евразии.

По достаточно скудным сообщениям китайских источников, внешне юэчжи походили на тибетцев, по манере одеваться и прическам имели особый вид, отличаясь от других варварских народов. Их язык являлся одним

Петроглифы и тюркские тамги. Святылище Жайсан. Казахстан

Петроглифы с изображением янгиров. Святилище Баликун

Синьцзян. Отроги Восточного Тянь-Шаня. КНР

Культово-погребальный
комплекс Сайхацзы. Синь-
цзян. КНР

Погребальный
комплекс
Баликун.
Синьцзян. КНР

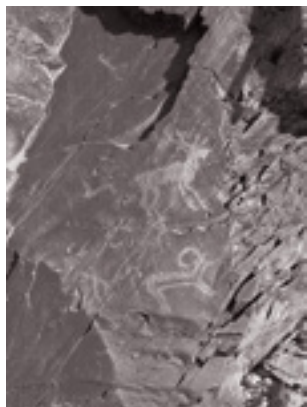

из распространенных в Восточном Туркестане ранних диалектов, отличным от среднеазиатских диалектов.

Достаточно давно существует точка зрения, что юэчжи представляли собой довольно большую общность единокультурных ирано- или тохаро-язычных племен, которые накануне хуннской экспансии занимали не только весь регион монгольского и русского Алтая, но и большую часть Монголии, Джунгарии, Тянь-Шаня и Западной Сибири, где они соседствовали с усунями, а также Таримский бассейн и верховья Хуанхэ.

Территории северо-запада Ганьсю, находившиеся между Дуньхуанем и Цилян-шанем, то есть севернее Нян-шаня, упоминаемые Сыма Цянем, для конца III века до н. э., по мнению известного кочевниковеда Кадзуо Еноки, являлись центральными зонами обитания юэчжей. С. Г. Кляшторный и Д. Г. Савинов приводят сведения из китайского трактата «Гуаньцзи» (V–IV века до н. э.), где в несколько измененной транскрипции юйши и юйчжи упоминаются среди северо-западных варварских народов, добывающих в горах нефрит [59, с. 172–173]. Весьма сходная информация, связанная с «нефритовой горой», содержится и в древнекитайском «Повествовании о сыне неба Му», где описывается страна Юэчжи, короткая расположена в пяти днях пути к западу от нынешнего горного прохода Яньмэньгуань на севере Шаньси, восточнее излучины Хуанхэ. Эти упоминания в китайских источниках, по всей видимости, фиксируют лишь какую-то определенную часть (восточную) этого огромного этнополитического объединения. Б. И. Вайнберг [19, с. 245–250]

Предгорья Алтая.
Синьцзян. КНР

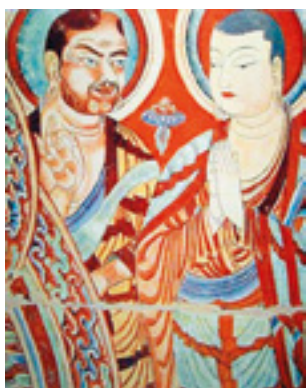

Хуннский всадник. Китайская миниатюра

Деревянные элементы украшения узды. Первый пазырыкский курган (по С. И. Руденко, 1960)

приводит довольно точное описание родовых земель юэчжей, которые были приурочены к горам Цинцаньшань (Северный Наньшань), коридору Хеси или Ганьсуйскому. Данная территория является весьма благоприятной зоной как по природно-климатическим, так и по торгово-политическим условиям. Среди пастбищных районов выделяются, прежде всего, восточная часть коридора — южно-восточные предгорья Наньшаня и районы оазиса Увэй, расположенные ближе всего к реке Хуанхэ в верховьях реки Шуйхе. Долина этой реки, как и Бэйшань, вероятно, входила в зону зимних кочевий юэчжей. На северо-западе коридор переходил в пустыню и ограничивался примерно Лобнором. На юго-востоке коридор Хеси выходил к левобережью Хуанхэ в районе Гайюляна, здесь горный массив Наньшань переходит в холмистое луговое плато, названное Н. М. Пржевальским Нарынской степью. В силу своего географического положения Ганьсуйский коридор (Хеси) известен как место, где сходятся торговые пути в Китай с севера и запада. О значительных

Тохарские жертвователи. Фрески из буддийского монастыря в Безеклике. Синьцзян. КНР

Европеоидный облик юэчжийского населения хорошо демонстрируют мумии из исторического музея Синьцзян-Уйгурского автономного района

пределах, занимаемых этим союзом, говорят археологические и лингвистические данные.

Вероятно, юэчжийский массив племен в этнокультурном смысле был неоднороден. Наиболее представительными являлись два основообразующих объединения. На наш взгляд, южную часть юэчжийской общности составляло тохароязычное кушано-согдийское население, занимавшее территории Северо-Западного Китая, Ганьской коридор, юг Восточного Туркестана и бассейн Тарима. Северная часть, скорее всего, была представлена ираноязычным скифо-сарматским населением, занимавшим изначально основную часть Туркестана, включая Джунгарию, западные предгорья Монгольского Алтая, а примерно с VI века до н. э. северные предгорья и нагорья Алтая, степи Казахстана и Южного Урала. Однако столь широкая трактовка тохаро-кушанских и ирано-сарматских этносов и культур, как составляющих юэчжийскую или юэчжийско-тохарскую общности, с одной стороны, предполагает определенную дань историческим традициям, с другой — это население выделялось и антропологически. Оно представляет собой гигантский европеоидный массив кавказоидного населения, что хорошо видно по облику знаменитых мумий с территории Синьцзяна и Тарима.

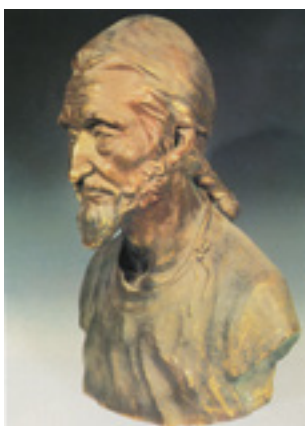
Китайские источники, упоминая о племенах северо-западных варваров на севере Шаньси и Ганьсу, то есть юго-восточная окраина всего этнокультурного массива, называли их общим этнонимом «юэчжи». Античные авторы также какую-то часть — либо северо-западную, либо вновь пришедшие племена этого же объединения — называли в целом тохарами. В этой связи, говоря о юэчжах или тохарах в конкретном времени или на конкретной территории (Ганьской коридор, Синьцзян, Хорезм, Самарканд, Бухара, Северная Бактрия и др.), необходимо учитывать их различия.

Полисоставность юэчжейской общности хорошо просматривается в лингвистическом плане. Так, ряд авторитетных востоковедов — Г. Хэлоун [133], К. Еноки [130, 131], Н. Эгами [129] — сходятся во мнении, что юэчжи относятся к ираноязычной скифо-сакской этнокультурной общности. Другие же считают, что юэчжи, вероятнее всего, в этнолингвистическом плане ведут свое происхождение от тохаров Таримского бассейна и их предки кушаны говорили на тохарском диалекте.

Юэчжи — иранский народ Центральной Азии, говоривший на восточноиранских диалектах северной подгруппы. Изначально занимали пастбища в бассейне Таримской котловины, включая современный Синьцзян-Уйгурский автономный район, Ганьсу и, возможно, Цилян в Китае. В II веке до н. э. часть их (кушаны, эфталиты и др.) перекочевала в Фараруд и Бактрию, а потом в Северную Индию, где они основали Кушанскую империю. Язык юэчжи был родственен языкам других иранских народов. Иранские народы, близкие юэчжам, в древнегреческих источниках известны под именем тохаров. Портреты юэчжийских царей на монетах и антропологические данные показывают, что юэчжи принадлежали к европеоидной расе, однако не сохранилось непосредственных записей об именах их правителей и нет уверенности в точности передачи черт лица на портретах. Сохранились имена только их потомков — кушан и эфталитов, которые вторглись в южные рубежи Азии.

Большие юэчжи Синьцзяна. Реконструкция

В этой связи вполне закономерен тот факт, что в упоминании Страбона племена, которые вторгаются в II веке до н. э. с востока — из региона юэчжийской этнокультурной области, — имеют различные названия: тохары, асси, сакаравака, пассианы, и под ними подразумеваются уже совершенно особые группы и объединения. По мнению Э. А. Грантовского [31], два этнонима — ассианы (ассии) и пассианы — являлись наиболее близкими (если не общим этнонаименованием) племенам ассов, или предков осетин-аланов. Сакараулки же им интерпетируются как *Saka-ravaka* — «быстрые саки» или, скорее всего, *Saka-rarka* — «светлые саки». Собственно тохары или, в общепринятом восточном синониме, юэчжи занимают лишь одну из четырех позиций в Страбоновом списке племен.

По всей видимости, племена Северо-Западного Китая, Восточного Туркестана, Тарима, участвовавшие в юэчжийском исходе, к этому времени имели совершенно разные самоназвания и говорили на весьма разных диалектах когда-то, возможно, общего индоевропейского праязыка.

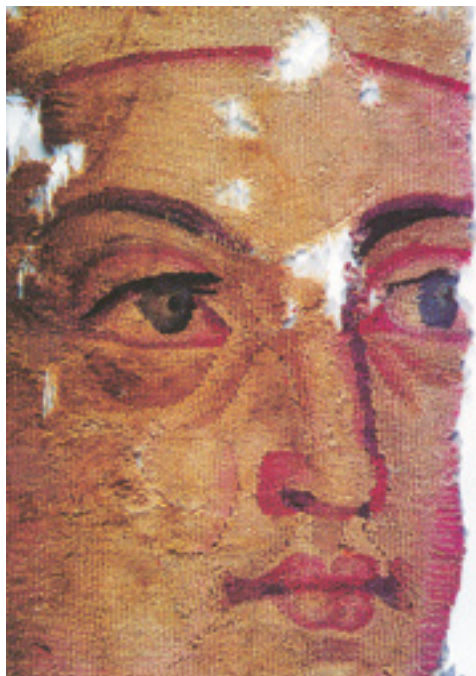
Трудно сказать, осознавали ли они свое единство. На этот счет интересную информацию, хотя и из поздних хроник Бей-Шу (VII век), которые были переписаны из очень ранних документов, приводит в одной из своих работ В. И. Вайнберг: 1) «Владетельный дом Кан есть отрасль кангюйского дома»; 2) «Со времен династии Хань преемство престола не пресекалось»; 3) «Собственно владетель прозывается Вынь; происходит из Дома Юэчжи, который первоначально обитал по северную сторону хребта Цилян-шань в городе Чжаову, но после поражения от хуннов перешел через Луковые горы на запад и основал царство. Он разделился на множество владетельных родов и утвердился в древнем царстве Кан. Сии роды в память своего первоначального происхождения все удержали прозвание Чжаову. Проименование владетеля из рода в род есть Фуби»; 4) Дом Кан характеризуется как кочевое владение: «беспреданно переходя с места на место, они не имеют привязанности к оседлой жизни».

Обратив внимание на некоторую путаницу, просматриваемую в тексте источника, В. И. Вайнберг пришла к выводу, что основные сведения Бей-Шу, вероятно, относятся к очень раннему периоду (не позднее I века н. э.) и, в отличие от общепринятой схемы переселения Больших Юэчжей вначале в район к северу от реки Гуй-Шуй (Амударья), а затем в земли Дася (Дактрия), эти сведения повествуют о переселении другой части дома юэчжей — Чжаову [18, с. 146]. Интересно, что эта информация подтверждается и своеобразно дополняется нумизматическими и археологическими данными. Во-первых, с одной стороны, уже довольно давно была установлена типологическая близость тамг, изображенных на монетах Согда, Бухары и Хорезма.

С другой стороны, В. И. Вайнберг убедительно доказала, что тамги, о которых идет речь, в частности тамги типа «Гободзико», кардинально отличаются от кушанских тамг Северной Бактрии. С третьей стороны, кочевнические комплексы, которые появляются на окраинах оазисов Хорезма, Самарканда и Бухары, составляют единый археологический комплекс — памятники Лявандакской группы или юэчжийско-сарматский историко-культурный комплекс (ИКК). В это же время в Северной Бактрии появляются

Большие юэджи
Синьцзяна.
Вышивка.
Шампула.
Синьцзян.
КНР

кочевнические памятники так называемой тулхарской группы, которые также образуют единый юэчжийско-кушанский ИКК.

Таким образом, юэчжийский союз племен накануне своего исхода в Среднюю Азию и далее на запад не представлял собой единого этнокультурного массива. Вероятнее всего, изначально его составляли совершенно обособленные ираноязычные, а возможно, и тохароязычные племена, имевшие свои исторически устоявшиеся этнические наименования и, следовательно, особые последующие исторические судьбы. В этом списке, по всей видимости, вместе с юэчжами-кушанами были сарматы, ассы-аланы, восточно-туркестанские саки и другие. Однако вернемся в урало-казахстанские степи, чтобы проследить взаимосвязь между событиями, происходившими на востоке и западе азиатских степей.

Рассмотрение вопросов культурогенеза на следующем, скифо-сарматском этапе (конец VI — конец III века до н. э.) требует определения иного геокультурного ареала Азии, в рамках которого происходили основные процессы перемещения и культурообразования.

На наш взгляд, довольно удачную характеристику особого миграционного ареала как единого в широком смысле геокультурного пространства дали в одной из работ Б. И. Вайберг и Э. А. Новгородовой [20]. Опираясь на географические исследования и соотнося их с общеисторической ситуацией, они объединили названные регионы, примыкающие с запада к Монгольскому Алтаю по физико-географическим особенностям. Таким образом, единая Джунгаро-Казахстанская область простирается от Монгольского Алтая до Северного Прикаспия.

Эта физико-географическая область по ряду существенных для хозяйства скотоводов признаков резко отличается от центральноазиатской пустынной зоны, располагающейся восточнее. Большая увлажненность данной

Бэлла Ильинична Вайнберг (12.12.1932, Москва — 08.02.2010, там же) — советский и российский историк, археолог, доктор исторических наук. Известный специалист по истории древнего Хорезма. В 1954 году окончила исторический факультет МГУ. Ученица археолога С. П. Толстого, участвовала в многочисленных хорезмских археолого-этнографических экспедициях в качестве руководителя археологических отрядов. Автор большого количества публикаций.

Могильник Лебедевка.
Западный Казахстан

территории сказалась на более длительном вегетационном цикле кормовых трав. В этой связи перемещения кочевого населения наиболее вероятны именно в рамках данной территории. На наш взгляд, этот обширный регион, очевидно, и можно именовать термином «Азиатская Сарматия» в самом широком смысле. Сравнение и картографирование тамг, найденных в пределах данных территорий, позволили Б. И. Вайнберг и Э. А. Новгородовой проследить миграционный путь ираноязычного сарматского населения из зоны пустынь Монгольского Алтая до самых западных пределов Северного Прикаспия и далее, в степи Восточной Европы и Причерноморья [20, с. 72]. Наиболее заметные сарматские миграции в пределах этого ареала начинаются в последней трети I тысячелетия до н. э. и продолжаются до первых веков нашей эры. При этом, вероятно, процесс перманентных разнонаправленных

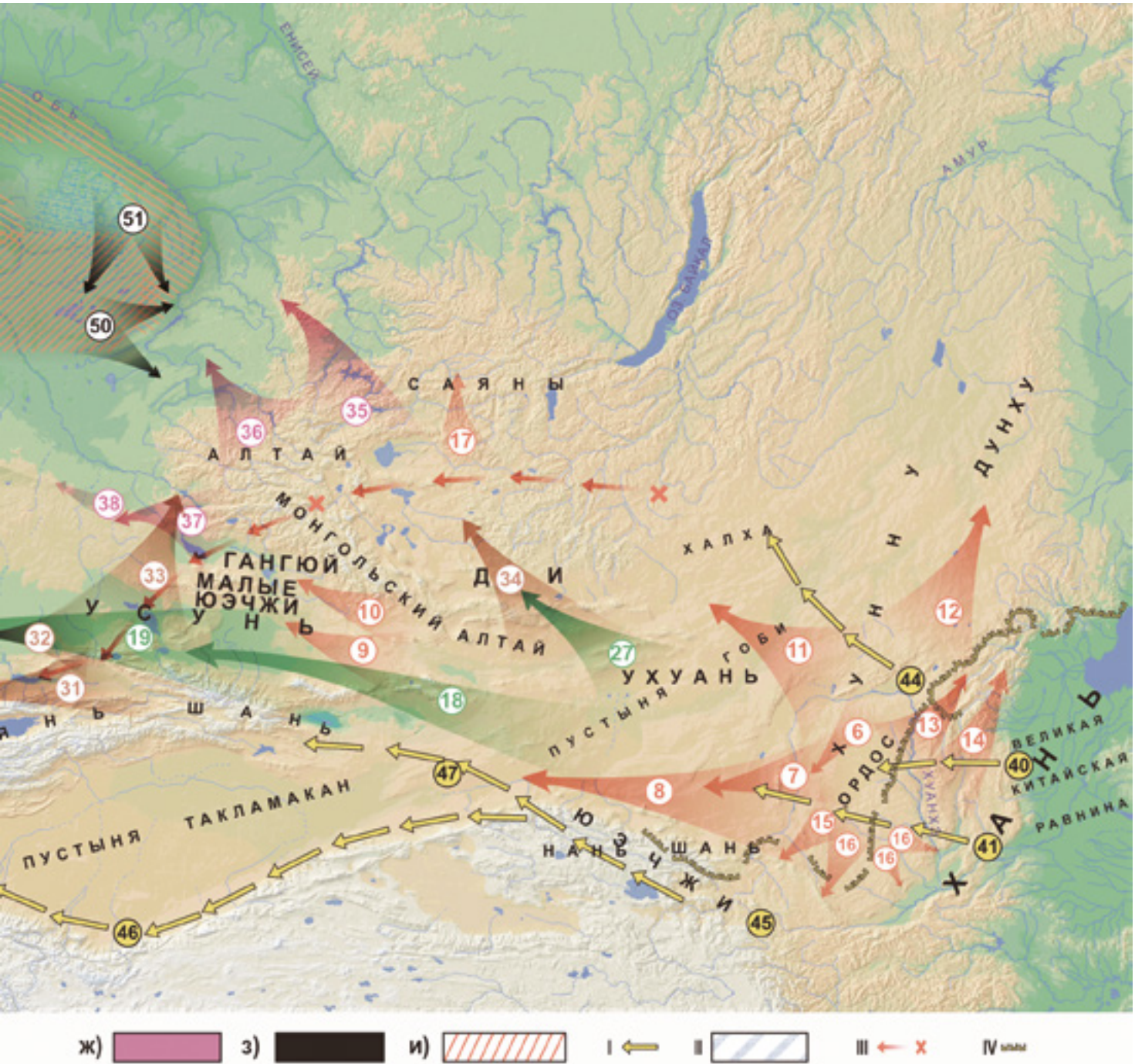

Карта-схема этнокультурных процессов второй половины I тысячелетия до н. э.

а) продвижение раннесарматского населения (IV–I вв. до н. э.);
 б) хуннские экспансии;
 в) юэчжийские миграции;
 г) вторжение юэчжей в Среднюю Азию;
 д) вторжение юэчжей в Среднюю Азию, Казахстан и Южный Урал (юэчжийско-сарматский ИКК, «юэчжи дома Чжаову»...);
 е) усуньские миграции (сако-усуньский ИКК);

ж) миграции гянгуны;
 з) миграции во второй половине I тыс. до н. э.;
 и) картографирование ареалов раннего железа VI–III вв. до н. э.;
 I – походы Хань на хунну и западный край II–I вв. до н. э.;
 II – раннесарматская (прохоровская) общность;
 III – походы и места ставок шаньюя Чжи-Чжи;
 IV – Великая китайская стена

миграций в пределах обозначенного пространства начался более постепенно и гораздо раньше, чем западный выплеск юэчжийской волны после первых походов хунну. Образно говоря, процесс глобальной аридизации степей, идущий с востока на запад вдоль оси Военкова (север Монголии — Кызыл — Уральск — Саратов — Кишинев), докатился и до этой территории. По почвоведческим данным, критическая фаза аридизации степей в пределах этого региона наступила на рубеже IV–III веков до н. э. [41, с. 99].

Более выразительно обозначился данный этнокультурный ареал в своей центральной части, где в V–IV веках до н. э. наблюдался резкий приток кочевнического (ираноязычного) населения сарматского облика в районы Западной Сибири.

Но, пожалуй, наиболее значительным оказалось смещение населения в рамках этого ареала на его северо-западной периферии, где уже в конце VI — V веке до н. э. в Южном Зауралье складывается раннесарматская — прохоровская культура [107, с. 151]. В ней ярко отразились те культурообразующие черты, которые в последующий период стали преобладающими на территории от Урала до Дона.

Кем были сарматы-прохоровцы? М. И. Ростовцев говорит, что сарматы представляли собой совершенно новую иранскую волну, отличную от скифов и савроматов. Основу этого населения составляли сакаи (дахо-массагетские племена), которые начали вторгаться в IV–III веках до н. э. в Скифию [93, с. 33–34]. Ю. Т. Сулимирский также говорит о том, что начало сарматской культуре положили массагеты, которые внесли новые центральноазиатские, западносибирские и центральноказахстанские черты [136, р. 84].

Вероятнее всего, эта скифо-раннесарматская древнеюэчжийская миграция и явилась завершающим аккордом в сложении «древнепрохоровского населения» (конец VI — V век до н. э.) на Южном Урале. Расцвет же раннесарматской культуры, как известно, падает на IV–III века до н. э., когда начинается массовое переселение южнозауральских кочевников на запад и юго-запад, в степные районы Южного Приуралья, а на рубеже IV–III веков до н. э. — и в лесостепи Приуральской Башкирии, где появляются крупные некрополи. Одновременно с этим начинается движение кочевников Приуралья далее на запад, в Нижнее Поволжье.

Завершающий этап более мощных миграций приходится на конец III — II век до н. э. Собственно он отражает территориальные изменения, произошедшие в Центрально-Азиатском регионе после возникновения хуннской империи: общее перемещение всех западных (от хуннов) народов из пределов Западной Монголии и Восточного Туркестана. Эта миграционная волна, прокатившаяся по джунгарским степям, на западном своем направлении включала весь список племен, упоминаемых Страбоном: ассии, тохары, сакаравы, паскарны, паскианы (ассианы, аланы, юэчжи, сакарауки — «светлые» саки, по Э. А. Грантовскому) [31]. Основными в этом миграционном потоке, на наш взгляд, были перемещения юэчжийско-сарматского населения из Гансуйского (Хесийского) коридора во второй половине I тысячелетия до н. э. и аланские миграции из Восточного Туркестана в Среднюю Азию и Предкавказье в I веке н. э. [11; 97].

К этому списку, бесспорно, следует прибавить усуней, переселившихся в этот период из Синьцзяна в долину среднего течения реки Или и в Семиречье, а также в восточно-казахстанские предгорья Алтая.

Существование этого населения в урало-казахстанских степях, вероятнее всего, было в пределах конца III — I века до н. э.

Комплексы следующего периода (I век до н. э. — I век н. э.) на огромной территории левобережья Урала до бассейна Ишима на сегодняшний момент

Вышивки. Могильник
Ноин-Ула, курган 6 [95].
© Государственный
Эрмитаж. Санкт-Петербург

крайне редки. Думается, что данный факт не должен объясняться слабой изученностью районов Западного и Северного Казахстана, а также Южного Казахстана. В сопредельных районах Приуральского Оренбуржья и Нижнего Заволжья известно большое количество исследованных памятников, относящихся к этому периоду. По всей вероятности, этот факт объясняется тем, что проходящая в I веке н. э. аланская миграционная волна из Средней Азии в Волго-Донье прошла, минуя юг и юго-запад Прикаспия. О чем говорится в письменных источниках. Скорее всего, расселение аланского населения в Заволжье и Западном Приуралье остановилось в пределах правобережья реки Урал в середине II века н. э., когда к этому рубежу с юго-востока выходило новое, не менее мощное кочевое объединение гунно-сарматского облика.

В этот период, когда урало-казахстанские степи были охвачены юэчжийско-аланскими историческими пертурбациями, на востоке, примерно в пределах тех же самых ареалов (Ордос, Монголия), назревал новый эпицентр последующих степных переселений. Сложнейшие ландшафтно-экологические изменения и культурные трансформации к концу III — началу II века до н. э. приводят к созданию централизованных северокитайских государств Цинь и Хань и к сложению к III–II векам до н. э. первой кочевой империи хунну. Хуннский ИКК изначально сложился как поликультурное явление. Помимо упомянутого палеоиранского компонента значительную роль в его формировании сыграли маньчжурский монголокультурный ареал, а также северо-китайская культурная составляющая. В короткий срок он распространился в огромных пределах Большой Монголии, Забайкалья, позднее — Тувы и Алтая. Процесс расширения хуннского ареала явился, вероятнее всего, основной причиной пестрых юэчжийско-аланских миграций в Среднюю Азию, урало-казахстанские и волго-донские степи в конце III века до н. э. — I веке н. э., о чем говорилось выше. Однако конечным следствием развития хуннской империи были ее раскол на северных и южных суннов, длительные гражданские войны и окончательный распад.

Сяньби — древне-монгольские кочевые племена, проживавшие на территории Внутренней Монголии. Эти племена выделились из кочевого объединения дунху. Впоследствии сяньби вошли в состав тангутов династии Тобо (Северная Тобо Вэй).

Скульптура сяньбийского царя династии северного Чжоу (557–581 гг.)

Период рубежа эр и первого века ознаменовался завершающим аккордом аланского исхода из пределов Восточного Туркестана, когда после вторичного распада хуннской империи на арену вступила новая внешнеполитическая сила — сяньби.

В 87 году н. э. сяньбийцы нанесли северным хунну жестокое поражение в пределах Центральной Монголии. В решающем сражении гибнет шаньюй Юлю. После этого с 91 года основная зона кочевий хунну, которая включает в себя и Халху, переходит к сяньбийцам. Воспользовавшись данной ситуацией, объединенные войска южных хунну и Китая довели до конца разгром северных хунну в пределах монгольских степей. В 91 году северные хунну были вытеснены в пределы Восточного Туркестана вплоть до предгорий Тарбогатая. С этого периода империя монгольских хунну прекратила свое существование.

Северные хунну после исхода из монгольских степей чуть более чем на полвека задерживаются в Джунгарских степях Восточного Туркестана, окончательно вытеснив оттуда кочевое население усуней и сармато-аланов и, быть может, остатки юэчжей-кушан. Последствия оккупации северными хунну Восточного Туркестана были разрушительны. На наш взгляд, события, связанные с распадом хуннской империи в I веке н. э., кардинально перекроили этнокультурную карту не только Средней Азии и Казахстана, но и восточно-европейских степей.

Таким образом, трехсотлетняя история хунну в пределах Центральной Азии всколыхнула весь безбрежный океан кочевников, обитавших на необъятных просторах монгольских, джунгарских, южносибирских и казахстанских степей. Пришли в движение гигантские степные и предгорные социокультурные ареалы Большой Монголии, Среднеазиатского и Прикаспийско-Туркестанского регионов. Своеобразным историческим генератором этого движения выступали именно хунны-сюнну на протяжении всей своей центральноазиатской истории. При этом динамические импульсы возникали с начала их деяний до самого конца: будь то набеги и нашествия первых шаньюев, междоусобицы времен гражданских войн или финальный исход вначале в Восточный Туркестан, а затем в казахстанско-уральские степи, где к II веку н. э. появляются раннегуннские памятники гунно-сарматской культуры.

Гунны, вероятно, по союзническому договору с Кангюй занимают обширные территории аланской страны Яньцзяй, которая с этого времени перестает существовать (по крайней мере, на страницах письменных источников). Их родовые кочевья простирались от Урала до Арала, а стольные земли, вероятнее всего, находились в пределах междуречья Эмбы и низовий Урала. Здесь располагались гуннские герры — бесчисленные родовые некрополи гуннской аристократии, дружинников и простых номадов. Несмотря на то что ранние гунны были лишь осколком когда-то могучей хуннской кочевого империи, численность их населения, пришедшего в урало-казахстанские степи, была впечатляющей. Их некрополи, хорошо заметные по сложной конфигурации наземных сооружений (склепы, тамгообразные, гантелевидные, длинные курганы), пожалуй, наиболее многочисленны среди памятников кочевников

Карта-схема расселения гуннов в Европе

разных эпох. Может быть, именно поэтому гунны впервые так потрясли римскую Европу. Хотя восточным границам Рима многократно угрожали варвары всех мастей — маркоманы, аланы, языги, готы и прочие,— однако именно многочисленные гунны были удостоены имени «бич господень». Как уже говорилось, основной очаг раннегуннского ареала располагался на кромке сухих казахстанских степей и прикаспийских пустынь, то есть в районе, ландшафтно близком монгольской Халхе. Южный Урал был в II–IV веках своеобразной гуннской периферией. Однако эта ситуация сохранялась недолго. С уходом орды на запад, в Северное Причерноморье и затем в Паннонский Альфельд, где воссияли легендарные имена Руги и Атиллы, а затем с возвращением ее из многолетних западных походов гуннские племена стали занимать совершенно другие районы. Закаленные в бесчисленных сражениях, но привыкшие к богатству и роскоши, гуннские шаньюи (каганы) предпочитали свои родовые ставки обосновывать вблизи городских цивилизаций, коими являлись города Алтын-Асар (низовье Сырдарьи) и Кангюй, а также в узловых местах — пересечениях торговых путей. Именно поэтому в излучине Белой в месте впадения ее в Уфу (современная территория города Уфы), а также в месте впадения Камы в Волгу появляются богатые некрополи с яркими чертами позднегуннского облика. Гунны, основательно перемешанные с европейским (антским, гепидским, вандальским и германским — готским) и местным (финно-угорским) населением, продолжают проживать здесь, в лесостепном Приуралье, как, впрочем, и в Зауралье, вплоть до VIII века. На юге обитают так называемые «белые гунны», или эфталиты, которые еще

длительное время совершали победоносные походы в Пенджаб, Усрушану, Согд, Гурган, Карашар. Но это была уже другая история. Что же касается темы наших наблюдений, то спешу сообщить, что в то время, когда еще не успели задерноваться Каталаунские поля после последнего сражения с непобедимым Атиллой, а восток уже исторгнул новые племена огуров, сарагуров, утригуров (ранних болгар), савиров, баланджаров и, наконец, аваров (V–VI века), стало набирать силу Великое переселение народов...

Период поздней древности — канун Средневековья

Одоакр — последний варваро-вождь, объединивший осколки кочевой империи гуннов Европы (герулов, скиров, ругов, торклингов и др.).

Золотой солид. Одоакр Первый, король Италии

Золотой солид с изображением Флавия Одоакра

Понятие поздней Древности не носит строгого научного хронологического определения. Оно характеризует условное разделение человеческой истории на Древность и Средневековье. В этой связи среди историков установилась некая негласная традиция относить найденные древнейшие объекты и артефакты каменного века и палеометалла к наиболее раннему периоду истории людей. Примерно с позднебронзового века, когда начинают объединяться крупные человеческие сообщества, появляются протогорода, наступает некая переходная стадия, которая продолжается в течение финального бронзового века и эпохи древних кочевников, раннего железного века вплоть до наступления Средневековья. На самом финальном этапе древности существует некоторый временной период, который длится два-три столетия и может быть назван периодом поздней Древности. Однако в этом периоде, на наш взгляд, и происходят те кардинальные процессы, приводящие в движение большие массы населения, которые устремляются на запад — к границам Римской империи — и в конечном счете приводят к ее краху.

Хотя, как известно, сам процесс распада растянулся более чем на два столетия, в пределах которых в середине III века н. э. наметились вначале тенденции будущего раскола, а затем возвышения Византии (Константинополя) в результате реформаций Диоклетиана и Константина I, а к 395 году произошло фактическое разделение империи. Последовавшая за этим варваризация Рима к 476 году привела к пресечению династии римских императоров и переходу власти к первому королю Италии Одоакру. Таким образом, эти изменения были предопределены и не произошли исключительно по причине Великого переселения народов.

Для центральных пределов Евразийского мира было бы логичным, с точки зрения глобальных исторических пертурбаций, провести начальный этап по III веку н. э. В Восточной Европе это время ознаменовалось готским нашествием и созданием готского Причерноморского королевства (230 год), в Передней Азии — возникновением империи сасанидов (224 год) и, как следствие, упадком и гибелью Парфянского (226 год) и Кушанского (с 250 год) царств и, наконец, на востоке — падением династии Восточная Хань (220 год) и последовавшим за этим длительным периодом раздробленности, смуты и череды кратковременных династий Китая. По нашему представлению, эпохальные изменения происходят и в рамках большого Евразийского степного коридора. Они связаны, как уже было сказано, с приходом раннегуннского или гунно-сарматского населения к границам Европы в середине II века н. э.,

что неизбежно привело к последующей тотальной перегруппировке и перемещению населения не только степных, лесостепных, но и лесных регионов Степной Евразии, которые явились решающими для последующего Великого переселения народов. При этом в пределах макрорегионов, примыкающих к Южному Уралу и Мугоджарам, имели место и глобальные природно-экологические изменения, произошедшие в первых веках новой эры. Дело в том, что в первой половине I тысячелетия н. э. складываются весьма неблагоприятные ландшафтно-климатические условия как в аридной, так и в гумидной зонах северного полушария, которые характеризуются резкими колебаниями температурного режима и уровня осадков. Начнем с того, что на III век н. э. падает затяжной и очень существенный пик потепления в северном полушарии. Несмотря на то что фаза изменений, протекавшая примерно с рубежа эр до III века н. э., в различных регионах казахстанской степи происходила по-разному (в северо- и центральноказахстанских степях наблюдались резкое похолодание и падение уровня годовых осадков, а в Приаралье — возрастание температурного режима при падении уровня осадков), в целом ухудшение климата в этой аридной зоне привело к нарастанию неблагоприятных условий и установлению пояса сухих и полупустынных степей. Вероятнее всего, следствием континентальных изменений климата и трансформации ландшафтов явились распад империи Сюнну и последующая цепь событий, вытолкнувшая большую часть северных гуннов на границу евразийских степей и лесостепей. Позднее они продвигаются далее на запад, в восточно-европейские степи, где условия значительно благоприятнее. Однако в это же время наблюдается встречное движение лесного таежного населения — в пределы урало-сибирской лесостепи. Эти подвижки связаны с тем, что в лесных районах Западной Сибири примерно с I века н. э. начинается фаза резкого похолодания и увлажнения, которая продолжается вплоть до IV века. Эти условия неизбежно приводят к поднятию уровня верховых болот таежной зоны Западной Сибири, а следовательно, к сокращению зоны и ресурса вмещающего жизнеобеспечивающего ландшафта.

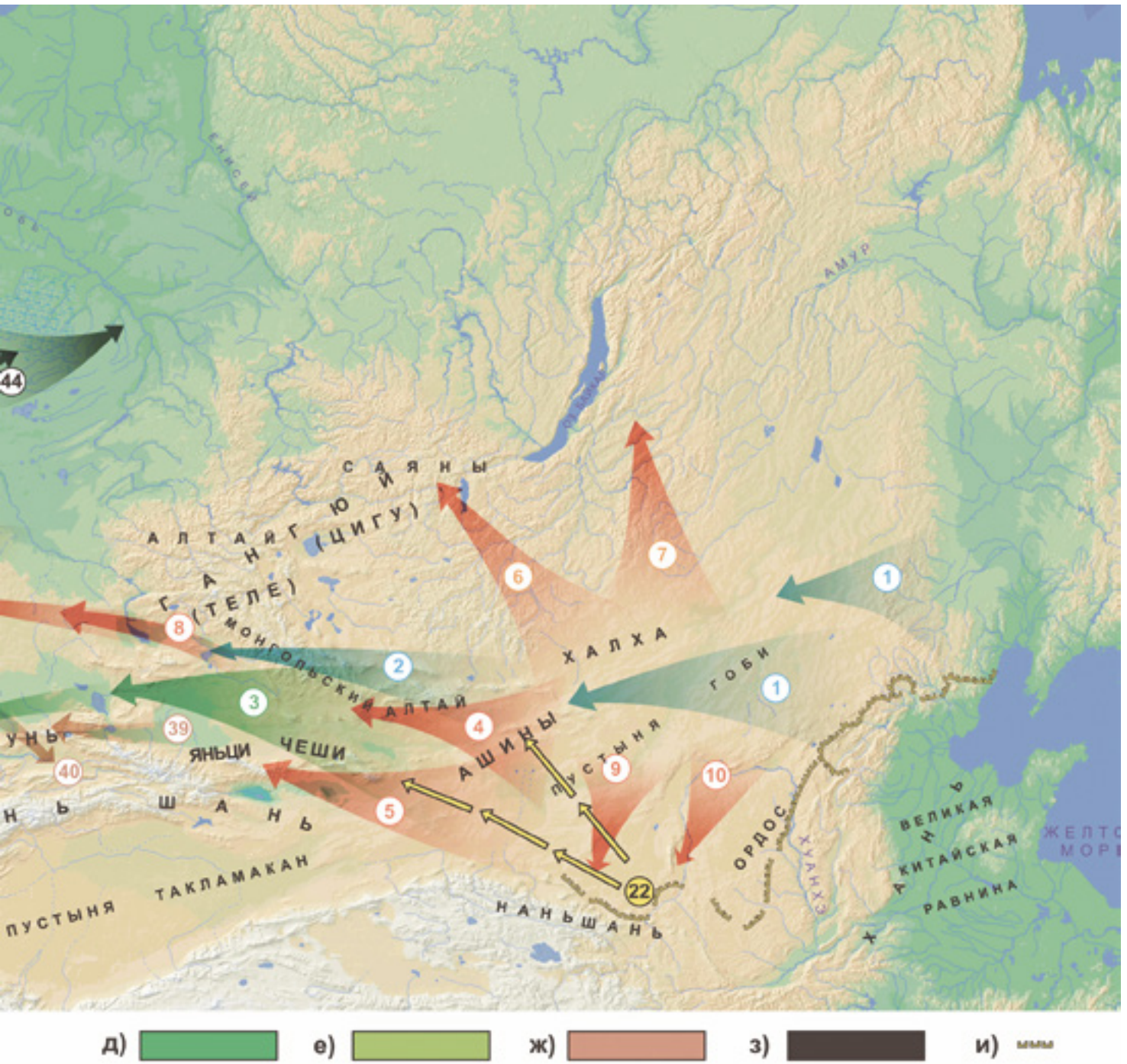
Таким образом, сложение собственно гуннского союза происходит в результате активного смешения степного и лесостепного населения на границе Европы и Азии. Справедливости ради следует отметить, что данное положение вещей достаточно давно было обозначено корифеями отечественного востоковедения и урало-поволжской археологии, в работах которых эпохальный рубеж большинством исследователей проводится по временному отрезку — вторая половина II — первая половина III века [13; 36; 37; 23, с. 182; 114]. Однако сегодня в силу существующих стереотипов большинство авторов предпочитает начало гуннской эпохи связывать с концом IV века — сообразно общепринятым данным для Восточной и Центральной Европы. Позитивное исключение составляет мнение наших уфимских коллег. Кардинальные этнокультурные перемены II–III веков н. э. они склонны связывать с наступлением эпохи Великого переселения народов, которая ознаменовалась появлением гунно-сарматского, или раннегуннского населения на Южном Урале [103, с. 153–155; 104; 85; 86; 87, с. 83–85].

Карта-схема этнических процессов в Евразии в первой половине I тысячелетия н. э.

- а) нашествие Сяньби;
- б) хунно-гуннские миграции;
- в) походы Хань на северных хунну;
- г) нашествие готов;
- д) аланские миграции в I в. н. э.;

- е) переселение славянского населения в донскую лесостепь (по А. В. Медведеву);
- ж) миграции усуней;
- з) взаимодействие гунно-сарматов с лесостепным населением Урала;
- и) Великая китайская стена

В Уйском районе.
Челябинская область.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

4
ТОМ
глава
1

РАННЕ-
ГУННСКАЯ
ЭПОХА.
ИТОГИ
ДВУХСОТ-
ЛЕТНИХ
ИССЛЕДО-
ВАНИЙ

Глава 1. РАННЕГУННСКАЯ ЭПОХА. ИТОГИ ДВУХСОТЛЕТНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

К поздней Древности в среде сообществ кочевников уже сформировалась система рационального использования степных и лесостепных природно-климатических ландшафтных зон, возникла пастбищно-кочевая система, приводящая к тому, что в степной и отчасти лесостепной зоне окончательно оформились хозяйственно-экономические регионы. Консолидация населения внутри них в рамках единых пастбищно-кочевых провинций происходила как по этнородовому, так и по территориально-политическому принципу. Среди этих пастбищно-кочевых провинций можно назвать Ордос-Халха, Северо-Монгольские предгорья, пригобийские степи, хакасско-минусинские степи, Алтай (Приобский, Джунгарский, Монгольский), Присаянье, Притяньшанье, Обь-Иртышь, урало-аральские степи, Приурало-Каспийский регион, Волго-Донье и др. Как правило, в этих регионах происходило сложение крупных кочевых племенных союзов и раннегосударственных образований. Их географическая локализация делала эти территориально-политические объединения необычайно чувствительными к разного рода изменениям общеполитической конъюнктуры и ландшафтно-климатическим колебаниям. Так, часто повторяющиеся в степи засухи приводили к джутам и вынуждали кочевое население уходить далеко в глубь предгорных, лесостепных, а иногда

и таежных территорий. Падение уровня внутренних морей и озер, безусловно, вынуждало менять маршруты сезонного кочевания, которые привязывались к источникам воды. Часто междоусобные столкновения вызывались именно изменением мест постоянных пастбищ и маршрутов перекочевки.

Возникновение империи хунну привело к многочисленным миграциям кочевых и полукочевых народов в ареале обширного пояса евразийских степей, лесостепей, полупустынь и оазисов. Апогеем этих миграций явилось переселение и последующие нашествия гуннов на Восточную и Западную Европу, а позже на Центральную Азию и Индию. Эти процессы сыграли решающее значение в трансформации евразийской кочевой цивилизации. Хунны-гунны, с одной стороны, приведшие в движение все население степи, и тюрки — с другой, исторически обусловили и реализовали практически некий механизм всеобщей культурной взаимосвязи народов, проживавших в пределах единого вмещающего ландшафта. Они заложили основы гигантской евразийской трансконтинентальной культурной коммуникации, проявлением которой стал Великий шелковый путь.

Длительный процесс перемещений и взаимодействий, который вошел в историю как «эпоха Великого переселения народов», на самом деле ознаменовал собой кульминацию некой макрокультурной интеграции, произошедшей в степи на стыке гуннской и тюркской эпох. Результатом этой

Аул прибыл на жайляу.
Художник Н. Хлудов

Таинственная империя хунну

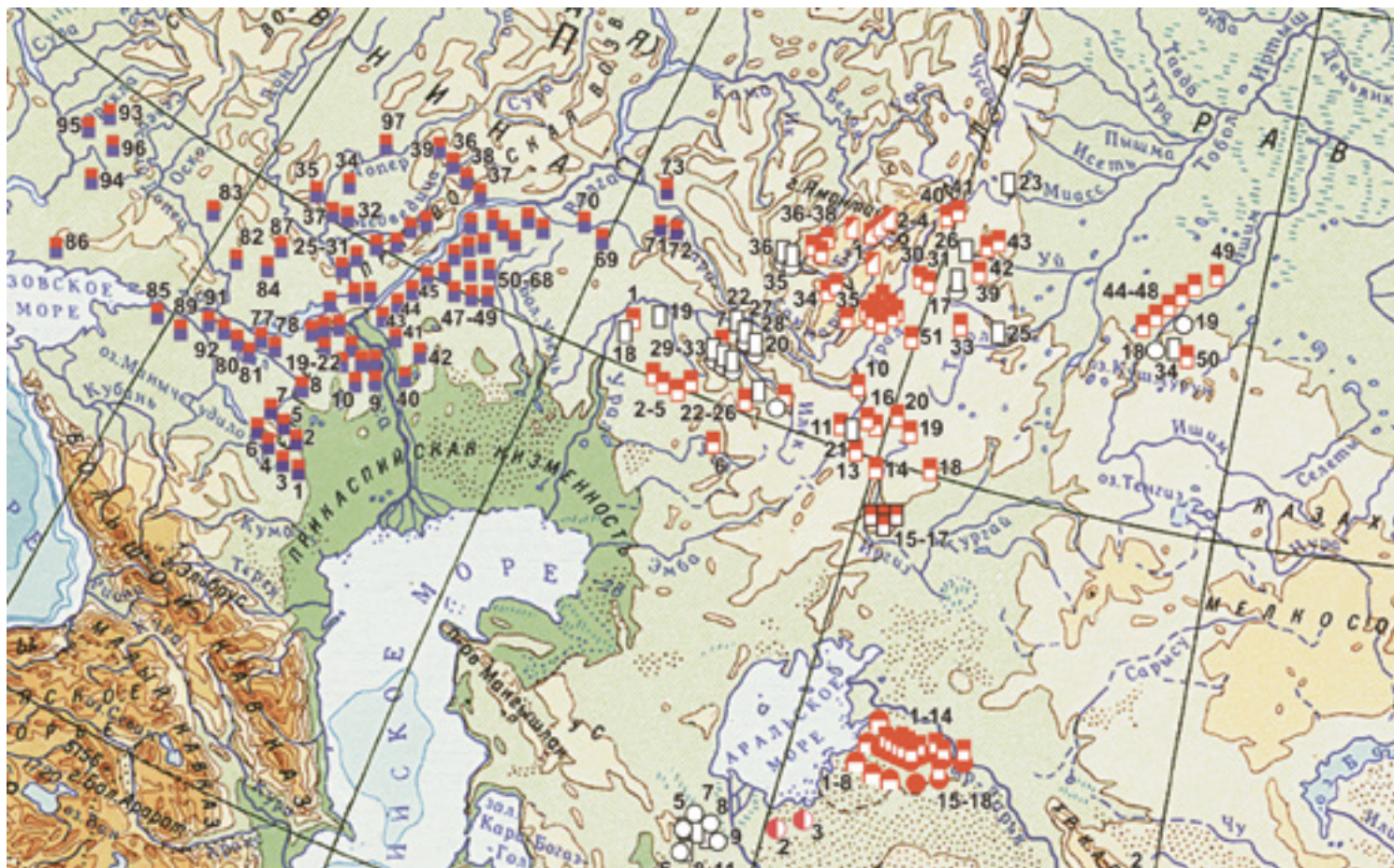
интеграции явилось не только создание первых континентальных кочевых империй — Великих тюркских каганатов, но и окончательное сложение особой системы взаимодействия и взаимообусловленности историко-культурного развития степных сообществ кочевой цивилизации. Ее характерные черты и особенности развития сегодня требуют особой разработки. По нашему мнению, важной стороной этого явления является то, что, вероятнее всего, именно после переселения гуннов и их нашествий многочисленные перемещения и перегруппировки кочевых сообществ происходили в некоей взаимосвязанности и взаимообусловленности. Особенно ярко это проявилось после формирования тюркских империй. Но это далеко не все проявления особенностей кочевой цивилизации. Поражает чрезвычайная культурно-политическая мобильность кочевых сообществ, способных не только совершать миграционные рейды или беспрестанные набеги в пределах гигантских территорий степной ойкумены, но и молниеносно,

с исторической точки зрения, отстраивать города и ставки в степных оазисах Казахстана, в предгорьях Кавказа, на Балканах, на берегах Волги, Дона и Дуная. И, наконец, еще одним проявлением факта возникновения кочевой цивилизации явилось всеобщее внедрение рунического письма как в среде кочевой элиты, так и, возможно, среди рядового населения. Вероятно, руническая письменность, будучи неким степным эсперанто, довольно четко и лаконично исполняла свои основные информационные функции.

К сожалению, древние авторы, писавшие о диких варварах и бесконечных столкновениях с ними, не дают анализа культурно-исторических изменений в среде кочевников, не показывают их причинно-следственные связи, что не позволяет проследить динамику этих изменений. Их информация сводится обычно к территориально-политическим изменениям. Избирательность, отрывочность, а подчас и отсутствие тех или иных сведений приводят к невозможности объективных исторических построений на основе только письменных источников. Данные кочевнической археологии дискретны, в определенной мере не избавлены от элемента случайности, но их безусловное материализованное множество позволяет, в комплексе с данными письменных источников, построить схемы исторического развития, обосновать хронологию этапов этнокультурной истории.

В целом макроареал нашего исследования расширяется до пределов пояса евразийских степей, поскольку невозможно объективно интерпретировать те или иные реконструкции и процессы, происходившие в степях Южного Урала и на сопредельных территориях, не понимая глобальных изменений и вызовов, возникавших в недрах большого степного евразийского пространства. Однако непосредственный регион исторического осмысления условно ограничивается Южным Уралом и примыкающими к нему западно- и североказахстанскими степями.

Западной границей этой области являются отроги Уральских и Мугоджарских гор, река Урал в ее среднем и нижнем течении. На севере граница области проходит по границе Среднего и Южного Урала (примерно по границе Свердловской

Памятники раннегуннского (позднесарматского) времени в урало-казахстанских степях и в Восточной Европе

□ Гунно-сарматские памятники (II–IV вв.)

- Западная группа:*
 1 – Барбастау; 2 – Лебедевка II; 3 – Лебедевка IV; 4 – Лебедевка V; 5 – Лебедевка VI; 6 – Саралжин; 7 – Линевские; 8 – Целинный I; 9 – Георгиевский Бугор; 10 – Восточно-Курайллинский I; 11 – Жаман-Каргала I; 12 – Ульке; 13 – Сары-Тау I; 14 – Жана-баз; 15 – Атва I; 16 – Атва II; 17 – Атва IV; 18 – Жолуткен; 19 – Джанатан; 20 – Красногор.
- Восточная группа:*
 21 – Комсомольский IV; 22 – Комсомольский VI; 23 – Красный Яр I; 24 – Кара-Тал; 25 – Альмухаматовский; 26 – Дербеневский; 27 – II Сибайский; 28 – III Бекешевский; 29 – Хворостянские; 30 – Агаповский; 31 – Магнитный; 32 – Темясовский; 33 – Каменный Амбар 5; 34 – II Ахмеровский; 35 – Салиховский; 36 – Чумаровские; 37 – Уяzybашевские; 38 – Лекалды; 39 – Друженский;

- 40 – Байрамгулово; 41 – Малково; 42 – Шatroво; 43 – Першино; 44 – Новоникольский; 45 – Явленка; 46 – Кенес; 47 – Петровка; 48 – Берлик; 49 – Покровка; 50 – Жабай-Покровка; 51 – Большекараганский; 52 – Басшийли.

- Памятники поздне-сарматской культуры (по А. С. Скрипкину, В. Е. Максименко, А. П. Медведю):
 1 – Восточный Маныч (правый берег); 2 – Восточный Маныч (левый берег); 3 – Архара; 4 – Цаган-Эльсин; 5 – Три брата; 6 – Бичкан-Бурук; 7 – Элиста; 8 – Кегюльта; 9 – Купцын Толга; 10 – Капитанский; 11 – Сазонкин бугор; 12 – Ордынский бугор; 13 – Соленое займище; 14 – Барановка; 15 – Кузин; 16 – Кривая Лука; 17 – Старица; 18 – Терновский; 19 – Аксеновский; 20 – Жутово; 21 – Абганерово; 22 – Жирноклеевский; 23 – Новый Рогачик; 24 – Красный пахарь; 25 – Котлубань; 26 – Авилковский; 27 – Ютаевка; 28 – Гусевка; 29 – Лебяжье; 30 – Норка; 31 – Каменка; 32 – Сидоры; 33 – Короли;

- 34 – Новоаннинск; 35 – Нехаевский; 36 – Аткарск; 37 – Саратов; 38 – Ершовка; 39 – Машевка; 40 – Баскунчак; 41 – Ленинск; 42 – Сайхин; 43 – Верхне-Погромное; 44 – Калиновка; 45 – Верхний Балыклей; 46 – Политотдельское; 47 – Шульц (Красный Октябрь); 48 – Альт-Веймар (Старая Иванцовка); 49 – Гмелинская; 50 – Новая Молчановка; 51 – Бережновка; 52 – Еруслан; 53 – Харьковка; 54 – Белая Куба; 55 – Блюменфельд (Цветочное); 56 – Иловатка; 57 – Старая Полтавка; 58 – Фриндберг (Мирное); 59 – Визенмиллер (Луговое); 60 – Ровное; 61 – Скатовка; 62 – Усатово; 63 – Зауморье; 64 – Крутоярровка; 65 – Суслы; 66 – Покровск (Энгельс); 67 – Тонкошуровка; 68 – Бородаевка; 69 – Успенка; 70 – Максютново; 71 – Андреевка; 72 – Виловатое; 73 – Березняки; 74 – Калач; 75 – Котово; 76 – Новая Норка; 77 – Нагаевский II; 78 – Веселый III; 79 – Высогино VII; 80 – Романовский II; 81 – Потайной II; 82 – Журавка; 83 – Павлов; 84 – Раздорский; 85 – Новоалександровка I;

- 86 – Шевченко; 87 – Сладковский; 88 – Кировский; 89 – Грушевский; 90 – Ясырев; 91 – Алитуб; 92 – Центральный IV-VI; 93 – Бузовка; 94 – Соколово; 95 – Спасское; 96 – Ново-Подкрыж; 97 – Третьяки; 98 – Манино; 99 – Ново-Никольское; 100 – Язовский; 101 – Жиботинский.

■ Гунно-хионитский (джеты-асарский) ИКК (V–VIII вв. н. э.) *простые и подбойные ямы, ямы с нишами, северная ориентировка:*

- 1 – Алтынасар 4 а; 2 – Алтынасар 4 б; 3 – Алтынасар 4 в; 4 – Алтынасар 4 г; 5 – Алтынасар 4 е; 6 – Алтынасар 4 ж; 7 – Алтынасар 4 з; 8 – Алтынасар 4 и; 9 – Алтынасар 4 к; 10 – Алтынасар 4 л; 11 – Алтынасар 4 м; 12 – Алтынасар 4 о; 13 – Алтынасар 4 р; 14 – Алтынасар 4 т; 15 – Косасар 1; 16 – Косасар 2; 17 – Косасар 3; 18 – Томпакасар; 19 – Актобе-2 (погребение)

и Челябинской областей) до городов Курган на реке Тобол и Петропавловск на Ишиме. Восточная граница изучаемой области проходит по линии Петропавловск — Кокшетау до северной границы Кокшетауской возвышенности, огибает ее с востока и по меридиану города Караганда опускается до южной границы Казахского мелкосопочника несколько севернее озера Балхаш. Южная граница может быть проведена по линии озеро Балхаш — северное побережье Аральского моря — устье Эмбы и Урала.

В физико-географическом плане исследуемая зона разделена Уральским хребтом и Мугоджарами на зауральскую и приуральскую части (подобласти).

Приуральская подзона, охватывающая большую часть Западного Казахстана (Западно-Казахстанская, Атырауская, западная и южная часть Актюбинской областей), входит в ареал распространения глинистой полупустыни Северного Прикаспия. Одной из характерных черт ее является слабая обеспеченность пресной водой. К особенностям климата приуральской подзоны относятся малое количество осадков, повышенная испаряемость, четко выраженная засушливость лета и суровость зимы, повторяемость средних и сильных морозов с периодичностью раз в три-пять лет. Здесь широко распространены солонцы, занимающие 50–60 % площади, что предопределило господство пустынной растительности.

Вероятно, природно-климатические особенности обусловили формирование достаточно устойчивых пастбищно-кочевых провинций, локализованных в рамках рассматриваемых подзон.

К раннегуннской эпохе в урало-казахстанских степях нами отнесены памятники, в основном датированные II–IV веками. Сложилась определенная традиция называть эти комплексы, по аналогии с нижневолжскими и волго-донскими памятниками, позднесарматскими и, соответственно, относить их к позднесарматской культуре. Однако в процессе исследований последнего десятилетия нами и другими исследователями было обращено внимание на определенное своеобразие урало-казахстанских комплексов этого периода, вследствие чего было предложено отнести их к гунно-сарматской культуре.

«Гунно-сарматские памятники» или «гунно-сарматский период» — названия, которые сравнительно давно и прочно укрепились за более ранними или синхронными комплексами Тувы, Алтая и Притяньшанья. Южноуральские исследователи сочли возможным применение данного термина и для урало-казахстанских памятников II–IV веков. По нашему глубокому убеждению, появление и дальнейшее существование этих комплексов своеобразно отражает процесс генезиса хунно-гуннской культуры в сарматской этнокультурной среде. Главенствующую роль в сармато-гуннском этно-политическом конгломерате играли собственно гунны — недавние потомки центральноазиатских хуннов. Вероятно, именно этим можно объяснить наличие ярких, центральноазиатских черт в элитных погребениях (северная ориентировка, наличие гробов, котлов, китайского импорта, наборных поясов — реминисценций поясов «ордосского типа», деформация черепов, большая монголоидность погребенных). Процесс гуннского этногенеза растянулся на два столетия (середина II — середина IV века), после чего во второй половине IV века они покинули урало-казахстанские степи и вторглись в пределы Европы.

Памятники гунно-сарматского круга представляют собой особый историко-культурный феномен для археологии Южного Урала и севера Казахстана степей. Дело в том, что, появившись совершенно неожиданно в середине II века н. э., они исчезают ко второй половине IV века, оставляя свои реминисценции в материалах памятников приуральской и зауральской лесостепи и даже леса, в низовьях Сырдарьи (джетыасарские памятники), а также далее на запад — в Поволжье, Волго-Донье и Предкавказье.

В отличие от памятников предшествующего этапа (рубежа эр) они несравнимо многочисленней как по количеству отдельных некрополей, так и по количеству комплексов внутри них. В отличие от поволжских и донских комплексов или памятников лесостепного Приуралья рубежа эр они не имеют непосредственной генетической связи с предшествующим этапом развития.

Хунны и гунны — великая историческая интрига

Гуннские памятники в материальной культуре мира кочевников выделяются особым вещевым инвентарем. Главным маркером является полихромный стиль, который демонстрирует золотые предметы, богато украшенные камнями и стеклянными вставками в основном красных тонов. Еще одной категорией предметов, связываемых с гуннами, являются так называемые гуннские котлы цилиндрической формы с рамчатыми ручками, часто украшенными грибовидными навершиями, и своеобразной ornamentацией поверхности тулова.

Однако при рассмотрении основных составляющих ИКК восточноевропейских погребальных памятников собственно гуннской эпохи второй половины IV — VI века бросается в глаза их культурная неоднородность. Условно все памятники можно разделить на три типа. Первый составляют подкурганые погребения в прямоугольных могильных ямах с северной ориентировкой захороненных, в отдельных случаях имеются гробы и прослеживается деформация черепов (Шипово, Ленинск, Новоивановка, Антоновка, Владимировка, Беляус, Большой Такмак, Переполовенка). Это основные черты уже знакомого нам гунно-сарматского комплекса. Вещевой комплекс мужских и женских погребений также содержит обязательный набор вещевого инвентаря, характерного для гунно-сарматских и позднесарматских памятников. Более того, многие из типов вещей, включая и предметы полихромного стиля, имеют истоки в позднесарматском времени. Следующий тип памятников IV–VI веков составляют погребения, совершенные под курганами либо внутри прямоугольных оград по обряду кремации (?) (сожжение на стороне, кострища) (Усть-Караман, Покровск, Бородаевка, Новогригорьевка и др.). И, наконец, третий тип образуют комплексы с широтной ориентировкой погребенных, с конем либо его шкурой, положенной в ногах погребенного или рядом на ступеньке (Зеленокумское, Верхнепогромное, Кубей, Концешты, Энгельс и др.). Как будет подробно рассмотрено ниже, главные черты двух последних типов памятников характеризуют основные тюркокультурные

Ювелирные украшения из гуннского захоронения в Вольштейме на Рейне, где найдены традиционные предметы кочевника — шейное украшение, браслеты, пряжка от пояса, украшения для лошади, бусина-амулет из янтаря. «Гуннский полихром»

Золотая гуннская диадема. Украина. Римско-Германский музей в Кельне

ареалы. То есть данные комплексы, вероятно, маркируют уже новую тюркскую эпоху. Истоки возникновения отдельных типов вещевого инвентаря, появляющихся в V–VI веках, также указывают на территорию тюркокультурных саяно-алтайских ареалов.

Таким образом, памятники Восточной Европы, рассматриваемые как гуннские, с одной стороны, несут на себе яркие предшествующие позднесарматские черты, с другой — последующие тюркские. Если принять мнение И. П. Засецкой, которая весьма категорично отрицает генетическую преемственность позднесарматского и гуннского населения, а черты схожести относит к разряду пережиточных, то ИКК восточноевропейских гуннов в культурном смысле будет бисоставным. Одна его часть — это комплексы с позднесарматскими, или сармато-аланскими традициями, другая — с тюркскими. Следует заметить, что существует ряд комплексов, где эти традиции смешиваются (погребения с конем и северной ориентировкой погребенных). Из сказанного следует, что собственно хунно-гуннский ИКК выпадет из общей логики рассуждения. Тюркокультурные комплексы с кострищами, кремацией и погребениями с конем составляют добрую половину всех рассматриваемых погребальных памятников. Объяснение того, что это могли быть тюркские кочевники, втянутые в общегуннский поток [49, с. 22], кажутся нам весьма натянутыми. Во-первых, слишком велика их доля в общем составе памятников. Во-вторых, большая их часть относится либо к поздне-, либо к постгуннскому времени.

Наиболее близки к гунно-сарматским комплексам позднесарматские курганы из могильников Заволжья (Сусловский, Блюменфельд, Альт-Веймар, Шульц, Харьковка, Визенмиллер и др.), а больше черт схожести с позднесарматскими памятниками соответственно имеют комплексы, расположенные на западе гунно-сарматского региона (Лебедевские могильники). Различия углубляются при значительном удалении. Так, проведенное Э. А. Рикманом сравнение позднесарматских комплексов, исследованных в Днестровско-Дунайском междуречье, то есть фактически на крайнем западе позднесарматского ареала, с памятниками Нижне-

«Гуннский котел». Село Шестаць (Шестахи). Шолдэнештский район. Исторический музей Республики Молдова (Кишинев)

«Гуннский котел». Конец IV — первая половина V века (национальный музей, Будапешт)

Что такое историко-культурный комплекс (ИКК)? На определенном этапе существования человеческого сообщества (рода, племени, союза племен, этноса) формируются устойчивые культурные традиции, которые длительное время передаются из поколения в поколение.

Они могут существовать в рамках этого комплекса длительный период, пока сохраняется единство самого сообщества. В конечном счете ИКК отражает этот неповторимый, отличающийся от других набор черт материальной и духовной культуры социума.

го Поволжья позволило обнаружить существенные различия между ними. В молдавских памятниках очень редки курганные насыпи. Обычны грунтовые могильники, жертвенники из мясной пищи, луки «гуннского» типа, короткие мечи, зеркала с боковой ручкой. Тем не менее остаются единые магистральные черты, которые позволяют рассматривать все позднесарматские комплексы как памятники единого культурно-исторического ареала: прежде всего прямоугольные узкие могильные ямы, северная ориентировка погребенных, деформация черепов, близкие формы оружия и керамики [92, с. 59].

Из всего вышесказанного вытекает следующее принципиальное соображение. По нашему мнению, позднесарматская или раннегуннская эпоха является отражением кардинальных изменений, связанных с установлением совершенно иных историко-культурных ориентиров. Основным источником происходивших этнокультурных изменений явилось гунно-сарматское кочевое население, покинувшее в середине II века н. э. пределы Восточного Туркестана и переселившееся в пределы Южного Урала и Западного Казахстана.

Позднесарматская эпоха

Говоря о раннегуннском этапе в истории урало-казахстанских степей, мы вынуждены обратиться к такому понятию, как позднесарматская культура.

Эта культура была выделена основоположником поволжского сарматоведения Павлом Сергеевичем Рыковым и Паулем Давидовичем Рау в 1920-х годах.

Из самого названия следует, что памятники этой культуры занимают самую позднюю позицию среди всех сарматских курганов и погребений. Впервые погребения II–IV веков с северной ориентировкой, в подбойных и простых ямах, с деформацией черепов были отнесены к особому, наиболее позднему этапу общесарматской общности на материалах Суловского курганного могильника (Саратовское Заволжье). В силу того, что позднесарматские погребения в этом могильнике соседствовали с погребениями других периодов, прежде

Позднесарматская культура (название «шиповская», «аланская» — от Южного Приуралья до Нижнего Подунавья; сформировалась во второй половине II века в ходе новых миграций с востока. Труположения — вытянуто на спине, головой главным образом в северном секторе (у 70 % искусственная деформация черепа), в узких (реже широких) прямоугольных ямах, подбоях; в основном индивидуальные курганы. В Поволжье и Подонье особенно сильно наследие среднесарматской культуры. Длинные мечи без перекрестья, навершия редки; железные ножи с бронзовыми деталями рукояти; зеркала с орнаментом на обороте, боковым выступом или петелькой в центре диска для подвешивания; пружинные ножницы; новые

(в том числе локальные) типы ременных гарнитур, фибул и других деталей убора, квадратные в плане керамические курильницы, многочисленная импортная керамика аланской культуры Северного Кавказа и из Средней Азии. С середины III века от Днепра до Нижнего Дуная формируется черняховская культура, в которой выделяют и сарматский компонент. Степи Южного Приуралья опустели около второй половины III века. На Нижнем Дону в IV веке доминируют мигранты с Северного Кавказа (аланы-танаиты). Финал сарматской археологической культуры в Нижнем Поволжье сопоставим с нашествием гуннов и вовлечением местных степняков в их войны.

(С. В. Демиденко, В. Кульчар. Большая российская энциклопедия)

Павел Сергеевич Рыков (1884–1942), ученый-археолог, профессор, краевед. Родился 19 (7 ст. ст.) октября 1884 года в Москве. Окончил Институт филологии Московского университета (1910) и Московский археологический институт (1910). С 1920 года преподавал в Саратовском университете. В 1922 году утвержден в звании профессора. Становится преемником профессора этнографа Б. М. Соколова, возглавив

после него областной музей краеведения. Внес большой вклад в организацию и изучение археологических памятников Нижневолжского края, был инициатором планомерного исследования памятников археологии в Саратовском Поволжье. Итогом археологической деятельности П. С. Рыкова явилось опубликование более 70 научных трудов. Создал первый национальный музей Калмыкии. На протяжении многих лет был председателем Саратовского общества краеведения. В 1935 году, когда в СГУ им. Н. Г. Чернышевского был восстановлен исторический факультет, стал его первым деканом. В 1937 году был арестован и осужден по обвинению в террористической деятельности. Умер 26 марта 1942 года в Дальневосточном исправительно-трудовом лагере.

Павел (Пауль) Давидович Рау (1897–1930), археолог. Ученик П. С. Рыкова. Родился в деревне Альт-Веймар Саратовской губернии в семье сельского учителя. В годы Первой мировой войны служил в строительных войсках на русско-турецком фронте. По возвращении преподавал в школе. В мае 1920 года основал в Зеельмане (Ровное) Общество исследования местных древностей, провел первые археологические раскопки. С августа 1922 года учился на педагогическом факультете Саратовского университета. В 1925 году был прикреплен к кафедре археологии

П. С. Рыкова. Университет не окончил, так как должен был содержать семью. В 1925 году по приглашению Г. Г. Дингеса возглавил отдел археологии в Центральном музее Республики немцев Поволжья в Покровске (Энгельс). Развернул широкомасштабные археологические работы в Нижнем Поволжье. В 1930 году целенаправленно собирал материал для книги по истории Нижнего Поволжья в эпоху Великого переселения народов. Обстоятельства гибели Рау до сих пор не прояснены документально, распространены несколько версий. Согласно одной из них, приехав однажды в родное немецкое село, Рау застал его полностью обезлюдевшим в результате «раскулачивания» и покончил с собой, повесившись в конюшне пустого родительского дома. По другим рассказам, он покончил с собой перед неминуемым арестом. Есть также версия, согласно которой Рау был арестован и погиб. Иногда его арест и гибель сближают по времени с арестом П. С. Рыкова (1937).

всего среднесарматского времени (I век до н. э.— I век н. э.), создавалось впечатление генетической преемственности этих этапов развития. Хотя основные черты позднесарматского погребального комплекса кардинально отличали его от обряда предшествующего населения.

В последующий период в трудах отечественных сарматоведов (К. Ф. Смирнов, Б. Н. Граков, А. С. Скрипкин, М. Г. Мошкова) окончательно утвердилась четырехчленная схема непрерывного развития сарматской культуры, где позднесарматская культура заполняет финальную стадию генетического развития сарматской общности. Подобный порядок вещей сегодня сводит на нет попытки исторических реконструкций и определения места развития собственно гуннов после середины второго столетия, когда окончательно были разбиты

и изгнаны из Западной Монголии и Восточного Туркестана северные хунну. Такое положение не позволяет правильно интерпретировать письменные упоминания астронома Клавдия Птолемея, географа Дионисия Периегета и армянских хроник, упоминающих о гуннах где-то на восточных рубежах Европы в II–III веках.

Попытаемся понять, в силу каких причин в литературе столь прочно утвердилось представление о сарматской принадлежности памятников позднесарматского времени Поволжья. На наш взгляд, здесь сыграл роль ряд объективных и субъективных обстоятельств. Во-первых, как известно, базовыми материалами для первой систематизации и типологического разделения памятников позднесарматского времени стали комплексы Суловского могильника. Однако этот памятник неодноро-

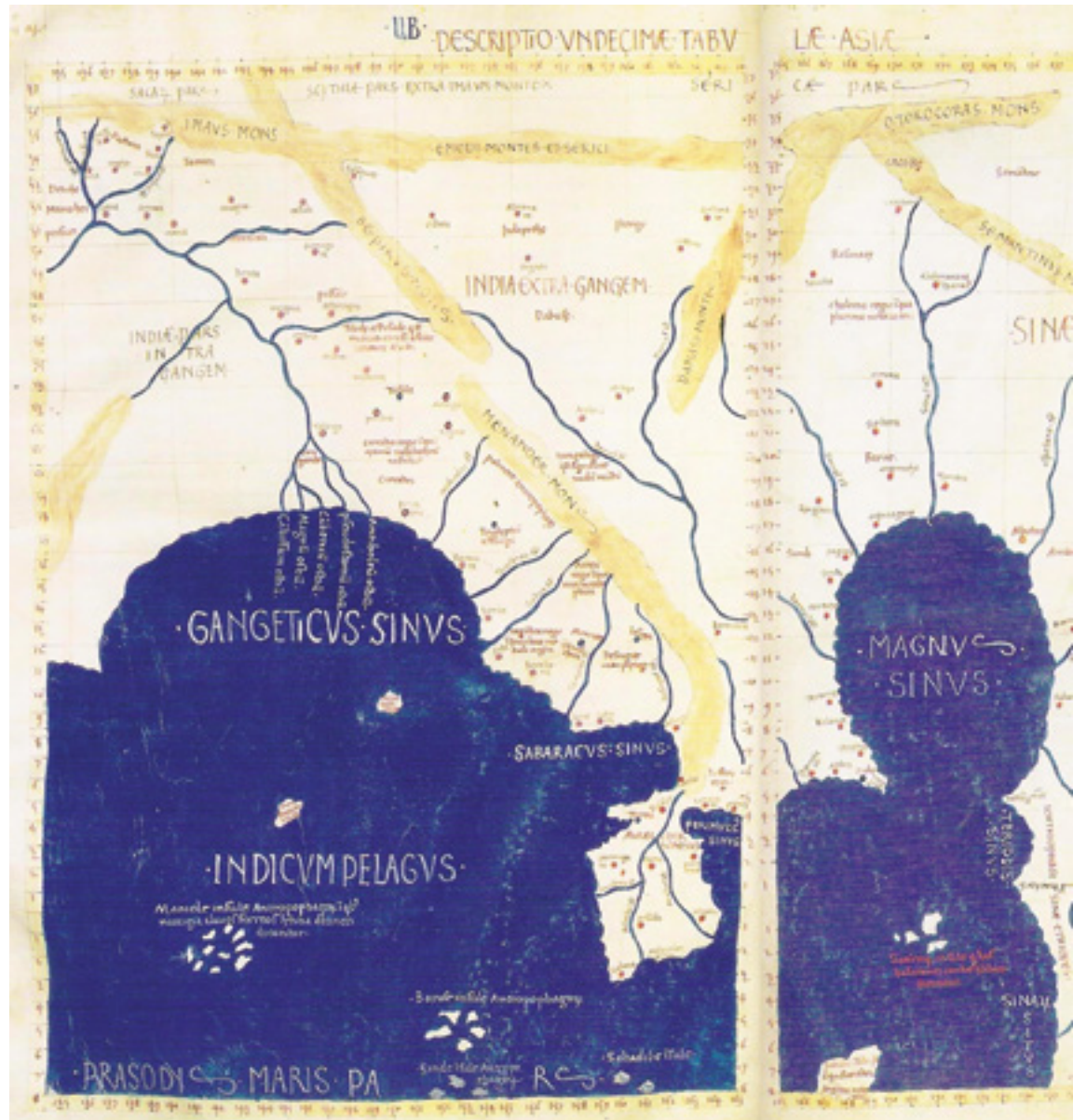

ден: ранние его комплексы относятся к I–II векам н.э. (то есть к самому концу среднесарматского периода), а поздние — к III–IV векам [98, с. 110–111]. Хотя не исключена возможность «омоложения» верхних границ существования могильника до начала V века. То есть на этом памятнике мы фиксируем наложение черт как минимум двух культурных традиций. При ознакомлении с материалами Суловского могильника действительно складывается видимость органического перерастания среднесарматской культуры в позднесарматскую. Последующие раскопки заволжских комплексов (Блюменфельд, Боаро, Альт-Веймер, Харьковка и др.) дали материал, в котором ярко оконтурились

позднесарматские культурно значимые черты, которые достаточно резко отличают памятники позднесарматского времени от среднесарматских. Однако в исследуемых параллельно памятниках этого времени в междуречье Волги и Дона, а также в донских комплексах фиксировалась чрезвычайная пестрота типов погребального обряда: диагональные, подбойные, простые и катакомбные погребения с южной и северной ориентировкой. Очевидно, что процесс этнокультурных трансформаций в этом регионе происходил более плавно — на протяжении по меньшей мере одного столетия. Суть этого процесса заключалась в ассимиляции пришлого заволжского населения местной сармато-аланской

Клавдий Птолемей Позднеэллинистический астроном, математик, географ (100–170 гг. н. э.). Жил и работал в Александрии Египетской, где проводил астрономические наблюдения. В середине II века н. э. написал «Руководство по географии» в восьми книгах, в которых по сведениям и описаниям различных путешественников составил 27 карт от Испании до Индокитая

Карта Азии Клавдия Птолемея

средой [99, с. 101]. При этом историко-культурно доминировало сармато-аланское население, так было по меньшей мере до середины III века. Таким образом, Волго-Донский массив археологического материала также сыграл определенную роль в упрочении эволюционных представлений о позднесарматском культурогенезе.

Думается, это были основные причины, в силу которых термин «позднесарматская культура» в общесарматском его понимании вошел в отечественную и зарубежную литературу. Хотя, если отбросить интерпретационный аспект и оставить лишь формальное определение, стоит признать, что восточноевропейские памятники II–IV веков действительно отражают самый поздний, финальный период генезиса сарматской культуры, который протекал в различных районах европейской степи под мощным воздействием нового пришлого населения (гунны, готы). При этом деформация исходных культуuroобразующих черт и сармато-аланской общности и новых культур столь велика, что на различных этапах и в различных регионах существования они становятся едва уловимыми маркерами нового формирующегося этнополитического единства. В этой связи для восточноевропейских памятников этого периода равносмысловым является определение «позднесарматские» в смысле «раннегуннские» или «раннегуннские» в значении «позднесарматские».

К интересной мысли приходит в одной из своих последних работ корифей отечественного сарматоведения Анатолий Степанович Скрипкин. Неожиданно, проведя своеобразный историко-культурный рубеж между позднесарматским памятником по Евразийскому пограничью, он заключает следующее: «Видимо, здесь, в зауральских и прилегающих казахстанских степях, с середины III века н. э. и начинает формироваться та этнополитическая общность, которая стала известной под именем гуннов» [99-а, с. 244].

Коротко проследим, как развивались представления о гуннах в контексте интерпретации позднесарматских памятников. Первым, кто предположил, что часть позднесарматских погребений с деформированными черепами могла принадлежать гуннам, был П. С. Рыков [96, с. 46]. Несколько

Анатолий Степанович Скрипкин (р. 28.11.1940, с. Нижняя Глебовка Кушевского района Краснодарского края) — российский археолог, доктор исторических наук, профессор. Специалист в области сарматской археологии. Окончил исторический факультет Воронежский государственный педагогический институт (1966). В 1970–1973 годах обучался в аспирантуре Института археологии АН СССР под руководством К. Ф. Смирнова. В 1974 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Позднесарматская культура Нижнего Поволжья», в 1992 году — докторскую «Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический аспект». До 1980-х годов занимался разработкой позднесарматской тематики, по итогам издал монографию, посвященную археологии Нижнего Поволжья в первые века нашей эры. Со второй половины 1980-х годов опубликовал целую серию работ, посвященных проблеме соотношения раннесарматской и среднесарматской культур, которые вылились в фундаментальный труд «Азиатская Сарматия: проблемы хронологии

и ее исторический аспект» (1990). С начала 1990-х годов включился в разработку проблем, связанных с функционированием в древности Великого шелкового пути, исторических связей степных кочевников Волго-Уральского региона с племенами Южной Сибири, Алтая и Китая. Основатель общепризнанной волгоградской научной школы сарматской археологии. Более тридцати лет руководил кафедрами исторического профиля, внес существенный вклад в развитие высшего образования, выражающийся в совершенствовании учебно-методической работы, организации научной работы студентов. Приглашался для чтения лекций в университеты Чехии, Китая, Германии. Участниками археологических экспедиций под руководством А. С. Скрипкина были раскопаны курганные могильники Ютаевка (Иловлинский район, 1967), Нехаевский, Мазин (Нехаевский район, 1969, 1970), Котлубань (Дубовский район, 1971), Рыбный (Николаевский район, 1976), Быково, Могула, Красноселец, Верхний Балыклей (Быковский район, 1975–1980), Гусевка (Ольховский район, 2003), святилище у станции Трехостровская (Иловлинский район, 1997, 2002) и др. А. С. Скрипкин опубликовал более 260 научных трудов, в том числе монографии «Нижнее Поволжье в первые века нашей эры» (1984), «История Волгоградского края от каменного века до Золотой Орды» (2008), «Сарматы» (2017). Его научные работы издавались в Италии, Германии, Англии, США.

Александр Натанович Бернштам (18.09(01.10).1910, Керчь — 10.12.1956, Ленинград) — советский археолог, доктор исторических наук (1942), профессор Ленинградского университета. По окончании Ленинградского института философии, лингвистики и истории (1931) поступил в аспирантуру Государственной академии истории материальной культуры. В 1932–1956 годах научный сотрудник Государственного Эрмитажа, в 1936–1956 годах преподаватель Ленинградского государственного университета, руководитель постоянно действующей археологической экспедиции Семиречье — Тянь-Шань — Памир — Фергана. Исследовал памятники Семиречья, Тянь-Шаня, Памира и Ферганы, выделил периоды возникновения археологических памятников Средней Азии от II тысячелетия до н. э. до XV века. Разрабатывал проблемы этногенеза, социальной организации и экономики кочевых народов Центральной Азии, изучал древнюю эпиграфику и нумизматику. В начале 1950-х годов работы Бернштама по истории киргизов были подвергнуты критике государственных органов.

Константин Федорович Смирнов (28.07.1917, с. Ненашево Тульской губернии — 08.10.1980) — археолог, доктор исторических наук. Известный специалист в области скифо-сарматской археологии. Окончил отделение археологии исторического факультета Московского института истории, философии и литературы им. Чернышевского (1940). Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья» (1946), докторскую «Савроматы» (1965). С 1946 года научный сотрудник сектора скифо-сарматской археологии Института археологии АН СССР. С 1955 года руководил Сталинградской археологической экспедицией, проводившей раскопки в зоне затопления строящейся Волжской ГЭС. Область научных интересов: сарматы, савроматы. Под его руководством исследованы курганные могильники в районе пос. Быково и с. Политотдельское. Внес значительный вклад в разработку многих проблем сарматской археологии. Долгое время являлся бесспорным лидером этого направления в отечественной археологии. Опубликовал около ста научных работ, в том числе монографии «Вооружение сарматов», «Савроматы. Ранняя история и культура сарматов», «Сарматы на Илеке».

ранее мысль о возможной гуннской принадлежности позднесарматских памятников была высказана В. В. Гольмстен [84, с. 156]. В последующий период на представления исследователей оказали большое влияние работы А. Н. Бернштама по изучению и интерпретации памятников Таласской долины [12; 13]. Анализируя материалы Кенкольского могильника и данные китайских письменных источников, автор пришел к выводу, что первые проникновения хуннов в Среднюю Азию и Южный Казахстан относятся к I веку до н. э., а окончательное их переселение сюда заканчивается в II веке н. э., что и привело к появлению таких памятников, как Кенкольский могильник [12, с. 29–38]. В вопросах раннего (I век до н. э.— I век н. э.) проникновения хуннов на запад и интерпретации катакомбных комплексов кен-кольского типа представления А. Н. Бернштама оказались спорными [102, с. 114–117]. Однако следует признать, что его работы так или иначе обозначили реальные исторические рамки гуннских миграций и явились первой попыткой археологической атрибуции памятников гуннского этнополитического объединения. «Гуннский вопрос», поставленный А. Н. Бернштамом, в том или ином виде стал подниматься исследователями. Так, антропологический анализ позднесарматских черепов из памятников Нижнего Поволжья, проведенный Е. В. Жировым, навел его на мысль о том, что обычай деформации черепов в данный регион был привнесен вместе с гуннским населением.

К. Ф. Смирнов, принимая доводы А. Н. Бернштама, основанные на анализе китайских письменных источников (Хоу-Ханьшу), определявших территорию, занимаемую северными хуннами в конце I — начале II века н. э. — от Баркуля до Каспийского моря, — высказывает весьма прозорливое суждение: «В дальнейшем, может быть, удастся в Северном Прикаспии среди могил аланского населения позднесарматской стадии выделить могилы проникших сюда, возможно уже в значительном количестве, гуннов» [100, с. 113].

Важнейшим этапом в хунно-гуннском кочевниковедении стали работы М. И. Артамонова [4] и Л. Н. Гумилева [37], в которых, с одной стороны, была обоснована историческая взаимосвязь между азиатскими хуннами и европейскими гуннами,

Михаил Илларионович Артамонов (23(05).12.1898, деревня Выголово Тверской губ.— 31.07.1972, Ленинград) — советский археолог и историк. Основатель советской школы хазароведения, директор Государственного Эрмитажа. С 1921 по 1924 год обучался в Ленинградском университете на отделении археологии и истории искусств. Среди учителей Артамонова были А. А. Спицын, А. А. Миллер, Н. П. Сычев. После окончания университета остался младшим ассистентом археологического кабинета. В 1929 году провел первую самостоятельную экспедицию — разведку на Нижнем Дону. По результатам исследования убедительно идентифицировал с левобережным Цимлянским городищем известный по письменным источникам город Саркел (раскопки в 1934–1936 годов). В 1934 году за статью «Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками» Артамонову без защиты диссертации была присвоена степень кандидата исторических наук. С 1935 года профессор. Докторская диссертация на тему «Скифы. Очерки по истории Северного Причерноморья» защищена 25 июня 1941 года. В 1937 году Артамонов возглавил сектор дофеодальной Европы в Институте истории материальной культуры АН СССР. С 1939 года

директор института. После войны временно исполнял обязанности заведующего, а с февраля 1949 года стал заведующим кафедрой археологии Ленинградского государственного университета. Некоторое время занимал пост проректора по учебной работе, а с января по май 1950 года исполнял обязанности ректора. В 1949 по 1951 годах возглавлял беспрецедентную по размаху Волго-Донскую новостроечную экспедицию, обследовавшую район, которому предстояло уйти на дно Цимлянского водохранилища. С 1 сентября 1951 года директор Эрмитажа. После отставки (1964) полностью сосредоточился на преподавательской деятельности на кафедре ЛГУ. Умер за рабочим столом, редактируя научную статью. М. И. Артамонов имел широкий круг научных интересов, охватывавший период от ранней бронзы до Средневековья. Наиболее выдающимся стал его вклад в разработку раннесредневековой истории степей Восточной Европы: проблем полигенеза кочевых обществ, оседания кочевников. Центральное место в этих исследованиях занимала история хазар. Данное направление исследовал самостоятельно, причем как в аспекте материальной культуры, где он был абсолютным первопроходцем, так и в области письменной истории. Особое внимание М. И. Артамонов уделял скифологии и славяно-русским древностям (вопросы этногенеза и расселения славян, древнерусское искусство). Автор десятков статей и монографий, руководитель более 30 археологических экспедиций. Взрастил несколько поколений учеников, среди которых С. А. Плетнева, Л. Н. Гумилев, А. Д. Столяр, И. И. Ляпушкин, А. В. Гадло, Л. С. Клейн и др.

Лев Николаевич Гумилев (18.09.1912, Петербург — 15.06.1992, Санкт-Петербург) — русский ученый, историк-этнолог, доктор исторических и географических наук, поэт, переводчик. Основоположник пассионарной теории этногенеза. Родился в семье русских поэтов Николая Гумилева (расстрелян в 1921) и Анны Ахматовой. В 1931–1934 годах участвовал в нескольких геологических экспедициях в Саяны и на Памир. В 1934 году поступил в Ленинградский государственный университет (ЛГУ) на исторический факультет. В 1934–1936 годах работал в составе нескольких археологических экспедиций. 23 ноября 1934 года вместе с несколькими студентами был арестован, но позже освобожден. 10 марта 1938 года вновь арестован. Суд военного трибунала приговорил его к десяти годам заключения с поражением в правах на четыре года и конфискацией имущества. Для отбывания срока он был отправлен на строительство Беломорканала. Оттуда его вскоре перевели в Норильский ГУЛАГ. В 1943 году после пересмотра дела освобожден из заключения и оставлен на вольном поселении. С марта 1943 по октябрь 1944 года

работал геотехником в геофизической экспедиции на Хантайском озере и под Туруханском (Красноярский край). В октябре 1944 года ушел добровольцем на фронт, принимал участие в боях в Восточной Пруссии и при взятии Берлина. В октябре 1945 года был демобилизован, вернулся в Ленинград и восстановился в университете. В 1946 году защитил диплом и поступил в аспирантуру Института востоковедения Академии наук (ИВАН). 28 декабря 1948 года защитил кандидатскую диссертацию на тему «Политическая история первого тюркского каганата. VI–VIII вв. н. э.». В 1949 году старший научный сотрудник Государственного музея этнографии, участвовал в работах Саркельской археологической экспедиции. В ноябре 1950 года вновь был арестован и приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. 11 мая 1956 года освобожден из заключения и вернулся в Ленинград. Через несколько лет защитил докторскую диссертацию, в 1967 году опубликованную под названием «Древние турки». В 1974 году защитил вторую докторскую диссертацию «Этногенез и биосфера Земли». В период до 1992 года Гумилев написал свыше 200 статей, 12 монографий, опубликованы лекции по народоведению, стихи, драмы, рассказы и поэтические переводы. Его учение о человечестве и этносах как биосоциальных категориях является одной из самых смелых теорий о закономерностях в историческом развитии человечества и до сих пор вызывает острую полемику.

с другой — обоснована непрерывность гуннского культурогенеза.

На этом исследовательском фоне, на наш взгляд, вполне своевременно вышла статья Л. Г. Нечаевой (1961), где она, с одной стороны, отрицает преемственность между среднесарматской и позднесарматской культурами, с другой — соотносит подбойные погребения с северной ориентировкой Нижнего Поволжья с гуннами, а катакомбные погребения Северного Кавказа — с аланами, переселившимися из Средней Азии [84, с. 156–157]. Исследователь-антрополог, таким образом, фактически впервые попыталась придать археологический облик историческим реалиям, которые так или иначе были засвидетельствованы письменными источниками.

Несмотря на то что эта работа Л. Г. Нечаевой была весьма скептически воспринята специалистами-сарматоведом, сегодня многие ранее спорные и дискуссионные положения, высказанные ею, звучат весьма убедительно. Так, дальнейшим развитием идей о среднеазиатском происхождении аланских катакомб Северного Кавказа стала специальная работа Н. И. Берлизова и В. Н. Каминского [11].

Тезис о том, что средне- и позднесарматские комплексы являются памятниками разных культур, так как различие в погребальном обряде весьма значительно, высказанный Л. Г. Нечаевой [84, с. 156], сегодня получил подтверждение на примере гунно-сарматских памятников урало-казахстанских степей. В пределах степей Зауралья и Северного Казахстана крайне мало памятников I века до н. э. — I века н. э., а комплексы II–IV веков появляются неожиданно в массовом количестве и культурном единообразии. Причины малочисленности памятников I века до н. э. — I века н. э. в урало-казахстанских степях кроются, с одной стороны, в области экологических процессов (скачок аридизации, приходящийся на конец I тысячелетия до н. э. — начало I тысячелетия н. э.) [65, с. 164; 105, с. 95], с другой — обусловлены особыми историческими событиями, в которые были вовлечены не только урало-казахстанский, но и волго-донской регион. Как следует из логики одной из работ И. В. Сергацкова, проникновения аланов

(маскитов, массагетов) в Восточную Европу шло через Переднюю Азию и Кавказ, далее они расселились в Подонье и Поволжье [97, с. 44–48]. Вероятнее всего, до конца I или начала II века н. э. они достигли лишь районов Заволжья, в связи с чем более восточные районы оказались слабозаселенными.

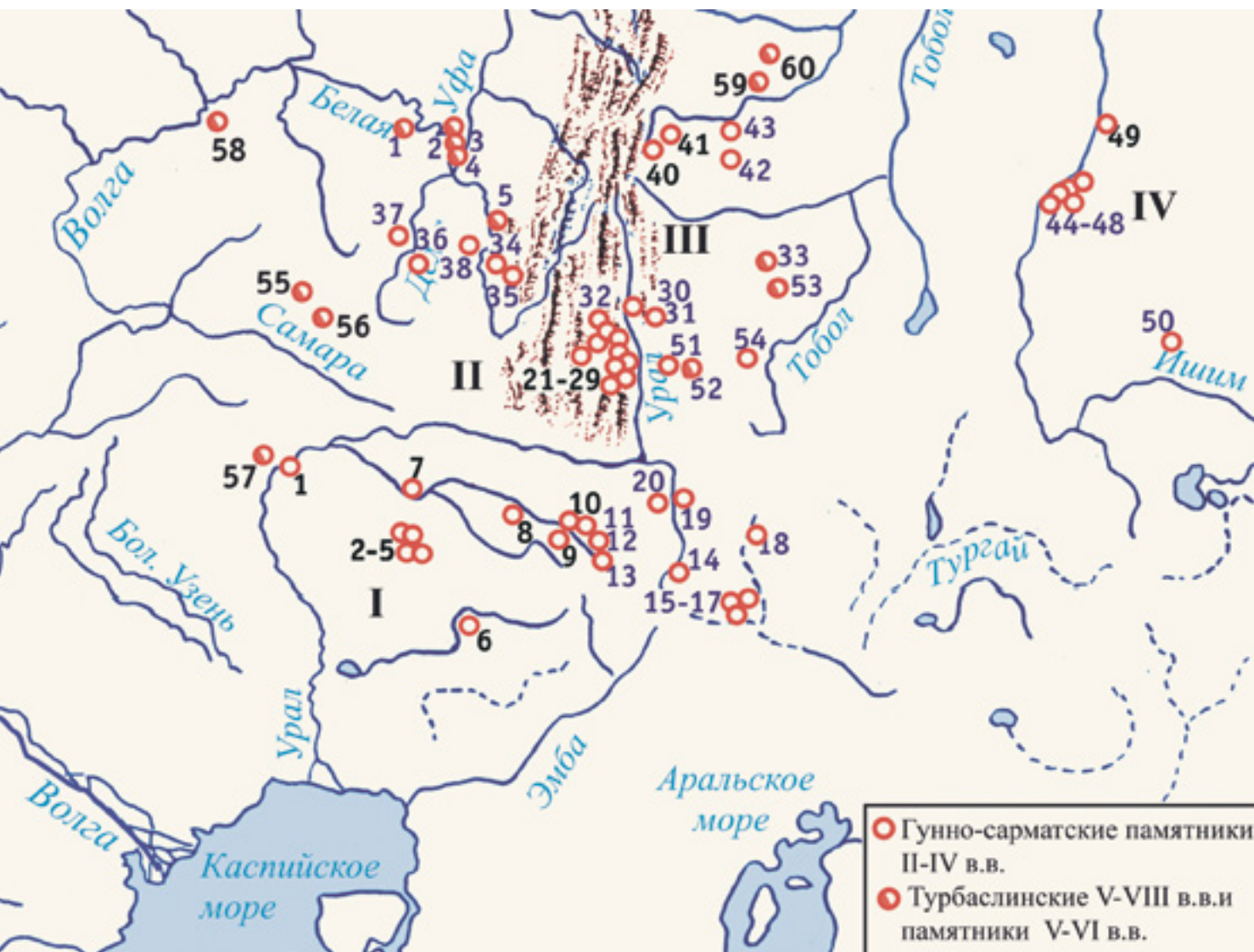
Резюмируя все вышесказанное, следует признать, что памятники, которые почти сто лет назад были отнесены к позднесарматской культуре, в действительности отражают финальный этап существования сарматской общности, в особенности в степях Восточной Европы. Однако одновременно этому, появившись неожиданно в огромном количестве в урало-казахстанских степях, они ознаменовали начало раннегуннского этапа. В этой связи автор счел целесообразным называть эти памятники раннегуннскими и гунно-сарматскими.

Историко-культурный комплекс ранних гуннов

Раннегуннские, или гунно-сарматские памятники урало-казахстанских степей включают в себя комплексы середины II — начала V века. Они делятся на два хронологических этапа: середина II — III век и IV — начало V века.

Как уже было сказано, эти комплексы представляют собой особый историко-культурный феномен для археологии Южного Урала и севера казахстанских степей. Появившись здесь совершенно неожиданно в середине II века н. э., они постепенно исчезают к концу IV века. В отличие от поволжских и донских комплексов или памятников лесостепного Приуралья рубежа эр они не имеют непосредственной генетической связи с предшествующим этапом развития. Следы исчезнувшего населения урало-казахстанских степей проявляются в материалах памятников Приуральской (турбаслинские) и Зауральской (прыговские) лесостепи и даже леса, в комплексах низовьев Сырдарьи (джетыасарские), в погребениях Поволжья, Волго-Донья и Предкавказья.

На сегодняшний день исследовано около 350 погребальных и культовых комплексов, расположенных вдоль северной кромки степной зоны

Карта памятников гуннской эпохи на Южном Урале

I – бассейн степного левобережья реки Урал; II – Южное Приуралье; III – Южное Зауралье; IV – Северо-Казахстанское Поишимье.

Памятники гуннской эпохи: гунно-сарматские II–IV вв.; гуннские и постгуннские V–VI вв.

Западная группа:

1 – Барбастау; 2 – Лебедев-ка II; 3 – Лебедев-ка IV; 4 – Лебедев-ка VI; 6 – Саралжин; 7 – Линевские; 8 – Целинный I; 9 – Георгиевский Бугор; 10 – Восточноуралинский; 11 – Жаман-Каргала I; 12 – Ульке; 13 – Сары-Тау; 14 – Жанабаз; 15 – Атпа I; 16 – Атпа II; 17 – Атпа IV; 18 – Жолуткен; 19 – Джанатан; 20 – Красногор.

Восточная группа:

21 – Комсомольский IV; 22 – Комсомольский VI; 23 – Красный Яр; 24 – Кара-Тал I; 25 – Альмухаметовский; 26 – Дербеневский; 27 – II Сибайский; 28 – III Бекешевский; 29 – Хворостянский; 30 – Агаповский; 31 – Магнитный; 32 – Темясовский; 33 – Каменный Амбар 5; 34 – II Ахмеровский; 35 – Салиховский; 36 – Чумаровские; 37 – Уязыбашевский; 38 – Лекалды; 39 – Друженский; 40 – Байрамгулово; 41 – Малково; 42 – Шатрово; 43 – Першино; 44 – Новоникольское; 45 – Явленка; 46 – Кенес; 47 – Петровка; 48 – Берлик; 49 – Покровка; 50 – Жабай-Покровка; 51 – Большекараганский;

52 – Аркаим; 53 – Городищенское IX; 54 – Солёный Дол; 55 – Федоровка; 56 – Верхне-Погромное; 57 – Шипово; 58 – Коминтерновский II; 59 – Муслюмово; 60 – Брюхановский выселок.

Турбаслинские памятники V–VIII вв.:

1 – Кушнаренковский; 2 – Ново-Турбаслинский; 3 – Уфимские курганы, городище Уфа II (Башкортостан); 4 – Дежневский; 5 – Шареевский

Казахстана и Южного Урала. Территориально гунно-сарматская культура урало-казахстанских степей включает в себя четыре микрорайона: Западный Казахстан, Южное Приуралье, Южное Зауралье и североказахстанское Поишимье. Эти территории неравномерно представлены памятниками на различных хронокультурных этапах.

Похоронный ритуал, или погребальный обряд этих памятников включает следующие обязательные элементы. На современной поверхности исследователи обнаруживают насыпи курганов,

сложенные из земли. Семнадцать курганов из пяти могильников имели насыпь, сложенную из земли и камня, или каменную кольцевую ограду. В ряде случаев фиксировалась забутовка ямы камнем. Диаметр курганов обычно не превышает 10–15 метров, высота — до 0,5 метра.

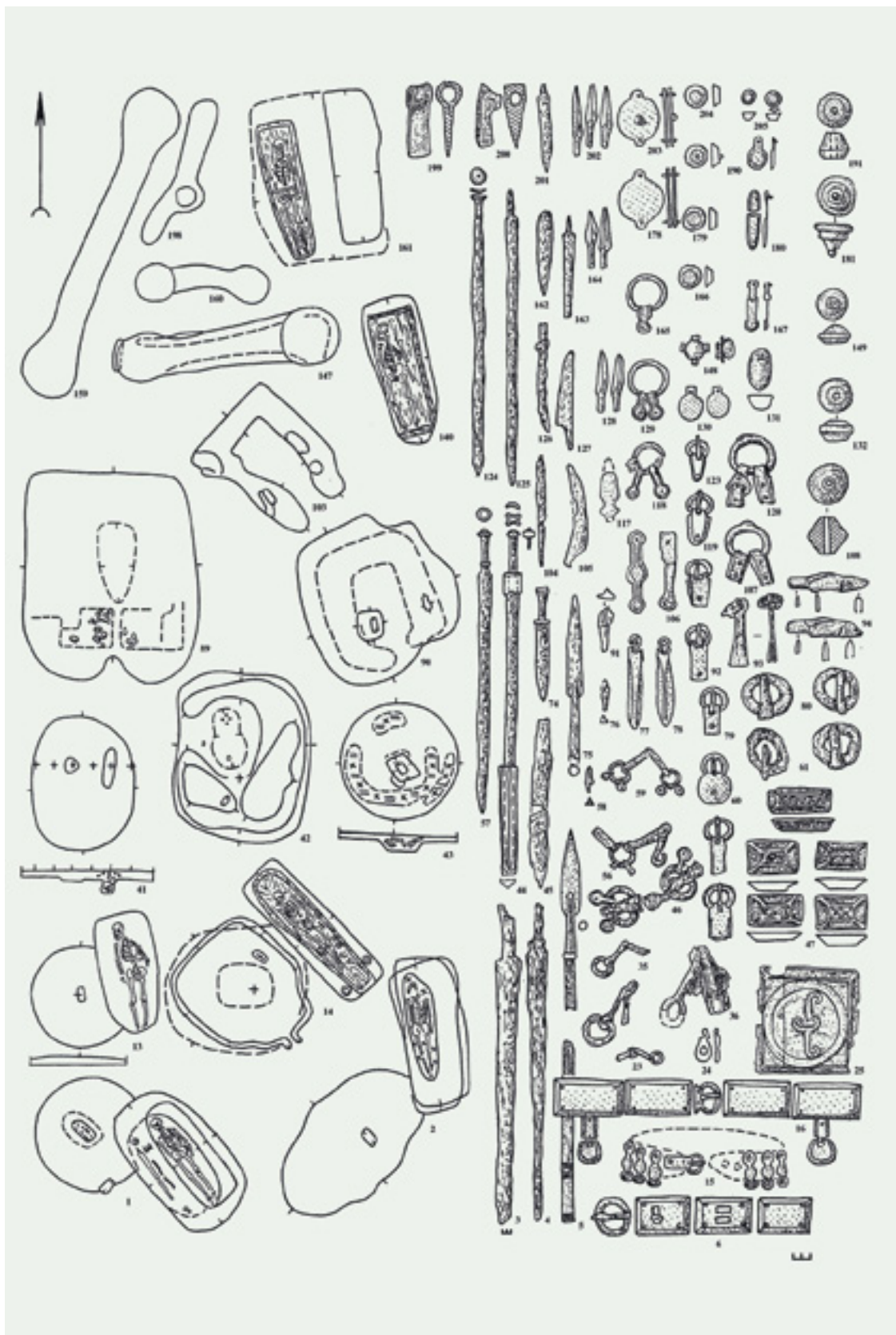
Особую группу надмогильных конструкций составляют сооружения, имитирующие грунтовые склепы, подковообразные, длинные или гантелевидные курганы. Эти особенные конструкции являются обязательным элементом, своеобразной

Могильник Солёный Дол. Брединский район, Челябинская область. Аэрофотоснимок

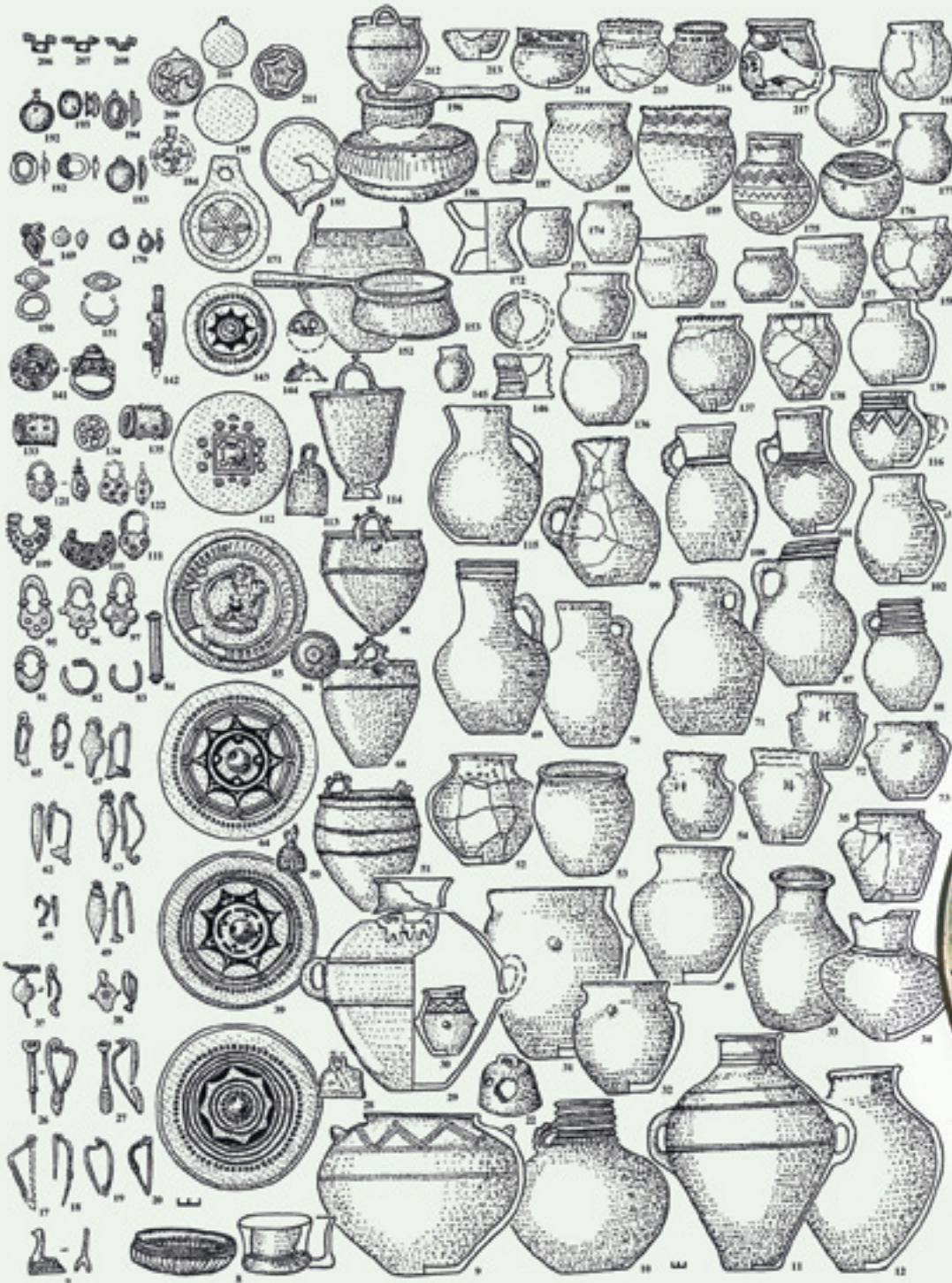

Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей.

1, 4, 23, 181, 128, 164, 202 – Покровка, курган 2 (по Г. Б. Здановичу); 2 – Большекараганский, курган 7; 3, 19 – IV Комсомольский, курган 5 (по А. Х. Пшеничнюку); 5, 8, 51, 75, 105, 110, 127, 163, 199, 200 – Лебедевский, курган 1; 192, 132, 135, 141, 110, 168, 186, 196, 192 – Лебедевский, курган 2 (по Г. И. Багрикову и Т. Н. Семиговой); 6, 35, 46, 167, 180, 205, 44, 157 – Целинный, курган 6; 7, 12, 30, 70, 108, 115 – Восточно-Курайлинский, курган 3; 9, 11, 29, 25, 47, 61, 80, 93, 94, 131, 213 – Покровка 2, курган 9, погр. 1 (по Л. Т. Яблонскому); 10, 59 – Малково, курган 3 (по В. С. Стоколосу); 13, 88, 184 – Большекараганский, курган 19; 14, 99, 212, 17, 156, 151, 209, 169 – Большекараганский, курган 8; 15, 16, 106, 118, 166, 179, 190, 204, 109, 172, 182, 188, 189, 215 – Байрамгулово, курган 2, погр. 2; 18 – Дербеневский, курган 3 (по А. Х. Пшеничнюку); 20, 40, 69, 116, 101, 149, 191, 132, 162, 211 – Большекараганский, курган 18; 21, 22, 50, 67, 27, 38, 33, 111, 176 – Темясовский, курган 3 (по А. Х. Пшеничнюку); 24 – Жаман-Каргала I, курган 8; 26 – Дербеневский, курган 20 (по А. Х. Пшеничнюку); 28, 113, 89 – Сарытау – сооружение 12; 31 – Целинный, курган 32; 32 – Целинный, курган 20; 34, 87 – Восточно-Курайлинский I, курган 33; 155, 97, 194, 207, 208 – Друженский, курган 3; 157, 158 – Темясовский, курган 7; 39, 36, 107, 120, 77, 78, 86, 123, 142, 81, 216 – Малково, курган 1; 37, 62 – Целинный I, курган 87; 41, 134 – Друженский, курган 5; 42, 130, 148, 102, 112, 173, 156, 178, 203 – Друженский, сооружение 43; 60, 206 – Новоникольское, курган 4; 57, 114 – Лебедевка VI, курган 37 (по М. Г. Мошковой); 58, 103, 76 – Целинный, сооружение 13; 63, 82–84, 150, 171, 197 – Целинный I, курган 86; 64 – Лебедевка V, курган 23 (по М. Г. Мошковой); 65 – Шатрово, курган 2;

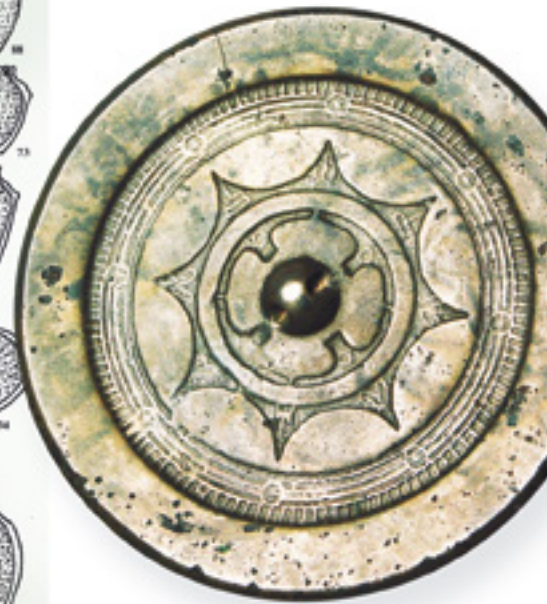

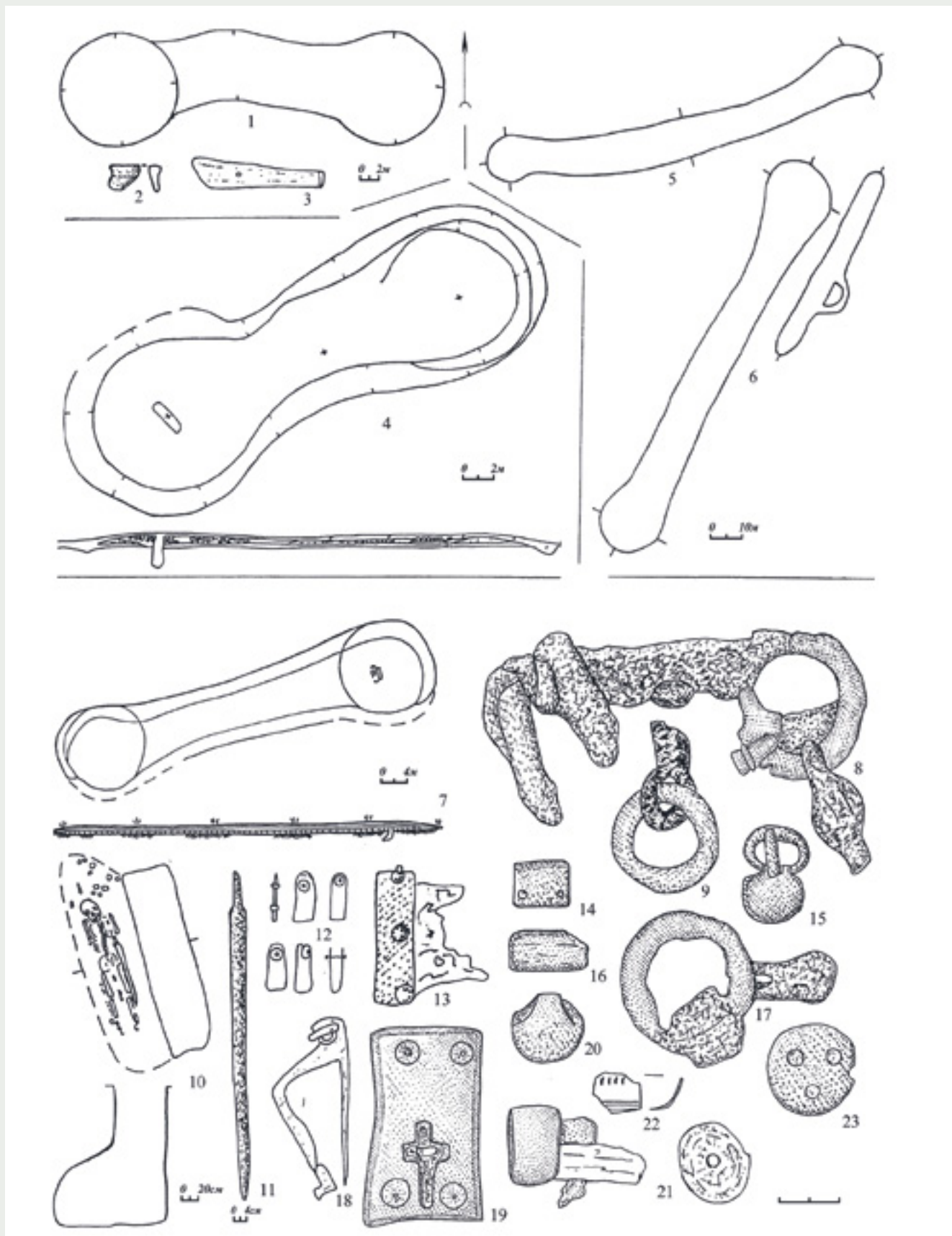

Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей (продолжение).

66 – Кара-Тал I, курган 6;
 68, 122, 90, 146 – Магнитный, курган 3; 70, 71, 143 – IV Комсомольский, курган 3 (по А. Х. Пшеничнюку);
 54, 72, 73, 104 – Атна II, курган 3; 74 – Целинный I, курган 57; 79 – IV Комсомольский, курган 4 (по А. Х. Пшеничнюку);
 85, 172, 187 – Целинный I, курган 81; 55, 91 – Атна II, курган 4; 92, 129, 165 – II Сибайские, курган 2 (по А. Х. Пшеничнюку);
 95, 96 – Дербеневский (по А. Х. Пшеничнюку); 98, 112 – Лебедевка VI, курган 39 (по М. Г. Мошковой);
 100 – Большекараганский, курган 20; 147 – Лебедевка VI, курган 1 (по М. Г. Мошковой);
 152 – Лебедевка V, курган 49

Гантелевидные культовые комплексы. 1–3 —

Лебедевка V, курган 52;
4 — Басшийли, сооружения;

5, 6 — Магнитный; 7–23 —
Лебедевка IV, курган 1

Могильник Магнитный. Агаповский район, Челябинская область. Аэрофотоснимок

визитной карточкой в наиболее представительных могильниках этого времени. Большинство склепов-курганов располагаются в степной зоне. Количество этих сооружений в могильниках возрастает к востоку. Благодаря своеобразию конструкций сегодня к общему числу исследованных комплексов этого вида можно прибавить до двух десятков могильников, включающих от 2–3 до 15 гантелевидных или длинных курганов и склепов, которые были обнаружены в степном Зауралье по результатам инвентаризации и аэродешифровочного обследования. Особой формой наземных конструкций, входящих в состав могильников с длинными гантелевидными и склепообразными насыпями, является выло-

женное из грунта изображение вихревой свастики диаметром до 70 метров, обнаруженное у поселка Урпек в Кустанайской области.

Несложная реконструкция позволяет установить, что наземные сооружения возводились путем выемки грунта с внутренней площадки и из рвов вокруг нее. Затем, скорее всего, дерновые блоки укладывались в виде стены шириной до 1,5–2 метра. В южной части склепа оставлялся проход, сужающийся к югу. В двух случаях проход был оформлен в виде узкого коридора, который выделялся неглубоким рвом (Большекараганский, курган 8), либо каменными плитами, стоящими на ребре (Восточно-Курайлинский I, объект 7). В двух

случаях склеп был сложен из глиняных обожженных вальков (Новоникольское, курганы 4, 8), однажды — из сырцовых блоков (Сары-Тау, курган 12). В одном случае (Магнитный, курган 3) вокруг могильной ямы на уровне погребенной поверхности прослежены остатки малого склепа, сооруженного из сырцовых блоков.

Как нам представляется сегодня, склепообразные, гантелевидные и валообразные насыпи являются ритуальными жертвенно-поминальными сооружениями. На это указывает наличие продуктов горения, обломков посуды и керамических курильниц. Хотя следует отметить, что в восьми случаях в пределах площадок были обнаружены погребения. Однако места их сооружений были устроены без видимой системы и не имели конструктивного единства с наземными мегаплановыми конструкциями.

Женское захоронение.
Могильник Мандесарка,
курган 6. Кизильский район,

Челябинская область (по
М. Р. Макуровой, Ю. С. Маку-
рову, Е. О. Шиманскому)

Как правило, насыпи гунно-сарматских курганов содержали остатки жертвоприношений в виде костей животных. Преобладают кости овцы, единичны находки костей крупного рогатого скота и лошади, они встречаются в основном в курганах самого позднего периода.

Подавляющее количество могильных ям (73,2 %) были узкие прямоугольные, размером 1,8...2,5 × 0,5...0,8 метра. Ориентированы они, как правило, длинными стенками меридионально. Немногочисленны подквадратные (3 случая) и овальные (13 случаев) могильные ямы.

Значительное количество погребений (40 случаев) имели деревянные конструкции. Они представляли собой продольные обкладки стен могильной ямы, сооружения в виде гробов, а также продольные и поперечные перекрытия могильных ям. В двух случаях (Лебедевский, курган 2; Целинный,

Захоронения. Могильник
Темясово-1, курган 9.

Республика Башкортостан
(по Ф. А. Сунгатову)

курган 38) стенки ямы были облицованы вертикальными плахами. В одном случае (Большекараганский, курган 8) обнаружена деревянная колода. Деревянные конструкции встречены в степных памятниках раннего этапа. Причем они пропорционально распределяются между комплексами обеих территориальных групп. Гробы размером 1,5...2 × 0,5...0,8 метра имеют либо трапецевидную форму, расширяющуюся к голове погребенного, либо вытянуто-прямоугольную.

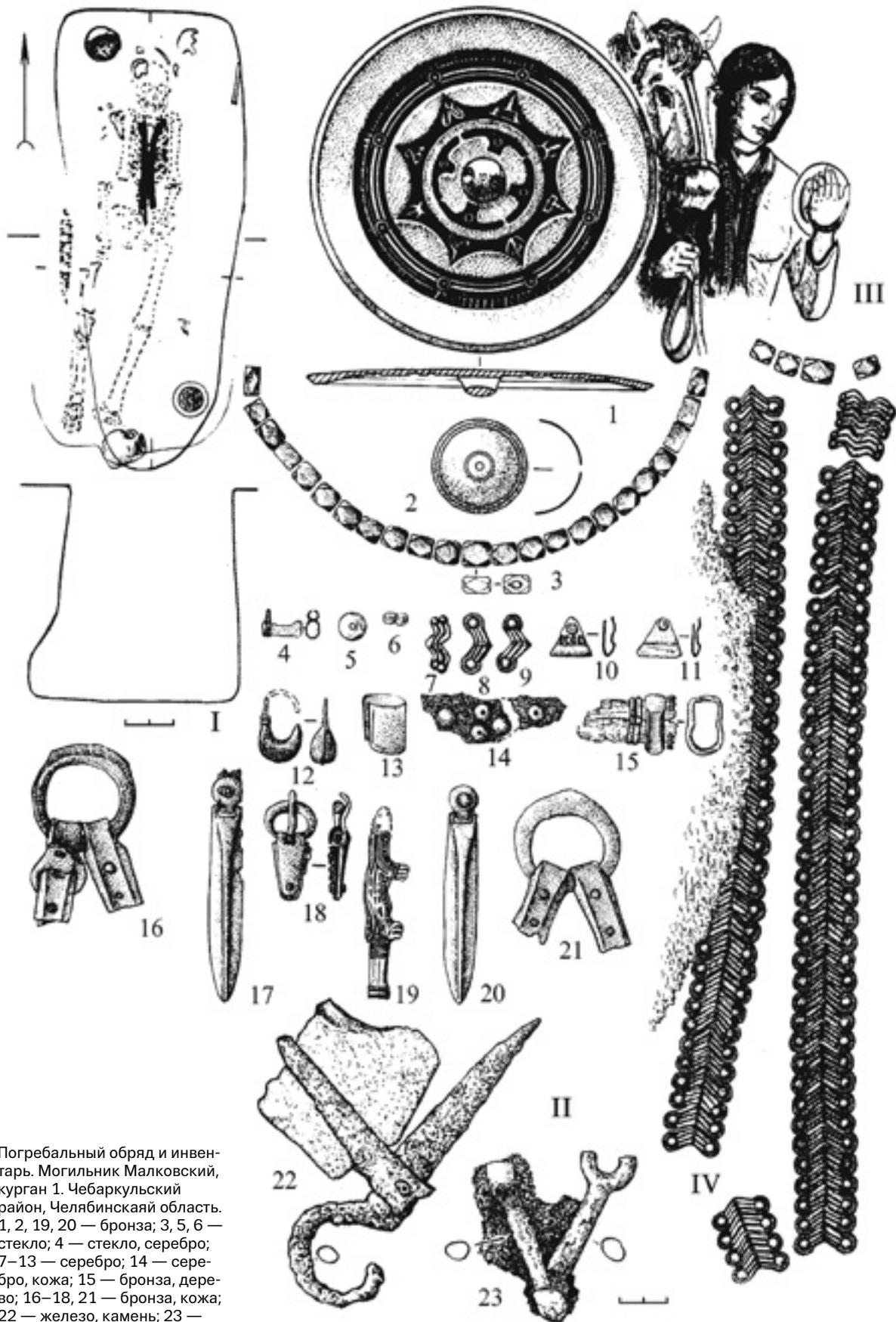
Ориентировка погребенных. Преобладающее количество погребенных (74,2 %) лежали вытянуто на спине, головой на север, хотя в подбоях наблюдается большое число погребений на правом боку. Значительное число погребенных имели отклонения ориентировки на СЗ (10 %) и на СВ (10,9 %). Наиболее часто отклонения на СВ наблюдались в восточной группе (15,8 %). Погребение с отклонением на СВ представлены и в поздней группе памятников лесостепного Приуралья (могильники

Ахмеровский II и Салиховский). В четырех случаях погребенные лежали головой в юго-восточный сектор.

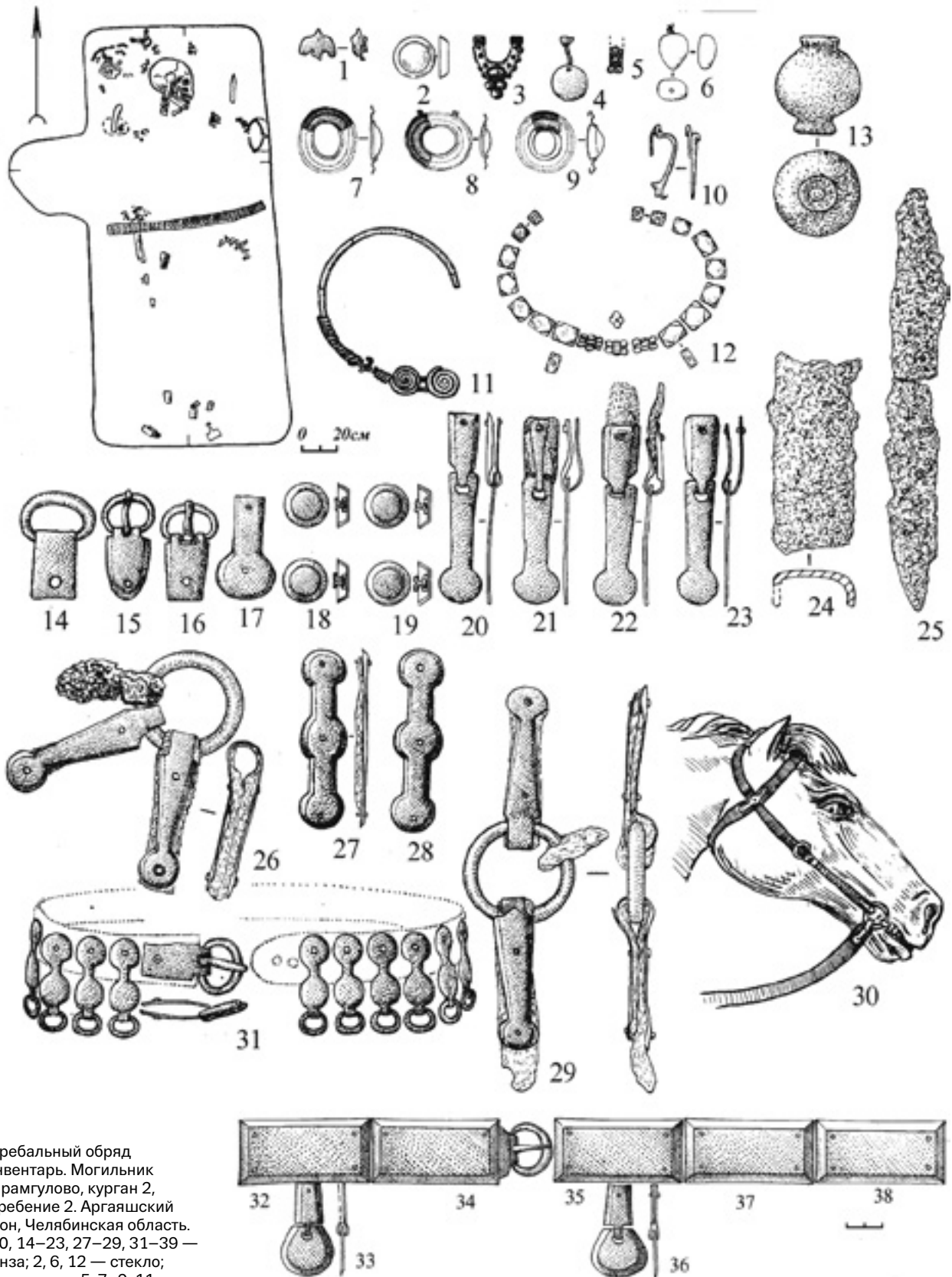
Жертвенно-поминальные традиции. Среди исследованных на сегодняшний день гунно-сарматских комплексов II–V веков н. э. выявлено довольно большое количество жертвенно-поминальных либо погребально-поминальных объектов. Из них 16 имеют форму наземного грунтового склепа. Это сооружения имеют либо подпрямоугольную (длина стен до 40 метров, высота до 1 метра), либо округлую (диаметр до 30 метров, высота до 1 метра) форму. По всей видимости, они сооружались из дерновых блоков, хотя в двух случаях (Магнитный, курган 3; Сары-Тау, курган 12) среди строительного материала присутствует сырцовый кирпич, а в курганах 4 и 8 могильника Новоникольское стенки возводились из прокаленных глиняных блоков. Вокруг земляных стен проходил неглубокий ров, образовавшийся в резуль-

Остатки гробовины. Могильник Солёный Дол, курган 4. Брединский район, Челябинская область (по И. Э. Любчанскому)

Погребальный обряд и инвентарь. Могильник Малковский, курган 1. Чебаркульский район, Челябинская область. 1, 2, 19, 20 — бронза; 3, 5, 6 — стекло; 4 — стекло, серебро; 7–13 — серебро; 14 — серебро, кожа; 15 — бронза, дерево; 16–18, 21 — бронза, кожа; 22 — железо, камень; 23 — железо; 24, 25 — керамика

Погребальный обряд и инвентарь. Могильник Байрамгулово, курган 2, погребение 2. Аргаяшский район, Челябинская область. 1, 10, 14-23, 27-29, 31-39 — бронза; 2, 6, 12 — стекло; 3, 4 — золото; 5, 7-9, 11 — серебро; 13 — керамика; 24, 25 — железо; 26 — бронза, железо, кожа; 30 — реконструкция конской упряжи

Погребальный обряд.
Могильник Магнитный,
курган 3. Агаповский район,
Челябинская область

тате выемки грунта. Характерной особенностью является наличие прохода с южной стороны. Данный тип сооружений имеет полифункциональное назначение, большинство их являются святилищами, в других дополнительно совершались захоронения. Интересен в этой связи комплекс кургана 3 могильника Магнитный. На внутренней площадке склепа на уровне погребенной почвы обнаружен обломок круглой курильницы-алтарика. Погребение совершено в глубокой могильной яме, над которой, вероятно, сооружался свод диаметром

около 6 метров из сырцового кирпича. На то, что гроб с телом погребенной располагался в открытом склепе, указывают наблюдения Л. Л. Гайдученко, сделанные в процессе исследования остатков пищи из бронзового котла, обнаруженного в этом погребении. В них найдено большое количество хитиновых оболочек наземных насекомых, концентрация которых очень высока. Данное обстоятельство наводит на мысль о том, что эти оболочки копились здесь длительное время — до тех пор, пока склеп не обрушился.

Инвентарь.
Могильник Магнитный

Бронзовый колокольчик.
Могильник Сары-Тау,
Западный Казахстан

Бронзовый колокольчик.
Могильник Целинный 1,
сооружение 13.
Западный Казахстан

Бронзовый колокольчик
и его деталь.
Темясовские
курганы. Уфа,
Республика
Башкортостан

На площадках святилищ найдены также угольки, отдельные кости животных и вещевой материал, как правило, культового характера. Так, в святилище Сары-Тау (сооружение 12) и Темясово, в кургане Малково обнаружены колокольчики. В кургане-святилище 17 Большекараганского могильника найдены специфические предметы культового назначения: фрагменты жертвенника, бутылочки, обломки керамического котла, курильницы и сероглиняного кувшина.

Целая серия культово-поминальных сооружений выявлена в Лебедевском комплексе могильников, где обнаружено 28 округлых грунтовых сооружений-оград (Лебедевка IV–VI). Четыре из них были исследованы: два (1, 2) — в группе V, одно (24) — в группе IV, одно (12) — в группе VI.

Конструктивно все сооружения-ограды выглядят одинаково: высокие валы насыпаны прямо на дневную поверхность и состоят из твердой

Бронзовый колокольчик.
Могильник Малково

Лебедевский могильник — один из крупнейших в Западном Казахстане. Располагается между степными речками Калдыгайты и Утва, на водораздельном сырте, часть которого протянулась между селами Лебедевка и Егиндыколь. Сырт в этом месте представляет собой довольно ровное плато, постепенно понижающееся в сторону села Егиндыколь. На плато разбросано более 300 курганов, образующих восемь компактных групп (Лебедевка I–VIII). В 1970-е годы исследованы 88 курганов и три культовых сооружения в группах IV–VIII, в начале 2000-х годов — еще четыре. В раскопанных курганах представлены погребения широкого хронологического диапазона — от эпохи бронзы до периода поздних кочевников. Преобладают погребения ранних кочевников

V века до н. э. — IV века н. э. (101 могила), а также позднесарматского времени (II–IV века н. э.), которые составляют около половины погребений ранних кочевников. Лебедевский могильник — первый и пока единственный погребальный памятник рассматриваемой территории со столь компактной и большой (сейчас 50 могил) группой позднесарматских погребений. Обычно могильники содержат два-три, максимум пять-семь захоронений. Инвентарь лебедевских погребений отличается особым составом, разнообразием и богатством, что совершенно не свойственно позднесарматским захоронениям Южного Приуралья. В какой-то степени с лебедевскими сопоставимы лишь отдельные погребения из некоторых могильных групп с территории восточной Башкирии [82, с. 80–82].

коричневато-серой супеси, не отличающейся от почвенного слоя. Ограды 2 и 12 имели неглубокие (0,12–0,20 метра) ровики, окружавшие валы по всему внешнему периметру или частично. Видимо, из них и брали землю для сооружения валов. Ни под валами, ни под центральными площадками материк не нарушен. За исключением сооружения 2, где на глубине 0,3 метра недалеко от центра площадки находился небольшой (диаметр 1 метр, толщина 10 сантиметров) зольник, нигде никаких следов огня не обнаружено. В двух оградах найдены мелкие обломки кальцинированных костей животных: в ограде 1 — овцы, в ограде 12 — овцы и лошади. Поскольку кальцинированным костям не сопутствовали следы огня, в ограду они попали, вероятно, уже в таком виде. Здесь же были найдены

и необожженные кости животных. Лишь в ограде 2 зафиксировано множество мелких обломков костей, в том числе: 17 фрагментов костей овцы и 42 — лошади. В оградах 1 и 24 сохранилось только по одной кости овцы.

На всех обследованных объектах в большем или меньшем количестве найдена керамика. Во всех случаях она, как и кости животных, обнаружена в пределах центральных площадок, иногда сразу под дерновым слоем (ограда 24), но чаще в почвенном слое, вплоть до уровня материка. Валы керамики не содержали. Это дает возможность утверждать, что какие-то действия совершались только на площадках и только после того, как валы уже были насыпаны.

Особым типом гунно-сарматских жертвенно-поминальных комплексов являются длинные и гантелевидные курганы, которых на сегодняшний день исследовано восемь, хотя их, как и склепообразных сооружений, известно гораздо больше. Специфическая форма позволяет довольно точно картографировать эти объекты при визуальной съемке или аэродешифровке. В отдельных могильниках подобных сооружений насчитывается более 50 %. Наиболее крупные длинные и гантелевидные курганы, по данным аэродешифровки, имеют длину от 20–40 до 100–150 метров, высоту 0,5–1 метр. Как и склепообразные сооружения, они полифункциональны. В курганах-святилищах на погребенной поверхности зафиксированы кости животных, уголь, фрагменты керамики, отдельные вещи (курган 52 могильника Лебедевка V). В нескольких случаях под одной из насыпей гантелевидного кургана или у края длинного кургана совершалось погребение или его имитация (Лебедевка VI, курган 1; Бекешевский, курган 4; Большекараганский, курган 7; Басшийли, курган 26).

Таким образом, гантелевидные и длинные курганы представляют собой одну из оригинальных разновидностей жертвенно-поминальных и погребальных сооружений гунно-сарматов.

Весьма важным аспектом гуннских культово-поминальных традиций являются жертвоприношения. Анализ видового состава животных по костям из 49 погребальных и поминальных комплексов показывает, что основным и абсолютно

преобладающим жертвенным животным была овца (34 случая), на втором месте находились лошади (9 случаев) и крупный рогатый скот (8 случаев). Жертвенники чаще всего располагались в насыпи сооружения или могильной яме. Представлены они отдельными костями конечностей, лопаток, ребер, то есть, скорее всего, жертвоприношения состояли из кусков мяса.

Таким образом, жертвенно-поминальные памятники гунно-сарматов представлены в основном универсальными сооружениями, совмещавшими культовые и погребальные функции. Отмечается широкий спектр их форм: подпрямоугольные, склепообразные и округлые ограды, длинные валобразные или гантелеобразные насыпи. Сооружены они в большинстве своем из грунта (дерновых блоков), реже из сырца или обожженных блоков.

Жертвенно-поминальный ритуал производился непосредственно на дневной поверхности. По всей видимости, он включал в себя установку сосудов с жидкой пищей и жертвенников-алтариков, а также укладку кусков мяса овцы. Определенную роль в ритуале играл огонь, следы кострищ чаще фиксируются внутри площадки в виде отдельных угольков. Исключения составляют так называемые курганы-ограды «огнепоклонников», исследованные в Северо-Казахстанском Поишимье. В этом случае ритуальная площадка подвергалась длительному воздействию огня.

В гунно-сарматскую эпоху появляются новые категории вещевого инвентаря, которые несут на себе явные заимствования и инновации восточной (китайской) и западной (римской) цивилизаций.

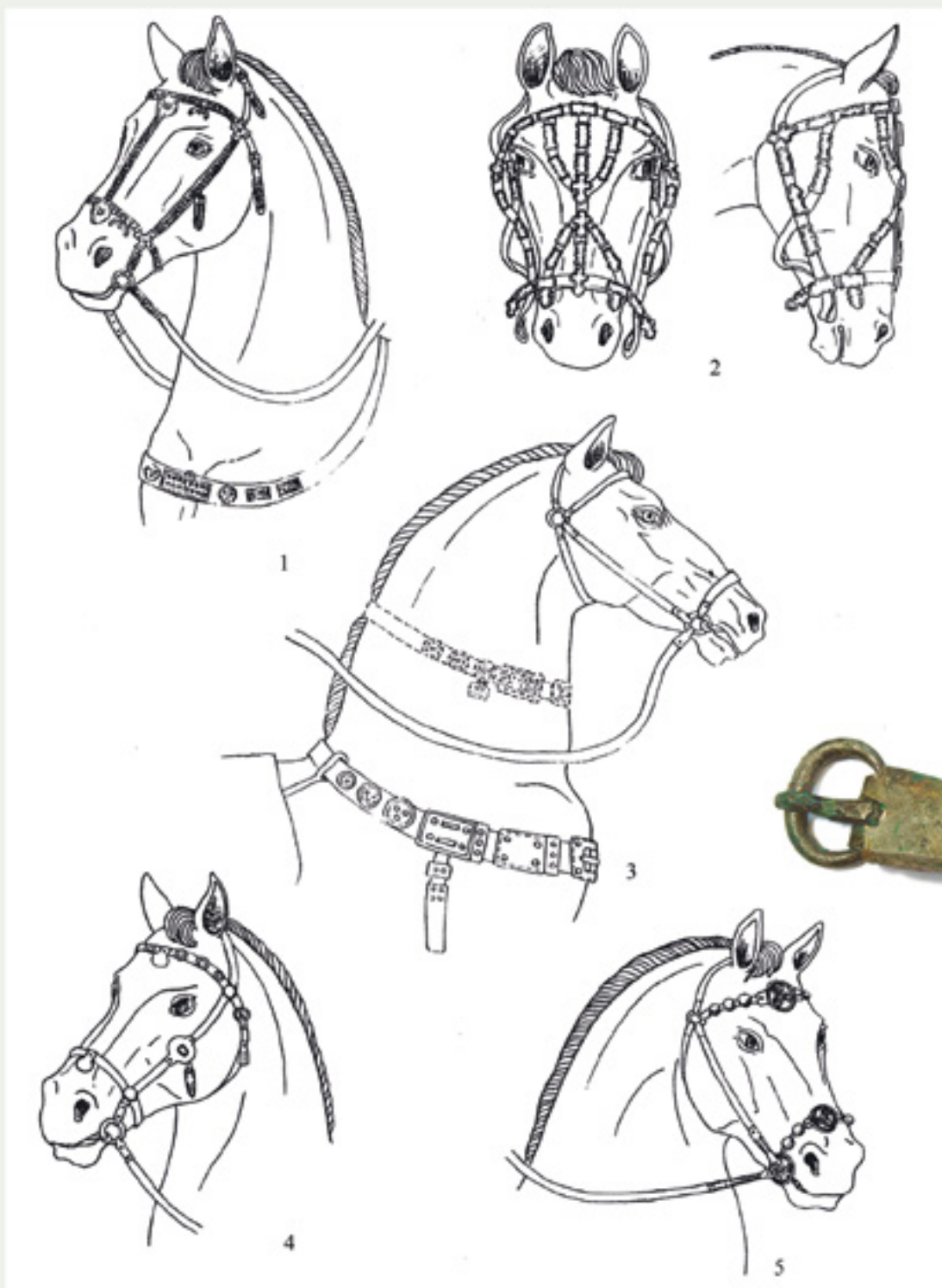

Гантелевидные курганы.
Могильник Солёный Дол.
Брединский район,
Челябинская область

Гуннский трензель

Реконструкция верховой упряжи в гунно-сарматских всаднических погребениях II–IV веков убеждает нас в том, что с II века н. э. в евразийских степях окончательно складывается принципиально

новый тип конской упряжи. Его характерной особенностью является трензельное оголовье, которое составляют односоставные кольчатые удила и недоуздки. Количество небольших металлических пряжек и подвесок с наконечником на ремнях указывает на то, что недоуздок включал в себя ремень

Реконструкция элементов конской упряжи гунно-сарматского и тюркского населения. По материалам: 1 — Новогригорьевка VII–IX, конец V–VI вв. (реконструкция И. П. Засецкой с дополнением автора); 2 — Чатырское погребение (реконструкция Ю. С. Худякова, В. А. Кочеева) VI–VII вв.; 3, 5 — Лебедевка (реконструкция М. Г. Мошковой); 4 — Друженский, сооружение

Элемент конской упряжи. Могильник Байрамгулово, курган 2

переносья, налобный и два нащечных ремня, украшенных сферическими или призматическими круглыми накладками.

Характерной особенностью наиболее представительных мужских погребений являются наборы конской узды, которые состоят из кольчатых удил, крупных прямоугольных накладок, пряжек, листовидных накладок-подвесок и накладок-зажимов. Яркими образцами такой ременной гарнитуры являются массивные прямоугольные накладки из золотой фольги, натянутой на деревянную основу, обнаруженные в погребении 1 кургана 9 могильника Покровка 2 [123, рис. 64–66, 68, 69]. Накладки имеют сложную профилировку и подтреугольный узор на передней плоскости. На центральной ква-

дратной бляхе-фаларе — тисненное изображение тамги, помещенной в круг. Такие находки наводят на мысль о том, что подобные наборы ременной гарнитуры, вероятно, являются своеобразным этнокультурно маркирующим элементом урало-казахстанских комплексов гунно-сарматской эпохи. Уздечные ремни украшают аналогичные сферические накладки, листовидные подвески и полувосьмерковидные зажимы накладок. Таковы же узкие пояса, украшенные округлыми восьмерковидными накладками, имеющие небольшие пряжки с круглой или овальной рамкой и округлым, прямоугольным или треугольным щитком, а также наконечники пояса.

На наш взгляд, наиболее ранними образцами прямоугольных накладок, украшающих узду, являлись прямоугольные зооморфные накладки ордос-

Предметы конской узды.
Могильник Байрамгулово,
курган 2. Аргаяшский район,

Челябинская область.
Раскопки Н. А. Полушкина

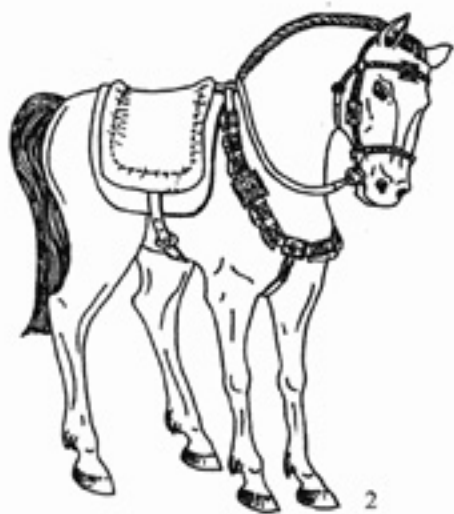
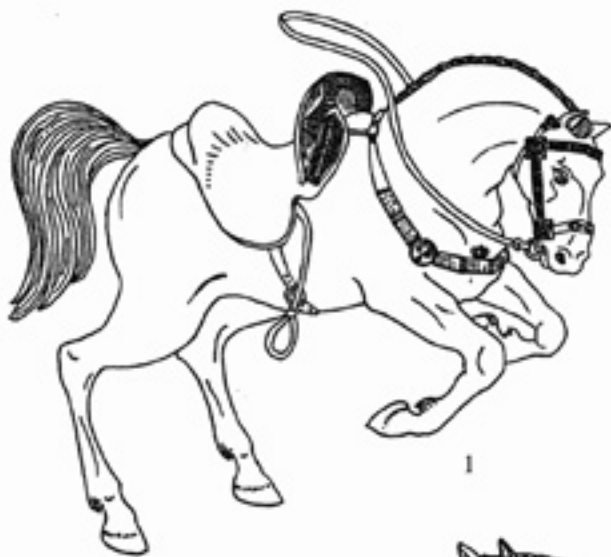
Предметы конской узды.
Могильник Байрамгулово,
курган 2. Аргаяшский район,

Челябинская область.
Раскопки Н. А. Полушкина

ского типа, широко распространенные в хуннских памятниках и комплексах Южной Сибири II–I веков до н. э. [47; 62].

Наличие крупных прямоугольных накладок и пряжек, которые, как правило, в погребении располагаются поодаль от деталей оголовья, наводит на мысль о том, что они являлись украшением нагрудного ремня. В этот комплект, как правило, входит центральная накладка-псевдопряжка с двумя горизонтальными параллельными прорезями, которая, вероятно, является концевой частью крепления нагрудника к подпруге. Ремни нагрудника украшают прямоугольные или круглые фигурные пряжки и фигурные прямоугольные накладки с рыбковидными привесками, по сторонам груди лошади располагались два квадратных фалара с тамгообразными знаками. Все они деревянные, обтянуты золотой фольгой. Металлические круглые фалары, плакированные золотом, найдены во «всаднических» позднесарматских погребениях II–III веков на Дону (Кобяковский, курган 5; Центральный VI, курган 16) [7, рис. 2–5; 33, рис. 2, 3]. Несмотря на то что в данных погребениях представлены оголовья, абсолютно идентичные оголовьям из гунно-сарматских комплексов Урала и Казахстана, скорее всего, традиция украшать парадную сбрую коня сферическими фаларами

Реконструкция конской узды гунно-сарматского и тюркского населения. По материалам: 1 — Шипово, Владимировка; 2 — Покровка 2, курган 9; 3 — Чауши (реконструкция А. В. Симоненко); 4 — Центральный, курган 16, погребение 8 (реконструкция С. И. Безуглова); 5 — Байрамгулово, курган 2

Предметы конской узды. Агаповские курганы. Агаповский район, Челябинская область.

Из фондов Магнитогорского музея. Раскопки К. В. Сальникова

сложилась на Дону в более раннее время в среде аланского населения. Как видно по реконструкции С. И. Безуглова [7, рис. 5], фалары располагались на ремнях, не имеющих функционального назначения. В отличие от этого наличие нагрудного ремня с характерной накладкой-псевдопряжкой, скрепляющей его с подпругой, и самой подпруги в упряжи гунно-сарматов подразумевает, вероятнее всего, использование ими мягкого седла, которое снизу удерживалось подпружным ремнем, а от сползания назад предохранялось нагрудником.

Таким образом, в раннегуннскую эпоху в среде кочевого населения сформировался тип узды и упряжи, которые по своим функциональным и крепежным качествам позволили вплотную приблизиться к возникновению жесткого седла и стремени. На наш взгляд, с гуннского времени основные составляющие трензельного оголовья не претерпели принципиальных изменений.

Сравнение уздечного набора, реконструированного по материалам V–VI веков (VIII и IX Новогригорьевские, Владимирский и Шиповский, курган 3) гуннских и постгуннских комплексов

и гунно-сарматских или позднесарматских памятников II–V веков убеждает в том, что схожи не только функциональные особенности узды, но и традиции их украшения (налобные накладки со вставками, накладки-зажимы прямоугольной и округлой формы, расположение накладок вдоль ремней и их перекрестий, а также листовидные привески-наконечники ремней). Особенное сходство прослеживается в манере украшения шиповской узды и наборе накладок и фурнитуры из гунно-сарматского погребения 2 кургана 9 Покровского могильника. В обоих случаях фиксируется сочетание прямоугольных и крупных квадратных бронзовых накладок с тисненым узором, обтянутых «золотом». В этом ряду стоит привести еще три богато украшенные конские узды с полихромными золотыми накладками, обнаруженные в курганах Чаушы, Градешка (курган 9) в Северо-Западном Причерноморье и Кишпек в Кабардино-Балкарии, которые относятся исследователями к позднесарматской культуре и датируются III–V веками [15, с. 121; 43, с. 156; 112, с. 160; 113, с. 21].

В постгуннскую-раннетюркскую эпоху появляются особые элементы конской упряжи. Для тюрко-телесского населения Алтая не характерно применение в элементах крепежа и украшения ремней оголовья металлических пряжек, накладок-зажимов, ременных наконечников. В упряжи в большей мере используется кость (подпружные пряжки, двудырчатые псалии, чумбурные блоки и застежки для пут) [80, рис. 19, 17–19, 25, 26]. Это отражает традиции населения пазырыкского и постпазырыкского времени, у которого костяная фурнитура узды была известна на самом раннем этапе его истории. На раннетюркском этапе почти исчезают украшения оголовья и нагрудника. Известен лишь один раннетюркский образец украшения оголовья узды — из Чатырского погребения VI–VII веков (Горный Алтай) [117, с. 113–114]. Бронзовые накладки (якорьковидные, прямоугольные со сферическими боковыми выемками) этой узды, весьма отличные от гуннских форм, можно отнести, скорее всего, к образцам раннегеральдического стиля. На наш взгляд, они своеобразно маркируют появление нового — тюркского стиля в ременной гарнитуре.

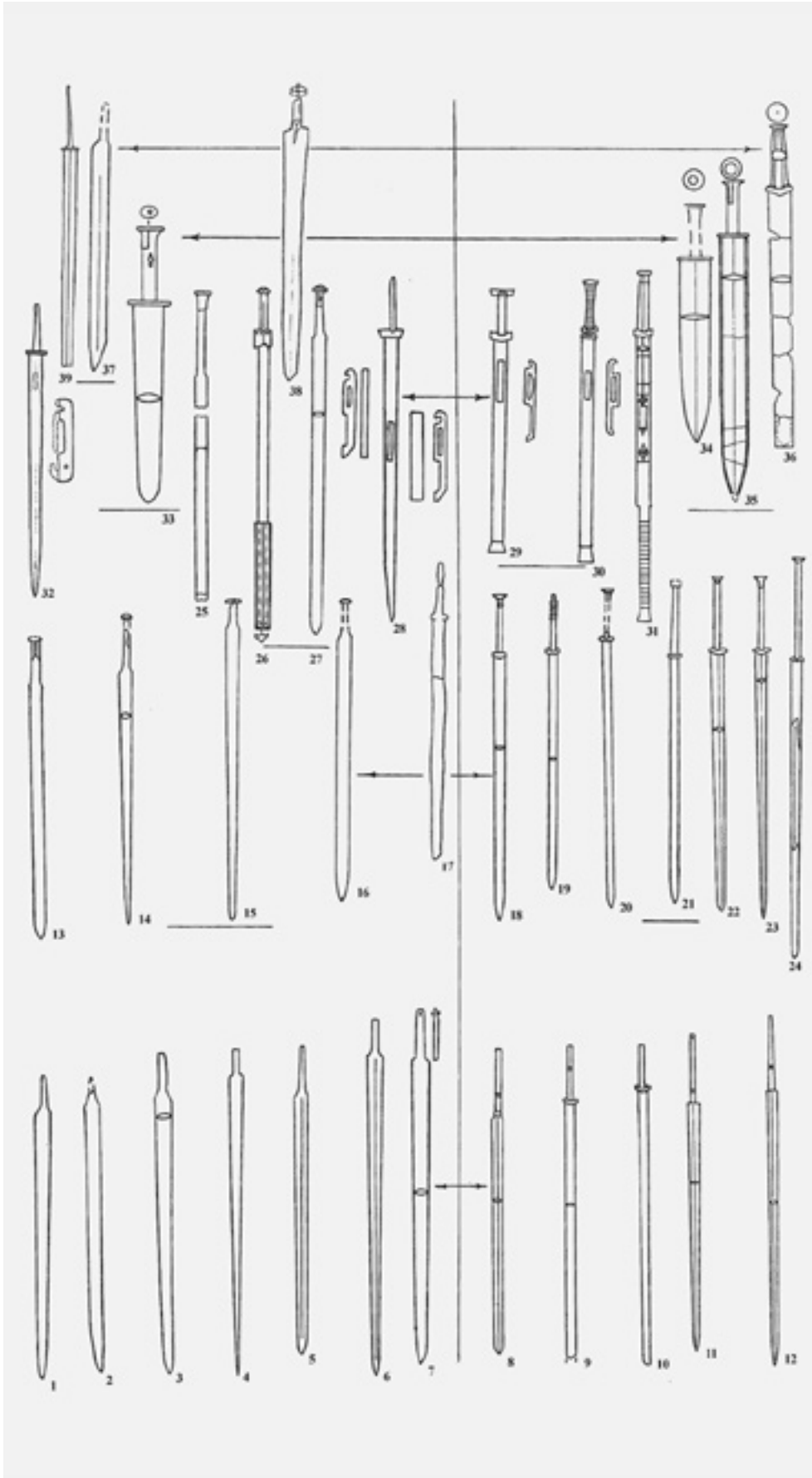
Почему гуннский лук сменил ханьский меч?

Интересным является тот факт, что в урало-казахстанских погребениях раннегуннского времени значительно сокращается процент наконечников в вооруженческом комплексе, в отличие от хуннских традиций, где остатки вооружения дальнего боя, сообразно военной тактике сюнну, составляли абсолютно преобладающее число. Гунно-сарматский воинский комплекс в большей мере содержал оружие ближнего боя. Это были двулезвийные мечи и кинжалы с дисковидным или фигурным каменным навершием, без перекрестья или

Железный кинжал с бронзовыми накладками на рукояти. Могильник Мандесарка. Курган 4

Железный меч из кургана 2. Могильник Мандесарка (по М. Р. Макуровой, Ю. С. Макурову, Е. О. Шиманскому)

Мечи из урало-казахстанских степей и Китая.

- 1 — Лебедевка VI, курган 22;
- 2 — Лебедевка V, курган 23;
- 3 — «Четыре брата»;
- 4 — Целинный I, сооружение 13; 5 — Лебедевка IV, курган 1;
- 6 — Целинный I, курган 64;
- 7 — Кобяково, курган 5; 8, 9 — Цзысин; 10 — Иньцю э шань;
- 11 — Сяньцзяовэй; 12 — Гаочжуан; 13 — Лебедевка VI, курган 24; 14 — Сладковский, курган 20, погребение 1;
- 15 — Покровка, курган 2;
- 16 — Целинный I, курган 3;
- 17 — Весняное, погребение 1; 18 — Хэшаньмяо; 19 — Лаохэ-шэнь; 20, 21, 29, 30 — Иньцюэ-шэнь (по Сунь Цзину); 22, 36 — Юнань;
- 23 — Яньсяду; 24 — Цзяньпин; 25 — Лебедевка VI, курган 37; 26 — Целинный I, курган 6; 27 — Лебедевка VI, курган 37; 28 — Сладковский, курган 19, погребение 1;
- 31 — Сяньцзяовэй; 32 — Жамантогай; 33 — Целинный, курган 9; 34, 35 — Чжансин; 37 — Атра II, курган 3;
- 38 — Кара Тобе, курган 4;
- 39 — случайная находка близ села Малково

Темясово 1.
Республика Башкортостан.
Раскопки Ф. А. Сунгатова

с небольшим брусковидным перекрестьем, в степях Центральной Евразии впервые появляются в памятниках гунно-сарматского времени. По мнению А. С. Скрипкина, длинные двулезвийные мечи без перекрестья с рукоятью-стержнем и аналогичный тип кинжалов являются одним из культурно значимых реперов позднесарматских комплексов [99, с. 84–85]. И. П. Засецкая также допускает сходство отдельных мечей (тип 3) с позднесарматскими, однако при этом особо оговаривает, что непосредственно к гуннской эпохе относятся мечи с широким лезвием и ромбовидным перекрестьем, встреченные в кочевнических комплексах Ново-григорьевка IX и Дмитриевка (Вольная Вода). По ее мнению, эти мечи продолжили традицию схожих по форме центральноазиатских мечей и были распространены в Средней Азии в первых веках нашей эры [49, с. 28–31]. К этому следует добавить, что своеобразную переходную форму демонстрирует кинжал из кургана 57 гунно-сарматского могильника Целинный. Скорее он напоминает короткий двулезвийный меч с широким лезвием, ромбовидным перекрестьем и бронзовым двусоставным навершием в виде колесика с четырьмя прорезями, которое накрывает овальная накладка со шпеньком. Данный тип мечей представляет особый интерес, так как основное количество гунно-сарматских образцов имеет неширокое лезвие, сужающееся книзу, штыревидную ручку, перекрестие у них отсутствует, навершие в ряде случаев круглое. Однако в последующее время именно этот тип вооружения получает логическое развитие.

Вероятнее всего, описанные типы раннегуннских мечей и кинжалов имеют китайское происхождение. В сравнительной таблице приведен широкий круг аналогов гунно-сарматских мечей, происходящих из китайских памятников не только ханьского, но и более раннего периода. В пользу китайского происхождения этих типов мечей свидетельствуют находки специфических петель для ножен (Лебедевка VI, курган 37; Сладковский, курган 19, погребение 1), что абсолютно характерно для китайских прототипов.

Дальнейшее развитие этого типа вооружения ближнего боя продолжается в гуннское и постгуннское время (IV–V века). В образцах этого пери-

Железный меч. Могильник Солнце. Варненский район. Челябинская область. Раскопки А. В. Епимахова

Железный меч. Могильник у села Малково

ода часто встречаются на вершине в виде каменных дисков или инкрустированных умбонов (Новогригорьевка IX, Брюхановский выселок), хотя лезвие становится значительно шире (Новогригорьевка, Дмитриевка).

Следует заметить, что широколезвийные мечи входят в употребление уже на раннегуннском этапе. Такие мечи обнаружены в кургане 4 могильника Кара-Тобе (Западный Казахстан) в погребении с типичным гунно-сарматским инвентарем (II–IV века) и в кургане у поселка Солнце (II–III века). Еще один меч с прямым перекрестием и сравнительно широким лезвием найден случайно вблизи гунно-сарматского могильника у села Малково (Южное Зауралье).

Эти наблюдения весьма важны, так как раннегуннская эпоха в степях Восточной Европы демонстрирует образцы широколезвийных мечей с прямым брусковидным перекрестием или без него и с дисковидным каменным или металлическим навершием. Наиболее восточные районы распространения этого типа мечей в гуннское и постгуннское время (V–VII века) — волго-уральские степи (Федоровка, Актюбе, Шипово (курган 2), Курнаевка, Кызыл-Адыр, Муслюмово, Брюхановский выселок, Кызыл-Кайнар-Тобе и др.). Интересно, что в этот же период здесь продолжают существовать сравнительно узколезвийные мечи клинкового типа раннегуннского облика с каменными скобами для крепления ножен. Большое количество широколезвийных мечей с прямым брусковидным перекрестием дают памятники турбаслинской (Приуралье) и джетысарской (низовья Сырдарьи) культур, которые своим происхождением связаны с гуннским и постгуннским (V–VII века) населением урало-казахстанских степей. На западе, в пределах степной Европы, данный вид мечей достаточно прочно ассоциируется с памятниками гуннского круга. Впрочем, следует особо отметить, что здесь существенно изменяются пропорции этого вида оружия — лезвие становится более массивным, удлиняется рукоять. Изменяется также форма и отделка перекрестия и ножен. Вероятнее всего, эти инновации отражают влияние со стороны германской, фракийской и римской технологической и декоративной культур.

Римский короткий меч гладиус

По всей видимости, распространение широколезвийных гуннских мечей с прямым перекрестием и дисковидным навершием (либо без таковых) на Востоке проходит по широте уральских и центральноказахстанских степей. На это указывает тот факт, что в гуннское и постгуннское время в восточной части евразийской степи продолжают бытовать узколезвийные мечи-клинки, которые в данный период трансформируются в однолезвийные палаши. Это хорошо видно на примере памятников V–VI веков Алтая (Тугозвонovo; Сопка 2, погребение 688; Ераска; Татарские могилки), а также на изображениях данного периода, обнаруженных на территории Восточного Туркестана. Бесспорно, на сохранение и дальнейшее развитие узкоклинкового оружия в этих регионах повлияла китайская оруженческая традиция, установившаяся здесь с циньского времени. Узкие двулезвийные китайские мечи с периода Хань и до конца Танской династии

(начало X века) постепенно преобразуются вначале в однолезвийные палаши, а затем в слабоизогнутые сабли. Эта традиция радикально отличалась от Западной, где прочность клинка в римских гладиусах (коротких мечах) и кавалерийских спатах достигалась за счет увеличения ширины лезвия и ребер жесткости.

Попробуем выяснить причины изменения форм гуннского вооруженческого комплекса. Вероятнее всего, их нельзя однозначно объяснить каким-либо одним обстоятельством — будь то появление новой тактики боя или изменение качества защитного доспеха либо утрата доступа к технологии одного вида и сближение с другими технологическими приемами. Скорее всего, одновременно сказались и первые, и вторые, и третьи обстоятельства.

Как уже упоминалось, в раннегуннских (гунно-сарматских) погребениях II–IV веков урало-казахстанских и поволжских степей крайне мало наконечников стрел по сравнению с погребениями раннехуннского периода — II–I веков до н. э. Отличен и их типологический состав. Если в первом случае мы можем констатировать значительную унификацию колчана, который, как правило, составляют трехлопастные железные наконечники подтреугольной формы, то в хуннских погребениях (могильники Ильмовая Падь, Дыре-стуйский, Иволгинский, Черемуховая Падь и др.) наряду с этим типом распространены ромбовидные трехлопастные, плоские листовидные и асимметричные ромбические двулопастные, а также трехлопастные наконечники с уступами [63, табл. I, II; 38, табл. 11, 90; 17, 6; 22, 5, 6; 23, 33, 34; 26, 7; 46, 6, 7; 59, 35–38]. Единая тенденция прослеживается, пожалуй, в частом сочетании железных и костяных наконечников стрел. Хотя и здесь налицо унифицированность раннегуннского костяного состава колчана: в него входят, как правило, наконечники одного вида (асимметрично-ромбические с четырехгранным сечением), в отличие от раннехуннских, где наблюдается явное разнообразие типов и форм. Создается впечатление, что гунно-сарматские колчаны, скорее всего, функционально были связаны с охотой, а не с военным делом. Между тем в раннегуннских погребениях налицо явное преобладание вооружения ближнего боя, к которому кроме ме-

чей и кинжалов относятся копья и боевые топоры-франциски. Эти факты, вероятнее всего, указывают на изменение тактики боя на раннегуннском этапе, что было связано, по всей видимости, с повсеместным внедрением защитного доспеха (кольчужного, ламеллярного) в первой половине I тысячелетия н. э. у кочевников евразийских степей и в армиях оседлых цивилизаций. Столкновение гуннов в конце IV — V веке с римской армией, защищенной кроме ламеллярного доспеха касками, латами и кирасами, привело к тому, что клинковая часть у мечей и кинжалов гуннского облика усиливается для эффективности рубящего удара. Впрочем, на Востоке, несмотря на широкое распространение тяжелого защитного доспеха среди кочевого населения поздней Древности и Средневековья Алтая и Сибири [101, с. 123, рис. 50; с. 135, рис. 20; 110, с. 143, рис. 4; 29, рис. 5, 4], а также в армиях Китая,

Знатный хуннский воин эпохи Великого переселения народов [101]

Кореи и Японии, узкоклинковые мечи продолжают оставаться высокоэффективным оружием вплоть до позднейшего периода.

Очевидно, появление массивных широколезвийных мечей в среде кочевников гуннской орды на евразийском пограничье отчасти может объясняться тем, что в связи со значительной удаленностью от основных производственных центров ограничилась возможность приобретать узкоклинковые мечи и кинжалы из центров-производителей, которые, вероятнее всего, находились в пределах Китая или провинций, подчиненных позднему Хань, Сунской или Танской империям (государства Западного края). В кочевой среде либо по заказу кочевников в оседлых центрах Восточной Европы изготавливаются образцы-подражания мечам с дисковидным каменным навершием, брусковидным перекрестием либо без такового. Подобное, например, происходит с ханьскими зеркалами, подражания которым в большом количестве обнаружены в памятниках аланского и гунно-сарматского времени у населения Волго-Донья [34, с. 149, рис. 4]. В случае с зеркалами утеря либо незнание секретов «белых бронз» приводили к тому, что реплики-подражания получались более массивными и грубыми. В случае же с клинковым оружием, по всей видимости, был утерян или недоступен как для кочевнических, так и для восточно-европейских мастеров секрет выплавки иковки многослойных пакетных сталей (lamination). Это неизбежно приводило к увеличению металлической массы рубящего оружия для повышения его прочности, что подтверждается наблюдениями специалистов по истории металлообработки. Однако окончательный ответ на данный вопрос может дать лишь сравнительный металлографический анализ гуннских мечей и кинжалов, бытовавших на разных этапах их истории.

Подтверждением того, что степные районы Центральной и Восточной Европы издавна являлись ареалами распространения именно широколезвийного оружия, служит тот факт, что в кочевнических комплексах позднесарматского периода (III–IV века), расположенных в наиболее западных районах евразийских степей (в Большом Альфельде), широкое распространение получают именно широколезвийные массивные мечи, в подавляю-

щем количестве без навершия и перекрестия [138, Abb. 5; 139, p. 19, abb. 76; 132, p. 183, abb. 11]. Очевидно, на заключительном этапе, который, вероятнее всего, падает на конец IV века, здесь появляются погребальные комплексы, имеющие прямые параллели среди позднесарматских памятников Бужакской степи Северо-Западного Причерноморья [35; 113]. От общей массы сарматских погребений Венгрии их отличают северная ориентировка погребенного и особый комплекс вещевого инвентаря (четырнадцатигранные бусы, массивные пряжки с прямоугольной рамкой и щитком, ременные накладки-зажимы). Здесь же найден узкоклинковый двуручный меч с дисковидным навершием (могилище Терексен Тмиклош, погребение 50). Узколезвийные мечи обнаружены также в могильнике Тисавалк (погребение 6) и других, которые тоже датируются IV веком.

Римские мечи.
Римская спата.
Исторический музей,
город Добрич.
Болгария

При этом повторимся, что находок узколезвийных мечей в западных областях степного пояса очень мало. Здесь явно преобладают технологические традиции изготовления широколезвийных клинков. Вероятнее всего, гуннская орда, оказавшись в Подунавье, перенимает данную особенность изготовления оружия ближнего боя, придав ей свою оригинальную форму (дисковидное навершие и брусковидное перекрестие), которая сегодня негласно связывается с мечами «гуннского типа». В восточных регионах Западной Сибири и на Алтае развитие гуннских мечей пошло несколько по иному направлению. К V веку узколезвийные мечи постепенно сменяются однолезвийными палашами.

Аналогично этому идет развитие лука и стрел. Появившийся к позднесарматскому времени новый тип лука с набором костяных накладок — концевых (с прорезью для тетивы) и срединных — продолжает существовать в гуннский и постгуннский периоды.

Одним из маркирующих предметов гуннской эпохи И. П. Засецкая называет крупные трехлопастные ромбовидные железные черешковые наконечники стрел [50, с. 196]. Однако, как показывают материалы, этот тип наконечников стрел, так же как и лук «гуннского типа», появился в позднесарматское время. Впрочем, в памятниках II–IV веков этот тип наконечников менее представлен. В это время наряду с ромбовидными в комплексах присутствуют крупные железные трехлопастные наконечники с длинным пером, опущенным вниз окончанием и коротким черешком, а также костяные, которые в большом количестве появляются в Средней Азии и Южном Казахстане. В позднесарматское время перечисленные типы наконечников стрел в основном входят в колчаны, обнаруженные в заволжских памятниках (Блюменфельд, Сидоры, Старица, Калиновка, Боаро, Успенка, Сусловский (курган 51)) [82, с. 386, табл. 81, 32–41; 98, рис. 10, 9–14; 11].

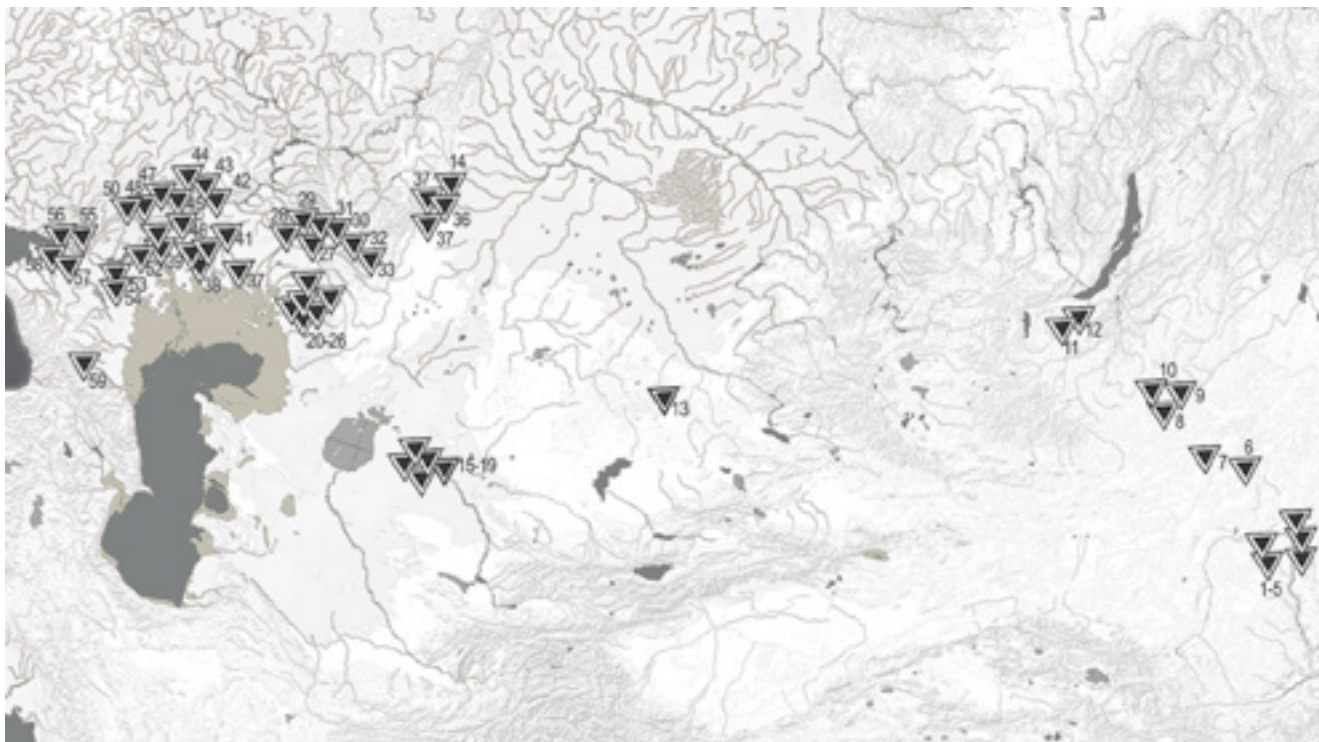
По всей видимости, к концу V века происходит окончательная унификация колчанного набора и крупные ромбические трехлопастные наконечники полностью вытесняют все предшествующие типы. Чуть позже появляются новые типы — трапиевидные, ярусные, трехгранные, боеголовые

и плоские двухлопастные, — которые встречаются в памятниках гуннской эпохи в единичных экземплярах. В этой связи весьма показательны колчаные наборы, обнаруженные в комплексах курганов с «усами» раннеселенташского типа (Султантемировский, Солончанка I, Городищенское IX, Ижевский II), в которых абсолютно преобладают ромбические, трехлопастные наконечники (об этом будет сказано ниже). Однако эти памятники, по нашему мнению, открывают новую, раннетюркскую традицию в урало-казахстанских степях (о чем также будет сказано ниже). В казахстанских степях самое большое число наконечников данного типа дают погребальные комплексы джетыясарской культуры. Как показала корреляция вещевого материала курганов и склепов, абсолютное большинство этих наконечников встречено в комплексах самого конца V — начала VI века. Наиболее часто они встречаются в сочетании с предметами поясной гарнитуры, в которую входят V-образные пряжки и пряжки «шиповского» типа, а также с сосудами, сопровождающими погребения этого времени.

Евразийский маршрут бронзовых котлов и неповторимые формы гуннских кувшинов

Бронзовый котел —местилище души кочевого коша (рода). Трудно представить, какой из рукотворных артефактов несет столь высокую сакральную социализирующую нагрузку, как священный котел рода. Геродот приводит такую легенду: чтобы познать могущество своего клана скифский вождь повелел своим соплеменникам принести по одному бронзовому наконечнику стрелы; переплавив их, мастер вылил котел, по размерам которого скифский царь мог судить о грандиозности своего племенного союза. Безусловно, это предание имеет под собой реальную историческую основу. Достаточно присутствовать при приготовлении традиционного казахского бешбармака, узбекского плова или монгольского цуйвана, чтобы понять, что это особый ритуал, оставшийся в наследство от кочевых пращуров. Безусловно, действо разворачивается прежде всего вокруг от-

Карта распространения котлов яйцевидной формы без поддона в Евразии.

1–5 — Ордос; 6, 7 — Внутренняя Монголия; 8–10 — Монголия; 11 — Чао Золь; 12 — Чушкун; 13 — Бешагарский клад; 14 — Наваринка; 15–19 — Алтын-Асар; 20 — Лебедевский, курган 2; 21 — Лебедевка II, курган 1; 22 — Лебедевка VI, курган 24; 23 — Лебедевка VI, курган 36; 24 — Лебедевка VI, курган 39, погребение 1;

25 — Лебедевка VI, курган 49; 26 — Лебедевка V, курган 1; 27 — находка у пос. Гильял; 28 — находка в Сакмарском р-не; 29 — находка у пос. Мухраново; 30 — Красный Яр, курган 20 (керамика); 31 — Красный Яр, курган 20; 32 — Красногор, курган; 33 — Джанатан, курган; 34 — Большекараганский, курган 8; 35 — Магнитный, курган 3; 36 — Новоузенский уезд, случайная находка; 37 — Шульц, курган В 4, погребение 2; 38 — Альт-Веймар, курган 16;

39 — Лебедевка; 40 — Еремеевка, случайная находка; 41 — Целинный, курган 81; 42 — Б. Дмитриевка, случайная находка; 43 — Комаровка, случайная находка; 44 — Комаровка (2), случайная находка; 45 — Норка (2), случайная находка; 46 — Сидоры, случайная находка; 47 — Березовский, случайная находка; 48 — Сарента, случайная находка; 49 — Еланская, случайная находка;

50 — Желтухин, курган 2; 51 — Сарента (2), случайная находка; 52 — Ногайская, курган 11; 53 — Криволиманский I, курган 19; 54 — Октябрьский, случайная находка; 55 — Кобяково, курган 5; 56 — Азов, случайная находка; 57 — Высочино V, курган 18; 58 — Высочино V, курган 27, погребение 2; 59 — Чечено-Ингушетия, случайная находка

Бронзовый котел. Ордосские бронзы. КНР

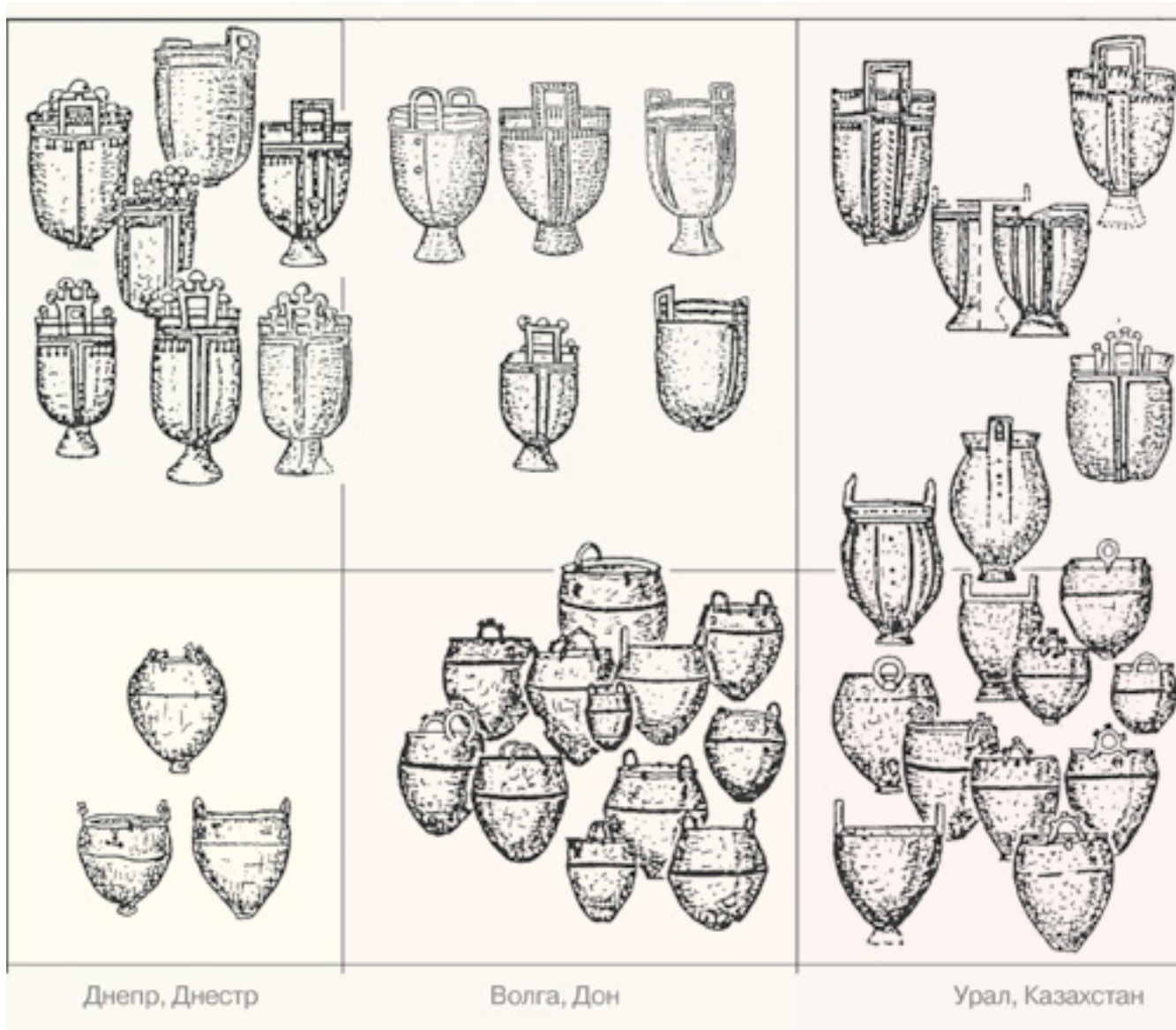
крытого огня и котла, венчающего его. Интересно, что этот процесс видоизменялся в течение всего периода поздней Древности. В приведенной ниже таблице показана динамика развития бронзовых котлов на территории степной Евразии в рамках двух хронологических периодов (линий развития) от хунно-гунского (III) до раннесредневекового (IV). Очевидно, что на каждом из этапов происходят весьма существенные, если не сказать кардинальные, изменения форм и пропорций этого ритуального вида посуды. Хуннская и раннегуннская фаза ознаменовалась тем, что на смену большим котлам скифского и сарматского облика (I и II линии развития), имеющим огромные объемы (до 150 литров), устанавливаемым, как правило, на пороге входов

(дромосов) в усыпальницы, приходят небольшие яйцевидные котелки без поддонов. Они чаще всего оказываются в погребениях женщин-жриц. Эти функциональные изменения, на наш взгляд, имеют важный смысл. Котел как статусный символ превращается в сугубо ритуальный сосуд для совершения семейных и родоплеменных обрядов.

Весьма важный вопрос стоит перед современными исследователями. Котлы вытянутых цилиндрических пропорций с рамчатыми ручками, иногда украшенные грибовидными навершиями (IV линия развития) в литературе получили негласное наименование «гуннские котлы». Трудно сказать, что стало основанием для такой интерпретации, потому как в подавляющем количестве эти котлы

являются случайными находками. В одном случае в местечке Херхит в Силезии вместе с подобным котлом были обнаружены характерные предметы (пряжки, поясные накладки), выполненные в полихромном стиле. По типологическим признакам это погребение (или клад) могло быть отнесено к V веку. Возможно, этот факт впоследствии и повлиял на интерпретационные предпочтения исследователей.

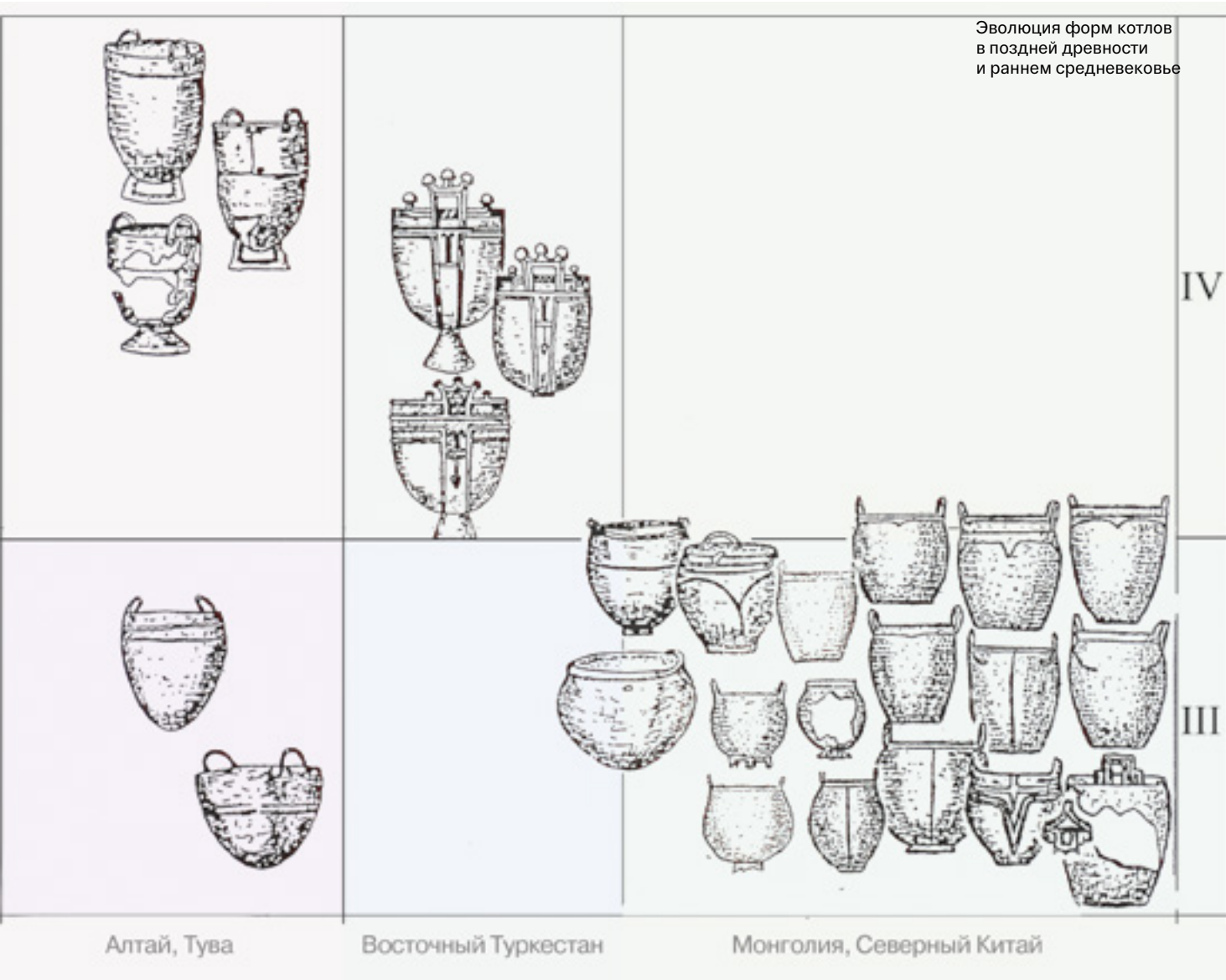
Картография этих котлов показала, что они получают свое распространение фактически в готовом виде с V века и встречаются на территории от Восточного Туркестана (Синьцзяна) до Центральной Европы.

По нашему мнению, если этот артефакт и связан с населением гуннского союза, то лишь в самом позднем периоде его существования, когда на основе постгуннского населения начало формироваться новое этнополитическое объединение гуннов-болгар (кутригуры, оногуры, огуры, уроги и пр.).

Вероятнее всего, бронзовые котлы этого поколения вновь меняют свою функциональную значимость. Вот к какому выводу приходят исследователи [124, с. 444], которые изучали особенности котла из известного погребения у озера Боровое, относящегося к V–VI векам. Этот сосуд являлся особым ритуальным изделием. Судя по форме тулова, расположению ручек и особой форме подножки с загнутым бордюром, а также по отсутствию на-

гара на стенках он, вероятнее всего, не использовался как обычный котел. Скорее всего, в него вливали уже приготовленную пищу или питье и подавали к столу. По всей видимости, этот сосуд был своеобразной церемониальной чашей (братинной) и использовался по особым торжественным случаям [Там же]. Это весьма симптоматичное наблюдение, если вспомнить тот факт, что действительно в раннесредневековую эпоху кочевые сообщества вступили в период становления больших раннегосударственных объединений, получивших название «кочевые империи». В этой связи наступает время особых социализирующих церемоний (курултаев). Вспомните рыцарей Круглого стола, где побратимство становилось важнейшей

политической акцией демонстрации верноподданничества.

В связи с этим возникает целый ряд трудно-разрешимых вопросов. Во-первых, для гунно-сарматского времени в центральноазиатском регионе отчетливо намечается тенденция уменьшения объемов и унификации форм котловой посуды. Результатом этого стало появление небольших котлов яйцевидной формы без поддона в гунно-сарматских и позднесарматских памятниках, а так-

же небольших керамических котелков в памятниках шурмакского, кокельского и таштыкского круга. При этом почти невозможно провести прямую параллель между наиболее поздними их образцами, имеющими небольшие размеры, конусовидное или полусферическое невысокое тулово. И это несмотря на то, что они имеют трехзубчатые навершия ручек и украшены горизонтальными и вертикальными, делящими тулово на доли швами, а также сосцевидными ножками. В целом они представля-

Бронзовый котел. Боровое.
Центральный Казахстан

Бронзовые котлы. Ордос. КНР

ют собой образцы локального развития и не могут являться прототипами «гуннских котлов» или неким связующим звеном на пути их следования на запад. Определенное сходство в элементах может быть объяснено наличием культурного влияния со стороны ареала бытования «гуннских котлов». Наиболее восточные образцы котлов четвертой типологической линии в их сложившейся форме обнаружены на территории Синьцзяна (Урумчи, Нань-Шань-Линьян).

Некоторые северокитайские и хуннские образцы, на первый взгляд, демонстрируют определенное сходство формы тулова, прямоугольных ручек с тремя заостряющимися и намечающимися боковыми выступами, однако предположить, что в какой-то момент резко увеличились их размеры и пропорции, а также появились новые весьма специфические элементы украшения, очень трудно. В этой связи, думается, не лишним будет напомнить, что длительное сохранение отдельных форм котлов, передача их на значительное расстояние были обусловлены необычной для того времени технологической сложностью производства и воспроизводства этого вида металлического инвентаря. Длительное сохранение некоторых декорирующих элементов или медленное постепенное

их видоизменение указывают на чрезвычайную важность их как составляющих единый культовый облик этого ритуального сосуда.

Следует отметить, что в хуннских памятниках, как, впрочем, и среди случайных находок Большой Монголии и Северного Китая, на сегодняшний день мы не можем привести ни одного образца котлов «гуннского облика». Однако в сопредельных регионах Восточного Туркестана они появляются в сложившейся форме, которая в несколько видоизмененном, но весьма близком облике впоследствии была представлена в кованых котлах тюрков Тувы (Курай IV, курган 1, погребение 2; Саглы Бажи V, курган 25; Даг-Аразы V, курган 1).

Трудно предположить, что отдельная часть хунно-гуннского населения на каком-то этапе существования империи (вероятно, на кратковременном финальном — конец I — начало II века н. э.), переселившись в Туркестан, стала изготавливать

совершенно новые образцы ритуальных котлов и впоследствии пронесла их через степи Западной Азии и Восточной Европы как свои особые этнокультурные фетиши. Ситуация осложняется тем, что подавляющая часть котлов этой типологической группы являются случайными находками и точная их датировка весьма затруднена. Лишь некоторые из них имеют более или менее точные хронологические привязки. К таковым прежде всего относится котел из погребения Кызыл-Адыр (Оренбургская область), расположенный фактически посередине ареала бытования котлов этой группы. Он датируется по колчану с трехлопастными и ярусными наконечниками стрел IV–V веками. Определенное хронологическое уточнение могут внести котлы из Кокэля, где они встречены в погребениях с аналогичными наконечниками стрел, которые сегодня могут датироваться вплоть до V–VII веков, а также котлы из поздних погребений Алтын-Асар 4 и верхних слоев Джеты-Асар 3 VI–VII веков. Несмотря на то что эти формы котлов несут на себе черты локального развития местных типов, появление особых декоративных элементов в определенной степени фиксирует период культурного воздействия новых традиций на эти средние территории евразийских степей.

Металлические кованые котлы Тувы, сохранявшие облик сосудов рассматриваемой группы, обнаруженные в памятниках саяно-алтайских тюрков, также относятся к позднему периоду — VI–VIII векам [88, рис. 32, 7–9].

Таким образом, на крайнем востоке и в средней части ареала распространения котлов «гуннского типа» их образцы датируются, вероятнее всего, серединой — второй половиной I тысячелетия н. э., то есть относятся к тому периоду, когда гунны либо господствовали в Восточной и Центральной Европе, либо сошли с политической арены. Здесь, на востоке, на смену им пришли другие союзы племен и сложились новые кочевые империи. Следовательно, сегодня, при современной источниковой базе вопрос этнокультурной атрибуции котлов «гуннского типа» остается открытым. Более или менее определенно можно сказать, что этот тип котлов вряд ли может быть соотнесен с азиатски-

Бронзовый котел. Урумчи. Синьцзян. КНР

ми хуннами-гуннами из-за явных типологических и хронологических нестыковок.

Интересно, что средняя часть картографированных находок наиболее поздних котлов (IV типологическая линия) проходит по лесостепным и даже лесным территориям Западной Сибири и Волго-Уралья (Савиновка, Черная Курья, Пермь, Верхний конец, Осока), к ним следует отнести ранее не учтенные экземпляры (Липнягово (Шадринск), Сунчелево (Татарстан), Самарская Лука). С нашей точки зрения, это весьма важный факт. Особый интерес представляет то, что среди котлов отмеченного региона большую группу составляют образцы с рамчатой ручкой (без грибовидных наверший) и специфическим орнаментом в виде рядов сосульковидных налепов. Впервые этот вариант (или тип) котлов появляется именно в пределах данного региона (Липнягово, Верхний конец, Осока, Сунчелево). Создается впечатление, что здесь эти котлы

Бронзовый котел. Могильник Магнитный, курган 21. Агаповский район. Челябинская область

Бронзовый котел. Сакмарский район. Оренбургская область

Бронзовый котел. Темясово. Республика Башкортостан

Бронзовый котел.
Случайная находка у деревни Липнягово. Краеведческий музей, город Шадринск

Бронзовый котел.
Наваринка. Агаповский район.
Челябинская область

Бронзовый котел
из Сунчелеево.
Республика Татарстан

отливались либо с единых форм, либо по одним технологическим приемам. В дальнейшем именно этот тип котлов или его вариации с грибовидным навершием встречаются далеко на западе (Хекрихт в Силезии; Десса в Румынии; Копшвельд и Тертель в Венгрии; Шестовичи в Молдове; Якушевичи в Польше). Таким образом, вслед за Восточно-Туркестанским (Синьцзянским) Урало-Сибирский регион, вероятнее всего, может являться зоной сложения и последующего распространения на запад двух наиболее массовых форм бронзовых котлов IV типологической линии.

Бронзовый котел.
Сунчелеево.
Республика Татарстан

Бронзовый котел из Мухраново. Оренбургская область

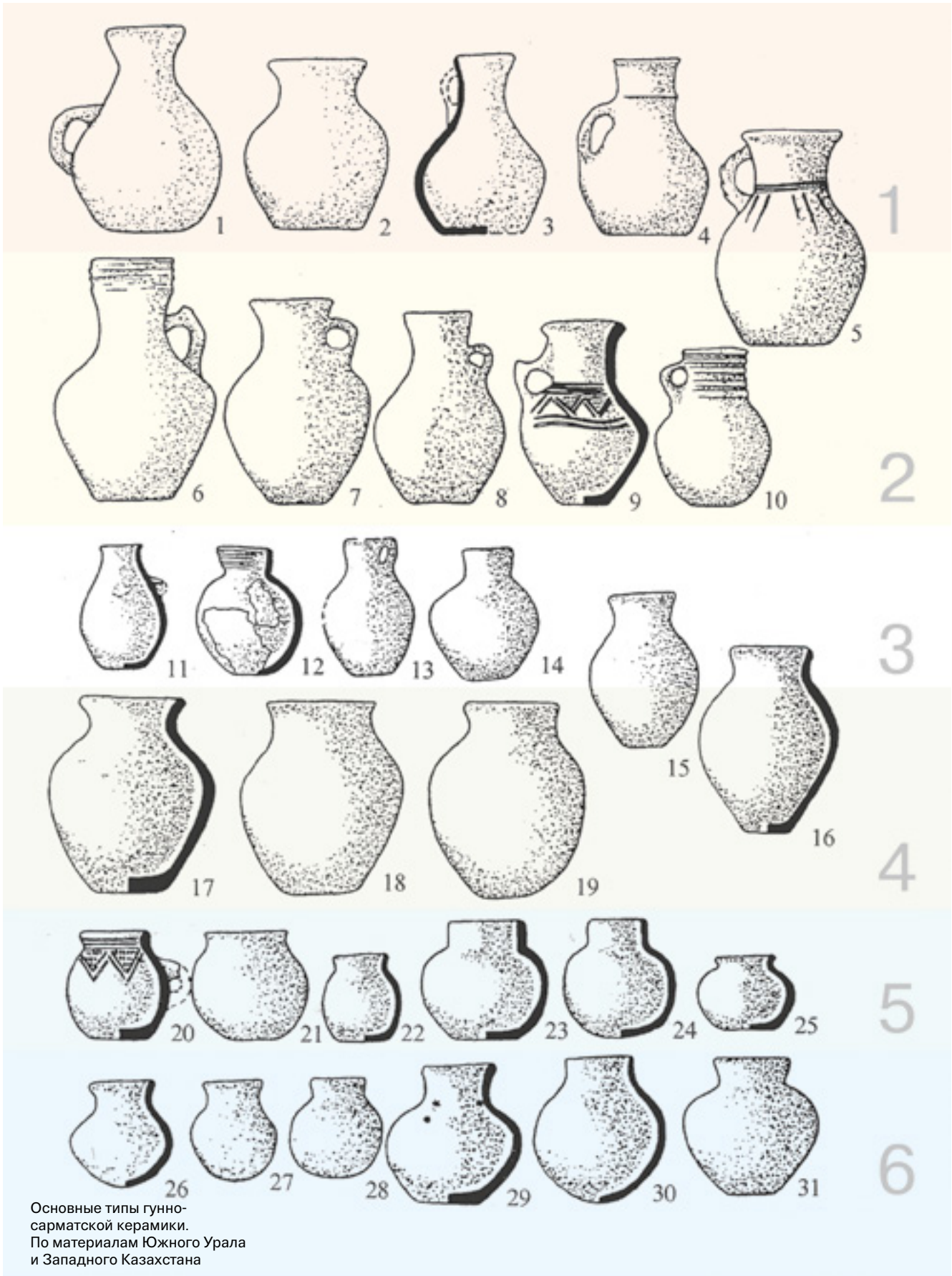
Керамическая посуда ранних гуннов состоит из двух категорий этого вида инвентаря. Наибольшее количество составляют горшки ручной лепки различных размеров (от крупных до мелких) — от высоких кувшинообразных горшков со слегка расширяющимся туловом и плечиком, нешироким дном, до маленьких шаровидных горшочков характерной грушевидной формы. В это число входят небольшие горшки с шишечками и защипами на уровне плеча.

Другую группу образуют сероглиняные или красноглиняные гончарные кувшины с изящной петлевой ручкой и горизонтальным желобковым узором на шейке и венчике либо прочерченным узором из треугольников, заполненных наколами.

Технологические различия этих групп керамики обычно принято связывать с тем обстоятельством, что гончарные кувшины могли быть приобретены урало-казахстанскими кочевниками где-то на юге (в Согде, Бактрии и Восточном Туркестане),

Глиняные горшки. Могильник Целинный I. Западный Казахстан

Глиняный кувшин. III Бекешевские курганы, курган 1. Республика Башкортостан

Глиняный кувшин, керамика.
Могильник Покровка.
Оренбургская область

Кувшин импортного
происхождения
из могильника Мандесарка

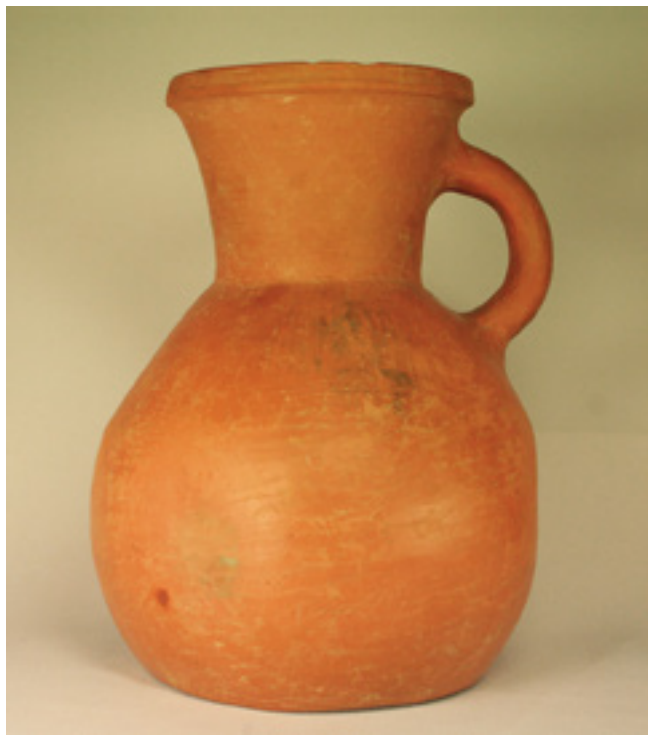

Глиняные горшки.
Могильник Каменный Амбар.
Карталинский район.
Челябинская область

Глиняные горшки. Могильник Байрамгулово, курган 2.
Аргаяшский район.
Челябинская область

Глиняный кувшин.
Могильник Целинный,
курган 6. Западный Казахстан

Глиняный кувшин. Могиль-
ник Целинный, курган 86.
Западный Казахстан

Глиняные кувшины. Могиль-
ник Большекараганский,

курган 18. Брединский район.
Челябинская область

Глиняный горшок.
Могильник Магнитный,

курган 21. Агаповский район.
Челябинская область

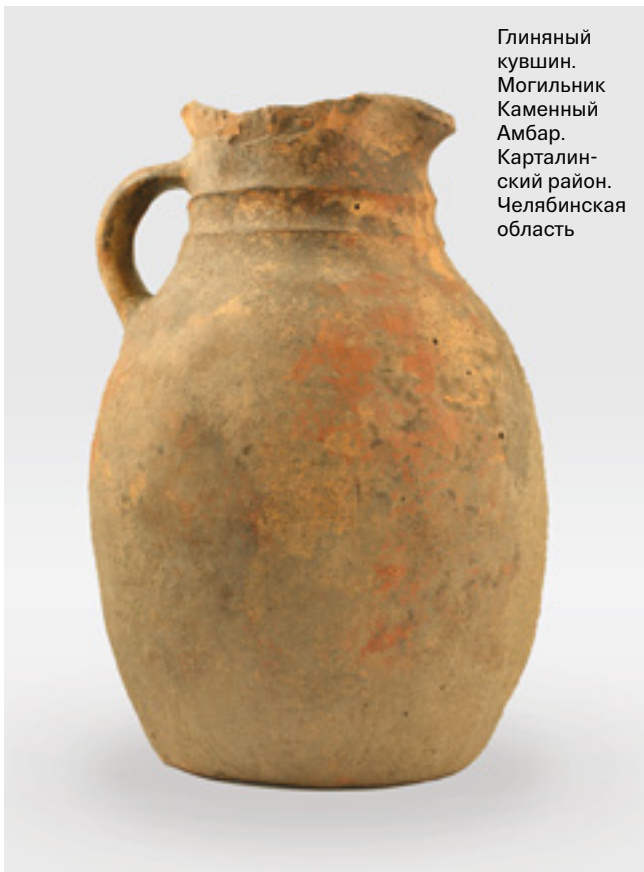

Глиняная курильница. Могиль-
ник Большекараганский,

курган 18. Брединский район.
Челябинская область

Глиняные кувшин и чаша.
Могильник Магнитный,
курган 21. Агаповский район.
Челябинская область

Глиняный кувшин. Могильник Каменный Амбар. Карталинский район. Челябинская область

а горшки ручной лепки появляются в результате смешения местных традиций сарматского и саргатского облика, ранее существовавших в пределах урало-казахстанских степей и, главным образом, лесостепей.

Однако следует заметить, что урало-казахстанский керамический комплекс, состоящий из гончарной керамики и керамики ручной формовки, своеобразен по набору форм и типов сосудов. Создается впечатление, что он не имеет прямых аналогий в пределах регионов Восточного Туркестана, Средней Азии, Нижней Волги, Северного Кавказа и Причерноморья. Вместе с тем отдельные кувшины и керамические горшки, составляющие этот комплекс, синкретическим образом имеют самые широкие параллели в рамках упомянутых регионов Средней Евразии.

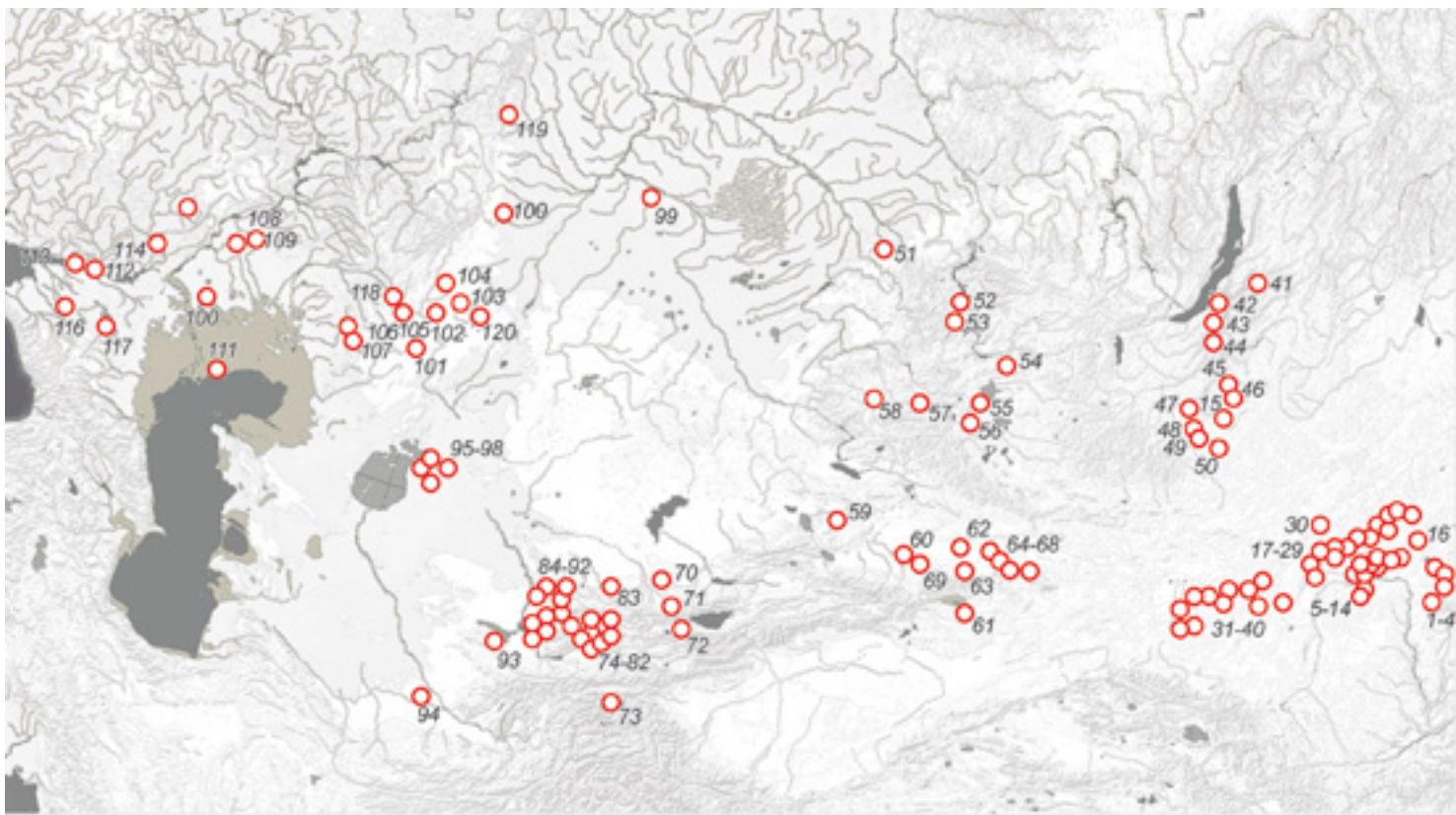
Ханьские зеркала и их подражания на службе гуннских жриц

Среди предметов восточного импорта (как правило, китайского) наиболее популярны были бронзовые зеркала. Специалисты приходят к мнению, что большая их часть является подражаниями и изготовлена в мастерских Восточного Туркестана и Средней Азии по заказу кочевников. На это указывают экземпляры с тамгообразными изображениями.

Наиболее ранними раннегуннскими зеркалами являются бронзовые зеркала с TLV-орнаментом, известны они с IV века до н. э. по находкам из погребений в провинциях Хэбэй и Ганьсу. Такое название этот шаблон оформления зеркал получил в литературе из-за внешнего сходства графических символов орнамента с латинскими буквами. Однако в семантике поля они представляют собой графические символы одной из древнейшей предсказательной практики даосизма. В Древнем Китае существовала предсказательная игра Лю Шу, доски для которой, выполненные из камня или ценных пород дерева, найдены в ханьских погребальных комплексах в виде отдельных предметов или в качестве украшения на барельефах саркофагов. Схематически орнаментированная сторона данного типа зеркала повторяет орнамент этих игральных досок и содержит центральную полусферическую кнопку-державку, квадратное поле кнопки с T-символами по внешним сторонам квадрата, при этом центральный квадрат несет в себе смысл земной поверхности и имеет девять внутренних об-

Зеркало, тип TLV. Курганская область

Карта распространения ханьских зеркал и их подражаний.

1–4 — Донгдаджинг; 5–14 — Сандаован; 15 — Найма; 16 — Гульянг; 17–29 — находки ханьских зеркал из Внутренней Монголии [по Хухэ хао тхэ ..., 1995, с. 33, Улан чха бумен ..., 2003, с. 31]; 30 — Внутренняя Монголия, Лабудалино; 31–40 — находки зеркал ханьского времени на территории Ганьсу и Нисе [по Джуан Лан Сиен ..., 2002]; 41 — Бурятский музей; 42 — Иволгинское городище;

43, 44 — Ильмовая падь; 45 — Ноиннула; 46 — находка на реке Тола; 47, 48 — Каракорум; 49, 50 — Тэбт-Уул; 51 — Екатериновка; 52 — Минусинский музей; 53 — Изыхский чаатас; 54 — Аймырлыг; 55, 56 — Кокел; 57 — Пазырык; 58 — находка из Западного Алтая; 59 — Лоу Лани; 60 — Урумчи, национальный музей; 61 — Шампула; 62 — Чаухугоу; 63 — Янгпан; 64–68 — находки ханьских зеркал в уезде Хами; 69 — Цзяохе; 70 — Петровка-Калининское;

71, 72 — Кенколь; 73 — Аджин-Тепе; 74 — Сурух; 75 — Ворух; 76 — Усто-Муло; 77–79 — Чорку; 80 — Карабаг; 81, 82 — Карабулак; 83 — Кызыл-Сай; 84, 85 — Ташкентский музей; 86 — Джунский; 87, 88 — Фархадский; 89, 90 — Псхетский; 91 — Вревский; 92 — Кайрагач; 93 — Саназар; 94 — Телятепе; 95, 96 — Косасар; 97, 98 — Алтынасар 4 л, 4 г; 99 — Истяцкий клад; 100 — Малково; 101 — Целинный I; 102 — IV Комсомольское; 103, 104 — Темясовский;

105 — Красногор; 106, 107 — Лебедевка; 108 — ст. Полтавка; 109 — Еруслан; 110 — Ленинск; 111 — находка в Астраханской обл.; 112 — Кобяковский; 113 — Танаис; 114 — Виноградный; 115 — Чугуно-Крепицкий; 116 — ст. Казанская; 117 — Минеральные воды; 118 — Чкаловский; 119 — Верхотурье; 120 — Наваринка

ластей. Вокруг него находится основное орнаментальное поле, обозначающее проекцию небесного свода, содержащее символы L и V, расположенные ближе к внешнему краю свода, внешнюю орнаментальную ленту и внешний бортик. Стороны квадрата центрального поля кнопки и углы, образуемые соединением углов квадрата и буквами L и V основного поля, составляют субпозиции обозначения годов шестидесятилетнего календарного цикла. Все основное поле зеркала — по сути, модель происходящего под звездным небосклоном и ориентировано по сторонам света. Визуально их обозначают

четыре выпуклые, оконтуренные невысоким валиком «жемчужины», расположенные по сторонам квадрата. Все пространство между ними является сегментами звездного неба. Оно бывает заполнено духами сторон света (сышэнь бодзю) в виде Белого Тигра запада (Бай Ху), Лазоревых Драконов востока (Дун Фан Цин Лун), Красной Птицы юга (Фень Хуан) и Черной Воинственности севера (Сюан У), позже в виде Черепахи с обвившей ее Змеей. Каждый из этих секторов в свою очередь состоит из семи больших и малых созвездий, так называемых «лунных стоянок». Таким образом, сферу небесно-

Зеркала. Лебедевские курганы–1. Западный Казахстан

го круга образуют 28 созвездий, символы которых в зависимости от предсказательного расклада могут присутствовать в этом поле. В основном поле TLV-зеркал также часто присутствуют не только изображения космологического небесного bestiария, но и мифические божества даосского пантеона, включая персонажей дописьменной мифологии, так называемых «бессмертных». В период Ван Мана (45 год до н. э.— 6 год н. э.), вероятно, в результате реформ календаря в орнаменте этого типа

зеркал также происходят изменения. По внешнему бортику основного поля, ранее пустому или несущему символы «благовещих облаков», появляется орнаментальная бордюрная лента, несущая изображения 12 зодиакальных символов. По сути, на зеркале отражены основные постулаты предсказательной практики: квадрат Земли, круг Небесного Свода, четыре священные горы сторон света, пять Первооснов стихий и восемь местоположений (двоичные коды решения которых позже, с VI–VIII веков, образуют в Юго-Восточной Азии систему триграмм Багуа), субпозиции шестидесятилетнего календарного цикла и по внешней ленте символы зодиакального круга (с периода Ван Мана). Отдельно надо сказать, что, видоизменяясь, эта предсказательная практика существовала и в средние века, в элементарном виде так называемого магического арабского квадрата из девяти полей, дошла и до текущего времени в виде предсказательной практики южносибирского шаманства хуваанак, а также практики Зурха монголо-тибетских предсказательных традиций¹.

В основе восьмиарочных зеркал — тоже космогонический орнамент. Китайские зеркала, имеющие происхождение с территорий Восточной Хань, зачастую несли благожелательное послание в пиктографическом виде, ныне его трактуют как даосское пожелание обретения долгой жизни во множестве потомков (长宜子孙). По мнению Bulling, восьмиарочные зеркала — подражания этому сюжету, происходят из провинции Шаньдун (ранее Дунлай). Что интересно, эти территории к IV веку освоили сяньби, основав Южную Янь.

В основе схемы восьмиарочных зеркал — философско-космогонический орнамент. Центральная полусферическая кнопка означает 太極 (тайцзи), Великий Предел как первоначало времени и первооснову бытия. Великий Предел порождает двоичность мужского и женского, инь и янь. Двоичность символа порождает четверку деяний, на зеркале чаще всего обозначенных в виде четырех

¹ Выражаю глубокую признательность моему коллеге С. А. Ханову за неоценимые консультации и предоставленные экземпляры зеркал, обнаруженных на территории Южного Урала, хранящихся в его коллекции

Зеркало. Малково, курган 1.
Чебаркульский район.
Челябинская область

Зеркало. Наваринка.
Агаповский район.
Челябинская область

Зеркало. Западный берег
озера Уелги. Кунашакский
район. Челябинская область

Зеркала.
Темясовские курганы.
Республика Башкортостан

Зеркало из окрестностей
Охлебинино, Республика
Башкортостан (из коллек-
ции С. А. Ханова)

лепестков в поле центральной кнопки. Можно сказать, что это элемент растительного символизма, так как часто их сравнивают с плодоножкой хурмы 柿蒂. Надо отметить, что в основе этого образного символа лежит омоним: «хурма» (ши) и «деяние», «дело» (ши). Таким образом, это также пожелание удачного завершения дел. Китайские восьмиарочные зеркала, имеющие происхождение с территорий Восточной Хань, зачастую в орнаментном поле центральной кнопки несли благожелательное послание и в пиктографическом виде. Ныне его трактуют как даосское пожелание обретения долгой жизни во множестве потомков (长宜子孙). Пожелание предполагает родительский посыл, чтоб семейное дело было продолжено в последующих поколениях, которые будут обладать лучшей долей и позволят роду развиваться в дальнейшем. Центральное поле символизирует Землю, вокруг, как правило, тонкий орнаментный пояс с прямой или чаще кривой штриховкой. Он тоже несет смысловую нагрузку и трактуется как вода, испаряющаяся с земли ввысь или ниспадающая с небес. Соответственно выше или далее от центральной кнопки располагается небо с орнаментным пояском в виде горизонтальных параллельных линий с завитками, обозначающими потоки воздуха или ветер, несущие благовещие облака. Философские символы четырех деяний порождают расположенные на этом уровне восемь арочных секторов, определяющих в итоге Великое деяние. Соответственно на внешнем поле зеркала — вся Вселенная. Так, на небольшом поле бронзовых зеркал, по сути, отражен понятийно философский базис мироустройства, принятый во времена Восточной Хань. По мнению Литвинского [70], восьмиарочные зеркала — подражания этому сюжету, происходят из провинции Шаньдун (ранее Дунлай).

Весьма интересную картину дает картография находок ханьских зеркал. Правоммерно, что наиболее ранние зеркала встречены в хуннских или синхронных им памятниках Северного Китая, Монголии и Южной Сибири [73; 92; 118, рис. 4, 17, 18]. Следующий очаг их распространения — районы Средней Азии, где в массовом количестве встречены зеркала восьмиарочного, стососкового типов и так называемого типа TLV. Они найдены

Зеркало. Красногор.
Оренбургская область

Бронзовое зеркало династии Восточная Хань (начало–середина III в. н. э.). Окрестности города Кушва. Свердловская область. Коллекция и комментарий С. А. Ханова

в памятниках Западной Ферганы, Ташкентского оазиса, джунгской культуры и Таласской долины (Кенкольский и другие могильники) [61, с. 72–74, рис. 14]. Третьим районом относительно частой встречаемости ханьских зеркал всех вышеуказанных типов является нижнее течение Сырдарьи, где они были найдены в памятниках джетыясарской культуры. Урало-казахстанские степи в этом списке являются последним районом относительно массового бытования восьмиарочных зеркал. Западные они известны лишь в единичных экземплярах в погребениях Нижнего Поволжья и Дона, а также Северного Кавказа. При этом два поволжских зеркала происходят из поздних погребений (XII век), а зеркала или их фрагменты, обнаруженные на Нижнем Дону и Северном Кавказе, в большинстве своем более ранние (тип SSUJ, или восьмиарочные с иероглифическими надписями) и происходят из погребений I–II веков н. э. [34; 70, с. 103].

Многие исследователи, касающиеся вопроса распространения ханьских зеркал, справедливо указывают на то, что их местонахождения очер-

Бронзовое зеркало со стилизованными изображениями двух фениксов и двумя площадками, изначально содержащими две пары иероглифов «位至三公»

(титула, ранга трех высших сановников). Восточная Хань (первая половина III в. н. э.). Звериноголовский район. Курганская область. Коллекция и комментарий С. А. Ханова

чивают маршруты торговых путей в Евразии [10, с. 33–34; 72, с. 90, 233–259]. Не оспаривая в целом данную точку зрения, наметим некоторые возникающие в этой связи вопросы. Почему именно в ханьский период китайский импорт массово был представлен именно зеркалами? Нельзя не согласиться с Б. А. Литвинским, указавшим на то, что различные типы китайских зеркал ханьского времени были весьма малочисленны в сравнении с общим количеством зеркал местного происхождения и не могли играть принципиального значения для экспортной торговли Китая [70, с. 105].

Во-вторых, почему китайские зеркала последующих эпох фактически отсутствуют в памятниках, расположенных вдоль Шелкового пути (Туркестан, Южный Казахстан и Урало-Поволжье), хотя традиция изготовления и сбыта бронзовых зеркал как одного из видов китайского экспортного товара продолжает существовать и активно развиваться и в танскую, и в суньскую эпохи? Если в конце I века до н. э. — второй половине I века н. э. импорт зеркал осуществлялся алано-кангюйским населением Ферганы и Средней Сырдарьи, то, на наш взгляд, в позднеханьское время, со II века н. э., на северо-запад этот вид зеркал переносился гунно-сарматскими кочевниками, вышедшими из районов Монголии и Восточного Туркестана. В этой связи факт массовой встречаемости восьмиарочных зеркал, как наиболее позднего типа ханьских зеркал (I–II века н. э.), в гунно-сарматских памятниках урало-казахстанских степей неслучаен.

Отметим еще один интересный факт. В костюмах бурятских шаманов в качестве подвесок часто используются бубенчики и фрагменты китайских зеркал. Причем среди них присутствуют экземпляры не только сунского, но и ханьского (!) времени, что указывает на их длительное существование как весьма важного элемента культового значения. Все это позволяет в определенной степени утверждать, что данный вид инвентаря мог быть своеобразным этномаркирующим знаком гунно-сарматского населения урало-казахстанских степей.

Кровь и солнце, или Как появился гуннский полихром

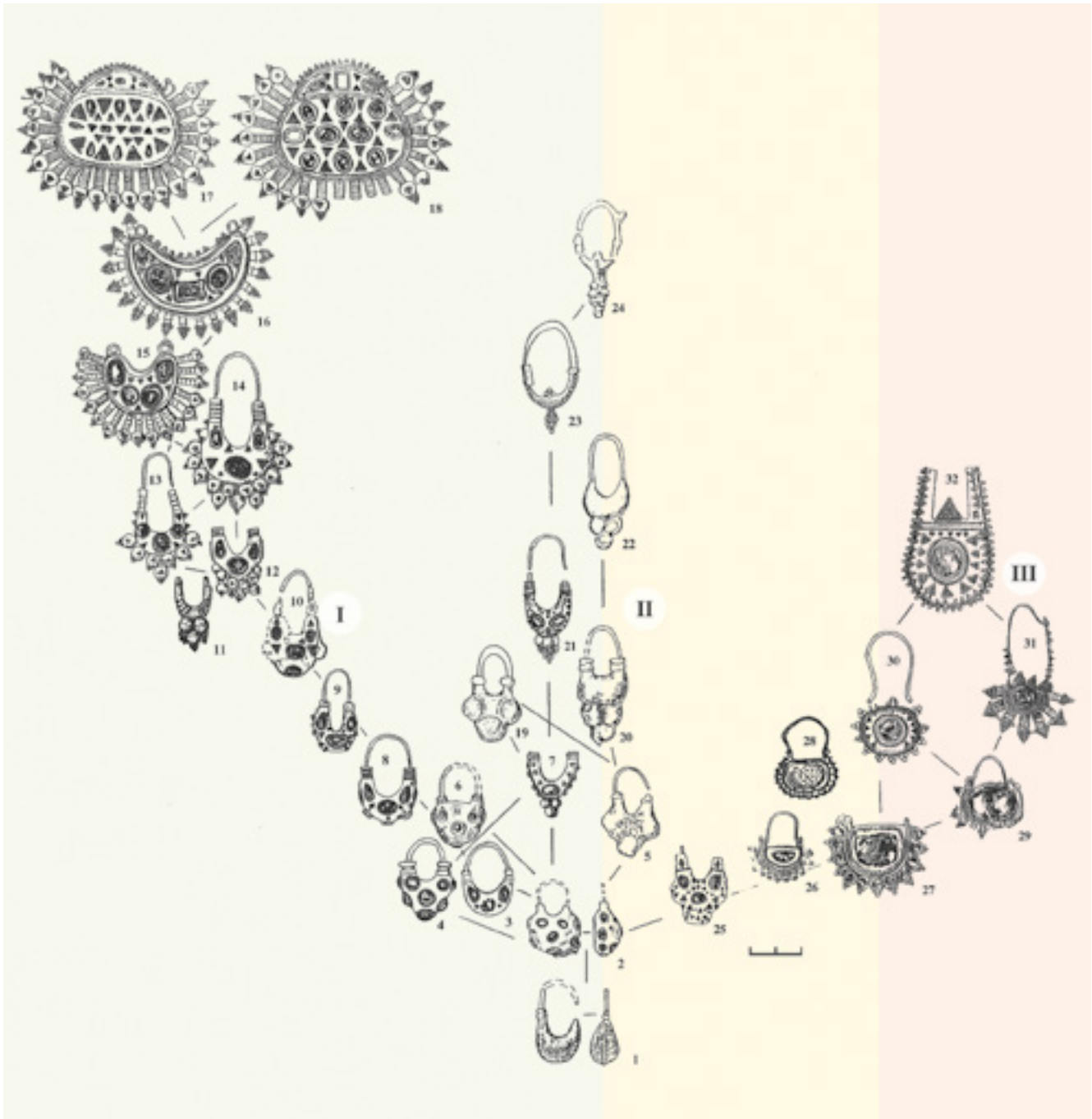
В научной литературе это понятие означает особый вид украшения оружия, конской узды, поясных наборов и женской бижутерии, который в обязательном порядке включает сочетание драгоценных металлов (золото, электра, серебро) и вставок из драгоценных и полудрагоценных камней, как правило, красных (красных) тонов (гранаты, алмадины, рубины, халцедон, красное стекло).

В данной категории вещевого инвентаря наблюдается определенная линия непрерывного развития. Это особенно ярко демонстрируют образцы, найденные в склепных и простых курганах джетысарской культуры. Здесь отчетливо видно, что отдельные колты являются в основе своей крупными лунницами, но более роскошной модификации за счет напаянных на фигурные пронизки полых шариков с гроздевидными зерновыми окончаниями [68, рис. 3–7]. При этом схожесть хорошо заметна в зональности и характере нанесения и оформления вставок на поверхности самой лунницы. Вообще схожесть формы центрального щитка с лунницами сохраняется почти на всех азиатских образцах колтов [51, с. 164, рис. 2, 1, 2, 4, 6–8]. В восточноевропейских степях колты приобретают паукообразную форму. Центральный щиток у них становится овальным, над ним располагается сегментовидное навершие, увеличивается количество цветных вставок, изменяется их форма. Связующим стилистическим звеном на этом эволюционном этапе являются лучеобразные окончания из пронизок, полых шариков и грушевидных зерновых напаек.

Вероятно, на каком-то этапе развития данных форм украшений произошло их разделение на западную и восточную эволюционные линии. Восточные образцы отличаются оригинальной формой, меньшей стандартизацией и ярко выраженной индивидуальностью, что свидетельствует, вероятнее всего, об их местном изготовлении [16, с. 286; 49, с. 59]. На востоке ареал распространения этих форм достигает Верхней Оби (Ближние Елбаны-3, Тугозново, Ивановка-6), на западе — Центральной Европы (Нове Замке, Словакия).

С определенной осторожностью можно предположить, что исходной точкой расхождения этих форм были районы Казахстана и Средней Азии. Как нам представляется, существовала и северная линия развития серег-лунниц. Формы полых серьги, имеющей несколько сферических гроздевидных выпуклостей, типа обнаруженных в гунно-сарматских комплексах Южного Урала (Дербеневский, Друженский), а также серьги, украшенные зернью и имеющие в нижней части гроздевидную напайку (Южное Зауралье, Байрамгулово, курган 2), впоследствии развивались в лесостепном и лесном Приуралье (Бирский могильник). В Прикамье серьги этих форм получили особое развитие как характерный тип украшений ломоватовской культуры [28, табл. II, 1–18; III, 30–33]. Это еще раз подтверждает предположение В. Ф. Генинга о проникновении в лесное и лесостепное Приуралье части зауральского населения в IV–V веках, что привело к появлению ломоватовских памятников харинского этапа [23, с. 22].

Возвращаясь к колтам, заметим, что, вероятно, формой, переходной к восточноевропейским образцам, является небольшой колт из позднегуннского погребения на городище Актобе [75, с. 71–79]. У него центральный щиток имеет овальную форму, хотя украшен он более скромно, нежели восточноевропейские образцы. Таким образом, линия развития этого типа украшений идет от простых полых серег без вставок к лунницам со вставками, с зернью или без нее. От них к лунницам-колтам с лучевыми отростками и далее — к односторонним колтам с многочисленными вставками во внутреннем поле, украшенными по периметру зернью. Как мы видим, ранние образцы этого типа украшений происходят из позднесарматских и гунно-сарматских памятников II–IV веков, а наиболее поздние — из памятников гуннского круга V–VI веков. И. П. Засецкая не отрицает влияния сарматско-аланских (в понимании позднесарматских) традиций на развитие данного типа украшений, и это влияние усматривается ею в наличии на оборотной стороне колта из Верхне-Яблочного изображения в виде мирового древа и животных, стоящих по обе стороны от него [51, с. 168]. Однако, по ее мнению, среди украшений позднесарматского времени нет

Развитие форм серег-
лунниц и колтов.

I — западная линия развития;
II — северная линия развития;
III — восточная
линия развития.

1 — Малково, курган 1;
2 — Магнитный, курган 3; 3 —
Котово; 4 — Лебедевка V, кур-
ган 49; 5 — Друженский, кур-
ган 3; 6 — Темясово, курган 4;
7 — Байрамгулово, курган 2;
8 — Алтын-Асар, курган 26;
9 — Беляус; 10 — Макло-
шевское городище;
11 — Кетмень-Тобе;

12 — Сибирская коллекция;
13 — Алтын-Асар, склеп 27;
14 — Алтын-Асар, курган 332;
15 — Акчий-Карасу; 16 —
Актасы; 17 — Феодосия; 18 —
Алешки; 19 — Дербеневский;
20 — Бирский, погребение 78;
21 — Харинский, курган 17,
погребение 5; 22 — Харин-
ский, курган 33, погребение 1;

23 — Плесинский, погребе-
ние 30; 24 — Аверинский,
погребение 103; 25 — Кара-
Агач; 26 — Джалпак-Добе,
курган 8; 27 — Туюк; 28 —
Кетмень-Тобе; 29 — Тугозвон-
ново; 30 — Актобе; 31 —
Ивановка-6; 32 — Боровое

Подвески. Золото, халцедон, гранат. Магнитный. Агаповский район. Челябинская область

Подвески. Могильник Большекараганский, курган 8. Брединский район. Челябинская область

Украшение. Лебедевка. Западный Казахстан

Украшение. Могильник Лебедевка. Западный Казахстан

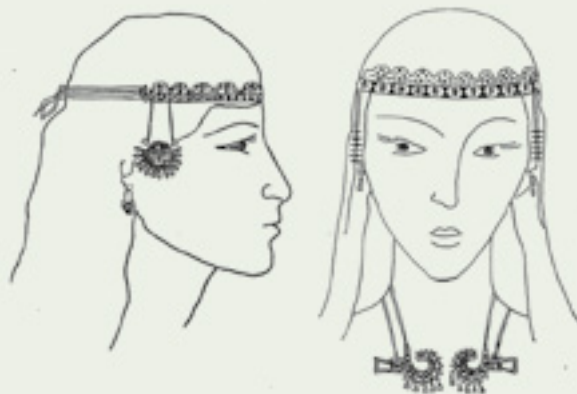
Колты. Могильник Лебедевка. Западный Казахстан

форм, которые могли бы послужить исходными для возникновения колтов.

В определенной мере эволюция серег-лунниц характеризует процесс зарождения в гунно-сарматское время элементов полихромного стиля и в других категориях вещей и дальнейшее его развитие в гуннскую и постгуннскую эпоху. К таким предметам относятся кулоны, подвески, перстни, пряжки и наконечники ремней со вставками из камней и стекла. При этом украшение гнезд и окологнездового пространства на этих предметах сочетало техники, которые получили яркое развитие впоследствии. Так, золотые и серебряные кулоны из Виноградного, Высочино VII, Котовского, Байрамгуловского, Друженского, Большекараганского и Лебедевского могильников украшены в технике зерни или псевдозерни, гравировки или тиснения в виде косичек [14, рис. 1, 19; 3, 15; 5, 19–21; 74, с. 250, рис. 67, 8; 99, с. 148, рис. 14, 67, 68]. Совер-

Реконструкция колта
(по И. П. Засецкой)

Украшения. Могильник Магнитный, курган 3. Агаповский район. Челябинская область

шенную полихромную технику демонстрирует перстень из Лебедевского кургана 1. У него внешний край поля и гнезда украшены зернью, а свободная часть поля — зерновыми треугольниками. И, наконец, великолепные образцы раннего полихрома, представленные золотыми пряжками и наконечниками ремней с халцедоновыми и алмаздиновыми вставками, выполненными в технике перегородчатой инкрустации, найдены в гунно-сарматском погребении курганов могильника Бердянский V (III–IV вв.) и в кургане 14 могильника Центральный VI.

Таким образом, предметы полихромного стиля не являются вещами исключительно «гуннской эпохи» конца IV — VI века. Они фиксируются в более ранних памятниках II–IV веков. Безусловно, эти ранние образцы менее многочисленны и значительно беднее, чем предметы последующего периода, но они своеобразно маркируют проникновение с II века н. э. в казахстанские, волго-уральские степи и далее на запад новой традиции гуннского полихромного стиля (золото, красный камень или стекло, зернь, тиснение, гравировка). Основные традиции и приемы украшения предметов полихромного стиля окончательно складываются уже к началу IV века. На рисунке приведены образцы полихрома, обнаруженные в памятниках II–IV веков. В раннегуннское время возник и продолжил свое развитие самый широкий спектр технологических приемов: зернь и псевдозернь, витая проволока и косичка, тиснение и гравировка, а также инкрустация и многослойная штамповка разнометаллических основ (бронза и золото, бронза и серебро, серебро и золото).

Серьга.
Темясово.
Башкортостан

Весьма показателен набор материалов, применяемых для вставок и инкрустации. В основном это камни и стекло темных тонов: красные, алые, желто-коричневые, рубиновые, реже синие и зеленые. Вероятнее всего, эта палитра сама по себе является культурнозначимым элементом нового полихрома. Впечатляет и широта использования драгоценных и полудрагоценных камней: алмаздин, гранат, топаз, сердолик, изумруд, халцедон, горный хрусталь, турмалин. Все это разнообразие методов и материалов наводит на мысль, что данный тип полихрома сложился именно в среде гунно-сарматских кочевников как культурнозначимая традиция (мода) на самом раннем этапе проникновения их в восточноевропейские степи. Последующее взаимодействие кочевников с населением ремесленных центров Причерноморья стало решающим фактором в появлении наиболее роскошных образцов гуннского полихрома.

Новый европейский стиль. Плащевые застёжки — фибулы

Пожалуй, существует одна категория инвентаря ранних гуннов, которая вызывала множество раздумий у автора этих строк. Почему? На первый взгляд, небольшой бытовой артефакт, который, тем не менее, заставляет задуматься о весьма важных культурных трансформациях, произошедших в раннегуннской среде на самом начальном этапе их прихода на евразийское пограничье. Думается, этот факт довольно просто объясняется с точки зрения понимания основного механизма цивилизационного воздействия на кочевое (варварское) сообщество. Например, находясь в непосредственной близости от империи Хань, хунны уже на самом раннем этапе существования их кочевой империи испытывали значительный своеобразный цивилизационный соблазн обретения основных благ. На этом, собственно, была построена первоначальная политика ханьских императоров по замирению (развращению) хунну. Она получила название «пять искушений». А несколько позже, когда от хуннов откупались шелками, вином и другими дорогими дарами, тобгачский император

Тоба Гуй, завоевав север Китая и основав династию Северная Вэй (386–534 годы), издал указ об обязательном ношении китайской одежды и разговоре на китайском языке при дворе.

Думается при соприкосновении с позднеантичной цивилизацией на Нижнем Дону, в Приазовье и Причерноморье ранние гунны стремительно стали впитывать предметный ряд новой цивилизационной культуры в виде трофеев, подношений и эквивалента мзды.

Появление среди археологических артефактов отдельных категорий предметов иногда указывает на кардинальное изменение в традиционной куль-

туре того или иного народа. Так, довольно массовое появление застежек-фибул у раннегуннского населения указывает на существенные перемены во внешнем виде и моде этих кочевников. Вероятнее всего, азиатские кочевники переняли распространенную в то время традицию — ношение плащей. Фибулы являлись неотъемлемым элементом плащевых накидок, поскольку скрепляли их концы на плече или на груди. Поначалу, скорее всего, гунны пользовались фибулами, импортированными из эллинистических городов, но впоследствии у них появились и собственные формы застежек.

Тоба, или тобгачи — союз монголоидных племен, сложившийся как ответвление восточно-монгольского народа сяньби. В IV веке захватили север Китая и основали царство Дай и династию Северная Вэй (Тоба Вэй).

Фибула (от лат. «скоба») — металлическая застежка для одежды, как правило, скрепляющая два верхних плащевых конца у левого или правого плеча.

Поясная гарнитура.
Могильник Бердянский.
Оренбургская область

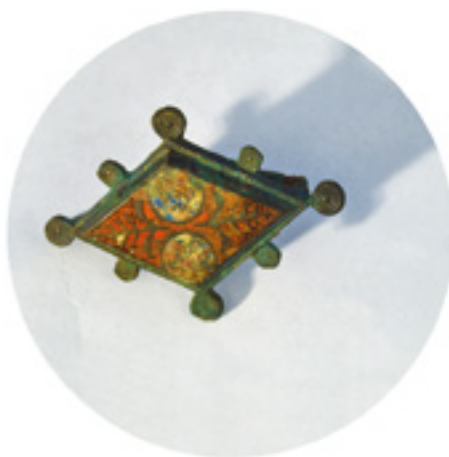

Фибула. Темясовские курганы. Башкортостан

Фибула. Могильник Солёный Дол, курган 3. Брединский район. Челябинская область

Фибула. Могильник
Целинный 1, курган 6.
Западный Казахстан

Украшение.
Могильник
Магнитный,
курган 21. Ага-
повский район.
Челябинская
область

Возможная реконструкция женского гунно-сарматского костюма.

По материалам могильников
Байрамгулово, Малково,

Лебедевка V, Целинный I.
Художник Л. Загирная

В коллекции вещей из гунно-сарматских погребений встречаются фибулы с подвижными приемниками, с изогнутой спинкой, покрытой продольной обмоткой (15 экземпляров). Четыре экземпляра представляют собой фибулы с изогнутой спинкой с частичной обмоткой и прямоугольным щитковым окончанием в нижней части. На внешней его плоскости выгравирован орнамент в виде точек, кружков и косых крестов, ограниченных в вертикальных зонах. Но наиболее распространены на Урале были фибулы со сплошным пластинчатым приемником, ромбовидным, овальным или асимметричным щитком и завитком на конце (в коллекции таких 35 экземпляров (Шатрово, курган 1; Темясово, курганы 3, 4, 7; Комсомольский IV, курганы 5, 8; Альмухаметовский, курган 7; II Ахмеровский, курганы 28, 31, погребение 2; Байрамгулово, курган 2; Целинный I, курганы 3, 20, 32, 44, 47, 49, 81, 86; Агпа I, курган 19; Георгиевский Бугор, курган 1; Жаман-Каргалы, курган 8; Лебедевка II, курганы 2, 5; Лебедевка IV, курганы 1, 19; Лебедевка V, курган 49; Лебедевка VI, курган 39; Ульке II, курган 16; Басшийли, курган 10, 42)). Особый подтип представляют две фибулы (Целинный I, курганы 44, 87) с плавно изогнутой спинкой, на которой есть овальный щиток с крючком для тетивы. Пружина имеет широкую спираль.

Шарнирные фибулы: одна со щитком ромбической формы с круглыми отростками по краям (Темясовский, курган 3), вторая сегментовидная с концентрическими кругами (Лебедевка II, курган 80). Еще одна шарнирная фибула — с ромбическим щитком, имеющим округлые отростки на углах и на середине граней. Она покрыта сложным узором из разноцветной эмали. Эта фибула имеет римское происхождение.

Далекie окраины Великого шелкового пути. Торговый импорт, военные трофеи, мзда

В общей массе раннегуннских некрополей выделяются отдельные курганы, которые резко отличаются богатством сопровождающего материала. Археологи традиционно связывают это с особым статусом погребенных. Насыпи таких курганов, как правило, занимают центральные места в могильниках и имеют более крупные размеры. Разнообразие и количество сопровождающего материала (если погребение не было разграблено) составляют особую удачу для исследователей, потому как благодаря этому разнообразию раскрывается необычная география кочевого населения.

На Южном Урале близ Магнитогорска найден пока единственный из подобных объектов — курган 21 могильника Магнитный, который был исследован в 2010 году. Поскольку это уникальный комплекс, приведем его подробное описание.

Диаметр кургана 21–27 метров, высота над современной поверхностью 1,5 метра. В центре насыпи есть следы большого грабительского шурфа размером 5×6 метров. По краю воронки — мощный выкид подковообразной формы. Грабители прошли все тело насыпи кургана и углубились в материк. Никаких предметов в заполнении их ямы не найдено.

Проследить особенности сложения насыпи не удалось. На глубине 200 сантиметров от условно принятого нулевого уровня была зафиксирована погребальная площадка. Большая часть ее площади была разрушена норами животных и грабительскими шурфами. Предположительно, размеры площадки составляли: 14 метров по линии З–В, 10 метров по линии С–Ю. Она была сооружена на погребенной почве, поверх которой был выровнен слой красно-коричневой глины (выкид из могильной ямы). Вероятно, вся погребальная площадка была покрыта сверху слоем бересты и тонкими деревянными плашками. Слой бересты надежно зафиксирован в бровках и отдельными кусками в центральной части раскопа.

Археологические исследования могильника Магнитный. Агаповский район. Челябинская область

Археологические раскопки.
Могильник Магнитный,

курган 21. Агаповский район.
Челябинская область

Деталь погребения с черепом и позвоночником (горб). Могильник Магнитный, курган 21

В западной части погребальной площадки выявлена могильная яма подпрямоугольной формы, плотно забутованная (залитая?) глиной.

На глубине 3,75 метра от вершины кургана обнаружено одиночное захоронение. Вдоль длинной (западной) стенки входной камеры был сделан подбой. В подбое установлена гробовина и помещен весь инвентарь. Ориентировка ямы по дну С–Ю. Размеры входной камеры: длина 2,8 метра, ширина 0,6 метра. Размер погребальной камеры по дну: длина 2,8 метра, ширина 1 метр. Вдоль западной стенки подбоя шла нора, уничтожившая часть гробовины.

В целом погребение не было потревожено, скелет и инвентарь лежали *in situ*. Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на север. Нижняя челюсть отсутствовала. Форма черепа позволяет предполагать незначительную деформацию. Руки вытянуты вдоль тела. Ноги вытянуты параллельно друг другу, ступни развернуты носками влево. Кости верхней части позвоночника срослись и сильно искривлены (горб). Длина скелета от верхней точки черепа до ступней 1,6 метра. Тело было положено

в гробовину и придвинуто к западной стенке подбоя.

Гробовина сохранилась фрагментарно, но удалось определить ее размеры: длина составляла около 2 метров, ширина в ногах 0,55 метра, ширина за черепом 0,4 метра. Толщина длинной стенки гробовины 2 сантиметра, короткой стенки — около 7 сантиметров.

Весь найденный инвентарь по месту концентрации можно разделить на четыре группы. Первая группа вещей располагалась между южной стенкой погребальной камеры и гробовиной, вторая группа — на костях погребенного внутри гробовины, третья группа — в северной части погребальной камеры, на уровне левого плеча погребенного, четвертая группа — у северной стенки погребальной камеры, к северо-востоку от гробовины.

Основная часть инвентаря располагалась компактно в южной части погребальной камеры. В углу между гробовиной и западной стенкой найдено бронзовое зеркало, на котором лежали железные пружинные ножницы плохой сохранности. Зеркало круглое, диаметром 9 сантиметров,

Деталь погребения. Могильник Магнитный, курган 21

Скопление предметов на южной стороне. Могильник Магнитный, курган 21

Бронзовое зеркало. Могильник Магнитный, курган 21

поверхность его слегка изогнута. На обратной стороне — шишечка-крепление и орнамент из пяти concentрических кругов. Во внутренний круг вписаны дополнительные декоративные элементы (четыре маленьких кружка и сложные М-образные знаки). Рядом с зеркалом располагалось изделие из белого известняка конусовидной формы в виде песта. У основания его лежала костяная трубочка — футляр для иголки (внутри сохранились остатки железной иглы). К востоку от песта, у стенки гробовины на боку лежал гончарный плоскодонный ангобированный сосуд.

Другая часть инвентаря располагалась компактной группой у южной стенки погребальной камеры. Между ангобированным сосудом и инвентарем у южной стенки находились полусферические и треугольные бляшки, изготовленные из тонкой золотой фольги.

У южной стенки обнаружены массивные бронзовые вещи (кувшин, ковш, ситечко), а также керамическая миска, железный черпачок и расшитый бисером и золотыми бляшками предмет — возможно, «сумочка». Сверху на этих предметах располагалась керамическая плоскодонная миска, сильно зауженная ко дну.

Бронзовый кувшин. Могильник Магнитный, курган 21

Погребальный инвентарь. Могилиник Магнитный, курган 21

У бронзового кувшина фигурно украшенная ручка, дно массивное, вогнутое, орнаментировано несколькими концентрическими кругами, припаяно отдельно. Стенки кувшина имеют разную толщину: максимальную (1 сантиметр) у дна, постепенно сужающуюся (до 0,3 сантиметра) к горлышку. Тулово сосуда не орнаментировано. Край горлышка украшен серией мелких кружков диаметром 0,2–0,3 сантиметра. Ручка на уровне горлышка переходит в горизонтальный оригинально сделанный щиток. Скорее всего, перед нами какой-то стилистический сюжет.

Под бронзовым кувшином и керамической миской располагался бронзовый ковш. Ко дну его были припаяны три плоские ножки, в процессе изучения предмета они отпали. Тонкие стенки ковша разрушены в нескольких местах. В древности предмет ремонтировался, о чем свидетельствует бронзовая грубая заплатка, закрепленная клепками. Внутри ковша обнаружено изделие плохой сохранности

непонятного назначения, изготовленное из дерева и бронзы. Под ковшом найдено бронзовое ситечко плохой сохранности. Оно имеет короткую горизонтальную ручку с маленькой клепкой неясного назначения. Дырочки пробиты не хаотично, а образуют определенный орнамент. Можно выделить четыре «зоны» орнамента: горизонтальные, косые, волнообразные и лепестковидные линии. Рядом с бронзовым ситечком лежал железный черпачок с «чашечкой» диаметром около 8 сантиметров. Все эти предметы были усыпаны золотыми полусферическими и треугольными бляшками, костяными (?) треугольниками. Возможно, они являлись деталями плетеного предмета, остатки которого удалось зафиксировать ниже. Остатки плетеного изделия представляли собой органическую основу, расширенную синим и желтым бисером, маленькими кубиками из пирита и золотыми полусферическими и треугольными бляшками.

Вторая группа вещей, располагавшаяся на костях погребенного, отражает детали одежды и украшения. На ступнях найдены полусферические золотые бляшки, которыми, видимо, была обшита обувь. На погребенном была, видимо, надета «рубаша», рукава и ворот которой были расшиты золотыми волнообразными бляшками (они зафиксированы в районе обеих запястий и на груди). К деталям «рубашки», видимо, стоит отнести стеклянные и сердоликовые бусы, найденные на каждой руке. Эти бусы лежали поперек лучевой и локтевой костей предплечий.

В районе левой ключицы найдена бронзовая ромбическая фибула. На щиток ее нанесен растительный орнамент. Рядом с фибулой располагался бронзовый цилиндр. В области шеи найдено украшение — ожерелье из листовидных и круглых подвесок и бусинок. Все подвески золотые, украшены гранатом темно-красного цвета. Бусинки (их всего девять) золотые, размером с крупный бисер.

В районе левого плеча погребенного (за пределами гробовины) расчищены гончарная тонкостенная фляга и бронзовый котел. Котел небольшой, высотой 18 сантиметров. Можно предположить, что он использовался в течение длительного времени. Об этом говорят наличие только одной ручки (вторая утрачена в древности), черный нагар, покрывающий все изделие, и многочисленные следы «заплаток». Гончарная фляга плоскодонная, грязно-серого цвета.

Последняя группа инвентаря располагалась компактно в северо-восточной части погребальной камеры. Характер расположения вещей позволяет сделать вывод, что они были каким-то образом связаны между собой. Эту группу составили: стеклянный стакан, золотые полусферические бляшки, железный Т-образный предмет плохой сохранности и предмет из бронзовых полусфер, условно названный «флаконом для благовоний». Вероятно, он составлял комплект с бронзовым цилиндром, найденным на груди погребенного.

Бронзовые ковши с горизонтальной рукоятью — одна из самых распространенных категорий вещей в составе римского импорта Восточной Европы. Они встречены в памятниках позднесарматского периода на территории Молдовы, на Нижнем Дону,

Бронзовая посуда. Могильник Лебедевка. Западный Казахстан. Фонды МА ИА МОН РК

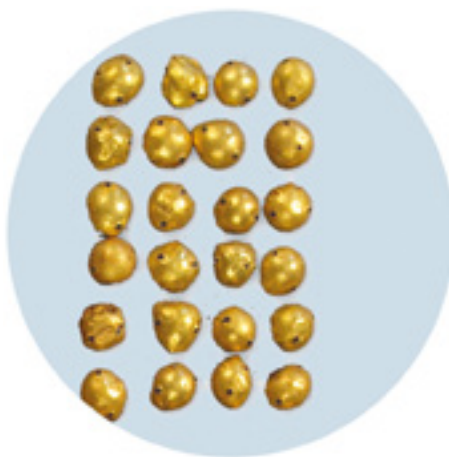
а также в сарматских памятниках Карпатской котловины.

Несмотря на то что данная категория импорта попадала в восточно-европейскую степь на протяжении длительного периода, ковши этого времени отличает особое оформление окончания рукояти (округлая вершина с концентрическими бордюрами и круглым отверстием). Это своеобразный хронологический или технологический маркер этой категории инвентаря среди позднесарматских находок. Заметим, что в весьма представительной коллекции помпейской бронзы подобный тип бронзовых ковшей отсутствует. Вероятно, это объясняет и отсутствие среди помпейских предметов археологических бронзовых кувшинов. Бронзовый кувшин, найденный в погребении близ Магнитогорска, имеет определенное сходство с бронзовой амфорой из погребения 1 кургана 9 могильника Валовый I (Нижний Дон). Авторы публикации материалов об этом могильнике отмечают, что это редкая находка, такая амфора необычна для римского импорта. Возможно, она была сделана в приднестровских провинциях Римской империи. Отчасти это подтверждается находками подобных предметов где-то на окраинах Римского мира: например, датированного II–III веками н. э. бронзового кувшина в Nistelrode (Нидерланды).

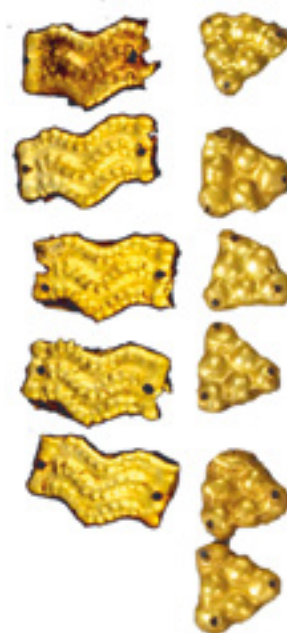
Эта ситуация характерна и для бронзовых ситечек — обязательного элемента в составе римских винных наборов. Отличие Магнитного комплекса в том, что в нем присутствует не ковш-дуршлаг, а сравнительно небольшое ситечко с необычным рисунком отверстий, находимых на предметах данной категории. Железный черпачок своеобразно функционально дополняет бронзовое ситечко.

Особым элементом Магнитной коллекции является стеклянный стакан. Римская стеклянная посуда (вазы, бутылки, графины, чаши и пр.) — не редкость в позднесарматских погребениях, однако подобная находка сделана впервые. Подобные стаканы — с оконтуренным ребром жесткости — появляются не ранее II века н. э., судя по коллекциям погребальной посуды, и существуют вплоть до IV века.

Достаточно хорошим хронологическим репером является фибула с ромбическим щитком

Украшения.
Могильник
Магнитный,
курган 21

Стеклянный стакан. Могильник Магнитный, курган 21

и антропоморфным изображением по эмали (голубой, розовый, зеленоватые тона), которая также встречается среди римских материалов не ранее II века н. э. [134], фиксируется она и в сарматских комплексах Карпатской котловины II–III веков н. э. Весьма неожиданные параллели демонстрирует керамика Магнитного комплекса. Наиболее близкие аналоги подобных мисок, горшков и фляг обнаруживаются далеко на западе, в сарматских комплексах Подунавья. Остальные предметы — бронзовый котел, бронзовое зеркало, костяная игольница, бронзовый флакончик, золотые нашивки и подвески — составляют весьма типичный набор для урало-казахстанских комплексов гунно-сарматского времени и типологически укладываются в ранний или большекараганский этап (II–III века н. э.) [8].

Выше уже проводились параллели между инвентарем из рассматриваемого комплекса и материалами из могильника Валовой I (курганы 4, 9, 21, 25, 33) в Нижнем Подонье. Не вдаваясь в подробный сравнительный анализ, отметим, что черты погребальной обрядности (подбойные захоронения, плотно забутованные глиной, единый категорийный состав комплекса римской посуды, место скопления инвентаря в могиле (в ногах), использование простых золотых сферических бляшек в отделке одежды, что своеобразно отражает традиции

того времени, железные пружинные ножницы по верх бронзовых зеркал, стеклянные изделия в районе головы) позволяют утверждать, что данные памятники относятся к единому, так называемому «всадническому» культурно-хронологическому горизонту. По мнению С. Н. Безуглова, В. П. Глебова и И. Н. Парусимова [8], основанному на анализе самого широкого круга нумизматических находок из Танаиса, Крыма и Кавказа, аналогичные поздне-сарматские комплексы из могильника Валовой I датируются концом II — первой третью III века н. э.

Комплексы типа набора предметов из кургана 21 могильника Магнитного, а это, кроме уже упомянутого комплекса из Валовой I, коллекции из курганов 1 и 2 западноказахстанского могильника Лебедевский, а также, вероятно, из могильника Олопешты в Северо-Западном Причерноморье, относятся к разряду наиболее значимых в этом ряду. Условно мы их называем «комплексы с римским “винным набором”». На наш взгляд, они особым образом маркируют некоторый обратный западный вектор движения из Подунавья в урало-казахстанские степи. Чрезвычайная адресность импортных предметов из Магнитного кургана (в особенности керамического комплекса) позволяет нам говорить о том, что, по всей видимости, они могли быть получены в качестве подарков, мзды, даров, подносимых где-то очень далеко на

Бронзовая чаша. Лебедевский курган. Западный Казахстан

Паннонский, или **Дунайский лимес** (граница) — часть древнеримского укрепленного пограничного рубежа, представляющего собой грунтовые валы, рвы, каменные стены и дозорные башни. Паннонский лимес был наиболее важным северо-восточным пограничем Римской империи после оставления ею в 271 году н. э. Дакии. Он простирался на 420 километров — от современной Австрии до современной Сербии.

западе (вероятнее всего, в непосредственной близости от Паннонского лимеса), и привнесены за более чем три тысячи километров в зауральские степи, где еще длительное время функционировали как вещи ритуального назначения. Трудно сказать, была ли эта коммуникация единовременной или поэтапной (Дон, Заволжье затем далее), очевидно одно — существовала весьма важная причина столь грандиозного оттока позднесарматского (гунно-сарматского) населения. Солидаризируясь с мнениями Е. П. Мыськовой и И. В. Сергацкова, мы склонны полагать, что эти процессы являются своеобразным следствием нашествия готов на юго-восток Европы с разгромом Танаиса в середине III века н. э. и последующим оттоком позднесарматского населения из Нижнего Дона в Заволжье и далее в Западный Казахстан и Зауралье [83, с. 188].

Интересен факт, что, несмотря на то что римский импорт имеет достаточно ранний облик, большинство вещей были изготовлены не позднее II в. н. э. Скорее всего, время их использования протянулось на несколько поколений, на что указывает их большая изношенность. Радиоуглеродная дата, определенная по костям умершего из Магнитного (SPB 557), с вероятностью 68,2 % падает на временной отрезок от 210 до 350 года н. э., то есть это, скорее всего, вторая половина или конец III в. н. э.

Готы, вторгшиеся в Северное Причерноморье и Нижнее Подонье в середине III века н. э., разрушили сложившееся или начавшее складываться это глобальное кочевое (позднесарматское, гунно-сарматское, раннегуннское) единство. Пока нет достаточных оснований говорить о том, какой период времени кочевники этого возвращенного сообщества были вынуждены обитать в районах Заволжья и в урало-казахстанских степях. Как нам

Римский кувшин и его деталь. Лебедевский курган. Западный Казахстан

представляется, готы почти на столетие отодвинули момент окончательной консолидации, которая произошла все в тех же масштабах позднесарматского феномена как кочевая империя гуннов.

Насколько мы можем заметить, основной вектор импорта в Магнитном погребении — западный (условно римский). Однако некоторые артефакты позволяют утверждать, что в равной мере в гунно-сарматских погребениях обнаруживается и восточный импорт: либо непосредственно ханьский, либо вещи, являющиеся прямыми подражаниями китайским традициям. К ним, как уже говорилось, относятся предметы вооружения (узколезвийные мечи с диском-навершием, кинжалы), зеркала и бусы (синий и фиолетовый бисер).

Наиболее ранние котелки яйцевидной формы, судя по всему, появляются также в Северном Китае и Ордосе. К ним следует прибавить абсолютно адресные восточные предметы из отдельных могильников (ханьский колокольчик из Темясовского могильника, бронзовый треножник и гончарный жертвенник из курганов Каратобе I), а также вещи с золотым шитьем и лаковые предметы из более ранних саргатских погребений, появившихся в Западной Сибири в раннеханьский период.

Обнаруживая и исследуя подобные артефакты, исследователи, как правило, связывают их происхождение с существованием активного торгового обмена в диапазоне основной существующей с определенного времени евразийской коммуникации, которая получила название «Великий шелковый путь». Насколько это справедливо?

Трудно сказать, связано ли напрямую существование империи хуннов и последующие события хунно-гуннской истории с возникновением и функционированием Великого шелкового пути. Отчасти, вероятно, да. Если привести самые общие данные о первых маршрутах этого пути, то следует признать, что наиболее достоверным фактом начала функционирования этой торговой артерии является первый снаряженный караван шелка в Западный край (Давань (Фергану), Согд, Кангюй, Аньси) в 121 году до н. э. Это произошло по указу великого императора У-Ди после завершения наиболее удачных карательных экспедиций в хуннскую степь.

Чжан Цянь — великий китайский путешественник и дипломат. Его сведения о народах, населяющих Центральную Азию во II веке до н. э., вошли в тексты историка Сыма Цяня «Исторические записки» и «Повествование о Давань». Вся свою сознательную жизнь — с 138 по 112 год до н. э. — провел в постоянных путешествиях.

У Ди — великий западно-ханьский император, реформатор, преобразователь, победитель хунну. Правил в 140–87 годах до н. э.

Бронзовый треножник. Могильник Кара-Тобе. Западный Казахстан. VI–V вв. до н. э. (по К. Байпакову)

Это решение было продиктовано по предложению его советника Чжан Цяня — большого знатока Средней и Центральной Азии. Отсутствие на тот момент шелкоткачества в этих регионах натолкнуло его на выгоду шелкового торгового обмена с западными провинциями и прежде всего для получения оттуда высокопородистых лошадей. В нашем же контексте интересно то, что Чжан Цянь был послан на запад для поисков легендарной страны Большой Юэчжи, где обитали давние враги хунну, с которыми империя У Ди вела непрерывные войны. Прохождение первых караванов было возможно лишь эпизодически — в периоды замирения или ослабления хунну.

Регулярные караванные экспедиции в Западный край начинаются уже в период Восточной Хань. Так, по указу императора Мин Ди торговые караваны из Лояня на запад отправлялись с 67 года н. э. Эти процессы были напрямую связаны с событиями, происходившими в это время в Восточном Туркестане, где карательный экспедиционный корпус во главе с ханьскими военачальником Доу Сянем и его помощником Ген Бином в союзе с тридцатитысячным войском хунну южного шаньюя

в 89–93 годы н. э. наголову разбили двухсоттысячное войско северного шаньюя. После этого часть родов северных хунну вынуждена была признать ханьское подданство, часть ушла «в неизвестном направлении» (скорее всего, в урало-казахстанские степи), а остальные («слабосильные») откочевали севернее города Кучи, где стали основой страны Юэбань (см. ниже).

Хань — первая централизованная императорская династия Китая (206 год до н. э. — 220 год н. э.), правящая династия Лю. Начальный период — Западная Хань (206 год до н. э. — 9 год н. э.). На 8 по 23 годы н. э. приходится перерыв династии (правление Ван Мана). Второй этап — Восточная Хань (25 год н. э. — 220 год н. э.).

Шаньюй — верховный титул хуннской кочевой империи. Избирался представителями хуннской аристократии (пяти племенных кланов) пожизненно.

Карта империи Хань

Начало Великого Шелкового пути.
Сиань, КНР

Карта
Великого Шелкового пути

Завершающим аккордом в становлении восточного маршрута Великого шелкового пути явилась военная экспедиция легендарного полководца Бань Чао в 97 году н. э. Он окончательно изгнал хуннов из Западного края и дошел до Каспийского моря. Несмотря на то что посольская миссия во главе с его ординарцем Гань Ина, посланная в Рим (Дацинь), не достигла цели и потерялась где-то в Месопотамии, этот период можно считать отправной точкой в регулярном функционировании сухопутного маршрута Великого шелкового пути, который в дальнейшем осуществлялся посредством согдийских торговых миссий.

Таким образом, из вышесказанного мы видим, что история хуннов-гуннов тесно переплелась с историей становления Великого шелкового пути. Однако при этом, думается, не стоит прямолинейно связывать наличие импортных вещей в памятниках северной части степной полосы Центральной Евразии с существованием каких-то ответвлений этой только что нарождавшейся торгово-культурной коммуникации. На наш взгляд, скорее всего, эти вещи попадали в могилы ранних гуннов — поздних сарматов урало-казахстанских степей и поздних саргатцев в Западной Сибири непосредственно с ее носителями, стремительно переселившимися сюда в силу обстоятельств из глубин Азии. Удивительно другое: и Великий шелковый путь, связавший надолго глобальное межцивилизационное пространство, и возникшее хунно-гуннское единство впервые позволяют говорить о реальности огромной кочевой евразийской цивилизации на пространстве как минимум от Ордоса до Дуная.

Сяньби — древне-монгольские кочевые племена, обитавшие на территории Восточной Монголии, потомки древних дун-ху, ранее покоренных хуннским шаньюем императором Модэ.

Вэй Шу — исторические хроники династии Северная Вэй (386–535 годы) и Восточная Вэй (534–550 годы), составленные в 551–554 годах историком Вэй Шоу по приказу императора Вэнь Сюан-ди.

Ранние гунны — это последние северные хунну, или Что такое страна Юэбань?

Перед тем как попытаться реконструировать облик и язык гуннов, снова и снова возвращаемся к краеугольному вопросу о преемственности монгольских хунну и урало-казахстанских гуннов. Археологически эту взаимосвязь доказать и обосновать крайне сложно, так как подавляющее число хуннских памятников, исследуемых в Монголии и Забайкалье, относится к периоду наивысшего расцвета империи хунну, а именно к II–I векам до н. э.

А памятники ранних гуннов появляются на урало-казахстанском степном пограничье спустя почти четыреста лет, в середине II века н. э. Естественно, что культуры, столь удаленные в пространстве и времени, будут значительно отличаться друг от друга. Памятники самого позднего хуннского периода (первые века новой эры) сегодня только начинают исследоваться монгольскими,

Воин из Династии Северная Вэй/Тоба Вэй

Фань Е (398–445 годы) — китайский историк, составивший хроники Хоу Ханьшу («История династии Поздняя Хань») — продолжение исторической хроники Ханьшу периода с 25 по 200 год.

Тобейская кавалерия. Глиняные фигурки

китайскими и международными экспедициями на территории всей Монголии. Безусловно, материалы из курганов этого периода, судя по первым публикациям исследователей, обнаруживают значительную схожесть с гунно-сарматскими, однако в китайской интерпретации они не бесосновательно соотносятся уже с другой культурной традицией — эпохой сяньби.

Впоследствии сяньбийский род Тоба захватывает Северный Китай (386 год) и основывает династию Северная Вэй. В этой связи в нашем распоряжении остаются данные письменных источников, но и здесь все оказывается не так ясно и однозначно. События, связанные с уходом части северных хуннов, возглавляемых безымянным шаньюем, происходит после поражения их от коалиции, состоящей из китайского экспедиционного восьмьютысячного корпуса под главенством легендарных полководцев Доу Сяня и Ген Бина, и тридцатитысячным войском южного шаньюя Туньгухэ в районе где-то на юго-западе Восточного Туркестана.

Поскольку это событие неоднократно упоминается в разных сводах источников Фань Е и Вэй Шу, в различных сказаниях, повествованиях и биографиях, то и информация, приводимая в них, разноречива. Если в «Биографии Гэн Куня» и «Жизнеописании Доу Сяня» эти события изложены весьма кратко («Войска северного шаньюя были разбиты правым полковником Гэн Кунем, после чего он бежал неизвестно куда»), то, возможно эти источники относятся к более раннему слою. Однако позднее, в других сводах, эта информация начинает обрщаться новыми подробностями.

В хронике Вэй Шу и «Повествовании о южном хунну» говорится, что после поражения «северный шаньюй устранился и в испуге сбежал, накрывшись войлоком, и укрылся в начале в Усунь», а после «перешел через хребет Гинь-Вэй-шань (Тарбагатай). Ушел на запад в Каньгуй». По пути в области, получившей название аймана Юэбань, «малосильные, которые не в состоянии были следовать за ним, остались по северную сторону Кучи» (северные предгорья Восточного Тянь-Шаня). В числе оставшихся, вероятно, оказался и Юйчунцян — младший брат северного шаньюя, который изъявил покорность ханьскому двору и по протек-

ции Доу Сяня получил титул шаньюя и владение землями к северу от озера Пулэй (Баркуль). Однако это не спасло его от гибели спустя два года: он был обезглавлен после неудачного мятежа. Эти различия, просматриваемые в разных слоях нарративных данных, позволили известному китайскому историку, знатоку истории северных варваров и Западного края Юй Тайшаню усомниться в самом факте ухода части северных хунну из Восточного Туркестана на запад.

Это обстоятельство, бесспорно, сыграло свою роль в отрицании хунно-гуннской преемственности. Однако, судя по тому, что поздние источники дают более насыщенную картину событий, вэйские летописцы спустя много лет, хорошо зная фабулу развития последующих событий, наполнили ее новыми данными. Для чего им это было нужно? Для того, чтобы та самая страна отложившихся «слабосильных» северных хуннов, получившая ко времени Северной Вэй название Юэбань, первое посольство которой прибыло к императорскому двору в 436–437 годы, располагалась на стратегически важном участке Великого шелкового пути (выход в Джунгарские Ворота). Исходя из этого любые данные, касающиеся прошлого и настоящего этой территории и ее насельников, являлись стратегически важными.

Таким образом, информация об истории возникновения страны Юэбань затрагивает наиболее узловые вопросы не только формальной истории северных сюнну, но и процесса трансформации азиатских хуннов в европейских гуннов.

Следующий отрывок вэйского сказания о Юэбани гласит: «...число “слабосильных” хунну составляет до 200 000 душ». Речь идет о населении, оставшемся с младшим братом северного шаньюя Юйчуузяном и его вассалами в пределах Туркестана. Остается лишь предполагать, какова была численность ушедших с северным шаньюем. Что касается территории кочевания этих отложившихся сюнну, то, судя по описанию последующих событий, она тоже была весьма впечатлительной и, скорее всего, охватывала весь степной коридор туркестанской Джунгарии.

Уход остатков северных хуннов из Восточного Туркестана на запад, конечно же, не был одно-

моментным. Исход отложившихся, «слабосильных» и иных хуннов из Западного края, скорее всего, продолжался вплоть до середины II века н. э. Завершение этого процесса обусловили не китайские карательные экспедиции, а продвижения таких же кочевых племен сяньби до предгорий Тарбогатая.

В этом контексте можно утверждать, что вышеприведенная информация из доклада поздниханьского чиновника Чжан Даня объективно отражает реальное положение дел. Укрепившись и освоившись на северо-западных окраинах азиатских степей, племена северного шаньюя сначала заняли урало-прикаспийские степи, а затем расширили свои кочевья вплоть до Причерноморья. Было бы абсолютно неверно полагать, что, имея столь масштабные перспективы в крайних западных землях, северные хунны не сохраняли взаимосвязь со своими отложившимися туркестанскими сородичами, тем более формального препятствия для этого не существовало. Вероятнее всего, этот факт — что северные варвары Ху-Яна вместе с остальными

разбойничают и хозяйничают везде — и зафиксирован китайским военным чиновником Дунхуана в 124 году н. э.

В сказании о сяньби Хоу Ханьшу сообщает, что бывшие земли северных сюнну, занятые Таншхаем в 155–158 годах, протягивались с востока на запад на 14 тысяч ли [122, с. 6]. Однако мы склонны полагать, что эта информация, как и последующая фраза — «Жители области Лян-чжеу владельца (Юэбани) еще называют шаньюй-государь. Обыкновение и язык одинаковы с гаогюйскими, но более опрятности» — принадлежали, вероятнее всего, авторам Вэйшу. Это косвенным образом подтверждается тем, что озвученная информация, как и вступительный отрывок, несут явный военно-стратегический и внешнеполитический характер. Последние же фразы повествования дают характеристику государства Юэбань позднего (вэйского) периода, так как в поздниханьский период, вплоть до нашествия Таншихая, совершенно естественно и легитимно сохранялся титул северного шаньюя. А языковые и внешнебытовые сравнения

Ли — китайская мера длины, равная 300–360 шагам (примерно 500 метров).

Таншихай (Тансихуай) — вождь племенного союза сяньби, основатель кочевой империи, победитель хунну. Владения сяньби он раздвинул от Тарбогатая до Маньчжурии.

Этнокультурная карта средней Евразии в V–VI веках н. э.

с гаогюйцами, бесспорно, могли иметь место лишь после переселения последних в пределы Восточного Туркестана (после 390 года).

Здесь встает весьма важный вопрос: с какого периода самоназвание северных сюнну изменяется на Юэбань? Собственно, этот вопрос определяет нижнюю границу существования этой страны. Попробуем найти ответ. Как известно, начальная дата образования этого государства определялась, зачастую без видимых оснований, как 93 год н. э., 160 год н. э. или 164 год н. э. [32, с. 133]. Решая этот вопрос, мы прежде всего реконструируем момент, когда с исторической арены южной Джунгарии сходит этноним «северные сюнну» и на смену ему приходит этноадминистративное определение Юэбань. Как позволяют судить источники, северные сюнну сохраняют свою идентичность до сяньбийского завоевания. В «Повествовании о Сяньби» говорится, что после бегства северного шаньюя его земли были заняты сяньби, оставшиеся сюнну стали называть себя сяньбийцами [78, с. 153]. Полагаем, что здесь мы имеем дело с некоторой неточностью, так как после северсюннского исхода из пределов Туркестана, как уже рассматривалось выше, оставшиеся («слабосильные, отложившиеся») племена этого союза еще длительное время упоминались в позднеханьских хрониках под своим исходным наименованием. Затем произошел вполне естественный для кочевых сообществ акт номенклатурной рокировки этнонаименований, когда победитель инкорпорирует в свой состав инокультурные образования, наделяя их своим родовым именем или политонимом. Логично предположить, что, потеряв свою этнокультурную идентичность, кочевое объединение туркестанских северных сюнну впоследствии заменило свое название на новое — юэбань. К сожалению, точно определить этот момент на основании имеющихся источников не представляется возможным. Скорее всего, это произошло между наиболее масштабным нашествием Таншихая на Восточный Туркестан и уходом сяньби с политической арены (середина IV века). В этот период начинаются весьма важные события и этнокультурные трансформации в среде населения Южной Джунгарии и предгорий Центрального и Восточного Притяньшанья, так как с приходом сяньби на

эти территории начинают переселяться монголоидные племена группы дунху из Северо-Восточной Монголии, которые входили в ареал сяньбийской конфедерации. В их числе, вероятно, находились и раннеболгарские объединения огузов, говоривших на тюркских наречиях: ogur (огуры), bulugu (ballckkua), kutngur, utugur и др. [69]. К сожалению, смутное время между 220 и 386 годами и бурные события, происходившие в послеханьский период как в самом Китае, так и за его пределами, прежде всего в степном ареале Большой Монголии, существенно повлияли на информированность китайских летописцев относительно событий и процессов в Западном крае. С возникновением династии Вэй (386 год) этнополитическая карта Монгольского региона и Туркестана кардинально изменилась. В это время в пределы джунгарских степей и Притяньшанья вторгаются жужани (gouran) (402 год) и, продолжая динамику сяньбийских перемещений, переселяется население гаогюй (теле) (401 год) [32, с. 195] и ашины (тукюе) (460 год) из Юго-Восточной Монголии и Хэси.

Как следует из логики событий, именно после переселения юэбань-кидаритов в Карши и на Нарын (418 год) говорить если не об их тождественности, то, по крайней мере, о союзе вполне уместно.

С этих пор в долине Или Юэбань продолжает соседствовать лишь с гаогюйцами [32, с. 134–195]. К концу IV века происходит переселение племен сообщества огур (гаогюй, теле, оногур, уйгур) в Джунгарию. Вероятно, именно эту особенность отражает та часть отрывка, которая указывает на схожесть внешности и языка юэбаней и гаоцзюй. Такое положение вещей, с одной стороны, дей-

Символ народа Теле

Гаогюй (гаоцзюй)

(«высокие повозки», «тележники») — древний кочевой народ хуннского происхождения. После разгрома государства Юэбань жужанями в 490 году гаогюйцы образовали свое государство в Восточном Казахстане. Впоследствии составили основную часть конфедерации теле.

ствительно позволяет говорить о том, что с этого периода (начало V века) начинается тюркизация населения степей Восточного Туркестана. С другой стороны, учитывая то многообразие этнокультурных трансформаций, которые претерпело население Юэбани — северные сюнну, впоследствии попавшие под прямое влияние сяньби, усунь, гаоцзюй и жужан, — мы не можем утверждать, что язык северных хуннов на исходном этапе должен был относиться именно к тюркской языковой группе. Равно как этот же факт не дает основания считать, что юэбань-кидариты могли говорить на языке, близком к гаоцзюйскому (тюркско-телесскому), как, впрочем, и не дает оснований для лингвистических определений всех европейских и азиатских гуннов-эфталитов, на что указывал Л. Н. Гумилев¹.

Таким образом, приведенная реконструкция сюжета о стране Юэбань позволяет установить, что, вероятно, в силу своего стратегического местоположения в пределах долины реки Или, на стыке Великого шелкового пути и двух основных направлений степных миграций — северного притяньшанского и тарбагатайского (Джунгарские Ворота) — в период своего существования как особая этнокультурная область с 91 по 460–465 годы н. э. она включила в свой состав фактически все известные на тот момент кочевнические историко-культурные компоненты (северных сюнну, сяньби, кидаритов, гаоцзюй (теле), жужаней (аваров)).

Суммируя вышесказанное, необходимо заметить, что легендарная история юэбань вольно или невольно является узловой в понимании вопросов этно- и культурогенеза Туркестанского и Среднеазиатского регионов. Причина этого, на наш взгляд, кроется, с одной стороны, в том, что изначально этот кочевой союз слагался из консолидированного кочевого сообщества — оставшейся части северных хуннов, способных длительный период удерживать ключевые территории Восточного Туркестана. После этого они устремились северным степным маршрутом через Тарбагатайский проход и Джунгарские Ворота в урало-казахстанские степи. Способность сохранять изначально социо-

культурное единство и адаптироваться к новым внешнеполитическим условиям, интегрируясь вначале в сяньбийскую, а затем в гаоцзюйскую тюркско-телесскую среду, имела для гуннов решающее значение в ходе хунно-гуннских трансформаций. Не выдержав натиска со стороны кочевой империи жужан (guru), в 414–415 годах население этой страны начинает покидать территорию Центрального Притяньшанья и долины реки Или. Выступая вначале как группа племен (кидаритов), объединенных вождем Цидоло, переселившись на территорию Карпии, это население, с одной стороны, раздвигает границы страны Юэбань на запад до долины реки Нарын, с другой, войдя в эфталитскую конфедерацию, осуществляет совместные походы в Пешавар и Северную Индию. В период с 448 до 465 год население Юэбани покидает Приилийскую область и «степным путем» (через Джунгарские Ворота) уходит на запад, появившись в Северном Предкавказье в 450-е годы под именем авар или «псевдоавар».

Думается, что за период своего существования с конца I по вторую половину V века народы этой страны претерпели серьезную этническую и культурную трансформацию. Приток сяньбийского и гаоцзюйского (телесского) населения группы дунхулу районов юга Восточной Монголии явился решающим фактором изменения антропологического облика (монголоидность) и внедрения тюркоязычия в среду раннегуннского населения Юэбани, что и отразилось в сообщениях китайских летописцев. И, наконец, тюрко-телесская составляющая явилась решающей в облике самого позднего населения Юэбани и аваро-гуннов, принесла в Подунавье яркий облик раннетюркской культуры, аналоги которой уводят в Центральноазиатский регион — на Алтай и в Саяны.

Джунгарские ворота

¹ Гумилев Л. Н. Эфталиты и их соседи в IV в. // Вестн. древ. истории. 1959. № 1 (67). С. 130.

Расовый облик и язык ранних гуннов

Расовый облик гуннов. Когда мы смотрим на антропологические реконструкции ранних гуннов, то невольно обнаруживаем некоторый познавательный диссонанс, который априори должен быть объясним. Вероятно, эти образы никак не ассоциируются у нас с лицами кровожадных гуннов, пришедших в Европу. Этот стереотип, скорее всего, отчасти лег в основу «позднесарматского нигилизма», а облик «стереотипа» блестяще отобразил великий А. Блок: «Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы, с раскосыми и жадными очами!» (то есть гунны — это обязательно азиаты «с раскосыми и жадными очами»). Но это всего лишь поэтическая аллегория. Однако большое количество отечественных и западных исследователей оказались абсолютно одержимы этой гуннской «азиатчиной». При этом великое научное сообщество совершенно позабыло, что антропологическая карта макрорегиона Большая Монголия имела свое расовое пограничье, проходившее примерно по средней ее части (от среднего течения реки Тола к югу). Издревле Монголию населяли представители двух рас — азиатские палеоевропеоиды и восточноазиатские монголоиды. Причем первые обитали в западной части этого ареала, а вторые — в восточной.

Думается, что переселение с востока на запад затронуло в первую очередь племена западной части хуннской конфедерации (империи). Скорее всего, кардинальное разделение хуннов на южных и северных имело в том числе и расовый характер. Западные хунну, ярко отличаясь от южных своей европеоидностью (кавказоидностью), оказались под ударом южных собратьев.

Проследим этапы формирования стереотипа о тотальной монголоидности хунну более подробно.

Один стереотип, связанный с монголоидным обликом хуннов-гуннов, опирается на целый ряд заключений, в том числе весьма существенных. Так, палеоантропологический анализ позволил Д. Тумэну прийти к выводу, что краниологическая хуннская серия, рассмотренная им, принадлежит к монголоидному североазиатскому антропологическому типу. Сравнительный анализ этой серии

Антропологические реконструкции гуннов. Автор А. И. Нечвалода.

1, 2 — Солёный Дол (раскопки И. Э. Любчанского); 3 — Селивановский (раскопки В. К. Федорова)

Большая Монголия — термин, под которым подразумевается территория обитания

народа в пределах Монгольской Республики и Монгольского автономного района КНР.

и серий эпохи бронзы (культура плиточных могил) Средневековья и современности Монголии позволил автору говорить об их значительном расовом сходстве [109]. Эти данные достаточно хорошо соотносятся с краниологическими материалами из могильников хунну Забайкалья, а также Ноин Улы. В большинстве своем они были также отнесены к монголоидному североазиатскому (сибирскому, байкальскому) антропологическому типу [40, с. 120–123; 30. С. 166; 76. С. 204–207; 81. С. 272]. С. Г. Кляшторный и Д. Г. Савинов приводят в своих работах эстампы, снятые венгерским антропологом З. Токачем с барельефной группы «Кони топчут сюнну» из гробницы Хо Цюйбина, посвященной триумфу над варварами у горы Цилян (между 121 и 117 годами до н. э.). У поверженных сюнну монголоидные лица [57, с. 130–132; 59]. Кроме того, в склепах эпохи Хань в окрестностях города Сиань среди статуй армии императора резко выделяются монголоидные воины-всадники, которые составляли большую часть кавалерии Поднебесной.

Фактическое отсутствие краниологических определений погребальных комплексов гуннов из Восточной Европы времен Аттилы было восполнено имеющимися письменными данными. Так, известное сообщение Амиана Марцелина о том, что «члены тела у гуннов мускулистые и крепкие, шеи толстые, чудовищный и страшный вид, до старости они живут без бороды, безобразны, похожие на скопцов», дало Н. В. Пигулевской основание говорить о европейских гуннах как о монголоидах [90, с. 34–36]. В подтверждение монголоидности гуннов, прибывших в Восточную Европу, И. П. Засецкая дополнительно приводит сведения Клавдия Клавдиана о безобразной внешности и постыдных на вид телах гуннов, а также описание Аттилы, данное Иорданом: «...Аттила был низкорослым, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутой сединой, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом (кожи)...» [49, с. 154–155].

Так обстоят дела с доводами в пользу монголоидности хунно-гуннского населения. Попробуем детализировать эти сведения и расширить их. Безусловно, у нас нет никаких оснований сомневаться в объективности приведенных выше антропологических данных о хунно-сюннах. Приходится лишь сожалеть, что этот материал «невелик и фрагментарен» [81, с. 272]. Если взглянуть на географию задействованных в этих исследованиях комплексов, то окажется, что все они находятся в восточной и северо-восточной частях Монголии и Забайкалье (бассейн реки Селенги). Самые западные из них расположены на востоке Центральной Монголии (Батценгель — Сомон, Тэбш-уул). То есть все они находятся в той части региона, который с древнейших времен и до эпохи бронзы и скифского времени был заселен палеосибирским населением монголоидной расы. Однако уже и внутри этой группы Г. Ф. Дебецом зафиксирован случай европеоидной примеси (могильник Ургун-Хундуй). Европеоидные черепа в хуннских могильниках Найман Толгой и Эрдэнэ Мандал были выявлены Тибором Тотом. При этом в ряде случаев монголоидность

Антропологические реконструкции гуннов. Автор А. И. Нечвалода

Краниология (от древнегреческого *κρανίον* — череп, и *λόγος* — слово) — комплекс научных

дисциплин, изучающих нормальные вариации формы черепа у человека и животных.

Антропологическая реконструкция женщины из могильника Мандесарка, курган 6.

Автор А. И. Нечвалада
(по М. Р. Макуровой, Ю. С. Макурову, Е. О. Шиманскому)

Антропологические реконструкции. Гуннские образы.
Автор А. И. Нечвалада

в них фиксировалась как некоторое влияние [Toth, 1967, p. 382–383; 2000, p. 213–217]. Примечательно, что эти могильники, изученные венгерско-монгольской экспедицией под руководством И. Эрдели, занимают крайнее западное (юго-западное) положение среди исследованных памятников хунну, для которых имеются антропологические определения. К сожалению, мы располагаем весьма ограниченными антропологическими данными из Западной Монголии и особенно более южных регионов — из Внутренней Монголии, Ордоса и провинций Северо-Западного Китая.

Выборочные исследования краниологических материалов эпохи бронзы из провинции Ганьсу (могильники Юймынь) и с памятников раннего железа на территории Синьцзяна показали, что в поздней бронзе (XVI век до н. э.) население Верхнего Хуанхэ имело особый расовый облик, в целом схожий с обликом населения Тибетского и Северного Китая шанско-иньского времени. Он был отличен от кавказоидного, который преобладал в то время в пределах Синьцзяна наряду с индоафганским и памиро-ферганским антропологическими типами. В результате исследования Хань Кансинь и его коллеги пришли к выводу, что, вероятнее всего, население эпохи бронзы и раннего железа Центрального Ганьсу вплоть до циньской эпохи не было подвержено влиянию со стороны племен юэчжей и усуней, проживавших в рамках Синьцзяна и Хэсийского коридора. Одновременно оно не испытывало влияния и монголоидного населения, проживавшего по соседству [115, p. 421–422; 116, p. 252].

Вероятнее всего, полоса расового разделения, установившаяся в древнейший период по средней части Монголии, продолжала сохраняться на протяжении всего периода существования империи хунну. На наш взгляд, ситуация начала меняться в эпоху поздней Хань, когда пределы Принаньшанья и Гансуйского (Хэсийского) коридора покинули вначале юэчжи, а затем и значительная часть хуннов. Вероятнее всего, в первых веках новой эры с вторжением восточномонголоидных племен сяньби происходила активная монголоизация Ордоса и западных областей Монголии, на что указывают и данные антропологии [21, с. 289–319].

Вернемся к изобразительным материалам. Безусловно, приведенные выше изображения сюнну времени Хань указывают на то, что действительно какая-то часть населения империи хунну имела монголоидный облик. Думается, не случайно, весьма осторожно говоря об антропологическом облике хунну и возможной их монголоидности, С. И. Руденко в одном ряду с гуннами упоминает и восточномонгольские племена дунху [94, с. 177].

Однако существуют и иные изображения сюнну и северных варваров. Почему-то большинство исследователей — приверженцев монголоидности сюнну, не упоминают о портретных вышивках из ноинулинских курганов 6 и 25. Принимая во внимание, что основа вышивки — станковая ткань — могла быть импортирована в Монголию из Китая или Туркестана, выскажем предположение, что портреты, вышитые совершенно другими (шерстяными) нитями, были изготовлены на месте. К хуннскому происхождению этих вышивок склонялся и автор раскопок С. И. Руденко [95, с. 106]. Образы носят явно персонифицированный характер. Антропологический облик мужчины с пышными усами, густыми бровями, волнистыми волосами, широким разрезом, возможно, светлых глаз, высоким прямым выступающим в верхней части и слегка

Вышивка из могильной ямы.
Могильник Ноин-Ула [95]

приплюснутым ниже переносицы носом, широким и высоким подбородком не вызывает сомнения в своей европеидности (вероятно, кавказоидный тип).

Другой портрет мужчины — с высоким удлиненным лицом, широкими глазами, несколько скошенным подбородком, высоким выступающим приплюснутым от середины переносицы носом — производит впечатление некоего смешанного антропологического типа (центральноазиатская европеидность с налетом монголоидности), очень похожего на тип определенной части северокавказского населения. Вышивка на драпировке из кургана 6 изображает двух стоящих возле коней мужчин.

Поясная пластина и ее детали. V–IV вв. до н. э. Золото. © Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург

С. И. Руденко особо отмечает непропорциональность изображения — большие (относительно лошадей) длинноголовые человеческие фигуры [95, с. 106–108, табл. LX–LXIII]. Особо выделяются большие носы и широкие глаза. На головах мужчин шапки кочевнического (скифо-сакского) вида. Нечто подобное можно увидеть на портретных изображениях на золотой пластине-застежке из сибирской коллекции Петра I, найденной в Забайкалье или Монголии [52, с. 61]. Учитывая то, что культура носителей общности «ордосских бронз», к материалам которой относится эта застежка, легла в основу культуры хуннов, данное сопоставление будет вполне уместным. Двое мужчин с пышными усами, высокими черепами и высокими утолщенными в нижней части носами на этой пластине очень близки по внешнему облику к первому ноинулинскому типу. Сидящий в профиль мужчина (женщина?) имеет удлиненное лицо, широкие глаза, высокий слегка уплощенный нос и немного скошенный подбородок. Его облик, передающий некую азиатскую европеидность с монголоидным налетом, очень схож с обликом мужчины на второй портретной вышивке из Ноин Улы. Другие изображения лиц, которые встречаются на металлопластике «ордосских бронз», демонстрируют, как правило, антропологические особенности европеидного облика (большие грацильные головы, длинный выступающий нос, широкие глаза). Думается, это сходство неслучайно и вполне дает нам основание полагать, что наряду с монголоидным населением в державу хунну входили кочевники особого европеидного облика, включающие кавказоидное и некое микшированное центральноазиатское население, имеющее монголоидную и, вероятно, северокавказскую примеси.

Теперь попытаемся сопоставить эти сведения с данными об облике европейских и среднеазиатских гуннов.

Определенным аргументом в пользу значительной доли европеидности гуннов является то, что северные хунну, покинувшие Монголию, на своем пути в Европу более чем на полстолетия (с 90-х годов н. э. до середины II века н. э.) задержались в Синьцзяне, где, вероятно, не только переняли традицию деформации черепов, но и получили до-

полнительную долю европеоидности за счет взаимодействия с местным кавказоидным сармато-аланским населением. Имеются определенные сведения об облике среднеазиатских белых гуннов-эфталитов, составивших, возможно, половину всех гуннских мигрантов, которые описываются в одной из работ Л. Н. Гумилева. Говоря о хуннах вообще и «белых хуннах» в частности, автор указывает на то, что одной из древнейших составных частей хуннов являлись племена бади и байди — «белых ди», или динлинов: «Тип племен ди характерен для древних хунну, лишь позднее вобравших в себя монголоидную примесь. Он характеризуется сочетанием широких скул и выступающего носа. Последний считался даже отличительным признаком хуннов, и когда Ши Минь издал повеление предать смерти до единого хунна в государстве... погибло много китайцев с возвышенными носами». Этот тип зафиксирован в барельефе эпохи Хань, изображающем битву хуннов с китайцами. Впоследствии он вошел как основная составная часть в уйгурскую народность, представители которой на китайских рисунках изображаются как люди с толстым носом, большими глазами, сильно развитой растительностью на лице и всем теле, бородой, начинающейся под нижней губой, пышными усами и густыми бровями. Ныне потомки их уцелели в Нань-Шане — провинции Ганьсу, то есть на своей прародине. Обратите внимание на сходство этого описания с портретными особенностями, приведенными выше. Достаточно точной иллюстрацией антропологического облика являются изображения эфталитских вождей на монетах эфталитов, приводимые Ш. Уйфальви и Т. А. Трофимовой [108; 128] при описании традиции деформирования черепов у азиатских гуннов. При первом взгляде на них особо бросаются в глаза массивные головы изображенных. При этом «длинноголовость» существует сама по себе и объясняется не столько наличием кольцевой деформации затылочной части, но и массивным выступающим носом, большими ушами и скошенным подбородком.

Очень схожий с портретом облик дает изображение Аттилы на серебряном (?) медальоне (фалере), обнаруженном в 1958 году в Актюбинской области, в междуречье Ори и Илека, при невыясненных об-

стоятельствах (раскопки?) краеведом А. А. Павленко. Выполненный в позднеантичной традиции профиль бородатого мужчины обрамляет латинская надпись «ATTILA — REX» (Аттила — царь). Надписи по краям ограничивают хорошо различимые изображения в виде трехконечной вихреобразной свастики. Данный изобразительный сюжет хорошо известен специалистами как тамбовый знак, встречающийся на предметах или памятниках, относящихся к позднесарматскому (гунно-сарматскому) времени. Длинная борода, неприбранные (косматые, волнистые) волосы явно выдают варварский

Изображения гуннских вождей на монетах и медальонах. 1 — позднеримская фалера с изображением Аттилы; 2 — фалера с изображением

Случайная находка в Актюбинской области в 1958 году; 3, 4, 5 — монеты с изображением правителей-эфталитов Тормана, Михиракула

облик изображенного, несмотря на то что отнесение этого медальона к определенному периоду затруднено, так как данное изображение Аттилы фактически аналогично его портретному оттиску на итальянской медали в память о разрушении города Акдилеи первой трети XVI века, хранящейся во Французской национальной библиотеке [17, с. 96–97].

Многое в связи с этой находкой остается непонятным, однако полагаю, что художники-медальеры начала XVI века при создании образа гуннского вождя имели какое-то конкретное изображение, скопированное либо с поздне римской фалеры, либо с раннесредневековой фрески или гравюры. Фалеры имели достаточно большое распространение именно в поздне римский и византийский периоды [54, рис. 319, а; 341 а, г, д; 127, fig. 8, 9, 95]. В этой связи неслучайным является появление этих находок на Урале в постгуннский период. Подобный медальон с изображением тетрархов был найден в Уфимских курганах турбас-

линской культуры. Другая каменная фалера была обнаружена в Мокинском могильнике близ Перми. Лицо на орской фалере имеет явное портретное сходство с изображениями Аттилы на известных поздне римских фалерах. На орской фалере изображенный имеет массивную голову (с угадывающейся затылочной деформацией, вытянутой вперед и удлинненной книзу лицевой частью, особо выделяются длинный опущенный нос с выраженной горбинкой, глубоко посаженные глаза и хорошо профилированные надбровные дуги). Подобная профилировка лица до деталей напоминает облик мужчины из кургана 4 гунно-сарматского могильника III века н. э. Солёный Дол (раскопки И. Э. Любчанского), скульптурная реконструкция которого была выполнена А. И. Нечвалодой.

На медальонном портрете Аттилы особенным образом подчеркнута пышная европеоидная волосяная растительность на голове и лице изображенного. Данные о характерной пышности волосяного покрова можно соотнести лишь с одной антропо-

Антропологическая реконструкция погребенного из могильника Солёный Дол,

курган 4 (раскопки И. Э. Любчанского). Автор А. И. Нечвалода

значной деталью, которая описана Амианом Марцелином: «...голова покрывают они кривыми шапками, свои обросшие волосами ноги — козьими шкурами...» [55, с. 397]. Напомним, что для монголоидной расы характерно отсутствие волосяного покрова на теле, зачастую даже в паховой зоне.

В этой связи Я. А. и Г. С. Федоровы совершенно справедливо, с нашей точки зрения, заметили, что описание внешнего облика гуннов Амиана Марцелина вряд ли может свидетельствовать об их монголоидности, так как «приводя описание внешности и характера гуннов, он не упоминает ни об их скуластости, ни об их узких глазах» [111, с. 47].

Действительно описания Амиана Марцелина и Иордана в большей степени подчеркивают непривычный и безобразный облик гуннов, хотя важной деталью во внешнем облике Атилы является его большая голова. Если проанализировать ситуацию, то бесспорным окажется тот факт, что хунны-гунны явились новой, в отличие от предшествующей юэчжийско-сармато-аланской, волной наиболее восточных кочевников Азии. К этому следует добавить необычную традицию уродовать лицо ребенка при рождении, чтобы ликвидировать лицевое оволосение, а также широкое распространение черепной деформации, которая также существенно исказила антропологический облик. Деформация черепа достигалась путем наложения жгутовых повязок и укрепления деревянных или иных зажимов в детском возрасте для достижения определенных антропологических внешних данных как особых социально значимых признаков.

Теперь попытаемся взглянуть на результаты краниологических исследований позднесарматского населения в свете приведенных сведений. Впервые на возможность соотнесения раннегуннского населения с позднесарматской культурой указали Я. А. и Г. С. Федоровы. Приводя данные В. П. Шилова и В. В. Гинзбург о памятниках поздних сарматов, оставленных населением с разнообразными антропологическими типами, иногда с монголоидной примесью, они причисляют их к памятникам гуннской эпохи [27; 111, с. 47–48; 121].

Несмотря на то что внутри позднесарматского населения существовали какие-то локальные варианты, включавшие местные комбинации призна-

Реконструкции деформации черепов

ков, по мнению М. А. Балабановой, в целом поздние сарматы обладали морфологическим комплексом, который можно диагностировать как тип южных европеоидов («длинноголовые европеоиды»). Он сочетает массивную долихокранную (длинноголовую) высокосводчатую мозговую коробку с высоким, широким, резко профилированным в горизонтальной плоскости и ортогнатным (уплощенным) в вертикальной части лицом. Глазницы

крупные широкие и высокие, нос и носовые кости высокие, сильно выступающие [5, с. 64–65].

Фактически аналогичную характеристику (брахицефальный (высокоголовый) тип с широким, высоким и уплощенным лицом) вновь прибывшего танаисского населения, носителей новых палео-иранских имен и позднесарматских погребальных традиций, дает М. М. Герасимов и другие антропологи. При этом ими отмечается монголоидная метисация среди черепов с искусственной деформацией — от незначительной ее доли до явно монголоидных типов с высоким и широким плоским лицом. Отмечается также тенденция к большей монголоизации непосредственно ко времени Руги и Атилы (IV–V века) [25, с. 256; 26, с. 62–82], что

в определенной мере подтверждает мнение Л. Н. Гумилева об установлении монголоидности у гуннов на самом позднем этапе. Внимательный читатель, вероятно уже отметил явное совпадение деталей в приведенных изобразительных, описательных и антропологических данных: европеоидность с небольшой монголоидной примесью, большеголовость, широкие глубокие глазницы, высокий массивный выступающий нос, слегка уплощенное лицо.

Раннегуннские кочевники, столкнувшись на лесостепном пограничье с населением Зауралья и Западной Сибири, привнесли в их среду традицию кольцевой деформации черепа (Устюг I, Козлов Мыс 2, Усть-Тара VII и др.). Эта черта социальной

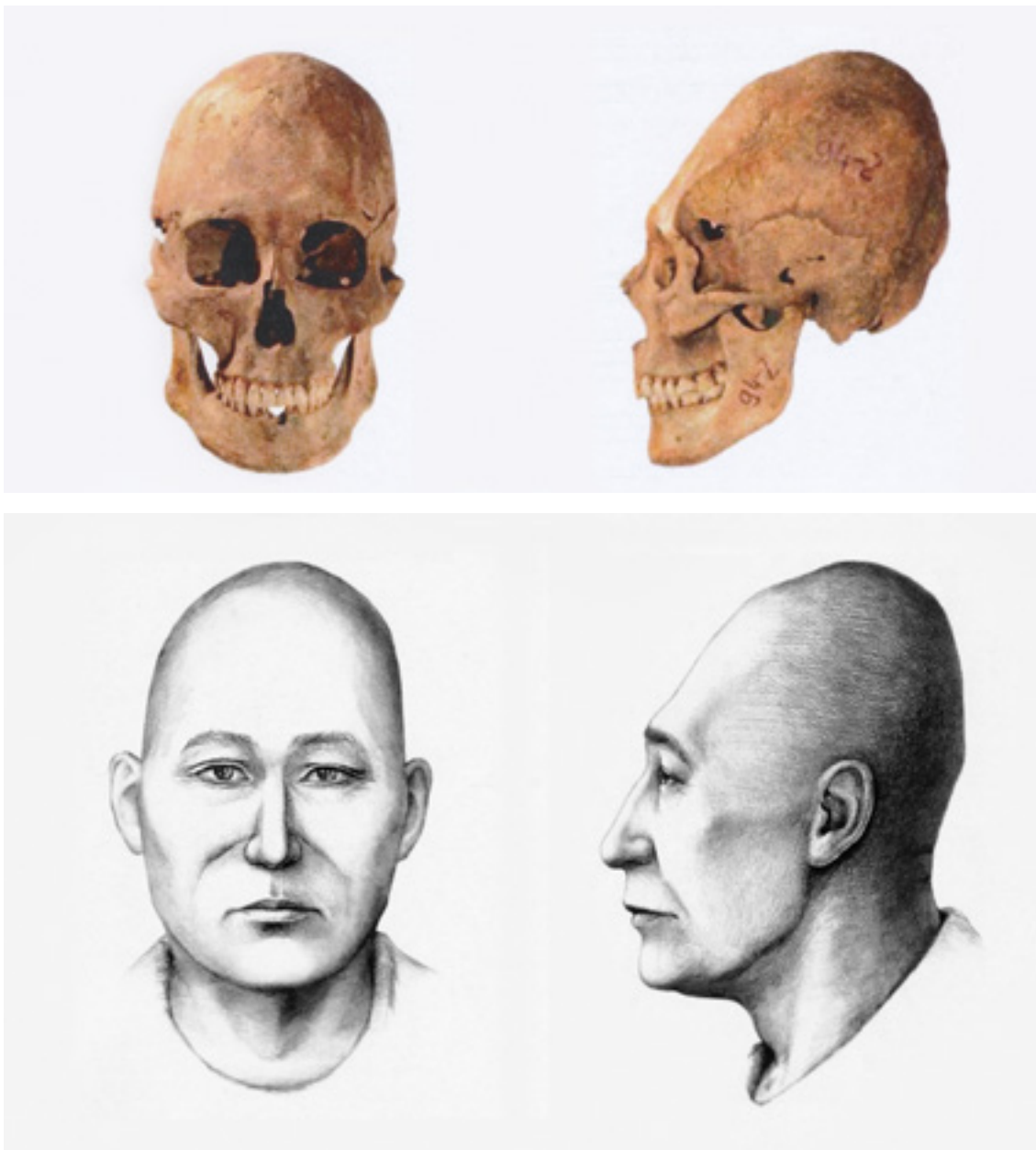

Деформированные черепа
из погребений могильников

Красноуревский и Солёный
Дол

престижности в гуннское и постгуннское время (IV–VI вв.) получила здесь свое особое развитие, достигая подчас гипертрофированные формы. Так, в погребениях могильника Усть-Тара VII (Тарское Поиртышье) деформация черепов погребенных приобрела чудовищные размеры. Этот факт указывает на то огромное влияние и взаимодействие, которое оказывали гунно-сарматские кочевники на оседлое лесостепное население Срединной Евразии в период своего наибольшего могущества в урало-казахстанской степи.

Думается, приведенных данных вполне достаточно для предположения, что наряду с монголоидными кочевниками Маньчжурии, Восточной Монголии и Забайкалья империя хунну включала кочевое европеоидное население Центральной и Западной Монголии и Северного Китая, большая часть которого, вероятнее всего, была впоследствии вытеснена в пределы Синьцзяна, а чуть позже изгнана в пределы Средней Азии и Восточной Европы своими восточными кочевыми соседями — сяньби.

Антропологическая реконструкция по черепу мужчины 35–40 лет из погребения 1 кургана 1 могильника Устюг-1 (по Е. А. Алексеевой, 2013)

Язык и знаковое письмо гуннов

Основой установившегося мнения о тюркоязычности гуннов явились многочисленные точки зрения, высказанные авторитетнейшими историками и лингвистами и приведенные в уже упоминавшейся работе С. Г. Гуркина и специальном исследовании Г. Дерфера. В целом данное суждение выглядит так: язык хунну (сюнну), принадлежащий к тюркской ветви алтайской языковой семьи, получил у гуннов и связанных с ними племен господствующее положение. По мнению Ф. Альхайма, Р. Штима, К. Цойсса, А. А. Куника, Ф. Мюллера, В. Томашека, М. Соколовка, Ф. Е. Корша, В. Ф. Мюллера, В. Г. Василевского, А. Вамбери, В. В. Радлова, Н. А. Аристова, Ю. Немята, Н. А. Баскакова, И. П. Засецкой основным этнолингвистическим компонентом у гуннов был тюркский язык. Некоторое весьма существенное уточнение в этот круг мнений внесли М. И. Артамонов, А. В. Гадло, Л. Н. Гумилев, полагавшие, что наряду с тюркским в сложении гуннов важную роль сыграл угорский компонент; О. Прицак, В. В. Бартольд и Н. И. Ашмарин, видевшие в гуннах тюрко-болгар; К. Иностранцев и Г.-Э. Витерсхейм, предполагавшие наличие тюркской, финской и тунгусской поликультурности. В определенной мере примыкающими к этой группе исследователей можно считать Ж. Дегиня и П.-С. Палласа, которые полагали, что гунны были монголами [4, с. 43; 6, с. 36; 22, с. 11; 42, с. 82–83].

Другая группа авторов предложила иную точку зрения. Известные лингвисты Г. Дерфер и Э.-Дж. Пулиблэнк категорически отрицают какую-либо связь «гуннских языков» с тюркскими [58, с. 6]. Вслед за А. Альфельди они полагают, что гуннский язык относится к особой «вымершей лингвистической группе» [126]. При этом Г. Дерфер, И. Бенцинг и К. Йетмар считают, что европейские гунны в языковом смысле не являлись прямыми потомками азиатских сюнну [9, с. 12; 42, с. 113]. В определенной мере данную позицию разделяет С. А. Плетнева [91], добавив ираноязычный (аланский) компонент, вливавшийся в гуннскую орду во второй половине IV века.

Так в целом выглядит историографическая диспозиция по данному вопросу. При этом следует

отметить, что существующая полярность мнений не препятствует единодушному пониманию абсолютным большинством исследователей того факта, что и хуннская, и гуннская кочевые империи были полиэтничными и многоязычными. По мнению же Ю. Моравчика и Г. Дерфера, при установлении гуннского этнолингвистического своеобразия речь должна идти не о том, чтобы реконструировать наиболее употребляемый язык многоэтнического государства, а о том, чтобы выявить преобладающий исконно гуннский компонент, и это мог быть язык совсем малочисленного господствующего слоя [42, с. 82–83]. В этой связи весьма интересное наблюдение приводит А. М. Обломский. На основе одного из сюжетов Приска Панийского о пире Аттилы, на котором шут горбун Зеркон «смешивая языки латинский с уннским (гуннским) и готским, развеселил присутствующих», он делает вывод, что гуннская знать, собравшаяся на пиру, должна была как минимум понимать эти три языка, чтобы оценить юмор шута [86, с. 165]. Думается, в условиях полиязычности гуннского общества были не менее расхожими и понимаемыми и тюрко-болгарские наречия, на которых говорили многочисленные праболгарские племена (акациры, альциагиры, савиры, хунугуры, алпидзуры, альцидзуры, итима-ры, тункарсы, утигуры, кутигуры и ультидзуры), о которых упоминали Иордан, Прокопий Кесарийский и Агафий Маринейский. И. П. Засецкая совершенно справедливо соотнесла эти племена с более поздними тюркскими народами: савирами, уйгурами, охузами, аварами, хазарами и болгарами [49, с. 155]. Вероятно, это и было решающим основанием для тюркской этнолингвистической идентификации гуннов большинством вышеперечисленных исследователей. Однако необходимо отметить, что данная ситуация характерна для эпохи Аттилы. Большинство вышеперечисленных праболгарских и прахазарских племен появилось в пределах Восточной Европы около второй половины IV века [4, с. 83–84; 24, с. 191; 44, с. 31–32; 90, с. 165; 111, с. 51–53], и у большинства современных исследователей сегодня не возникает сомнений в том, что их происхождение целесообразно связывать с тюрко-телесским ареалом Алтая и Восточного Казахстана [60, с. 63; 56, с. 14]. Однако еще раз повторимся, что

речь идет о племенах-вассалах, многие из которых были подчинены на самом позднем этапе — в эпоху Руги и Аттилы. Об этом, в частности, упоминает Приск Панийский, говоря о начале в 433 году войны гуннов с амилзурами, итимарами, топосурами, бисками и другими народами, жившими по Истру (Дунаю). Вероятнее всего, изначальная тюркская языковая принадлежность господствующего слоя или элиты гуннского общества в связи с вышесказанным по меньшей мере гипотетична.

Каков же был тот язык, на котором говорили наиболее ранние гунны — гунны Дионисия и Птолемея? Скорее всего, он должен был быть связан с хунно-сюннскими наречиями. К сожалению, при относительно большой китайской письменной традиции о сунну в ней почти отсутствует информация о языке этих варваров или хотя бы их господствующих кланов. Высказывания, приведенные Бань Гу и затем повторенные Фан Сюаньлинем для наиболее поздней истории сунну (32–445 годы), упоминают, что сунну «говорят на непонятном языке». Еще один сюжет содержится в повествовании Бэй Ши и относится к языку азиатских «белых гуннов» — эфталитов (или народа йеда), которые, вероятно, в II веке н. э. в составе северных хуннов приходят из Турфана в Среднюю Азию. «Язык жителей (дома Йеда.— С. Б.) совершенно отличен от языков жужаньского, и гаогюйского, и тюркского» [90, с. 38]. Однако при интерпретации этого отрывка, как и другой информации об эфталитах-хионитах еще с XIX века (Вивьен де Сен-Мартен Луи, Друэн) установилась определенная традиция-стереотип — обращать внимание прежде всего на то, что отрицание тюркоязычности азиатских гуннов указывает на их принципиальное отличие от гуннов европейских, которые априори являются тюрками. Однако, на наш взгляд, само по себе признание факта нетюркоязычности хионитов-эфталитов, известных в Азии под именем «белые хунны» (Визант) или хуна (Индия), то есть одной из частей гуннов (и вероятно, немалой), имеет весьма важное значение. Особую значимость имеет и то обстоятельство, что большая часть востоковедов придерживается мнения об ираноязычности эфталитов и их этнической близости к тохарам [77, с. 61]. Из китайских источников, несмотря на

особое произношение и транскрипцию, можно понять, что, безусловно, существуют серьезные отличия имен сунну и тюрков-ашинов. Определенное сходство наблюдается лишь в литературе, которая могла быть заимствована тюрками у сунну и эфталитов, на что указывал Л. Н. Гумилев¹. Теперь попробуем привести имеющиеся лингвистические материалы для европейских гуннов.

Для раннегуннского времени, то есть времени II–IV веков, мы располагаем лишь особой группой эпиграфического материала из Танаисского городища. Речь идет о специфической группе танаисской ономастики, которая появляется среди имен городских граждан между 50-ми и 80-ми годами II века. Это серия новых иранских имен «не находящихся себе соответствия ни в каких эпиграфических свидетельствах из других северочерноморских городов». Анализ их позволил Д. Б. Шелову соотнести факт их появления с внедрением в танаисский погребальный комплекс новых — позднесарматских инноваций (северная ориентировка погребенных,

¹ Гумилев Л. Н. Указ. соч. С. 132.

Знатный хуннский воин. Реконструкция [101]

деформация черепов) [120]. Систематизируя этнолингвистические наблюдения М. В. Мюллера, М. Фастера, Л. Згусты и В. И. Абаева по ономастике Боспора, Танаиса и Причерноморья, Д. Б. Шелов приходит к убеждению, что вновь появившиеся иранские имена принадлежат «к какой-то сравнительно небольшой и замкнутой, скорее всего, аланской этнической группе». Решающим аргументом в этом построении явилось явное соответствие танаисской ономастики древнеосетинским именам, установленное ранее В. Ф. Миллером и В. И. Абаевым [1; 120, с. 89, 92]. Если не вдаваться в тонкости этнолингвистических наблюдений и в целом суммировать мнения авторитетных исследователей, занимавшихся вопросами Боспорской ономастики, можно установить, что этот материал содержит разные слои: палеоиранский — авестийский — скифский и сармато-аланский — древнеосетинский. И самое главное, в чем сходятся специалисты, это то, что танаисские палеоиранские имена, появившиеся с наступлением позднесарматской эпохи, не встречаются в этот период среди эпиграфики городов Боспора. Данные наблюдения дали археологам-сарматоведам дополнительные аргументы в отрицании гуннской и в некотором смысле в пользу аланской принадлежности позд-

несарматской культуры. Приводя результаты анализа танаисской ономастики, в целом не принимая аланскую интерпретацию позднесарматских памятников, А. С. Скрипкин довольно категорично замечает: «По происхождению гуннов имеется ряд точек зрения, но еще никто не считал их иранцами». Хотя чуть ниже он допускает, что уже с середины III века н. э. позднесарматское население включается в состав гуннского племенного союза [99, с. 113]. Ираноязычность танаисских поздних сарматов по сей день остается главным аргументом, исключая, по мнению сарматологов, раннегуннское присутствие.

Как нам представляется, основная причина сохранения существующего положения вещей состоит в том, что большинство исследователей даже теоретически не могут допустить тот факт, что основной состав наиболее ранних европейских гуннов мог быть ираноязычным и иранокультурным. Хотя, на наш взгляд, оснований для этого более чем достаточно. По нашему представлению, сюнно-хуннский культурогенез протекал на территории Северного Китая, в регионе, заселенном палеоиранским населением (северные варвары) — носителем общности культур «ордосских бронз». Семантика и иконография образов звериного сти-

Танаис — античный город (III век до н. э. — V век н. э.) в устье Дона. Основан греками — выходцами из Боспорского царства, в которое он входил как колония в первые века нашей эры. Расположен в 30 километрах к западу от Ростова-на-Дону, на окраине хутора Недвиговка.

ля в украшении предметов этих культур не позволяет сомневаться в палеоиранской единокультурности их с изобразительными традициями сакской и скифо-сарматской среды Евразии. Кроме того, думается, что единство истоков культурогенеза и длительное сосуществование сюнно-хуннских и юэчжийских союзов племен, в тохаро-иранской этнической подоснове которых сегодня не приходится сомневаться, безусловно, не могло не отразиться на их этнолингвистической близости. Впрочем, соседство с восточным древнемонгольским населением Маньчжурии и китайским населением Великой Равнины, вероятно, также внесло свои коррективы в культурный облик населения этих кочевых союзов, что касается возможной монголоидности и тюркокультурности хуннов.

И, наконец, регионы культурогенеза древних хуннов и тюрков разведены между собой не только на тысячи километров географически, но и почти на полтысячелетия исторически. Теоретически же вполне допустима мысль, что сюнну-хунны в языковом плане могли являться потомками самого восточного палеоиранского населения, говорившего на каких-то очень древних индоиранских наречиях. На наш взгляд, ситуация с новыми палеоиранскими танаисскими именами, не схожими с ранее существовавшими на Боспоре, в определенной мере подтверждает сказанное. В этой связи вполне уместно проследить историческую судьбу Танаиса в аспекте позднесарматского культурогенеза.

Прежде всего появившиеся во второй половине II века н. э. позднесарматские инновации в погребальных традициях танаисского населения просуществовали вплоть до постгуннского периода (VI век). В этом контексте весьма показательными памятниками гуннской эпохи являются Недвиновское городище (Танаис) и его грунтовой некрополь.

В целом исследователи отмечают, что Танаис после готского нашествия (середина III века) не возродился в полной мере. Многие здания оставались в руинах, а новые постройки выполнялись небрежно и указывали на относительную бедность и малочисленность населения. Слабая мощность верхних слоев городища, а также сравнительно малое количество исследованных погребений гуннского и постгуннского времени вынуждали

предполагать, что жизнь на городище в начале V века лишь «теплилась» [2, с. 150–151; 119, с. 307, 327–328]. Хотя тот же Д. Б. Шелов отмечает, что в IV–V веках продолжали сохраняться прежние ремесленные производства, и хотя город был менее мощным экономически, он оставался в прежних своих границах и имел достаточно плотную жилую застройку. Шелов отмечает также, что, вероятно, очень плохое состояние верхних слоев не позволяет в полной мере понять и оценить поздний период существования города. Итоги многолетнего исследования Танаисского некрополя, опубликованные в 2001 году, позволяют говорить о значительной доле в нем погребений гуннского и постгуннского времени — IV–V, VI веков (VI–VII хронологического периода). Они составляют около половины (44,3 %) исследованных танаисских погребений (III–I века до н. э. — VI век н. э.) [3, с. 175–179]. Это, безусловно, указывает на довольно интенсивный характер обитания в гуннский период (в эпоху Атиллы). При этом весьма интересно отметить, что развитие погребальной обрядности проходит тем же этапы, что и позднесарматская культура в целом. Так, в IV веке появляются катакомбы с широтной ориентировкой погребенных. И хотя их число не превышает трети (31,4 %) от общего количества захоронений гуннского и постгуннского времени, сам по себе факт синхронности в появлении катакомб на заключительном этапе позднесарматской культуры среди кочевнических погребений Нижнего Дона, Нижней Волги и Танаиса наводит на мысль о том, что, вероятно, нижнедонская столица и кочевнические объединения данного периода существовали в рамках единого культурного пространства. Возможно, это заключение позволяет ответить на вопрос, почему, в отличие от городов Киммерийского Боспора, отсутствуют следы гуннских разрушений в слое Танаиса? Д. Б. Шелов замечает на этот счет, что город попросту не был восстановлен к 70-м годам IV века, а возрождение его начинается лишь после прихода гуннов [119, с. 327]. Однако последние данные о Танаисском некрополе опровергают это мнение. Напрашивается вывод: город восстанавливали гунны либо население, находившееся под их протекторатом. При этом необходимо признать, что характер погребальной

обрядности у городского населения принципиально остался прежним (позднесарматским): абсолютное большинство комплексов некрополя (57 %) представляют собой простые подбойные погребения с северной ориентировкой умерших. Черепная деформация в этот период получает наибольшее распространение (21 %). Как уже отмечалось, примерно треть захоронений некрополя составляют катакомбные погребения. В небольшом количестве (четыре комплекса) представлены погребения в простых грунтовых ямах и подбоях с западной ориентировкой умерших. Вероятнее всего, после готского погрома и значительного оттока греческого и сарматского населения в боспорские города, на что указывает появление танаисской ономастики [39, с. 54–56], Танаис превращается в варварский город. Неслучайно, что именно в эпоху Аттилы он испытывает кратковременный расцвет.

Не исключено, что в этот период Танаис мог быть своеобразным межплеменным центром, в котором располагались ставки гуннских вождей, ремесленные мастерские, торговые фактории и проживало оседлое население земледельческой округи. Исторически он, скорее всего, был сходен с многочисленными кочевническими городами Великой Степи (Иволгинское городище, Итиль, Саркел — Белая Вежа, Преслав, города Золотой Орды и др.). Основанием для подобного заключения может быть общая историко-культурная ситуация, сложившаяся к гуннскому периоду в бассейне Дона. Исследования памятников IV–V веков чертовичского-замятинского круга Острой Луки Дона позволили А. М. Обломскому и его коллегам прийти к выводу, что данные селища являлись ставками гуннов, в которых проживало смешанное ремесленно-торговое и земледельческое население (прославяне-анты, финно-угры и балты Верхнего Поочья и др.), находящееся под властью и протекторатом гуннских вождей [89, с. 163, 166]. При этом весьма важным является то, что кочевническую составляющую в этих районах лесостепного Подонья с конца II века н. э. определяют памятники особого позднесарматского облика: Животинный, погребения 4, 5; Ново-Никольский, Вязовский [79].

Таким образом, вышеприведенные наблюдения позволяют признать, что позднесарматские инно-

вазии в пределах Волго-Донья не только охватывали степной кочевой ареал, но и внедрялись в города и селища бассейна Дона, а также существенным образом повлияли на культурогенез оседлого лесостепного населения. Расцвет позднесарматских традиций в гуннское время и сохранение их в погребальной практике Танаиса вплоть до VI века наводит на мысль, что носителем этих традиций долгое время являлось именно то население, которое во второй половине II века н. э. вместе с новыми восточными палеоиранскими племенами привнесло обычай укладывать умершего в могилу головой на север, с кистями рук, положенными на таз, а также практику деформации черепа.

Далее попытаемся найти ответ на еще один риторический вопрос. Если имена ранних гуннов должны были быть не ираноязычными, а, предположим, тюркскими, то какова принадлежность гуннских имен времени Руги и Аттилы? Почему-то до сих пор исследователями на это не обращалось должного внимания. Вот список имен гуннов, встречающихся в повествованиях Приска Панийского и Иордана, как правило, они принадлежат людям, входящим в высшие сословные кланы гуннов, либо приближены к ним: Руа (царь гуннов), Эсла (посланец Руа к римлянам), Аттила, Бледа (цари-братья), Эскам (знатный гунн, на дочери которого хотел жениться Аттила), Крека (жена Аттилы), Басих, Курсих (гуннские военачальники Аттилы, воевавшие в Мидии), Берих (знатный гунн, приближенный Аттилы), Зеркон (шут Аттилы), Хелхал («родом унн, наместник Аспара (византийского полководца)...»), Эллак (старший сын Аттилы), Эрнак (младший сын Аттилы), Эмнетзур и Ултзиндур («единокровные его братья...») [53; 67]. Последние два наиболее поздних имени, относящиеся к периоду после смерти Аттилы, имеют явно тюркскую основу, что вполне согласуется с нашими представлениями. Скорее всего, эти имена были даны по болгарской или хазарской матери или ее роду. Думается, что Иордан не случайно упоминает о единокровности (то есть родственности по отцу) братьев и ставит последними в упоминании имена сыновей Аттилы. Что же касается большинства приведенных имен, то, насколько позволяют судить лингвистические познания автора, отнести их к разряду тюркских,

монгольских или угорских весьма проблематично. Вероятно, их лингвистическая идентификация — дело специальных исследований. Вслед за Г. Дерффером, отрицая тюркскую подоснову отдельных имен гуннских царей, мы, тем не менее, также не можем напрямую принять прославянские сопоставления типа Баламбер — Владимир, Аттила — Тилан, Бледа — Влад (по Ю. Венелину) [42, с. 87]. Однако при этом Г. Дерффер склонен полагать, что ареал поисков языковых параллелей этим именам в широком смысле находится в области индоевропейского праязыка.

Вероятнее всего, и само имя Аттила содержит очень древнюю (возможно, ностратическую) подоснову. Несмотря на то что традиционно его этимологию приводят из готского как «батюшка» (atta — отец + ȳla — уменьшительно-ласкательный) или от тюркского (atal — Волга (великая река), atta — отец), на научном богословском портале Богослов.ru² помещен обширный список возможных этимологий из многих древних языков Евразии (тохарский, германский, шотландский, славянский, корейский и пр.), где это слово также означает «отец», «батюшка». Мы склоняемся все же к индоевропейским-индоиранским праязыковым параллелям, так как их число несравнимо больше, чем всех остальных, для определения имени Аттилы, как, впрочем, и трех других слов, которые Иордан приводит именно как гуннские. Речь идет о словах: «страда» — поминальная еда, тризна Аттилы; «medos» (мед) — напиток жителей страны гуннов; «Вар» — гуннское название Днепра.

Приводя обширную историографию дискуссий по вопросу лингвистической принадлежности этих слов, Г. Дерффер, как и в случае с именами, с нашей точки зрения, вполне справедливо отбрасывает варианты их тюркской и готско-германской принадлежности и, что очень важно, признавая в целом их индоевропейскую подоснову, тем не менее, отвергает мнение о том, что эти слова могли быть славянскими заимствованиями [42, с. 83–84]. Однако при этом автор, принимая замечания Э. Моора относительно названия «Вар», допускает, что это

слово могло быть заимствовано гуннами у другого более древнего населения Приднепровья.

На наш взгляд, первые гунны, а впоследствии и господствующий гуннский клан привнесли и какое-то время сохраняли палеоязык (слова, наименования, имена), который составляли наиболее древние палеоиндоевропейские (или иные праязыковые) наречия, длительное время сохранившиеся в замкнутом лингвистическом пространстве крайневосточного ареала индоиранского мира. В этой связи совершенно справедливо заключение о том, что этот язык не только мертв на сегодняшний день, но и был совершенно неведом европейским современникам поздней Древности и Средневековья. Учитывая сказанное, мы склонны считать, что выявленные исследователями параллели в славянских языках, вероятнее всего, являются заимствованиями из палеоиндоиранского языка гуннов, которые произошли в момент господства последних над лесостепным праславянским (антским) населением Подонья и Поднепровья.

Весьма интересное мнение на этот счет высказал Эдвин Пуллейблэнк. К своей работе о системе согласных древнекитайского языка он приложил интересный этюд о языке гуннов. Автор выбрал 270 слов из различных китайских источников ханьского периода, большей частью собственные имена и титулы, на основе которых определил некоторые черты фонологии гуннов. Среди указанных слов Пуллейблэнк нашел ряд общих для гуннов и кетов. По его мнению, некоторые хуннские титулы, а также слова «рай», «простокваша» («кислое молоко»), «кумыс» и другие можно в дальнейшем встретить в монгольском или тюркском, а иногда в обоих языках. Наиболее очевидное объяснение здесь таково: хунны говорили на языке из енисейской группы, а монголы и турки унаследовали контроль над восточными степями и позаимствовали некоторые элементы культуры и политического устройства наряду с соответствующими терминами.

На основании рассмотренных данных Э.-Г. Пуллейблэнк приходит к выводу, что гунны говорили на енисейском языке. Однако, если допустить, что гуннский племенной союз не представлял собой союза кровнородственных племен, о чем свидетельствуют различные известные факты, можно

думать, что лишь господствующая (или соседствующая с китайцами) группа гуннов говорила на енисейском языке. В таком случае более раннюю историю енисейских народностей следует искать в предшествующей истории гуннов [135, р. 265].

С этими выводами был полностью согласен известный советский лингвист А. П. Дульзон. В своей работе, посвященной этой теме, он внес некоторые уточнения в интерпретацию отдельных слов, приводимых Э.-Г. Пуллейблэнком [46, с. 137–142].

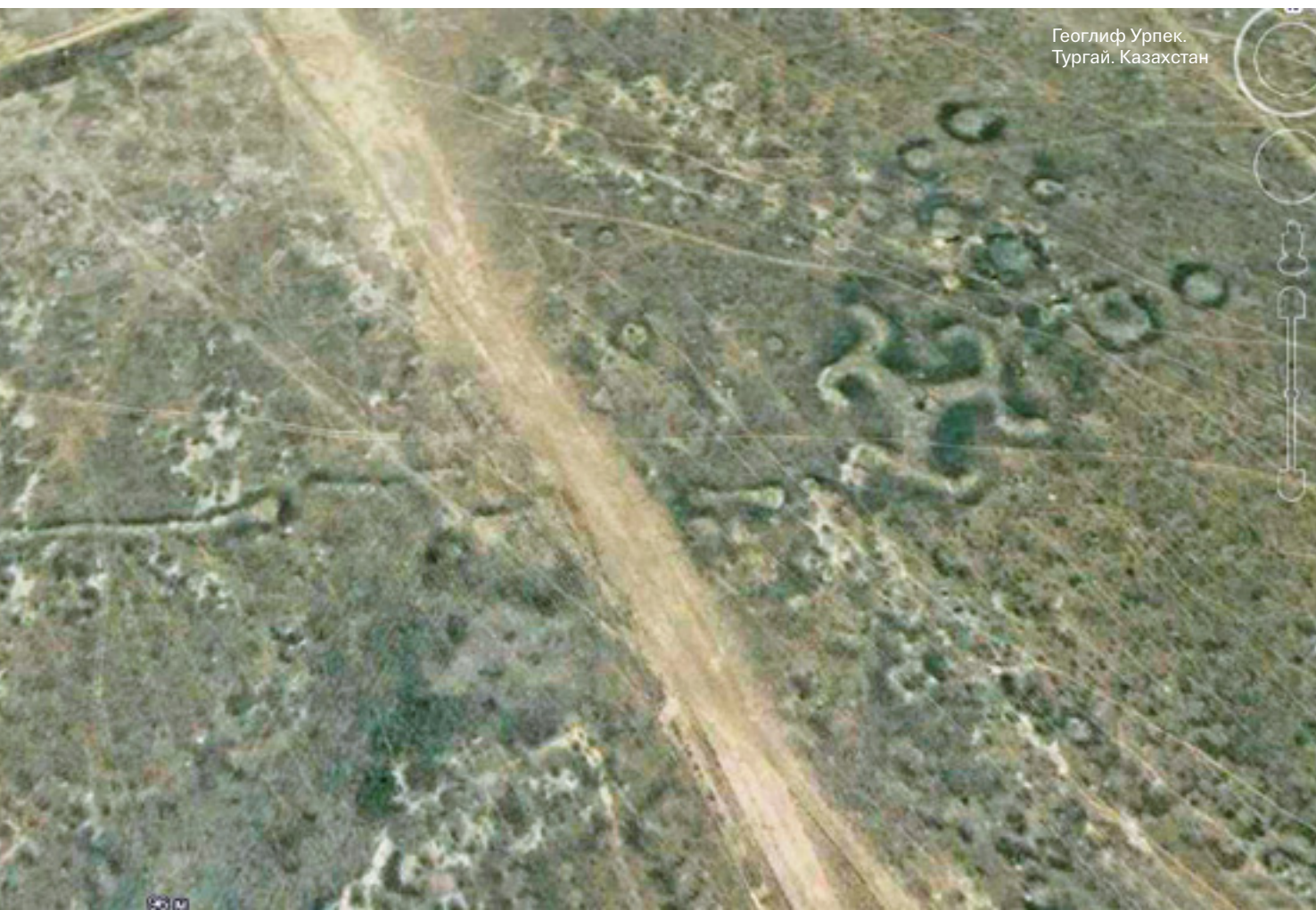
Одновременно с этим А. П. Дульзон, посвятивший фундаментальную монографию языку кетов, приходит к выводу, что при сопоставлении кетского-енисейского языка с кавказскими (в особенности северокавказским) обнаруживаются не только большое сходство в принципах построения различных морфологических систем и подсистем, но и нередко грамматические значения, имеющие одинаковое звуковое оформление. В ряде случаев оказалось возможным понять явления кетского языка, исходя из особенностей строя кавказских языков, и наоборот, разъяснить в более общем плане некоторую специфику кавказских языков, недостаточно ясную, если не выходить за рамки

этой группы языков. Трудно объяснить это случайностью. Указанные общности возникли, очевидно, в результате длительного контакта носителей этих языков в глубокой древности [45, с. 584–608].

Это наблюдение особенно интересно в связи с интерпретацией ономастики позднесарматского населения, заселившего Танаис после III века н. э. Не исключен тот факт, что параллели, которые усмотрели специалисты по этнолингвистике, имеют единый порядок, что и дало результаты сопоставления гуннского (как древнеенисейского) и кавказских языков. Думается, необходимы дополнительные исследования в этом направлении.

Суммируя все вышесказанное, следует заключить, что язык гуннов, по крайней мере из основного родового ядра, относится к неким палеонаречиям, на которых говорило древнее население Монголии и Ордоса.

Весьма интересным является вопрос о возможных зачатках гуннского письма. На обширной территории Азиатской и Европейской Сарматии известно огромное количество родовых знаков, получивших название «тамги». В научную литературу эта категория артефактов так и вошла под назва-

Степи Торгая (СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН)	ЮЖНЫЙ УРАЛ	СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И КРЫМ	СРЕДНЯЯ АЗИЯ		МОНГО- ЛИЯ	СЕВЕР- НЫЙ КАВКАЗ	ЕВРОПА	
			Хорезм	Бактрия			Чехия	Польша
1	3	5, 6, 7, 8, 9, 10, 11	12, 13, 14, 15, 16	17	18	19	20, 21, 22	

Геоглиф Торгайская свастика и его аналогии (по А. В. Логвину, И. В. Шев-ниной, А. М. Сеитову).

Археологические памятники в форме свастики:
1 — Торгайская свастика ритуального комплекса Урпек; 2 — свастика Жандра I; 4 — трехлучевая выкладка на горе Черкасинская Сопка (по Д. Г. Здановичу, 2003); 13 — «вихревая» свастика некрополя Чаш-Тепе (по Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновской, 1979).

Знаки-тамги «сармато-аланского» времени (I в. до н. э. — III в. н. э.):
3 — бронзовое зеркало из кургана 8 могильника Большекараганский (по С. Г. Боталову, 2009); 5 — знаки в пещерах Ак-Кая I, II (по С. А. Яценко, 2001); 6, 7, 9 — тамги-знаки на деревянной арфе из погребения 1918 г. в Козырке (по С. А. Яценко, 2001); 8 — тамга на зеркале из могильника Бельбек IV (по С. А. Яценко, 2001);

10, 11 — знаки-тамги на мраморном льве № 1 из Ольвии (по С. А. Яценко, 2001); 12 — монета из городища Топрак-кала (по С. П. Толстову, 1948); 14 — тамга на монете из Хорезма (по С. А. Яценко, 2001); 15, 16 — тамги на кирпичах из городища Ток-кала (по С. А. Яценко, 2001); 17 — тамга на кушанской монете из Бактрии (по С. П. Толстову, 1948); 18 — петроглиф в местности Аршааншад (по С. А. Яценко, 2001); 19 — тамга на бронзовом котле из Чечни (по С. А. Яценко, 2001); 20 — поясная накладка с орнаментом из погребения у поселка Мушов в Южной Моравии (по С. В. Воронятову, 2012); 21 — тамга на наконечнике копья из погребения Стрыцовице Калишского воеводства (по С. А. Яценко и Г. Добжаньска, 2012); 22 — тамга на наконечнике копья из погребения Янково Познаньского воеводства (по С. А. Яценко и Г. Добжаньска, 2012)

Бронзовое зеркало. Могильник Большекараганский, курган 8. Брединский район. Челябинская область

нием «сарматские тамги». Особый интерес вызывает изображение подобной тамги, обнаруженной в ритуальном комплексе Урпек в Тургайской степи. Тамга представляет собой вихреобразную свастику, вписанную в окружность диаметром почти сто метров, выложенную из грунта. Подобные изображения являются редкими находками среди поздне-сарматских древностей в Европе и Азии.

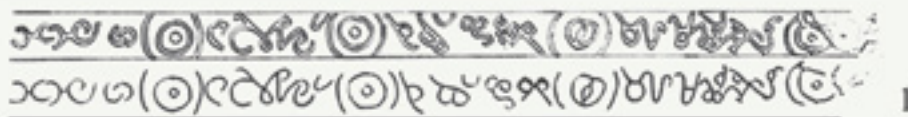
Однако на определенном этапе исследований было обнаружено, что эти тамгообразные знаки

закljučаются в некий информационный смысловой ряд.

В Урало-Казахстанском регионе известна целая серия зеркал позднесарматского (гунносарматского) времени (II–IV века). Так, на подражаниях ханьским зеркалам восьмиарочного типа из могильников Малковский и Лебедевка в зоне на концах восьми лучей располагаются некие символы. Это пиктограммы, представляющие собой древние иероглифические знаки. Они, безусловно, отличаются от современных иероглифов, которые являются традиционным шаблоном «пожелание

долгого продолжения рода и бесконечного потомства», хотя смысловая нагрузка их идентична.

В другом случае на ханьском подражании восьмиарочных зеркал, обнаруженных в окрестностях Охлебининского городища (Башкортостан), а также на зеркале из разрушенного погребения у поселка Наваринка, представляющем собой грубое варварское подражание восьмиарочному ханьскому зеркалу, хорошо просматриваются ряды тамгообразных знаков: в первом случае — по кругу вокруг петли для подвешивания, во втором — по внешнему кольцу, идущему вокруг восьмиарочного членения. Действительно, многие из изображенных зна-

Список литературы

1. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.
2. Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса. М. 1977.
3. Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М., 2001.
4. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
5. Балабанова М. А. Некоторые краниологические особенности поздних сарматов с искусственной деформацией головы // Вопросы краеведения : материалы VI и VII краевед. конф. Вып. 4–5. Волгоград, 1998.
6. Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960.
7. Безуглов С. И. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // Совет. археология. 1988. № 4. С. 103–115.
8. Безуглов С. И., Глебов В. П., Парусимов И. Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганый могильник Валовый I). Ростов-на-Дону : Медиа-Полис, 2009.
9. Бенцинг И. Языки гуннов, дунайских и волжских болгар // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986.
10. Берлизов Н. Е. Сарматы на Великом шелковом пути // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1992.
11. Берлизов Н. Е., Каминский В. Н. Аланы, Кангюй и Давань // Петерб. археол. вестн. 1993. № 7.
12. Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940.
13. Бернштам А. Н. Очерки истории гуннов. Л., 1951.
14. Беспалый Е. И. Погребение позднесарматского времени у г. Азова // Совет. археология. 1990. № 1. С. 213–223.
15. Бетров Р. Ж. Захоронение вождя гуннского времени у с. Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и средневековье. М., 1980.
16. Бородовский А. П. Украшения полихромного стиля из Новосибирского Приобья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 1999. Т. 5.
17. Бувье-Ажан М. Аттила. М., 2003.
18. Вайнберг Б. И. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV–V вв. // Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972.
19. Вайнберг Б. И. Этногеография Турана в древности VII в. до н. э.— VIII в. н. э. М., 1999.
20. Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. М., 1976. С. 66–74.
21. Вэй Цзиен. Ней тен гу ти чунь сианбей му цзи де. Фа сиен юанцзиу = Обнаружение и изучение сяньбийских захоронений на территории Внутренней Монголии. Пекин, 2004.
22. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.
23. Генинг В. Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Сер. гуманитар. наук. Вып. 2. Казань, 1959.
24. Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
25. Герасимова М. М. Антропологическая характеристика черепов из грунтовых погребений Танаиса // Древности Нижнего Дона. М., 1965. С. 131.
26. Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.
27. Гинзбург В. В. Этногенетические связи древнего населения сталинградского Заволжья // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 60.
28. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура Верхнего Прикамья. Иркутск, 1985.
29. Горбунов В. В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-1 // Культура древних народов Южной Сибири : сб. науч. ст. Барнаул, 1993. С. 80–90.
30. Гохман И. И. Антропологическая характеристика черепов из Иволгинского городища // Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения Академии наук СССР. Вып. 3. Улан-Удэ, 1960.
31. Грантовский Э. А. О восточноиранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху : в 2 т. Т. 2. М., 1975. С. 76–92.
32. Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Уртыхайский край. Л., 1926.
33. Гугуев В. К., Безуглов С. И. Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобяковского городища на Дону // Совет. археология. 1990. № 2. С. 164–175.
34. Гугуев В. К., Трейстер М. Ю. Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы // Рос. археология. 1995. № 3.
35. Гудкова А. В., Фокеев М. М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н. э. Киев : Наук. думка, 1984. 119 с.
36. Гумилев Л. Н. Некоторые вопросы истории хуннов // Вестн. древ. истории. 1960. № 4 (74).
37. Гумилев Л. Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., 1960.
38. Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс // Археологические памятники сюнну: Иволгинский могильник. Вып. 2, т. 2. СПб., 1996. 176 с.
39. Даньшин Д. И. Танаиты и танаисцы во II–III вв. н. э. // Крат. сообщения Ин-та археологии. 1990. Вып. 197.
40. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР // Тр. Ин-та этнографии. 1948. Т. 4.
41. Демкин В. А., Рысков Л. Г. Динамика палеоэкологических условий в волго-уральских степях: проблема миграций ранних кочевников // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: гуннский феномен. Улан-Удэ, 1996.
42. Дерфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986.
43. Дзиговский А. Н., Субботин Л. В. О верхней дате сарматских памятников понизовья Дуная // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986.
44. Димитров Д. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. Варна : Георги Бакалов, 1987. С. 47–48.
45. Дульзон А. П. Гунны и кеты // Изв. Сиб. отд-ния Акад. наук. Сер. обществ. наук. 1968. № 11. Вып. 3.
46. Дульзон А. П. Кетский язык. Томск, 1968.
47. Дэвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э.— I в. н. э. // Свод археологических источников. Д 4-7. 1980.
48. Западный Тюрский каганат. Атлас, 2013. / Коллектив авторов / А. Досымбаева, М. Жолдасбеков. Астана. 844 с.

49. Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху IV–VI вв. СПб., 1994.
50. Засецкая И. П. Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южноуральских степях // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 27. Л., 1986.
51. Засецкая И. П. Сармато-аланская традиция в украшениях гуннской эпохи // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 34. СПб., 1999.
52. Золотые олени Евразии : кат. выст. СПб., 2002.
53. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997.
54. Искусство этрусков и Древнего Рима / авт. текста Ю. Д. Колпинский, Н. Н. Бригова. М., 1982
55. История татар с древнейших времен : в 7 т. Т. 1. Казань, 2002.
56. Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар. Казань, 2000.
57. Кляшторный С. Г. Гунны на востоке // История татар с древнейших времен. Т. 1. Казань, 2002.
58. Кляшторный С. Г., Насилов Д. М. Предисловие // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986.
59. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Пазырыкская узда. К предыстории хунно-юэжжских войн // Древние культуры Центральной Азии. СПб., 1998.
60. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994.
61. Кожомбердиев И. К. Могильник Акчи-Карасу в долине Кетмень-Тюбе // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1960.
62. Коновалов П. Б. О происхождении и ранней истории хунну // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: Гуннский феномен. Улан-Удэ, 1996. С. 58–63.
63. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976. 247 с.
64. Крадин Н. Н. Империя хунну. Владивосток, 1996.
65. Крадин Н. Н. Климат, тренды и нашествия кочевников // Генетические коды цивилизаций. М., 1995.
66. Кульпин Е. С. Генетические коды цивилизаций. М., 1995.
67. Латышев В. В. Известия древних авторов о Скифии и Кавказе // Вестн. древ. истории. 1948. № 1.
68. Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996.
69. Ли Цзиньсю, Юй Тайшань. Несколько вопросов относительно происхождения болгар (тезисы) [Электронный ресурс] / пер. Н. В. Великановой (Пантеевой). URL: http://www.human.cap.ru/Neskolko_Vopros_Bulgar.html
70. Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы // Могильники Западной Ферганы. Ч. 4. М., 1978.
71. Литература на китайском и монгольском языках
72. Лубо-Лесниченко Е. И. Великий шелковый путь // Вопр. истории. 1985. № 9.
73. Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975.
74. Максименко В. Е. Сарматы на Дону // Донские древности. Вып. 6. Азов : Изд-во Азов. краевед. музея, 1998. 280 с.
75. Максимова А. Г., Мершиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968. 262 с.
76. Мамонова Н. Н. Древнее население Монголии по данным палеоантропологии // III Международный конгресс монголоведов. Т. 3. Улан-Батор, 1979.
77. Мандельштам А. М. О сложении таджикской народности в Среднеазиатском междуречье // Совет. археология. 1954. № 20. С. 58–99.
78. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М., 1973.
79. Медведев А. П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж : Воронеж. ун-т, 1990. 220 с.
80. Могильников В. А. О культурах лесной полосы Западной Сибири второй половины 1 тыс. н. э. // Методические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981.
81. Могильников В. А. Хунну Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
82. Мошкова М. Г. Позднесарматская культура // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989.
83. Мыськова Е. П., Сергацков И. В. Позднесарматские комплексы на Нижнем Дону // Совет. археология. 1994. № 3.
84. Нечаева Л. Г. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л., 1961.
85. Овсянников В. В. Характер взаимодействия носителей кара-абызской культуры с соседним населением в II–IV вв. н. э. // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Ижевск, 2006.
86. Овсянников В. В. Этнокультурная ситуация в Среднем Прибье в гунно-сарматский период (по материалам Шиповского грунтового могильника) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого Переселения народов. Ижевск, 2006.
87. Овсянников В. В., Савельев Н. С., Акбулатов И. М., Васильев В. Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа, 2007.
88. Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск, 1990.
89. Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени // Раннеславянский мир. Вып. 6. М., 2004.
90. Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР // Труды Института востоковедения. Т. 41. М.; Л., 1941.
91. Плетнева С. А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
92. Рикман Э. А. Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первые века новой эры. М., 1975. 336 с.
93. Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. Общий очерк. Петроград, 1918.
94. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
95. Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1962.
96. Рыков П. С. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов, 1936.
97. Сергацков И. В. О некоторых обстоятельствах появления аланов в Восточной Европе // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 1. Волгоград, 1998. С. 44–49.

98. Скрипкин А. С. Материалы Суловского могильника // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 1. Волгоград, 1998.
99. Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.
100. Смирнов К. Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 34. М.; Л., 1950. С. 97–114.
101. Соловьев А. И. Оружие и доспехи. Новосибирск, 2003.
102. Сорокин С. С. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры // Совет. археология. 1956. № 26.
103. Сунгатов Ф. А. Гунны в Волго-Уральском регионе // История татар. Т. 1. Казань, 2002. С. 153–156.
104. Сунгатов Ф. А., Гарустович Г. Н., Юсупов Р. М. Приуралье в эпоху Великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа, 2004.
105. Таиров А. Д. Историко-экологическая ситуация в Южном Зауралье во второй половине I тысячелетия до новой эры и расселение ранних сарматов // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : материалы конф. Ч. 5, кн. 2. Челябинск, 1995.
106. Таиров А. Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н. э.: материалы к историческим реконструкциям. Челябинск, 2003.
107. Таиров А. Д., Гаврилюк А. Г. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988. С. 141–157.
108. Трофимова Т. А. Изображения эфталитских правителей на монетах и обычай искусственной деформации черепа у населения Средней Азии в древности // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
109. Тумэн Д. Антропологическая характеристика хунну Монголии // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985.
110. Уманский А. П. Могильники Верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Древняя Сибирь. Материалы по истории Сибири. Вып. 4. Новосибирск, 1974. С. 136–149.
111. Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.
112. Фокеев М. М. Типы сарматских могильников в Буджакской степи // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986. С. 157–160.
113. Фокеев М. М. Памятники первых веков новой эры в Буджакской степи // Днестро-Дунайское междуречье в I начале II тысячелетия н. э. Киев, 1987. С. 16–25.
114. Халиков А. Х. Великое переселение народов и его роль в образовании варварских государств // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987.
115. Хань Кансинь. Сычоу чжи Лу чудаи цзюйминь чжунцзу жэньлэйсюэ яньцзю. Синьцзян жэньминь чубаньшэ (Серия исследований по шелковому пути). Урумчи, 1992.
116. Хань Кансинь, Тань Цинцзэ, Чжан Фань. Чжунго сибэй дицзюй гудай цзюйминь чжунцзу яньцзю. Фудань дасюэ чубаньшэ = Расово-антропологические исследования древнего северо-западного района Китая. Шанхай : Изд-во Фудан. ун-та, 2004.
117. Худяков Ю. С., Кочеев В. А. Чатырская мумия // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2000.
118. Цэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985.
119. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М., 1972.
120. Шелов Д. Б. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II–III вв. н. э. по данным танаисской ономастики // Вестн. древ. истории. 1974. № 1 (127).
121. Шилов В. П. Калиновский курганный могильник // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 60.
122. Юй Тайшань. Рассуждения о теории родственности Rouran и аваров, а также (?) мнение, что авары это Yueban. Научно-исследовательский институт истории Китайской академии наук [Электронный ресурс] / пер. с кит. Н. В. Великановой. URL: www.human.cap.ru/Rassujd_teor_Rouran.html
123. Яблонский Л. Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю. В. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М., 1995. С. 9–47.
124. Ярыгин С. А. К вопросу о бронзовом котле из погребения в Боровом // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013. С. 441–445.
125. Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
126. Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung // Archaeologia Hungarica. Budapest. 1932. Vol. 9.
127. Byzantine Art in the Collections of Soviet Museums. Leningrad, 1985.
128. Ch. de Ujfalvy. Mémoire les Huns blancs // L'Anthropologie. 1898. Vol. 9, No. 3–4.
129. Egami N., Misuno S. Inner Mongolia and region of the Great Wal // Archaeologia Orientalis. 1935. Ser. B. Vol. 1.
130. Enoki K. The Sueh-scythians. A hypothesis. Intertentional Sugmposion on history of Eastern and Wester Cultural contacts. Tokio, 1959.
131. Enoki K. Sogdiana and Hsinng-nu // Central asiaticque. 1959. Iss. 4.
132. Garam E., Vaday A. H. Sarmatisches Siedlungund und Begrabnissatte in Jiszavalk // Communicationes Archaeologica Hungarica. 1990. № 37.
133. Haloun G. Zuz Ue-tsi Frade // Zeits chribtder Deutschen morgenlandischen ge sellschaft. Leipzig ; Wesbaden : Bd. Gi, 1938.
134. Hattat R. A visual Catalog of Richard Hattatis ancient Broches Oxbow Book. Michigan, 2000.
135. Pulleyblank E. G. The Hsiung-nu Language // Asia Major. 1962. New Ser. Vol. 9, pt. 2.
136. Sulimirski T. The Sarmations. N. Y. ; Washington, 1970.
137. Toth T. Someproblems in the Palaeoantropology of Northern Mongolia // Acta Archaeologica Academiae Sientiarum Hungaricae. 1967. Vol. 19, f. 3–4.
138. Vaday A. H. Sarmatisches graberfeld in Torokszentmiklos // Acta archaeologica Academiae Scintiarum Hungaricae. 1985. Vol. 38. P. 347–363.
139. Vaday A., Dombroczi L. Mezozemere, Kismari-Fenek // AGRIA. 2001. Vol. 37.

Петроглиф.
Предгорья Алтая.
Фото С. Арканова

Окрестности Темясово.
Республика Башкортостан.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

4
ТОМ
глава
2

РАННЕЕ
СРЕДНЕ-
ВЕКОВЬЕ
ЮЖНОГО
УРАЛА.
ПОЗДНЕ-
И ПОСТГУНН-
СКАЯ ЭПОХА
(V–VIII века)

Глава 2.

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ ЮЖНОГО УРАЛА. ПОЗДНЕ- И ПОСТГУННСКАЯ ЭПОХА (V–VIII века)

Вместо введения. Наступила эпоха Средневековья...

Как уже упоминалось, наступление новой эпохи — Средневековья, по общепринятому мнению, связано с падением Западной Римской империи. Основными его предпосылками являются: нашествие гуннов Аттилы, вандало-аланское вторжение и установление королевств — вначале Одоакра, затем Теодориха, происходивших во второй половине V века. Точкой невозврата этой последовательности служит факт пресечения династии римских императоров и низложения Августа Ромула (сына Ареста) в 476 году, после завоевания Рима вождем варварской орды герулов, скиров, торкилингов и ругов (ругиев) Одоакром. Эти события постепенно посредством осмысления византийских авторов IX–X веков и историков-гуманистов XVIII века впоследствии были приняты как особый исторический рубеж не только гибели Рима, но и наступления новой эпохи, отличной от античности.

При этом глобальные историко-культурные трансформации отнюдь не ограничивались рамками Центральной Европы. Они охватили все цивилизационные пределы мира. Распад Западной Римской империи привел к смещению европейских цивилизационных центров на восток, где проис-

ходили бурное становление и расцвет Византийской империи и державы Сасанидов. Однако эти империи, в отличие от Великой Римской, не обладали той тотальной властью над варварским окружением. Самопровозглашенные вожди новых королевств и царств чаще всего демонстрировали свою суверенность и независимость. Еще дальше на востоке со смертью последнего успешного царя Сканды Гупты (467 г.) происходит неизбежное падение империи гуптов в Индии. В долине Хуанхэ и на Великой Китайской равнине закат империи Хань (220 г.) привел к трехсотлетней раздробленности и варварской оккупации севера Поднебесной,

Одоакр и Теодорих.
Ксилография.
Вильгельм Плейденвурф,
Михаэль Вольгемут.
Нюрнбергская хроника.
1493 год

Георгий Владимирович Вернадский (Джордж Вернадский) (20 августа 1887 — 12 июня 1973) — российский и американский историк-евразиец, сын В. И. Вернадского. Среднее образование получил в 5-й московской гимназии. В 1905 году был принят студентом в Московский университет, но с началом революции 1905 года продолжил образование в Германии, во Фрайбургском и Берлинском университетах.

Золотой триенс с изображением Теодориха Великого (493–526)

Теодорих Великий, король остготов (493–526). Мозаика в базилике Сан-Витале, Равенна

В 1906 году возвратился в Россию и в 1910 году окончил историко-филологический факультет Московского университета. Через год переехал в Петербург, где стал (с 1913) приват-доцентом на кафедре русской истории Петербургского университета. Здесь он защитил магистерскую диссертацию на тему «Русское масонство в царствование Екатерины II». Его научными учителями были: в Москве — В. О. Ключевский, в Петербурге — И. М. Гревс. В 1918–1920 годах профессор Таврического университета в Симферополе. В сентябре 1920 года принял предложение П. Н. Врангеля возглавить отдел печати при Гражданском управлении Крыма. Вместе с русской армией эвакуировался в Константинополь. Жил и работал в Константинополе, Афинах, затем в Праге, где преподавал в Русском юридическом факультете Карлова университета.

древних центров китайской цивилизации. Цивилизационный надлом, резко обозначившийся ко второй половине V века, и привел к повсеместному возникновению варварских королевств и династий по всей Евразии. Именно цепь этих событий явилась определяющей особенностью новой эпохи. Коротко очертим их череду, так как многие из них в конечном счете сыграли опосредованную роль в судьбе нашего региона, находящегося на евразийском пограничье.

Гибель Аттилы (453 г.) и последующее поражение и гибель его сына Эллака в битве при Недао (454 г.) грозила пресечению гуннской династии в Европе. Однако оставшиеся сыновья Аттилы, Денгизик и Эрнак, отойдя к востоку от Карпат, местом своих становищ делают Дакию и Бессарабию. В 468 году они развязывают Дунайскую войну против Византии, в которой в решающий момент Эрнак не поддержал своего брата в походе на Константинополь и ушел на восток в Причерноморье, а затем далее в Азию (о чем будет рассказано ниже). Денгизик потерпел поражение от войска ромеев, которым командовали знаменитые военачальники Аспар (алан по происхождению) и Анагаст (ант). Однако на этом история европейских гуннов не заканчивается. По мнению Г. В. Вернадского, основанного на византийских хрониках, после смерти императора Зенона (491 г.) гунны как минимум трижды совершали набеги на Фракию (историческая область на востоке Балкан, на стыке современной Болгарии, Греции и Турции) — в 493, 499 и 504 годах [21].

Теодорих Великий (451–526) — король остготов (древнегерманское племя, восточная ветвь готского племенного объединения). В 482 году вторгся в Грецию и Ларису, вынудив императора Зенона заключить договор, и стал консулом Римской империи. В 489 году вторгся в Италию и в 493 году завоевал Равенну, низверг и собственноручно убил короля Одоакра.

В 497 году император Византии Анастасий I признал Теодориха королем Италии. В 511 году стал королем обеих готских королевств (вест- и остготов). В 520-х годах захватил Галию после поражения бургундов.

Безусловно, остатки гуннской орды на тот момент представляли собой весьма пестрые в этнокультурном обношении объединения, как, впрочем, и иные европейские варварские конфедерации.

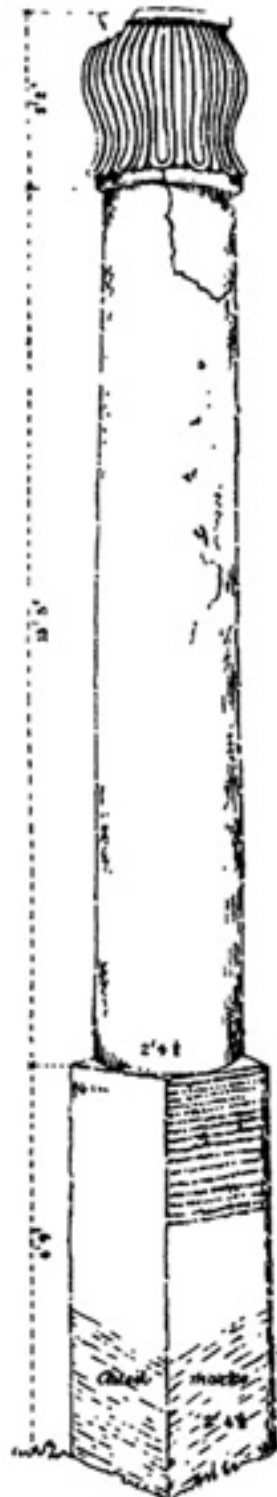
К середине V века окончательно оформляются первые варварские королевства: Тулузское — вестготов и аланов в Испании; королевство Франков (ранние Меровинги) во Франции, Бельгии; Бургунды (правление Хильперика I (473–480)) в Швейцарии, Германии и, наконец, италийское королевство Одоакра (476–493). Племена, входившие в его орду, участвовали в действиях объединенной армии Атиллы вместе с остготами. Однако в отличие от германского населения остготов Теодориха герулы, торклинги, руги и скиры, по мнению ряда авторов, представляли собой отличную кочевую орду тюрко- и славяно-антского происхождения.

Завершая экскурс о варварских королевствах Европы, необходимо упомянуть, что на юге Северной Африки к середине V века складывается еще одно мощное варварское королевство вандалов и аланов (439–534).

Если мы обратимся на восток, куда уходит орда гуннов последнего сына Атиллы Эрнака, то обнаружим, что к V веку, как и в Центральной Европе, в Прикаспийском Дагестане окончательно складывается так называемое «Царство гуннов» (по М. И. Артамонову [8], Л. Б. Гмыре [32]), насельники которой явились представителями гунно-болгаров, аланов-маскутов, барсиллов и савиров. Связано ли это непосредственно с возвратившимися европейскими гуннами Эрнака, сказать сложно, однако дальнейшая репатриация гуннов на восток ярко обозначилась в археологии Южного Урала, где в V веке в бассейне реки Белой складывается турбаглинская культура, и Южного Казахстана, где в низовьях Сырдарьи в V веке появляются многочисленные погребения некрополей джетысарской культуры, удивительным образом схожие с раннегуннскими или гунно-сарматскими памятниками урало-казахстанских степей. Что же касается юго-восточного Приаралья и низовий Сырдарьи, то, по данным китайских источников («Суйши» и «Бэйши»), эти территории являлись страной Судэ-Яньцзэй и принадлежали племенам «белых

Золотая монета Сканды Гупты

Сканда Гупта — последний великий император державы Гуптов (Индия) (455–467). Был сыном младшей жены императора Камарагупта I либо успешным его военачальником. Он столкнулся с вторжением индо-гефталитов или хунов-кидаритов, с которыми начал сражаться еще в правление своего отца (415–455). Разгромил вторжение хунов в 455 году, однако военные расходы истощили империю и в конечном счете привели ее к упадку. Деяния Сканды Гупты описаны на колонне в Бхитарийской надписи, находящейся в Газинуре, штат Уттар-Прадеш.

Надпись Бхитарии на столбе Сканды Гупты

Колонна Сканды Гупты с Бхитарийской надписью

«Чаша
эфталитов»
(460–479).
Британский
музей

гуннов» куни (или хуни), которые упоминаются в «Бхитарийской надписи» на колонне царя Сканды Гупты как эфталиты-кидариты, вторгшиеся в империю гуптов.

Далее, из все тех же китайских хроник известно, что некий Ху / Тайсы, которого Е. Хирт отождествляет с сыном Атиллы Эрнаком, завоевал страну Судэ Яньцзяй, что явилось отправной точкой возникновения страны «белых гуннов» (хионитов-эфталитов). Трудно сказать, происходили эти события в конце 460-х годов, после окончательного возвращения Эрнака из Прикарпатья, или намного ранее, так как, по мнению известного историка Н. А. Аристова, Ирнак (или Эрнак) стал править страной Судэ Яньцзяй задолго до смерти его отца. Последующие события создания царства эфталитов с завоеванием Согда, Уструшаны, Тохаристана, Гургана, Бактрии, Кашгара происходят в 450–460-х годах. А сразу после этого «белые гунны» (хуна, кидариты, эфталиты) вторгаются в Северную Индию.

На первом этапе при императоре Сканде Гупте они терпят поражение. Однако сразу после этого (скорее всего, в 470 году) север империи гуптов (Пенджаб, Кашмири, Гандхара) был завоеван гуннами, и там было основано царство эфталитов,

наибольший расцвет которого пришелся на годы правления царя Торамана и его сына Михиракулы.

Создание многочисленных варварских династий происходит на крайнем востоке Евразии в IV–V веках. В пределах Китайской империи, вступившей в более чем трехсотлетний период раздробленности после пресечения династии Хань (220 год) на территории северных ее провинций, где располагались древние столицы поднебесной Чаннань (Сиань) и Лои (Лоян), возникает до двух десятков варварских царств и династий.

Это время (304–439 гг.) получило название «период шестнадцати царств». Основными правителями краткосрочных династий (Северная Хань, Раннее и Позднее Чжао, Северная Лян, Ся и др.) выступали шаньюи южных хуннов. К концу IV века южнокитайская династия Цзинь (265–420 гг.) попыталась избавиться от господства хунну, для чего в 315 году был заключен союз с другим кочевническим позднесяньбийским объединением Тоба. Однако в 386 году ее вождь Тоба Гуй основал новую варварскую династию Северная (Тоба) Вэй. Постепенно Тобэйцы уничтожили мелкие варварские царства, объединив северную часть Китая в пределах североханьских границ и создали варварскую

Торамана (конец V — начало VI века) и **Михиракула** — вожди «белых гуннов» (эфталитов, кидаритов) — завоевателей империи гуптов. Сведения о Торамане отрывочны. Ему удалось завоевать район Малва (штат Мадрья-Прадеш).

Его сын Михиракула был основателем владычества эфталитов в Индии. Его правление продолжалось с 502 по 530 год. К 533 году он вынужден был покинуть Индию. В индийской традиции изображался как жестокий деспот.

Золотая монета с изображением эфталитского царя Тораманы. Североиндийская династия Белых Хунну (470–620)

империю весьма сходную с державой Теодориха Великого в Европе. Характерной чертой этих варварских государств было построение административного аппарата, проведение искальной и региональной политики по подобию императорских дворов Поднебесной или Константинополя.

Таким образом, наступление новой эпохи Средневековья было связано с повсеместным становлением в пределах евразийского цивилизационного пространства ранних государственных объединений на основе новых этноплеменных (варварских, кочевых) союзов, являющихся до этого момента родовыми вождествами. Начавшись массово в V веке, этот процесс динамично развивался вместе с Великим переселением народов вплоть до IX–X веков, когда появились первые признаки этногенеза народов Евразии.

Целесообразность предложенного экскурса обуславливается тем, что глобальный общеконтинентальный масштаб историко-культурных изменений неизбежно охватывал все регионы цивилизационной ойкумены. Южный Урал, как евразийское пограничье, не являлся исключением из этого списка. Более того, масштабные разнонаправленные перемещения кочевого и полукочевого населения в период гуннской и наступающей тюркской эпохи неизбежно оставили археологизированные маркеры, позволяющие реконструировать недостающие данные большой мировой истории.

Тобэйский царь из пещеры Моравии (Дон Жуан). Династия Северная Вэй

Монета гуннского правителя Михиракулы

Портрет вождя хуннов Кидара. Около 350–386 годов

Сардониксовая печать, изображающая Вишну с поклонником. Афганистан, Пакистан, IV–VI вв. Надпись бактрийским курсивом гласит: «Махира, Вишну и Шива». Британский музей

Гунны. Художник А. Разбойников. «Номады»

Гуннские этнокультурные ареалы

*По степям и пустыням,
По тучным Паннонским лугам
Дикий храп лошадиный
Прокатится, как ураган.
И из мрака руины
Ощеряются новым векам...*

Гуннские древности IV–V веков составляют малое количество комплексов и отдельных находок по сравнению с древностями предшествующего, раннегуннского (позднесарматского) этапа. Причинами этого, по общему утверждению, кроются в чрезвычайной мобильности и распыленности гуннской орды в период европейских походов второй половины IV–V века, что нашло отражение в малочисленности и неоднородности комплексов, их своеобразной «неуловимости». Сегодня на огромной территории от Подунавья до Поволжья с большим допуском можно насчитать единицы комплексов, в отдельных чертах погребального обряда (индивидуальные курганные захоронения, северная ориентировка погребенных, гроб, деформация черепов) и составе вещевого инвентаря которых проглядывают традиции общегуннского комплекса.

Почему сложилась подобная ситуация в пределах восточноевропейских и западноазиатских степей? Да и консолидация и последующий исход гуннской орды на запад имели свои объективные предпосылки. Вероятно, отчасти причины этого лежат в палеоэкологических условиях, которые сложились к IV веку, и в новом этапе развития кочевого общества, которое стояло на пороге ранней государственности.

Объединяя в своей орде разноэтничные, разнокультурные, разноплеменные варварские конфедерации, гуннские вожди Баламбер, Руа, Атилла окончательно уничтожили родоплеменную структуру гуннского общества, заменив ее на кланово-сословную иерархию. После чего они сталкиваются непосредственно с позднеримским и византийским социально дифференцированным государственным сообществом. Кочевые объединения впредь не могли сохраняться на прежних принципах военной родовой демократии. Появились новые,

особые способы кочевого производства, которые, безусловно, приводили к социальному расслоению и как итог к формированию раннегосударственной структуры общества. Способ кочевого производства опирался на внешнеэксплуататорскую деятельность (набеги, подорожные, мзда, данничество и пр.) и являлся наиболее важным для кочевых государств. Он был определен Н. Н. Крадиным [64] как экзополитарный.

Этот способ появился в раннеклассовых кочевых сообществах, чтобы изымать из оседлых городских обществ необходимую продукцию земледелия и ремесел.

Еще не отгрели битвы при Каталаунских полях и при Недао, еще Атилла не был задушен (или заколот) в своем свадебном паннонском шатре коварной германской красавицей Ильдикой (453 г.), еще его европейская держава была крепка и могущественна, а далеко на востоке вблизи

Битва при Каталаунских полях («Битва народов») произошла в июне 451 года в Галлии (200 километров к востоку от Орлеана). В ней войска Западной Римской империи под командованием Аэция в союзе с армией вестготов (западных готов) во главе с королем тулузского королевства Теодорихом остановили нашествие войска Атиилы, кроме гуннов включавшее в свой состав тюрко-болгарские объединения ругов, скиров, герулов, тюрингов (торклингов), остготов (восточных готов), аланов и генидов. Битва длилась несколько дней и явилась самой кровопролитной в раннем Средневековье.

После нее стороны разошлись с полям сражения. В западной исторической литературе создалась традиция победу в этом сражении приписывать римлянам. Однако в ходе основного сражения был убит предводитель вестготов Теодорих, после чего они (вестготы) вынуждены были покинуть поле боя. Атилла, уйдя из Каталаунских полей в Паннонию, в следующем году беспрепятственно вторгся в Северную Италию, разбил римское войско, завоевал римские предместья, и лишь миротворческое писание папы Льва I и гигантский выкуп сохранили Рим от разграбления.

Экзополитарный (от греч. экзо — «вне», и полития — «общество», «государство»).

Медаль
с изображе-
нием Аттилы

позднеантичных городов, на перепутьях торговых маршрутов в излучинах и слияниях стратегических речных магистралей начинали складываться своеобразные форпосты позднегуннского населения (V–VIII вв.). Они довольно хорошо определяются археологически. В отличие от степной зоны в их пределах наряду с материалами, относящимися к автохтонному лесостепному (оседлому) населению, располагались памятники, несущие в себе все тот же гуннский историко-культурный комплекс.

«Битва на каталаунских полях». Миниатюра из манускрипта XIV века

Вестготы — германское племя, входившее в Западный вестготский союз, переселившееся в II веке н. э. из Скандинавии (Сканзы) и расселившееся на юге Восточной Европы. В середине III века готы распались на две ветви — западную (вестготы) и восточную (остготы). После 370 года активно участвовали в исторических событиях на стороне различных варварских объединений.

Битва при Недао состоялась в 455 году (?) на реке Недао (приток Савы) на территории Восточной Паннонии (Венгрии). Бывшее союзное войско гепидов во главе с Ардарихом разгромило войско гуннов, предводимое старшим сыном Аттилы Эллаком. Битва произошла после смерти Аттилы и была результатом междоусобной борьбы. Гепиды одержали верх над гуннами, остатки которых бежали в Причерноморье.

Аттила в своем дворце принимает византийскую делегацию

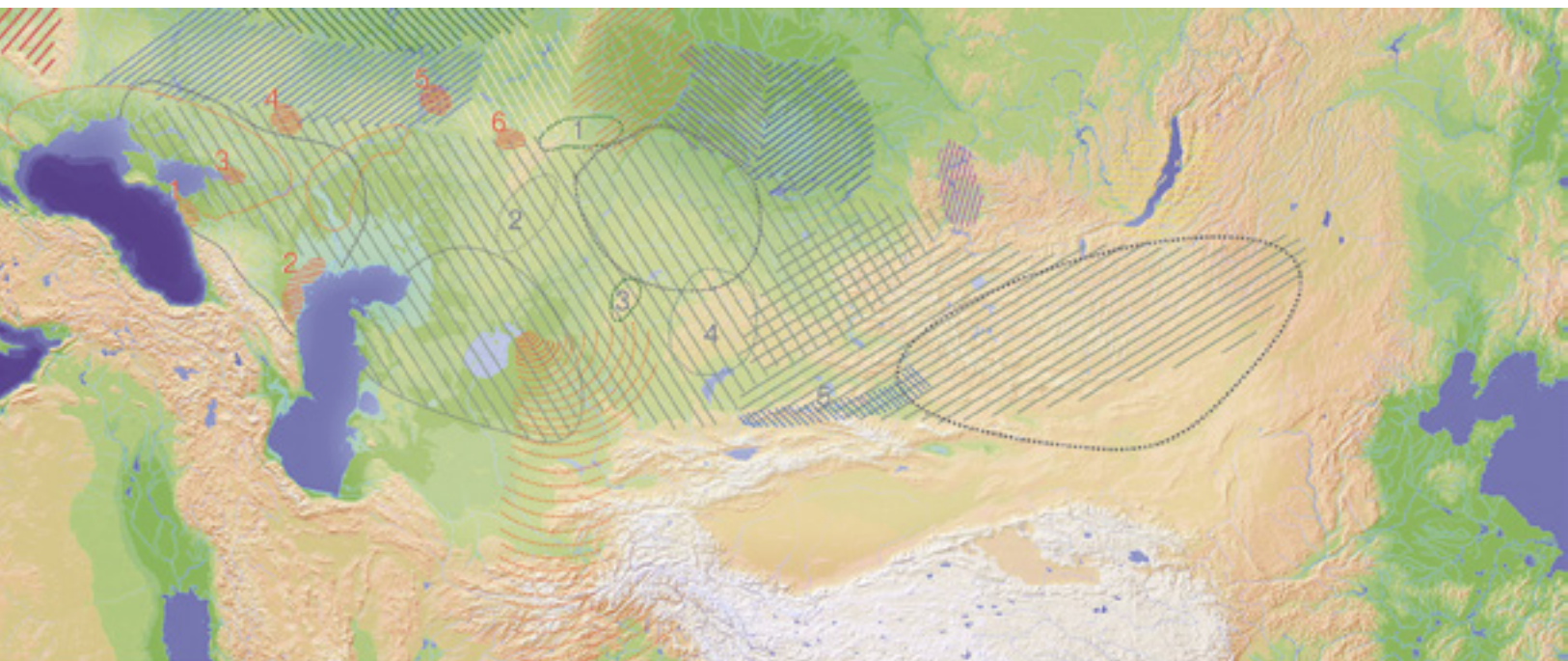
Эти ареалы впервые были определены Д. Г. Савиновым как этнокультурные (ЭКА), им же были установлены границы основных южносибирских ЭКА для раннетюркской эпохи [98]. Выбор метода определения единства отдельных групп памятников в рамках этих ареалов раннего Средневековья, находящихся в поясе евразийских степей, весьма удачен. При их анализе возможно комплексное рассмотрение письменных и археологических источников, что позволяет довольно точно очертить границы конкретных этнополитических объединений. Необходимость рассмотрения этих ареалов продиктована тем, что оно позволяет увидеть некоторую этнокультурную карту восточноевропейского и западноазиатского регионов, где дисперсно располагалась страна гуннов. Южный Урал входил в это историко-культурное пространство и играл ключевую роль в последующих гуннских коммуникациях.

Кратко прокомментируем карту гуннских ЭКА в рамках Средней Евразии, подробным образом охарактеризовав гуннские ареалы, находящиеся в пределах урало-казахстанских степей.

Основным критерием выделения именно гуннских ареалов являются исторические обстоятельства, при которых они появляются и существуют довольно длительный период. В большинстве случаев их возникновение приходится именно на гуннский (эпоха Атилы) и постгуннский (V–VI вв.) периоды, а основное развитие продолжается вплоть до VIII века. При этом памятники, входившие в выделенные ареалы, зачастую уже не демонстрируют то культурное единообразие или, по крайней мере, его основные интегрирующие черты, придающее им гунно-сарматский облик, который характерен для раннегуннского или позднесарматского времени. Основная часть гуннских ареалов — танаисский, именьковский, турбаслинский и джетысарский — сохраняют основные составляющие гунно-сарматского историко-культурного комплекса: простые и подбойные могильные ямы, северная ориентировка погребенных, деформация черепов, соответствующий набор вещевого инвентаря, характерный для мужских (предметы вооружения, конская узда, поясные пряжки) и женских (керамика, ритуальная посуда, лунницевидные

серьги или колты, ожерелья с 14-гранными бусинами, фибулы, бубенчики, зеркала, пряслица) комплексов. Однако причерноморские (гунно-болгарские), кавказские (дагестанские) и донские памятники замятинско-чертовицкого типа демонстрируют довольно сложную археологическую палитру, отражающую сложнейшие процессы гуннских и постгуннских интеграций, что достаточно условно отражено нами в названиях этих историко-культурных ареалов.

Гунно-болгарский ареал. Охватывает Северо-Восточное Причерноморье и Северо-Западное Предкавказье, ограничивается рамками небольшого Новороссийско-Анапинского микрорайона, расположенного на северном пограничье прибрежной и степной зон Северо-Западного Предкавказья. По всей видимости, сложение его падает на раннегуннский период и может быть соотнесено с серединой III века, когда появляются наиболее ранние комплексы могильников Южной Озерейки и Цемдолинского, а также отдельные комплексы III–IV веков в окрестностях Новороссийска и Анапы. Отнесение их к праболгарским памятникам позволяет отметить тот факт, что среди материалов из данных памятников зафиксированы наиболее ранние в Восточной Европе комплексы с широтной (западной) ориентировкой погребенных, захороненных по обряду ингумации в сопровождении коня, или отдельные захоронения лошадей. При этом данная традиция в III–IV веках распространяется на юг вдоль морского побережья до района Туапсе, где в могильнике Бжид среди достаточно разнообразных форм погребального обряда зафиксированы захоронения, сопровождаемые лошадьми [29]. Вещевой материал этих могильников (узкие двулезвийные мечи, кольчатые удила с ремennыми накладками-зажимами, круглорамчатые пряжки с подвижным фигурным щитком, лучковые фибулы с обмоткой по спинке, дисковидные подвески, 14-гранные бусы, отдельные формы керамики) находит прямые аналогии среди материалов гунно-сарматских или позднесарматских памятников, особенно из районов Волго-Донья [29, таб. 72, 1, 4–7, 21, 23–34, 47, 40–44, 46, 50, 52, 57–58, 74, 85; 74, 58, 59, 61, 64, 68, 71, 72, 76, 78, 80].

Карта распространения этнокультурных ареалов (ЭКА) Евразии в IV – VIII веках.

I — гуннские этнокультурные ареалы:

- 1 — Гунно-болгарский, III–VIII вв.
- 2 — Кавказская Гунния, IV–VIII вв.
- 3 — Гуннский Танаис, IV–VIII вв.
- 4 — Гуннский Чертовицко-Замятинский, IV–VIII вв.
- 5 — Гуннский-Именьковский, IV–VIII вв.
- 6 — Гуннский-Турбаслинский, IV–VIII вв.

II — позднегуннские и раннетюркские этнокультурные ареалы:

- а) Восточно-тюркский;
- б) Уйгурский, VII–X вв.;
- в) Курыканский, VI–IX вв.;
- г) Усуньский;
- д) Кыргызский, VI–IX вв.;
- е) Алтайско-Телесский, VI–IX вв.;

ж) Гунно-эфталитский, джетыасарский;

з) Западнотюркский;

и) ареалы курганов с «кусами»:

- 1 — Южный Урал,
- 2 — Мугоджары,
- 3 — Улу-Тау, Тургай,
- 4 — Сары-арка,
- 5 — Южноказахстанское семиречье,
- 6 — Восточный Казахстан, Иртыш
- к) Огузо-печенегский (Приаралье, Прикаспий, VIII–XII вв.);
- л) Кимако-Кыпчакский, VIII–X вв.;
- м) Позднегуннские;
- н) Раннетюркские, Восточная Европа, Причерноморский, IV–VIII вв., Поволжский, VI–VIII вв.;
- о) Аварский, VI–VIII вв.;
- п) Хазарский, VII–X вв.;
- р) Антско-Славянский;
- с) Финский;
- т) Пермско-Угорский (прикамский);
- у) Угорский (бакальский);
- ф) Самодийский (потчевашский);
- х) Угро-Тюркский (верхнеобский, одинцовский)

Кавказская Гунния (охватывает Степной и Предгорный Дагестан, а также погребальные комплексы из могильников Прикаспийского Дагестана IV–VIII веков). Критерием выделения данного ареала большей частью являются общеисторические сведения о размещении Прикаспийской Гуннии из раннесредневековых источников, подробно изложенные в специальном исследовании Л. Б. Гмыри [31, с. 278–305; 32].

В археологическом плане эти территории характеризуются материалами Паласасыртского, Чирюртского, Верхнечирюртинских, Дагогнинских и других могильников Прикаспийского Дагестана, где ведущими в погребальной традиции являлись курганные или бескурганные катакомбные погребения. Эта специфическая особенность погребальной традиции данного гуннского ареала получила отражение и в исторических материалах, что позволило М. И. Артамонову прийти к заключению о том, что территория, расположенная в пределах Северо-Восточного Предкавказья, где ранее располагалась страна «Алуандрия» (по Моисею Каланкатуйскому), или страна северокавказских алан, была захвачена гуннами-хайлындуррами [8, с. 61].

По мнению Ю. Р. Джафарова и Л. Б. Гмыри, с 460-х годов, после появления гуннов-савиров, эти районы входят в состав раннесредневекового государства «Царство гуннов» [31, с. 305; 40]. К сказанному следует добавить, что эти же районы являлись местом обитания аланов-маскутов и барсиллов, в связи с которыми неоднократно упоминаются и гунны с самого раннего периода их обитания в Предкавказье (Агафангел, Моисей Хоренский, Фавстос Бузант и др.) [31, с. 279].

Гуннский Танаис. С ним мы связываем верхние горизонты Танаиса, относящиеся к IV–VI векам, и более 50 погребений Танаисского некрополя, большинство которых (59 %) демонстрируют северную ориентировку погребенных, меньшее количество захоронений совершено в катакомбах, появившихся здесь в массовом количестве после IV века, в могильных ямах с подбоем и широтной (западной) ориентировкой погребенных. В десяти случаях фиксируется черепная деформация [5, с. 175–179]. На появление во второй половине II века н. э. ранне-гуннского населения в Танаисе и его округе указывают изменения в погребальной обрядности, фиксируемые в нижнедонских некрополях, и материалы ономастики. После готского погрома Танаис был восстановлен и существовал до VI века как «варварский город», стратегически важный форпост-ставка приазовских и нижнедонских гуннов. Вопрос о верхней дате существования данного ареала остается пока открытым. Как уже отмечалось, наиболее поздние погребения некрополя Танаис относятся к VI веку. Однако не так давно на Недвиговском городище обнаружены слои VII–VIII веков, которые в архитектурном и культурном облике продолжают традиции предшествующего горизонта. Это позволяет говорить, что город существовал в течение раннетюркского периода.

Чертовицко-Замятинский ареал. В него входят Кривая Лука, Доно-Днепровское лесостепное междуречье. Этот ареал представляет группа городищ и могильников III–VI веков лесостепной полосы Донского и Днепровского междуречья. Впрочем, существует мнение, что собственно гуннскую историко-культурную составляющую этого микро-района следует ограничить памятниками эпохи Ат-

тилы (конец IV — V в.) [87, с. 166]. Опорные поселенческие памятники, к которым, вероятно, можно отнести городище Чертовицкое III и городища Замятинского комплекса (Замятино V, VII, VIII), дают материалы, укладываемые в широкие хронологические рамки — от III до VI века. Аналогичные хронологические рамки и у некрополей этого ареала.

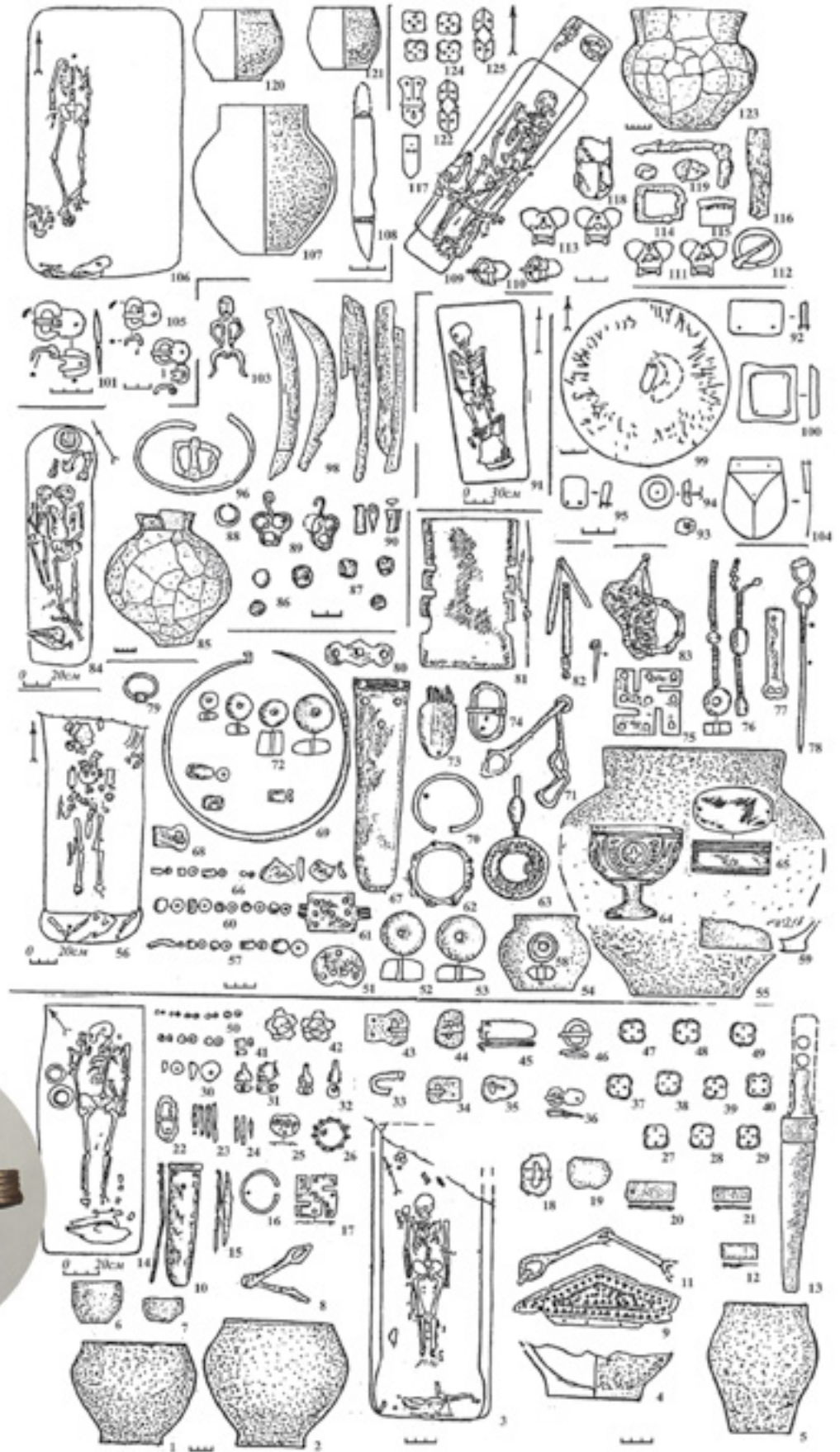
На наш взгляд, погребальный обряд местного населения испытывал явные инокультурные влияния, что отразилось в неустойчивости ориентировок, наличии трупосожжений и особых проявлений культа огня, характере вещевого инвентаря, но в целом сохранял единую линию развития поздне-сарматской (раннегуннской) погребальной традиции. Вероятно, данное обстоятельство позволило высказать А. М. Обломскому весьма верное суждение о «постсарматском» облике немногочисленных погребений собственно гуннского и постгуннского времени (V — начало VI в.) в курганах 4, 5 Животинского могильника и Лихачевского погребения [Там же, с. 224]. К этому же кругу, вероятно, целесообразно отнести погребения у села Любовка и Сумы-Сад (погребение 4), имеющие северную ориентировку. И. О. Гавритухиным они отнесены к кругу постгуннских древностей V–VI веков [27].

Волжско-Камский (Именьковский) ареал. Объединяет комплекс поселений, городищ и могильников бассейна Нижней Камы и Волги в Камско-Самарском междуречье, существовавших здесь в пределах IV–VII веков. В большей мере речь идет о весьма специфических материалах (могильник

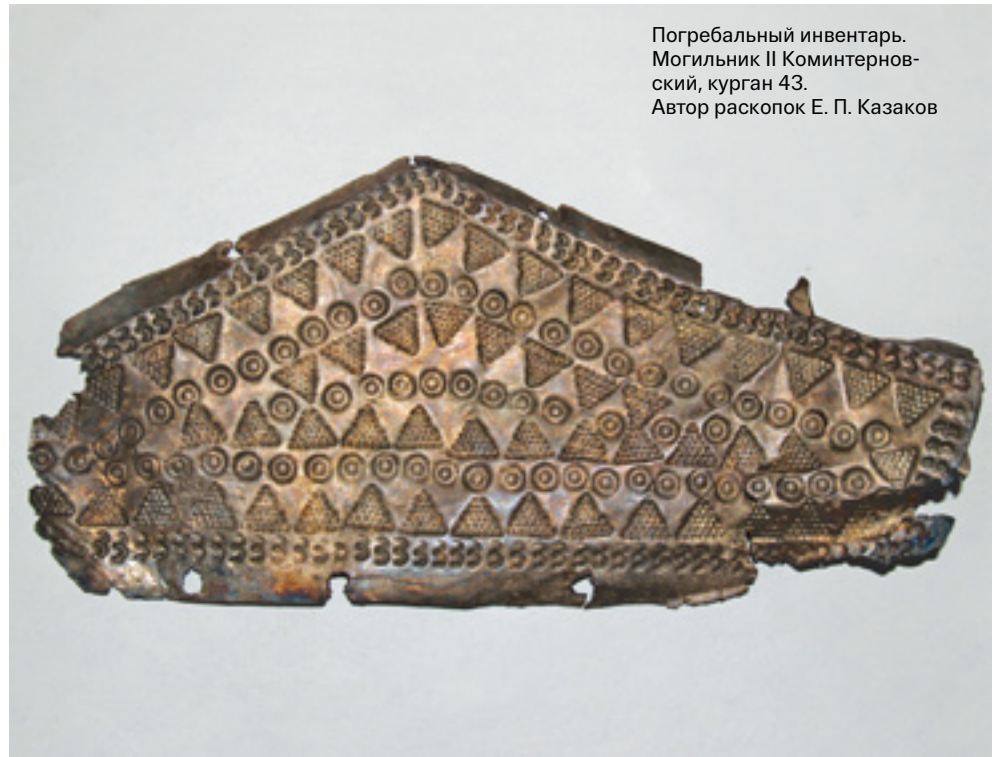

Чаша.
Могильник
II Коминтер-
новский, кур-
ган 43. Автор
раскопок
Е. П. Казаков

Погребальный инвентарь. Могильник II Коминтерновский, курган 43. Гуннский Волго-Камский (именьковский) ареал. Автор раскопок Е. П. Казаков

Погребальный инвентарь.
Могильник II Коминтерновский, курган 43.
Автор раскопок Е. П. Казаков

Коминтерновский II). Составляющие его комплексы четко выделяются не только обрядом ингумации на фоне абсолютного преобладания кремации в именковских некрополях, но и наличием характерных черт гуннского историко-культурного комплекса, сближающих их со степными памятниками гуннского и постгуннского времени, а также комплексами турбаслинской и джетыасарской культур.

Уфимско-Бельский (турбаслинский) ареал расположен на Южном Урале, в пределах Бельско-Уфимского слияния. Здесь в недрах турбаслинской культуры шла активная диффузия позднегуннского и финно-угорского населения. В определенной мере о гуннском влиянии на ареалы, расположенные в лесостепной полосе от Дона до Уфы, свидетельствуют частые находки предметов, своеобразно маркирующих гуннскую и постгуннскую эпохи.

Фларит Абдулхаевич Сунгатов (р. 04.09.1958) — археолог, кандидат исторических наук. Старший научный сотрудник, директор ООО «Архпроектизыскание» (Уфа). На протяжении последних тридцати лет является основным исследователем памятников раннего Средневековья на территории Башкортостана. Под его руководством были проведены первые широкомасштабные исследования известного памятника — городища Уфа II (2006–2009). В круг его научных интересов входят памятники турбаслинской культуры. Исследователем выдвинута идея о гуннской принадлежности населения, оставившего турбаслинские памятники в бассейнах рек Уфа и Белая после возвращения из западных походов.

Речь идет о серьгах-лунницах, калачиковидных серьгах, коньковых и антроповидных амулетах, бубенчиках, подвесках-сульгамах, отдельных категориях ременной гарнитуры, типах браслетов, фибул и зеркал.

Безусловно, в рамках турбаслинского ареала, равно как и в случае с именьковским, сосуществуют самые различные археолого-этнические группы (бахмутинская, именьдяшевская, кушнаренковская, чермосатская и другие), что выразилось в чрезвычайной пестроте археологического материала V–VII веков с территории Центрального Башкортостана. Вероятнее всего, мирное сосуществование в пределах одних селищ и городищ обеспечивала именно гуннская этнополитическая составляющая. На это указывают материалы исследования городища Уфа II, раскопки которого проводятся в последние годы. Расположение этого крупного протогородского центра с развитым ремеслом, мощной фортификационной и жилой

Турбаслинская культура — археологическая культура V–VII веков, носители которой обитали на левобережье среднего течения реки Белой, между устьями рек Сим и Чермасан. Выделена Н. А. Мажитовым по материалам раскопок Ново-Турбаслинского поселения и курганного могильника в Благовещенском районе Башкортостана. В. Ф. Гениг и Р. Д. Голдина отмечают угорские компоненты в материалах населения турбаслинской культуры и связывают их с уграми, пришедшими в Приуралье из Западной Сибири и с юга. Другие археологи, опираясь на установленную антропологами европеоидность «турбаслинцев» и сходство многих элементов их культуры с культурой кочевников восточно-

европейских степей, связывают их происхождение с поздними сарматами (аланами) [94]. Среди позднесарматских определяющих признаков — северная ориентировка погребенных, деформация черепов, меловая подсыпка в могилы, категории вещевого инвентаря. Основной исследователь памятников данной культуры Ф. А. Сунгатов связывает ее образование с позднегуннским населением, вернувшимся с запада к V веку и осевшим в долине реки Белой. Он отмечает явную связь турбаслинцев и южноказахстанского (джетыасарского) населения. С этой точкой зрения сближается предположение Е. П. Казакова, который относит население турбаслинской культуры к хионитам.

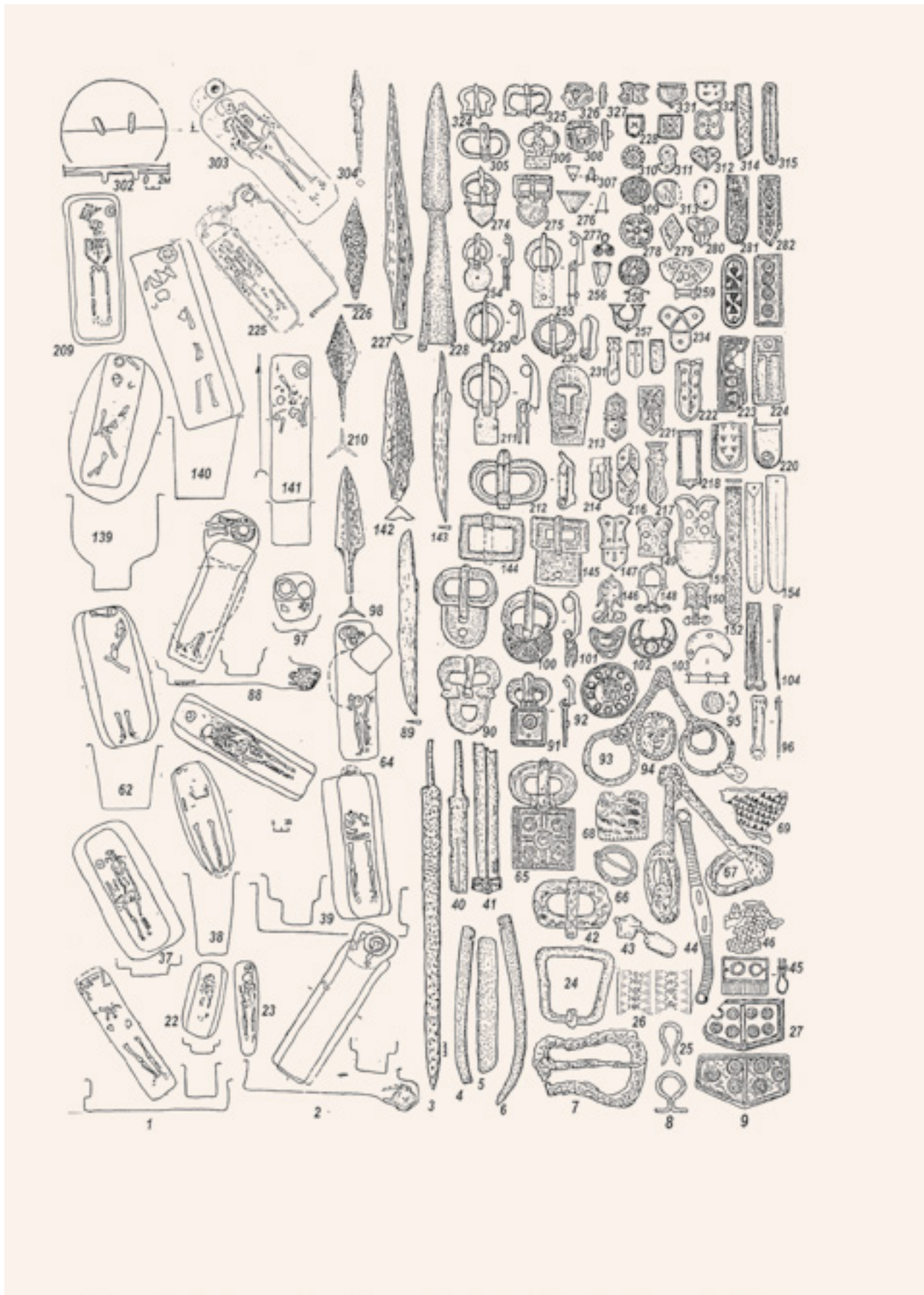
Подвеска.
Могильник «Чайка». Республика Башкортостан

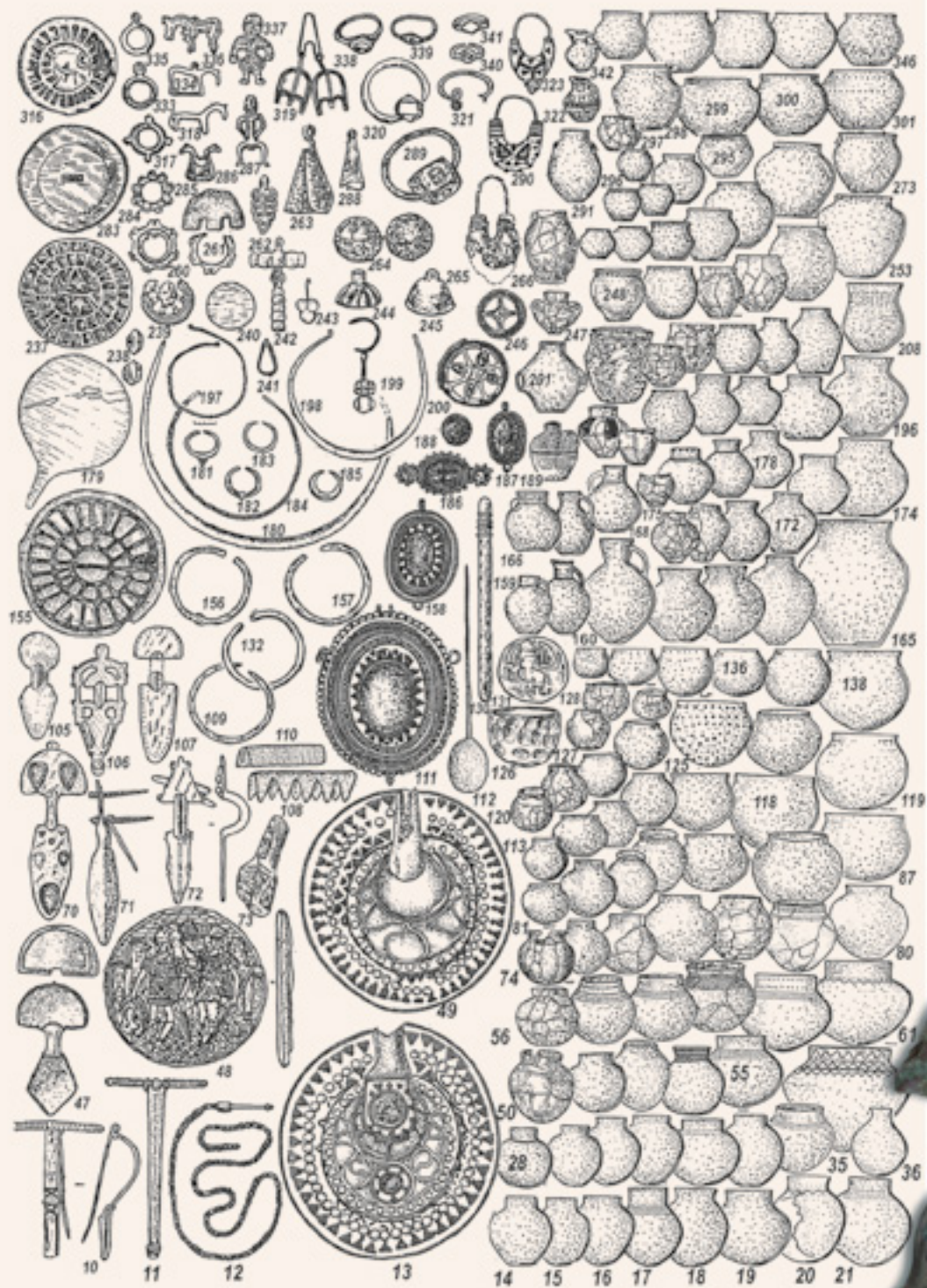

Инвентарь из памятников турбаслинской культуры

Погребальный обряд и инвентарь. Турбаслинский историко-культурный комплекс

архитектурой в непосредственной близости от известных некрополей позднегуннской (турбаслинской) кочевой аристократии, которыми являются знаменитые уфимские курганы и многочисленные турбаслинские комплексы, разбросанные по улицам и пригородам Уфы,— факт не случайный. В данном случае мы имеем дело с единым комплексом, включающим протогород и связанные с ним погребальные памятники. Это единство позволяют установить многочисленные находки типологически близких предметов в могильниках и слоях V–VIII веков этого городища [76; 77; 79].

Основная часть постгуннских памятников располагается в лесостепном Приуралье и Зауралье, здесь наблюдается процесс смешения гунно-

сарматского и местного лесостепного населения. В результате микширования приуральского финно-угорского населения, носителей бахмутинской и мазунинской и других культур (могильники Охлебинино, Шиповский, Ново-Сасыкуль) и гунно-сарматских племен, оставшихся в пределах Приуралья и в большей степени после ухода основной части гуннского союза далее на запад [89], в бассейне среднего течения реки Уфы к V веку н. э. формируется турбаслинская культура, которая продолжает существовать вплоть до VIII века. Носители ее, несмотря на то что, по всей видимости, вели оседлый (или полуседлый) образ жизни, сохраняли основные элементы гуннского или гунно-сарматского историко-культурного комплекса:

Раскопки городища Уфа II. Зачистка профилей. Город Уфа. Республика Башкортостан

Городище Уфа-II расположено на территории столицы Башкортостана — Уфы. Поселение находится в центре города, на участке, ограниченном улицами Пушкина, Новомостовая, Октябрьской Революции и проспектом Салавата Юлаева. Городище Уфа-II было открыто в 1953 году благодаря известному уфимскому краеведу Петру Федоровичу Ищерикову. Широкомасштабные работы начались в 2006 году в период проведения строительных работ и продолжают по сегодняшний день. За время раскопок на площади памятника исследован культурный

слой мощностью более трех метров. Впервые были получены материалы, позволяющие охарактеризовать внутреннюю планировку южной части площадки городища, конструктивную особенность жилых, хозяйственных и иных построек. Раскопки 2007 года выявили на разных участках раскопа остатки деревянных настилов, которые были интерпретированы исследователями как остатки уличных мостовых общей протяженностью более 70 метров. В 2009 году обнаружены остатки стен жилищ в виде дощатых настилов и плетенки из тонких жердей с глиняной обмазкой.

Всего зафиксированы остатки пяти таких построек. В ходе раскопок обнаружены остатки мощной оборонительной стены шириной в основании более 10 метров, высотой 4–5 метров, глубокого и широкого рва, следы прямоугольных и юртообразных жилищ, уличных деревянных мостовых шириной в среднем 2 метра, длиной более 50 метров, железо- и медеплавильных печей, ювелирной мастерской. Обнаружены улицы шириной 2,5–3 метра и длиной 60–70 метров, застланные деревянными досками, а также четкие очертания наземных жилищ на местах

пересечения улиц. Раскопки показали, что при создании крепостных стен, жилья и других построек городища использовались глинистые растворы. Крепостная стена сложена из 30 слоев саманного кирпича, глины и бревен. Использование таких материалов характерно для культур Средней Азии и Ближнего Востока. Остатки древней крепостной стены и рва указаны на плане Уфы, составленном в 1745 году. Собрана гигантская коллекция артефактов, которая датируется II–IV веками до н. э.

Расчистка деревянной мостовой между жилищами. Городище Уфа II. Город Уфа. Республика Башкортостан

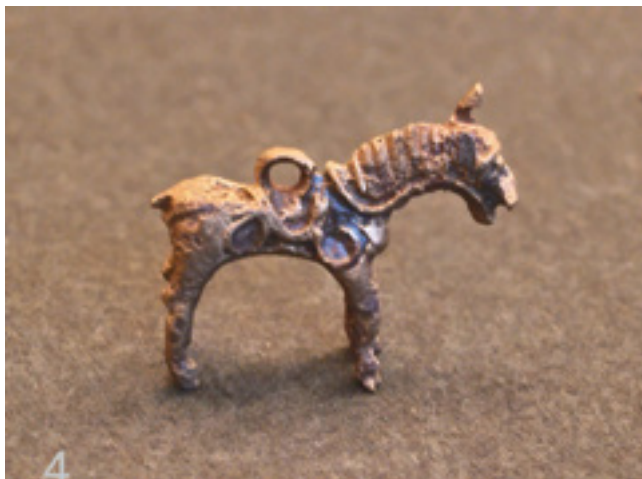
Вид на городище Уфа II.
Город Уфа. Республика Баш-
кортостан. Фото С. Арканова

Инвентарь городища Уфа II:
 1 — каменная пластика;
 2 — пинцет;
 3 — псалий;
 4 — металло-пластика;
 5 — находки из ювелирной мастерской;
 6 — зеркало

1

2

3

5

6

2

1

3

4

5

6

7

8

10

9

Инвентарь городища Уфа II:
1 — стеклянное колечко;
2, 8 — римская фалера;
3 — декоративная накладка;
4 — печать;
5 — подпружная пряжка;
6, 7 — римские геммы;
9 — накладка на перекрестные ремни;
10 — фибула

Городище Алтын Асар.
Джетыасарский историко-
культурный комплекс.
Республика Казахстан.
Фото Н. Б. Виноградова

Джетыасарская культура (Джеты-асарская, от каз. Жетиасар — семь (много) крепостей) — археологическая культура раннего железного века и раннего Средневековья (начало I тысячелетия до н. э. — IX век н. э.). Джетыасарские городища (более 50) расположены на древних протоках Сырдарьи — Эскидарьялык (Пракувандарья). Городища расположены на левом берегу Сырдарьи от Кызылорды до Байконура (Кызылординская область Казахстана). Все городища джетыасарской культуры хорошо укреплены, обязательно приурочены к древнему руслу, в их основе лежит одна или несколько двух-трех-этажных крепостей, по всей видимости, выполнявших роль общинных домов.

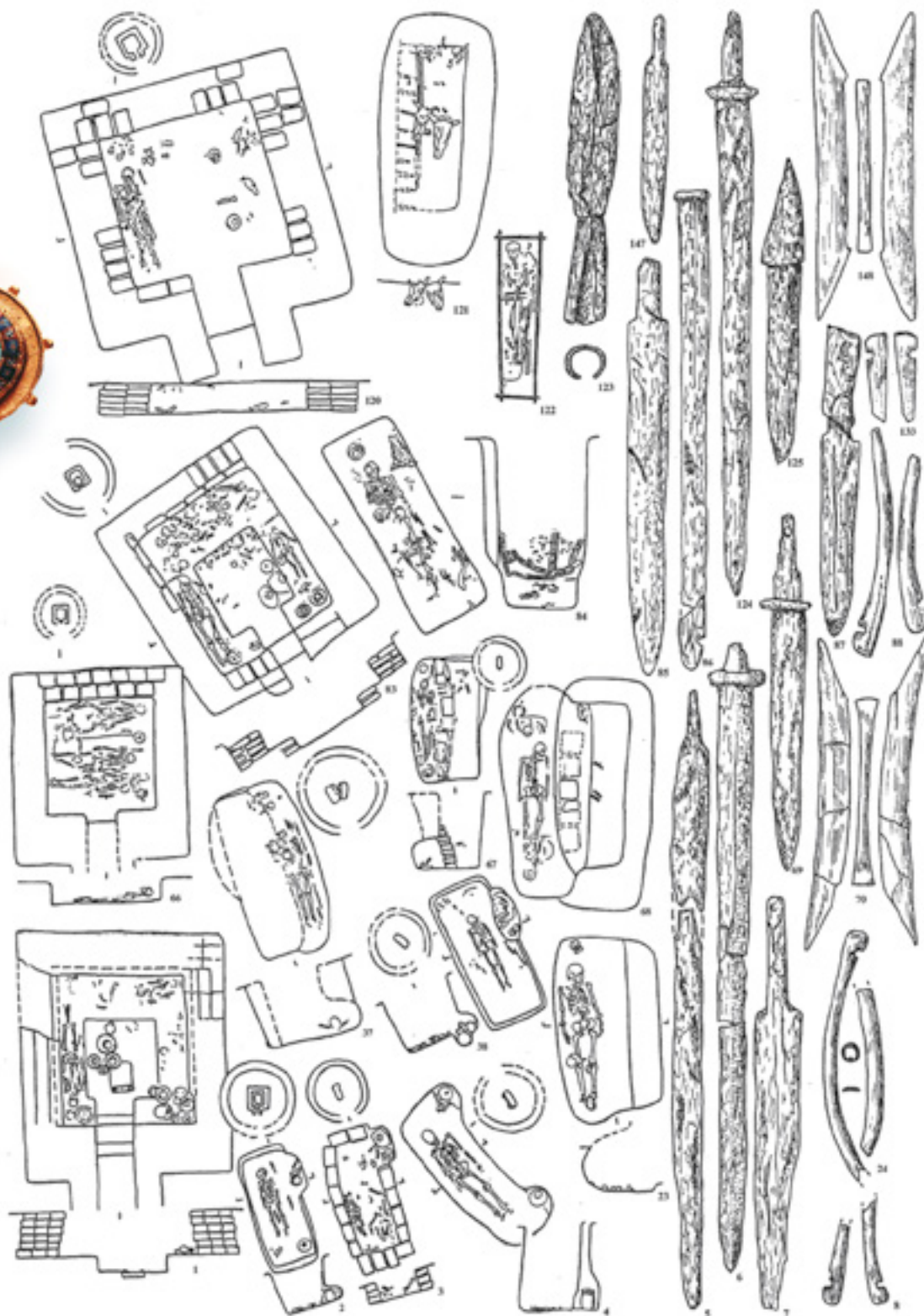
Алтынасар — городище, самый крупный памятник джетыасарской культуры. Представляет собой большую крепость со столь же развитой фортификационной системой, но с многочисленными и разнообразными остатками крупных жилых сооружений внутри. Датируется V веком до н. э. — VIII веком н. э. Расположен на западной оконечности Джетыасарского урочища и представляет собой комплекс, состоящий из четырех разновременных крепостей, окруженных одной крепостной стеной. Наиболее ранним из них является так называемый «Малый дом» с его высокой круглой в плане центральной площадкой и гораздо более низкой подовальной в плане второй площадкой. Возникший, очевидно, не позднее VII–VI веков до н. э. «Малый дом» находится в северо-восточном углу комплекса Алтынасар. Вероятно, не позднее последних веков до нашей эры южнее «Малого дома» было возведено двухъярусное городище «Большой дом», центральная часть которого, судя по другим аналогичным джетыасарским городищам, представляла собой двухэтажную крепость. Приблизительно в середине первого тысячелетия нашей эры были построены

крепостные стены с многочисленными башнями, оборонительным коридором, ограничивавшие территорию площадью 17 гектаров и включавшие в себя оба ранних городища и одновременную стеном круглую в плане крепость на северо-западном углу комплекса. К самым поздним постройкам Алтынасара относится подквадратная (точнее, пятигранная) в плане крепость, воздвигнутая на культурных слоях второй площадки «Большого дома». Население занималось ирригационным земледелием, скотоводством и рыболовством, через район городищ проходил важный караванный путь от Тянь-Шаня к устью Волги и традиционные маршруты миграции кочевых оседлых племен. Городища были окружены могильниками, в которых совершались захоронения в кирпичных склепах, ямах (иногда с нишами, подбоями). Также встречаются катакомбы. Среди находок — фибулы, ременная гарнитура, зеркала, янтарные и стеклянные бусы, антропо- и зооморфные фигурки и налпы на керамике, золотые украшения, резные иранские геммы (камни-печати), китайский, индийский и другой импорт.

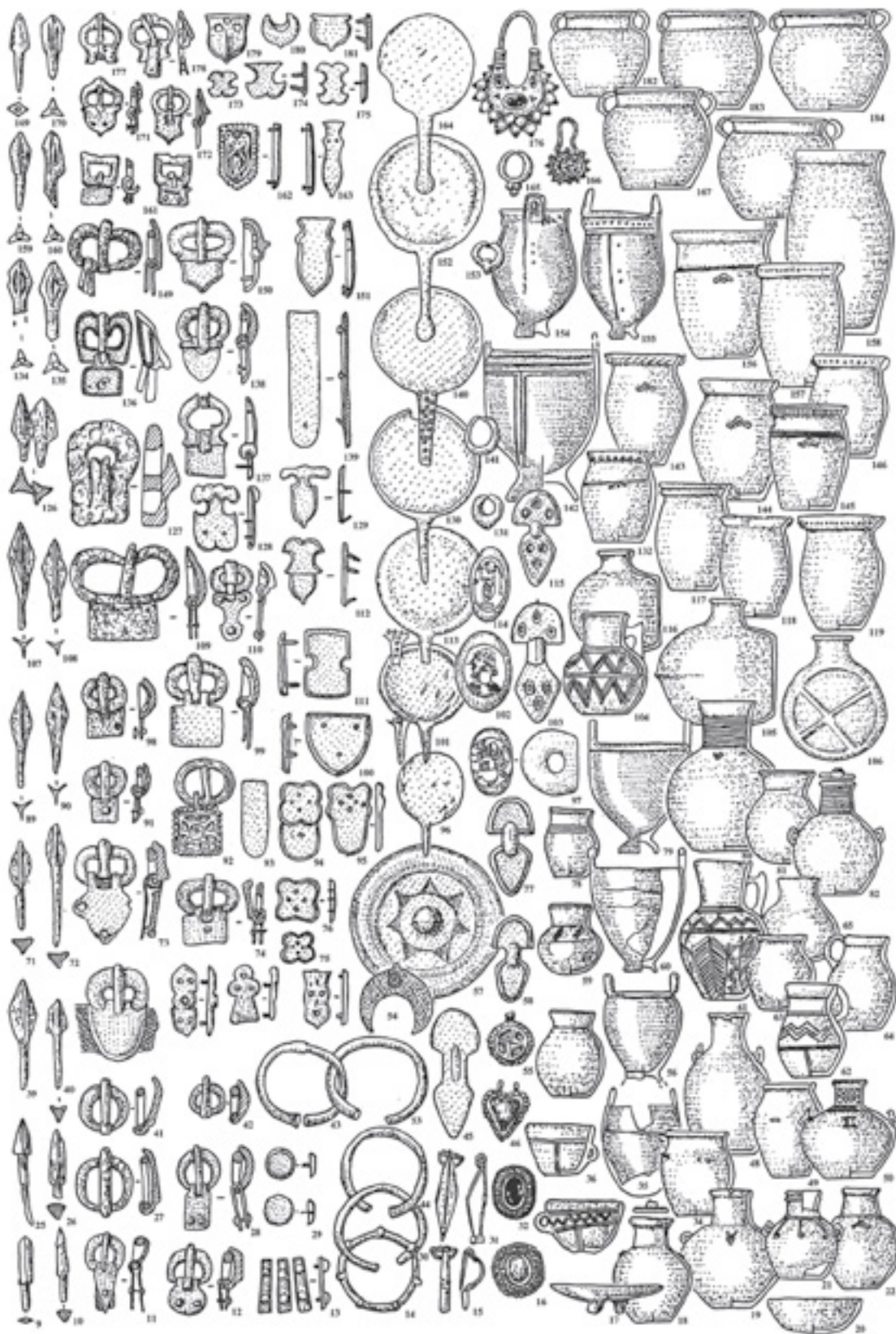
Городище Алтын Асар.
Республика Казахстан.
Фото Н. Б. Виноградова

Погребальный обряд и инвентарь. Дзетыасарский историко-культурный комплекс. V–VIII века

Вид погребений, инвентарь.
Джетыясарский историко-
культурный комплекс.
Фото Н. Б. Виноградова

Вид погребений, инвентарь. Дзетыасарский историко-культурный комплекс.

Вероятно, к инновациям в дзетыасарских погребальных комплексах этого периода можно отнести возникновение традиции помещения лошади или ее шкуры в могильную яму [73, с. 120], а также появление предметов восточного (тюркокультурного) круга (жесткое седло, конская узда, включающая костяные подпружья, пряжки и чубуки, железные стремена и удила) и поясов геральдического стиля [Там же, рис. 94, 96, 127, 130–132, 134–138]. Очевидно, что и здесь при сохранении единокультурности населения, оставившего позднегуннские дзетыасарские памятники, наблюдаются те же инновационные тенденции, что и в постгуннских памятниках Южного Урала. Вероятнее всего, этот факт не случаен. Как нам представляется, даже после исхода отдельных племен постгуннской конфедерации между северной и южной перифериями Урало-Аральской пастбищно-кочевой провинции — Приаральем и Южным Уралом — поддерживались определенные коммуникационные

Антропологические
реконструкции.

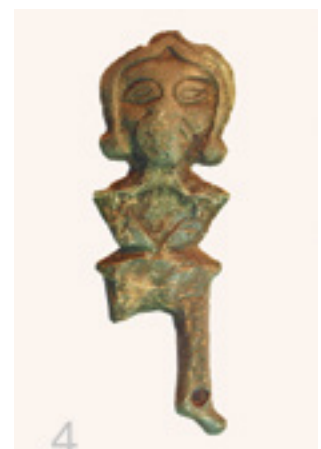
Джетыасарский историко-
культурный комплекс

контакты. Сохранились ли они в виде контактов между отдельными группами кочевого населения или эта связь существовала как система торгово-обменных контактов между двумя разноландшафтными хозяйственными зонами, сказать трудно. Думается, основа этого коммуникационного ареала лежала в этнокультурном единстве населения его северной и южной провинций, которое возникло с первых веков нашей эры и существовало вплоть до VIII века. Это единство подтверждается не только наличием отдельных типов керамики, сходных с джетыасарской посудой в турбаслинских и бахмутинских памятниках Южного Приуралья, но и, что весьма важно, находками схожих оригинальных предметов культового назначения. Речь идет о зооморфной пластике на ритуальных керамических сосудах и антропоморфных изображениях в металле. Особенно поражает схожесть металлических мужских фаллических фигурок, обнаруженных в Алтынасарских, Бирском и Кушнаренковском могильниках [73, рис. 169].

Вопрос историко-культурной атрибуции Турбаслинского и Джетыясарского центров находится сегодня в стадии разработки, основные его черты определены в процессе исследования наиболее грандиозного памятника из числа турбаслинских — городища Уфа II. Здесь в рамках турбаслинского и кушнаренковского горизонтов выявлена так называемая «сетчатая» лощеная керамика. По своему внешнему облику этот материал авторами исследований вполне справедливо соотносится с раннеболгарским культурным влиянием на территории Приуралья.

Основные черты погребальной обрядности позволяют говорить, что приведенные памятники в большинстве своем входят в единый горизонт, который характеризуют постгуннские традиции: узкие прямоугольные ямы, ямы с подбоем, погребения с северной ориентировкой, частая деформация черепов. Существенной инновацией является помещение, как правило, в ногах, а также сбоку на приступке жертвенников, чаще всего в виде черепа

Антропоморфная пластика с фаллическим символом:
1 — Алтын-асарский могильник;
2 — Бахмутинский могильник;
3 — Кушнаренковский могильник;
4 — Ингала

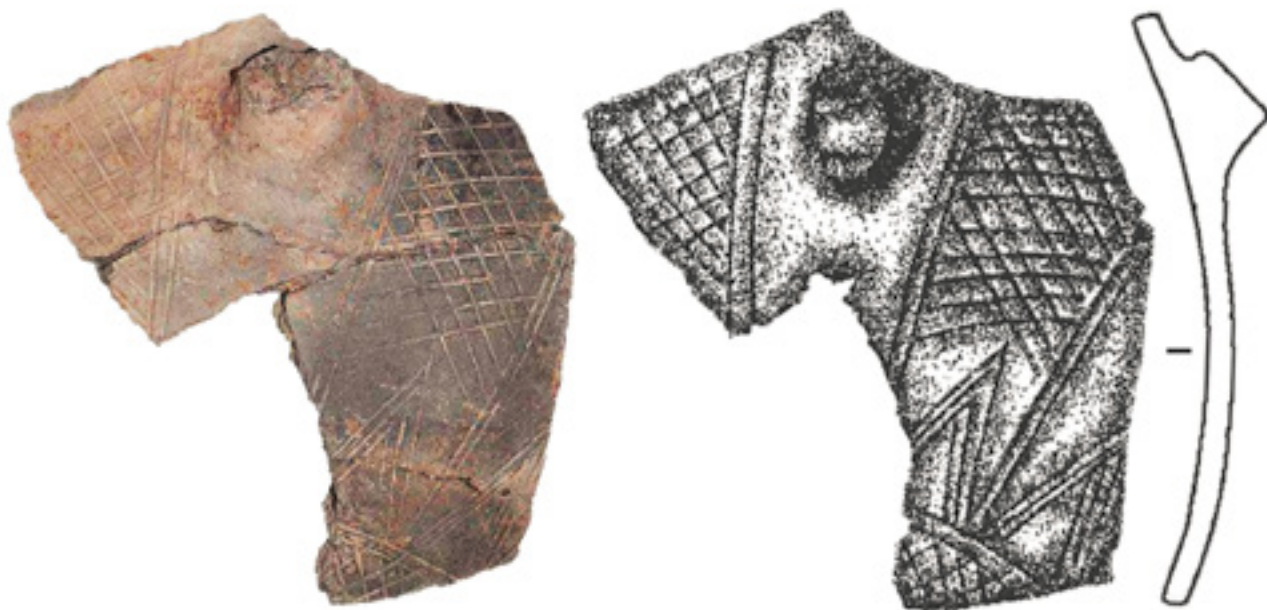

и костей конечностей (шкуры?) крупного и мелкого рогатого скота или верблюда, реже — скелетов коней. В первом случае эта черта сближает данные комплексы с некоторыми лесостепными и лесными памятниками Поволжья (именьковская культура — Коминтерновский II, Ташкирменский могильники) и Приуралья (турбаслинская культура — Кушнаренковский могильник, погребения 2, 27, а также погребения 1, 8, 22 Манякского могильника; Новобикинский могильник и курган 10 Лагеревского могильника). Во втором случае традиция положения целых костяков лошади получила свое развитие в раннетюркских (болгаро-хазарских, аварских) памятниках Причерноморского ареала и Карпатского бассейна. Традиция положения черепа и конечностей (шкуры) лошади на приступ рядом с погребенным получает свое распространение в лесостепной полосе Южного Урала, Западной Сибири и Восточного Казахстана в комплексах с широтной ориентировкой, появляющихся в VII–VIII веках (могильники Манякский, Лагеревский, Бобровский, Ближние Елбаны XIV, Черноозерье, Жарлы, Чиликты, Егиз-Койтас), и, возможно, отражает динамику становления другого историко-культурного комплекса (болгарского, мадьярского, кимакского, кыпчакского (?)).

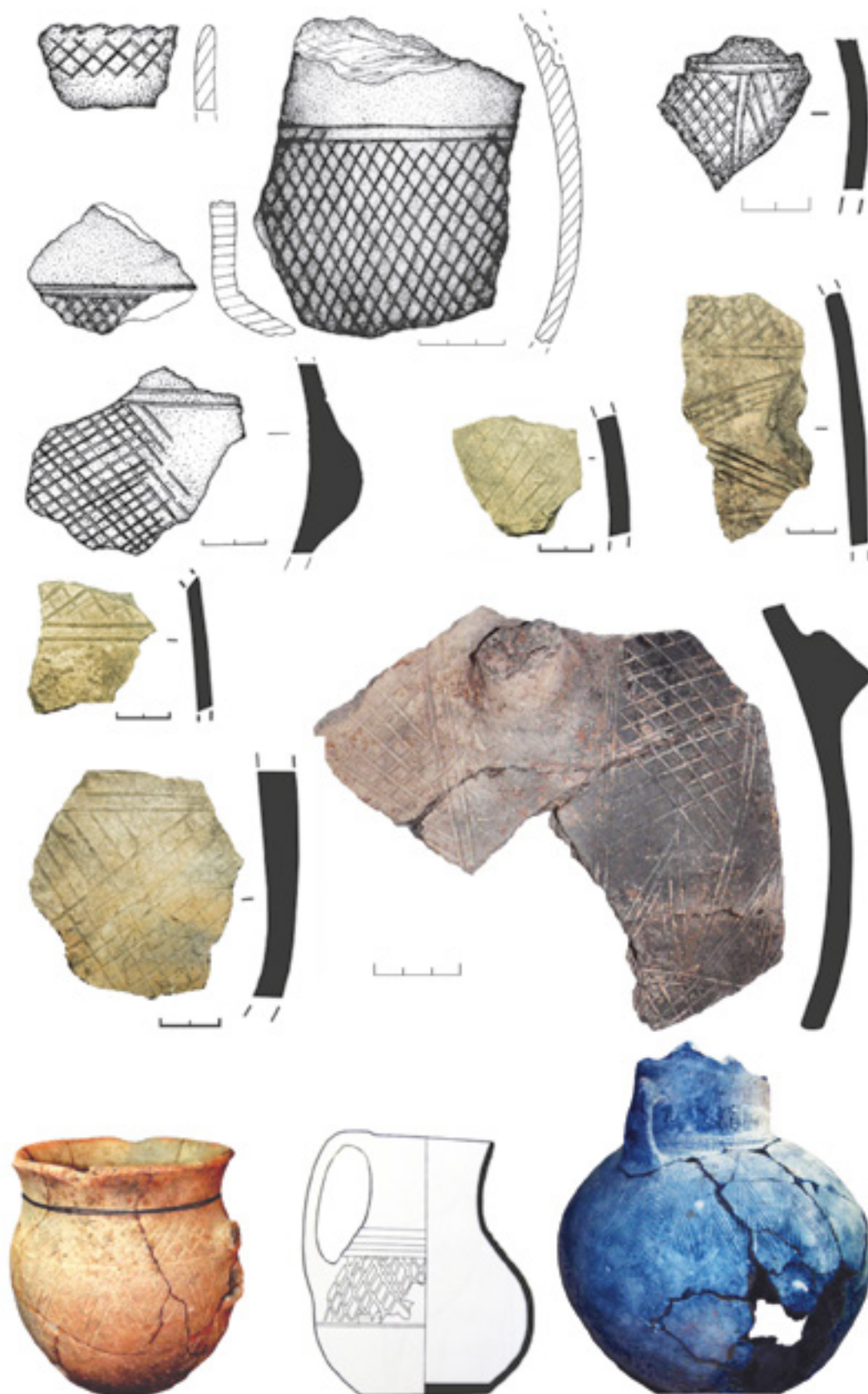
Еще одной яркой параллелью урало-аральским памятникам являются находки уже упомянутой гончарной «сетчатой» керамики, сделанные в последние годы на городище Уфа II. Аналогии ее уводят в Приаралье и на Сырдарью. По своему внешнему облику эти «сетчатые» сосуды из городища Уфа II авторами исследований справедливо соотносятся с раннеболгарским культурным влиянием на территории Приуралья. В этой связи удивительный комплекс V–VI веков был исследован Ж. Смаиловым на могильнике Каратобе II (курган 1) на юго-западе Актюбинской области. По географическому положению он является связующим звеном между Приаральем и Приуральем. По культурному облику относится к комплексам джетысарского типа. Особая деталь памятника — кости крупного рогатого скота, расположенные на ступеньке, и кувшин с «сетчатым» орнаментом.

Аналогом раннеболгарских образцов является также характерный горшок грубой ручной лепки с сильно отогнутым венчиком и подковообразным резным орнаментом, расположенным двумя горизонтальными поясами. Этот сосуд из фондов Уральского краеведческого музея обнаружен Г. А. Кушаевым во время раскопок на территории Западного Казахстана. Данные формы являются

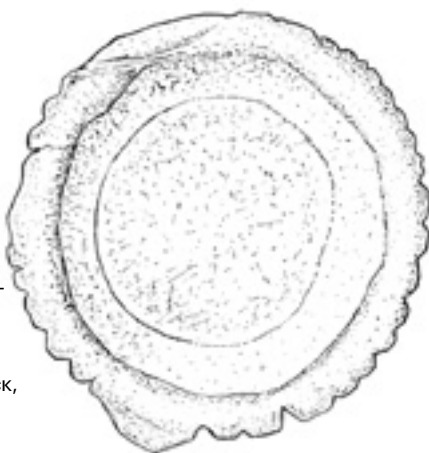
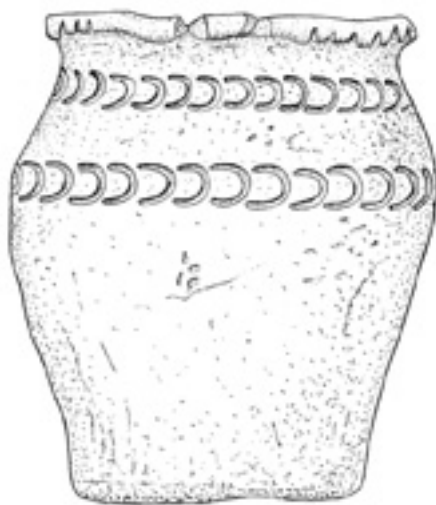
Керамика с сетчатым орнаментом. Городище Уфа II. Республика Башкортостан

Керамика с сетчатым орнаментом. Городище Уфа II. Республика Башкортостан

Глиняный кувшин. Могильник
Каратобе II, курган 1.
Республика Казахстан.
Раскопки Ж. Смагулова

Раннеболгарский сосуд.
Уральская область,
город Уральск,
краеведческий музей.
Материалы
Г. А. Кушаева

фактически маркерными для посуды аварско-болгарского горизонта VI–VIII веков [122, tabl. 71–78; 96, таб. 16, 16; 11, таб. LIII, 5, 8, 10, 11; LV, 1–4, 10, 11; LVIIб, 8–15].

В целом приведенные погребальные комплексы, с одной стороны, позволяют выделить в V–VI веках в пределах урало-аральского ареала наличие некоторого переходного этапа, который условно можно назвать раннеболгарским. По нашему мнению, данное урало-аральское культурное единство с определенной осторожностью можно соотнести с населением, известным как белые гунны, хуни, хиониты, эфталиты. По всей видимости, в этот момент происходит не только кардинальная смена основных векторов культурогенеза от гуннского к тюркскому. Как нам представляется, это отразилось и на антропологическом облике населения региона. Реконструкции из курганов 5, 6 могильника Каменный Амбар демонстрируют в расовом облике женщины уральский смешанный тип, в облике мужчины — яркие черты центральноазиатской монголоидности. С другой стороны, непрерывное существование этих постгуннских ареалов вплоть до VIII века позволяет предполагать определенное участие джетысарского, турбаслинского и именьковского (Коминтерновский II) населения в составе Западно-Тюркского каганата. Кроме того, этот горизонт составляют разрозненные кочевнические комплексы V–VI веков, разбросанные на большой территории от Заволжья до Южного Зауралья (Федоровка, Шипово, курганы 2, 3, Преполовенка, Ленинск, Верхне-Погромное, Новоселки, Владимировка, Энгельск (Покровск), Восход), которые известны исследователям как собственно гуннские памятники. В Южном Зауралье из этого круга памятников исследовано четыре погребения: на поселениях Аркаим, Каменный Амбар (курганы 5, 6) и Городищенский IX (курган 5).

Каменный Амбар, курганы 5, 6. Могильник Каменный Амбар V находится в 9 километрах восточнее села Варшавского Челябинской области, на первой надпойменной террасе правого берега реки Карагайлы-Аят.

Курган 5. Диаметр 8 метров, высота 0,28 метра. Каменно-земляная насыпь с преобладанием камней. Могильная яма размещалась под восточной

полой. Размеры ее 2,6 × 1,1 метра, глубина 1,25 метра. На краю ямы у середины северо-восточной стенки в небольшом углублении в древней почве стоял лепной кувшин с ручкой.

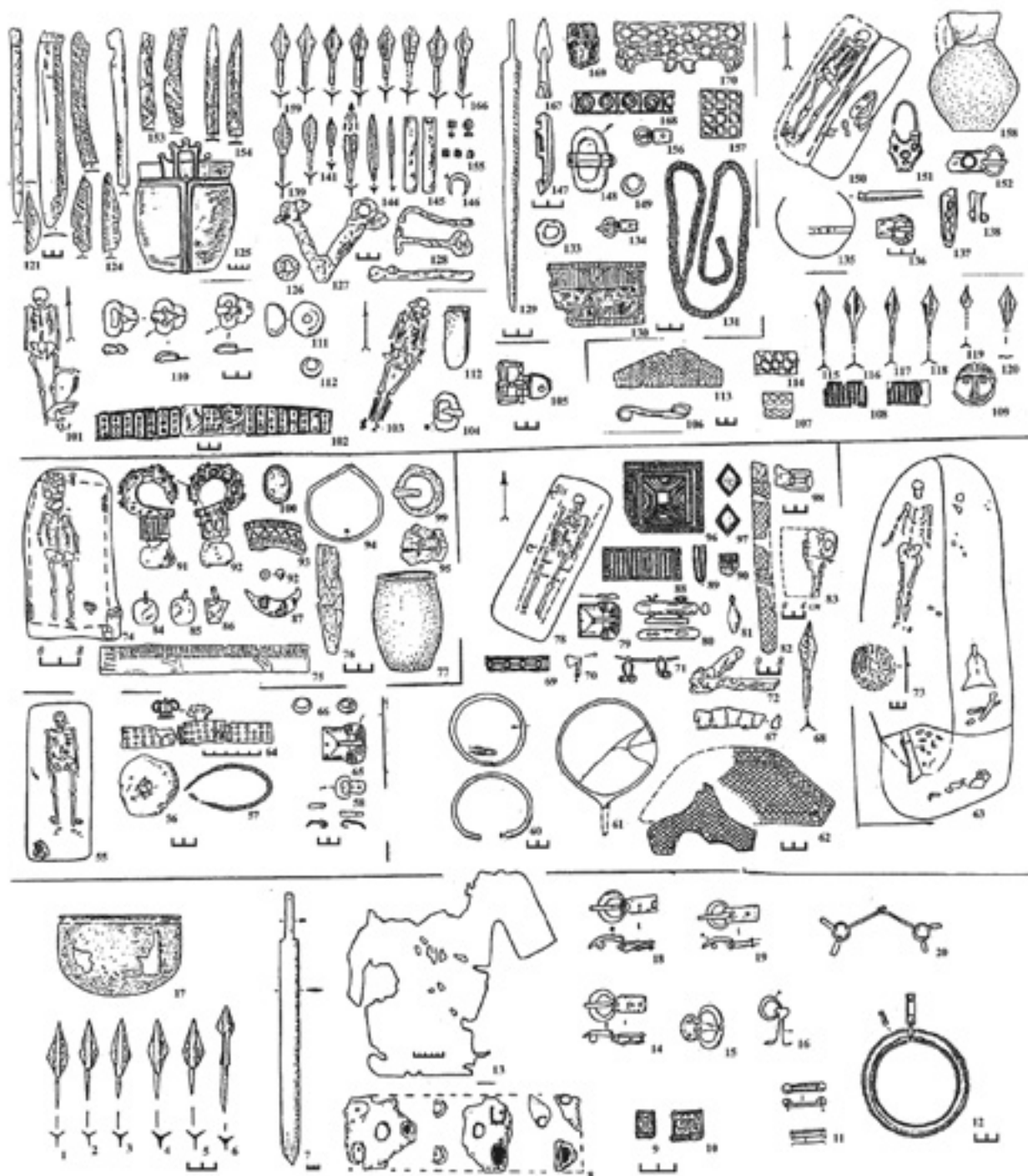
На дне могилы лежал скелет 30-летней женщины с искусственно деформированным черепом (все краниологические материалы могильника исследованы сотрудником Института этнологии РАН Г. В. Рыкушиной). Руки, слегка согнутые в локтях, вытянуты вдоль туловища. Под голову была положена удлиненная гранитная плитка. Под скелетом и вокруг него фиксировался органический тлен темно-коричневого цвета. В ногах в углу ямы располагались остатки, по всей видимости, свернутой шкуры быка: череп, отдельные нижние части четырех конечностей, крестцовый позвонок и кости хвоста. Череп был положен на основание, передним отделом на север. Бык старый, комолый. Между ног погребенной (у берцовых костей левой ноги) лежала крестцовая часть туши овцы. Слева у черепа — сильно проржавевший железный нож-кинжал. На правой тазовой кости и у поясничных позвонков — обломки двух железных овальнорамчатых пряжек. У правой стопы найден декоративный медный гвоздик, уплощенный в сечении, с полусферической шляпкой. Шею погребенной украшала низка из 17 коралловых бусин.

Курган 6. Диаметр 12 метров, высота 0,41 метра. Каменно-земляная насыпь, в которой после расчистки обнажилась компактная каменная конструкция диаметром 6,0–6,5 метра. Под каменной конструкцией на материке вскрыта меридионально ориентированная входная яма размером 2,4×0,75 метра. На глубине 1,25 метра от уровня материка во входной яме зафиксирована поперечная ступенька, занимающая всю ее южную половину. На ступеньке лежали остатки шкуры молодого верблюда, череп с первым шейным позвонком, нижние части четырех конечностей, отдельные с метаподиями, кости хвоста. На дне подбоя покоился скелет 60-летнего мужчины также со слабо деформированным черепом. Он был положен на правый бок

Антропологические реконструкции.
Автор А. И. Нечволода.
Могильник Каменный Амбар.

Карталинский район.
Челябинская область.
Раскопки В. П. Костюкова.
Фото С. М. Арканова

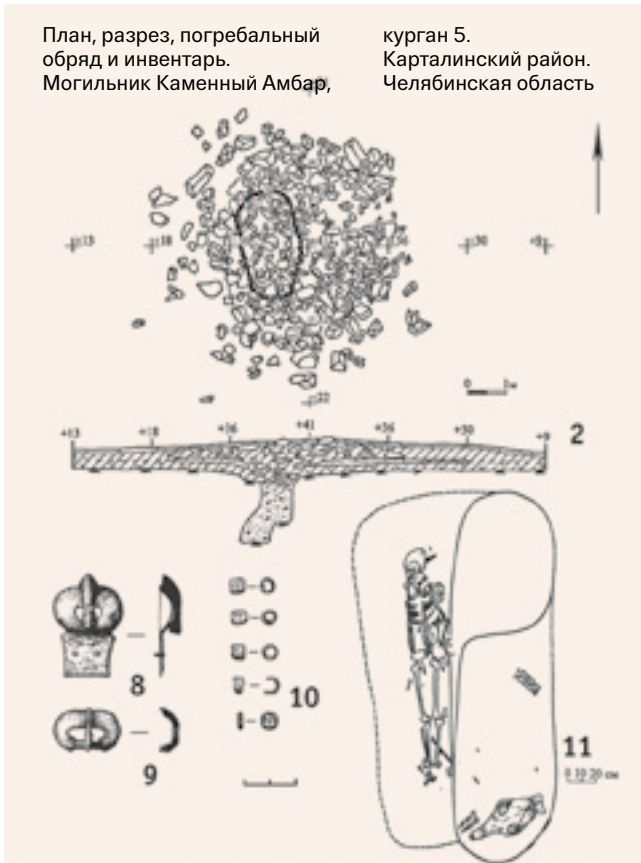
Погребальный обряд и инвентарь позднегуннских памятников Поволжья и Приуралья V–VI вв. [по: Казаков, 1996; 1998; Старостин, 1971; Богачев, 1998; Засецкая, 1994].

1–20 — Федоровка; 63, 73 — Переполовенка; 74–77, 84–87, 91–95, 99, 100 — Ленинск; 101, 102, 110–112 — Верхне-Погромное; 103–105, 112 — Новоселки; 106–109, 113–120, 132 — Владимировка;

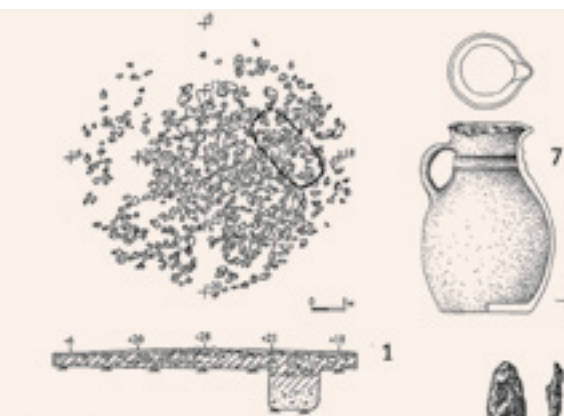
121–128, 139–146, 153–155, 159–166 — Кызыл-Адыр; 129–131, 133, 134, 147–149, 156, 157, 167–170 — «Восход»; 135–138, 150–152, 158 — Энгельс (Покровка), курган 36, погребение 2

План, разрез, погребальный обряд и инвентарь. Могильник Каменный Амбар,

курган 5. Карталинский район. Челябинская область

Инвентарь. Могильник Каменный Амбар

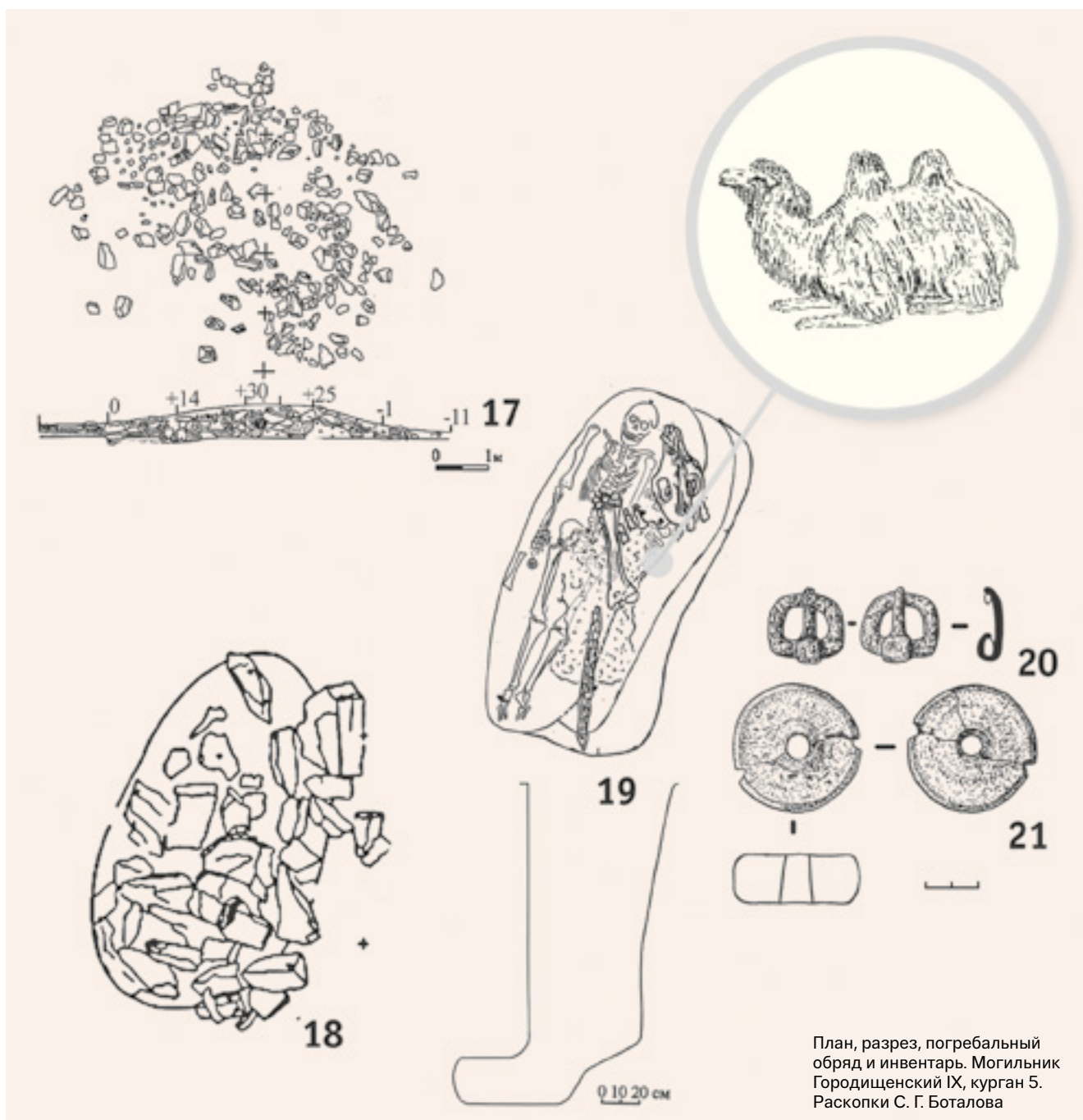
План, разрез, погребальный обряд и инвентарь. Могильник Каменный Амбар, курган 6. Карталинский район. Челябинская область

в вытянутом положении головой на север. Лицо обращено на запад. Правая рука вытянута вдоль тела, кисть находилась под тазом. Локоть левой руки отведен назад. Положение костей ступней оставляло впечатление, что ноги умершего были связаны. У затылка лежал полностью корродированный железный предмет (нож?). На правой тазовой кости — пятно окислов железа (пряжка?), на правой лопатке — пятно окислов подтреугольной формы, напоминающее наконечник стрелы, перед лицом погребенного — остатки маленького железного предмета. На шейных позвонках — низка из

пяти стеклянных бусин. Стекло прозрачное, темно-зеленое. У колена левой ноги лежала цельнолитая геральдическая щитковая пряжка из оловянистой бронзы. Язычок массивный, хоботовидной формы, с опущенным вниз концом и крутым срезом у основания. Декорирован тремя парами нарезных линий. Рядом обнаружена псевдопряжка с В-образной рамкой с язычком, припаянным к рамке.

Городищенское IX, курган 5. Могильник Городищенское расположен в 9 километрах к югу от села Городищенского Челябинской области, на высоком береговом плато левого берега реки Сухой. Курган 5 представлял собой небольшой каменный наброс диаметром 6 метров. Входная яма имела овальную форму (1,2×2 метра) и была забутована камнем. На глубине 1,4 метра на полой ступеньке подбоя были обнаружены кости черепа и конечностей (шкура) верблюда, уложенного мордой на

План, разрез, погребальный обряд и инвентарь. Могильник Городищенский IX, курган 5. Раскопки С. Г. Боталова

северо-северо-восток. Большая бедренная кость и кости стоп лежали в средней части ямы в направлении С–Ю. На дне ямы на глубине 1,7 метра расчищен скелет мужчины с деформированным черепом, лежащим вытянуто на спине головой на северо-северо-восток. У правой руки находилось керамическое пряслице.

В районе пояса обнаружена железная пряжка с трапециевидной рамкой и язычком, который по низу выступает и загибается за рамку.

Приведенные комплексы своеобразно миркуют некое хионитское или эфталитское (?) присутствие на Южном Урале.

В конце позднегуннского периода (VI–VII вв.) начинается активная тюркизация всего урало-казахстанского макрорегиона, на что отчасти указывает проникновение населения гаогуй — носителей тюрко-телесских погребальных традиций (широтная ориентировка умерших, положение костей лошади (шкуры) на продольной ступеньке, вещевой материал кудергинско-катандинского типа). Эти процессы маркируют немногочисленные, но достаточно яркие комплексы VII–VIII веков, исследованные в пределах севера Урало-Казахстанского региона (Манянский, Черноозерье, Чиликты, Бобровский, Нуринское, Егизкойтас, Жарлы, Агпа II, Болгарка).

Какова археологическая атрибуция азиатских гуннов? Если бы не был исследован гигантский Джетыясарский культурно-исторический очаг, то следует признать, что, равно как и в случае с центральноевропейскими гуннами, лишь единицы известных памятников можно было бы связать с общегуннским обликом. Речь идет о случайно обнаруженных погребениях (Актобе, Кызыл-Кайнартобе, Жаман-Тогай, Кара-тобе), которые в обязательном порядке включаются в сводки гуннских памятников [115; 116, р. 13, 115, 116]. Причины определения материалов этих памятников как принадлежащих азиатским гуннам все та же — северная ориентировка умерших, наличие гробовых конструкций в погребальном обряде, предметы вооружения восточного облика и полихромные изделия. Безусловно стилистическая схожесть предметов полихромного стиля позволяет также видеть некоторое присутствие азиатских гуннов в степном

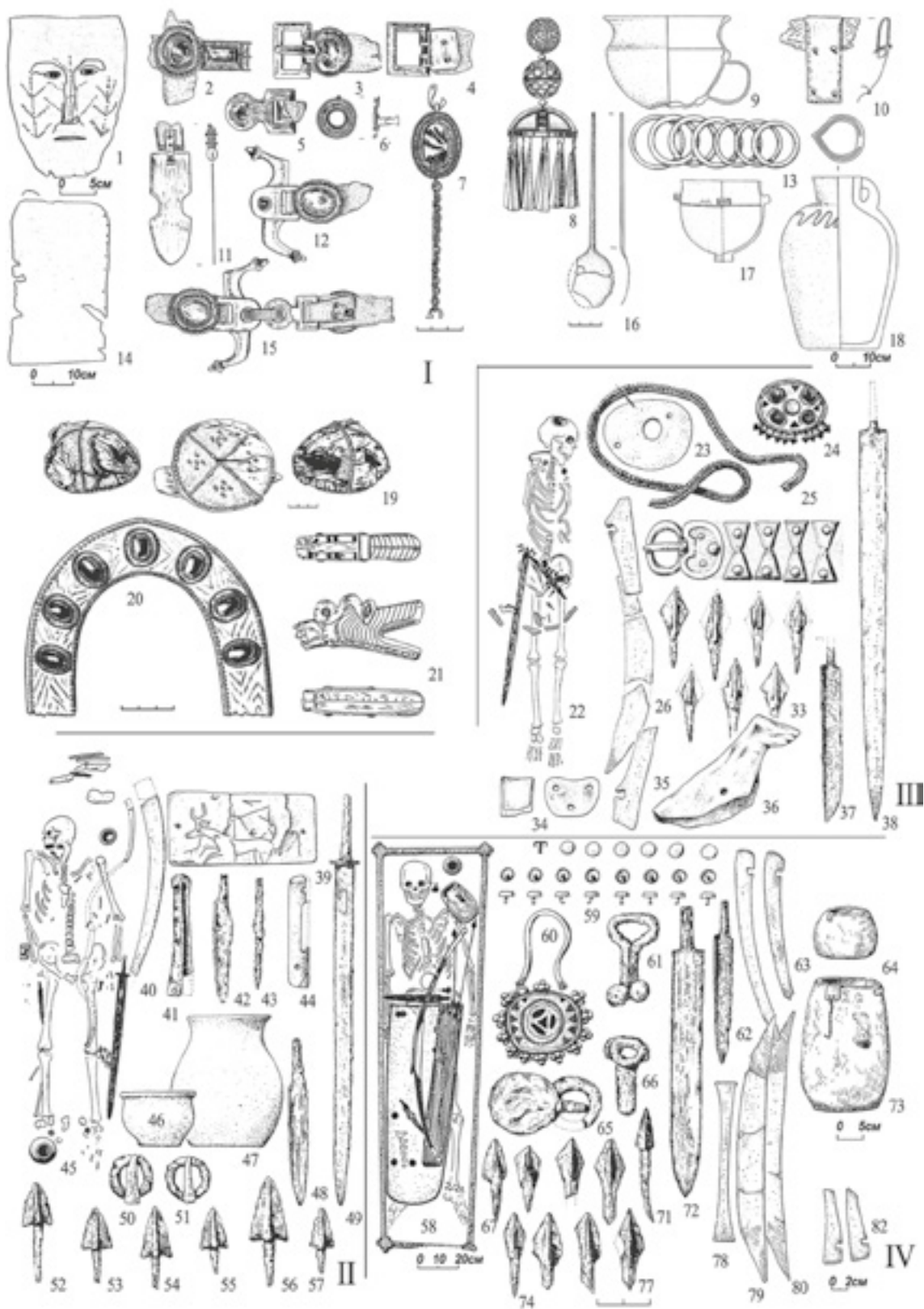
центрально-казахстанском регионе (Кара Агач, Актас I, Канаттас, Боровое), а также в Средней Азии (Шамси). Приведенные комплексы, равно как и многочисленные находки монет эфталитских династий, дополняющих культурный облик азиатских гуннов, а также распространение черт черепной деформации указывают на некое археологическое присутствие гуннов в центральноазиатском регионе. Хотя, как нам представляется, эта ситуация во многом зависит, с одной стороны, от степени изученности сложнейшего среднеазиатского и южно-казахстанского районов, с другой — от характера интерпретаций памятников культуры усуньского, кангюйского, кушанского и другого населения, то есть населения, в среде которого, возможно, дисперсно рассредоточены материалы эфталито-кидаритского круга. Сказывается также отсутствие исследований памятников в ключевых регионах Средней Азии (например, Каршинский оазис).

Вопросы этнополитической атрибуции населения, оставившего эти памятники, чрезвычайно сложны. Ниже мы попытаемся раскрыть всю фактуру событий, происходивших в ареале азиатских гуннов.

Вероятно, исход гуннской орды из урало-казахстанских степей в последней четверти IV века (380 г.) на какой-то период делает этот регион слабозаселенным. Степные гунно-сарматские некрополи повсеместно прекращают свое существование в III–IV веках. В целом сегодня можно привести чуть более десятка погребений с территорией урало-казахстанских и восточно-европейских степей, которые однозначно связывают с памятниками гуннского историко-культурного комплекса (Владимировка; Переполовенка; Верхне-Погромное; Шипово, курганы 2, 3; Большой Токмак, курган 1, погребение 1; Ленинск, курган 3, погребение 12; Энгельс, курган 36, погребение 2; Ташкирменский, погребение 1; Кызыл-Адыр; Кара-Агач; Аркаим; Канаттас; Каменный Амбар, курганы 4, 5). В пределах современных датирующих возможностей они могут быть перемещены в рамки собственно гуннского и постгуннского этапа V–VI веков.

В Южном Зауралье наиболее известными являются находки богатых комплексов предметов, в том числе из золота, серебра, которые были сделаны

Погребальный обряд и инвентарь. Гунны азиатские [по Kozombertiev, Kozemiako, 1998; Максимова, Мерциев, Вайнбург, Левина, 1968].
 I — Шамси,
 II — Жаман,
 III — Кызыл-Кайнар-Тобе,
 IV — Актобе

в конце XIX века крестьянином Шадринского уезда. Это знаменитые наборы вещей из разграбленных погребений, обнаруженные близ деревни Муслюмово и хутора Брюхановский выселок (в настоящее время хранятся в фондах Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге (коллекции № 547 и 1697))¹.

Описание этих находок, приводит в своей работе И. П. Засецкая.

1
Редакционная коллегия издания и автор выражают глубокую благодарность коллективу Государственного Эрмитажа за предоставленные фотоизображения (фотограф Д. А. Бобров) коллекций предметов, найденных у Брюхановского выселка и у деревни Муслюмово бывшего Шадринского уезда Пермской губернии (ныне территория Челябинской области): сотруднику отдела обеспечения публикаций О. Ю. Лаптевой и научным сотрудникам отдела археологии Восточной Европы и Сибири хранителю коллекции № 547 Е. А. Шаблавиной и хранителю коллекции № 1697 А. Г. Фурасеву.

Находки у деревни Муслюмово и у Брюхановского выселка. © Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург

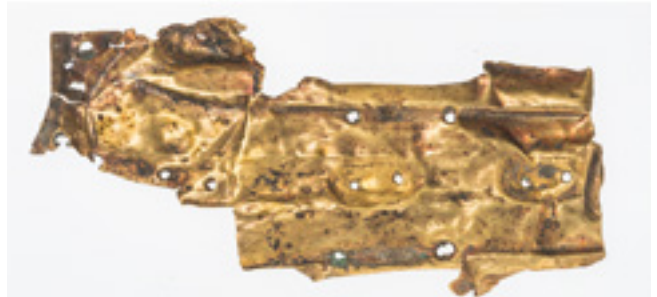
Находки у деревни Муслюмово бывшего Шадринского уезда Пермской губернии (ныне Курганская область).

Случайная находка 1895 года. Разрушенное погребение. Найдены следующие вещи: золотая гривна из круглого в сечении дрота, с сужающимися концами. На гривне процарапанное изображение свастики. Два серебряных наконечника прямоугольной формы с расширяющимся округлым концом. Два бронзовых наконечника пояса позолочены, с лицевой стороны частично покрыты золотым листком и инкрустированы гранатами и золотой пастой в перегородчатых гнездах. Пряжка бронзовая, основание снаружи покрыто золотым листком и инкрустировано гранатами и пастой в перегородчатых гнездах. Кольцо и язычок позолочены. Накладка круглой формы из бронзовой основы, обтянутой золотым листком, украшена тремя вставками янтаря и пасты в напаянных гнездах и ободком из зерни. Золотые накладки в виде узкой дуговидной полосы и прямой полосы, золотая пластинка неясного назначения и бронзовая квадратная накладка с вогнутыми сторонами, обтянутая золотым листком, со вставкой сердолика и ободком из зерни. Бронзовая фибула, серебряные пряжки, одна из пряжек соединена с наконечником ремня, два серебряных кольца с двумя зажимами, на одном сохранился обломок железных удил,

обтянутых серебряным листом; железный меч двулезвийный, верхняя часть обломана. Серебряный наконечник ремня с продетым сквозь него язычком от пряжки.

Находки у Брюхановского выселка бывшего Шадринского уезда Пермской губернии.

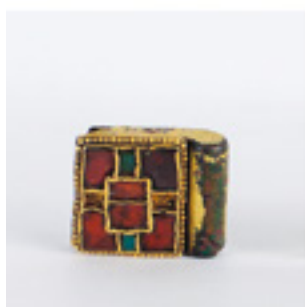
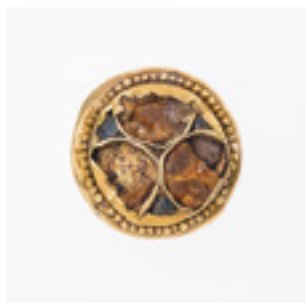
Случайная находка 1884 года. Найдены следующие вещи: золотая обкладка от ножен меча, навершие меча из халцедона с золотой бляхой в виде умбона, украшенная вставками и зернью; золотые накладки со вставками синего стекла от ножен меча; золотая прямоугольная накладная вставка, украшенная тремя вставками из сердолика (центральная) и синего и зеленого стекла (боковые), а также орнаментом из проволоки и зерни; серебряная пряжка с крупной вставкой сердолика; круглая подвеска из золотого листка, серебряное кольцо двухгранное в сечении; серебряные обломки ножен меча; бронзовая накладная прямоугольной формы, покрытая сверху серебряным листом; бронзовые накладные ромбовидной формы, покрытые сверху серебряным листом.

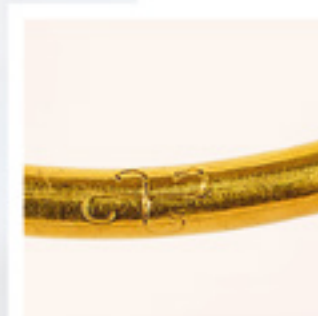
Находки у деревни Муслимово и у Брюхановского выселка. © Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург

Находки
у деревни
Муслюмово
и у Брюханов-
ского выселка.
© Государ-
ственный
Эрмитаж.
Санкт-
Петербург

Находки у деревни Муслимово и у Брюхановского выселка. © Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург

Малочисленность археологических памятников, относящихся к гуннской эпохе в пределах Средней Евразии, является объективным подтверждением исторических сведений о вторжении гуннов в Аланию и Крым в это время. Однако исход гуннов в западном направлении не являлся единственным вектором их движения. В V веке в пределах Урала и Казахстана возникают два очага гуннских и постгуннских памятников. Наиболее мощный из них находился в низовьях Сырдарьи, где с V века начинает функционировать подавляющее большинство некрополей джетыясарской культуры. На севере, в месте слияния рек Уфа и Белая, в этот же период появляются первые некрополи турбаслинской культуры. К этому же кругу относятся погребальные комплексы могильника Коминтерновский II, расположенного в месте впадения Камы в Волгу. Каковы основания, позволяющие нам столь уверенно связывать описанный выше круг памятников с гуннским историко-культурным комплексом?

Особенно ярко черты гунно-сарматского комплекса демонстрируют наиболее богатые погребения, обнаруженные в пределах города Уфы (территория медицинского института, Академического театра, улицы Пушкина, Тукаева, Социалистическая). В них обнаружены богатые ювелирные из-

делия, украшенные зернью, сканью и вставками из камней и стекла красных тонов. Эти артефакты маркируют особый статус погребенных.

В турбаслинских, как и в гунно-сарматских комплексах, наряду с простыми земляными насыпями, встречаются склепы. Могильные ямы простые, подбойные, с заплечиками и нишами, имеются деревянные гробы, преобладает северная ориентировка погребенных, фиксируются случаи черепной деформации. Состав вещевого инвентаря одинаков в мужских и женских погребениях, схожи отдельные типы керамики, ременной гарнитуры, конской упряжи, украшений (серьги-лунницы, браслеты, подвески). Безусловно, типологически турбаслинский вещевой комплекс представлен особыми, не схожими с гунно-сарматскими (позднесарматским) категориями, так как эти памятники хотя и единокультурны, но относятся к разным временным периодам (II–IV вв., V–VIII вв.). В этой связи весьма показательным сходство турбаслинских, именковских (типа Коминтерновского II) и джетыясарских погребальных комплексов, проявляющееся в близости не только типов вооружения (двулезвийные широкие мечи, кинжалы), ременной гарнитуры, фибул, зеркал и украшений, но и отдельных типов керамики, особенно гончарной [106, рис. 2, 3; 5,

Колт и медальон. Турбаслинская культура. Уфимские погребения. Город Уфа. Республика Башкортостан

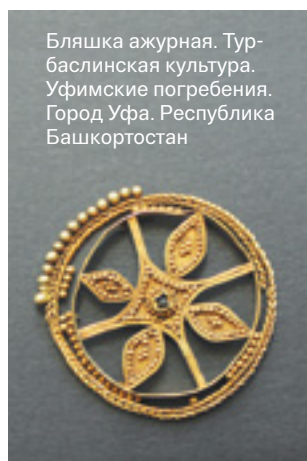
1–10; 8–11; 50, рис. 3, 13, 14, 17; 4, 16; 5, 1–24, 27; 51, рис. 6, 15, 16; 12, 1, 2; 13, 16; 14, 13, 14; 16, 1, 2, 11; 19, 1; 23, 5–8; 25, 12, 20, 23, 24; 30, 1, 5; 32, 1, 29; 33, 19; 34, 1–12; 36, 1–25; 73, рис. 70, 77, 83; 85; 86; 92]. Думается, эта близость в значительной мере объясняется едиными истоками формирования культур населения, оставившего данные памятники. Подтверждением этого служит и наличие в комплексах обеих культур специфических культовых предметов ме-

таллопластики. Речь идет о коньковых подвесках и антропоморфных мужских фигурках. Чрезвычайно близки и халцедоновые печатки [73, рис. 161, 162, 169; 50, рис. 3, 11, 12; 51, рис. 9, 12; 14, 11, 12; 106, рис. 5; 15, 17, 19; 20, 14, 13].

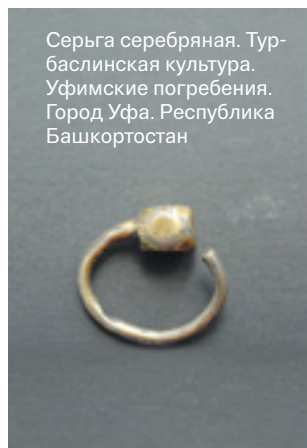
Существование мощных очагов гуннской культуры в период походов Руги и Атиллы и постгуннское время наводит на мысль, что переселение гунно-сарматского населения из урало-

Большой медальон.
Турбаслинская культура.
Уфимские погребения.
Город Уфа. Республика
Башкортостан

Бляшка ажурная. Тур-
баслинская культура.
Уфимские погребения.
Город Уфа. Республика
Башкортостан

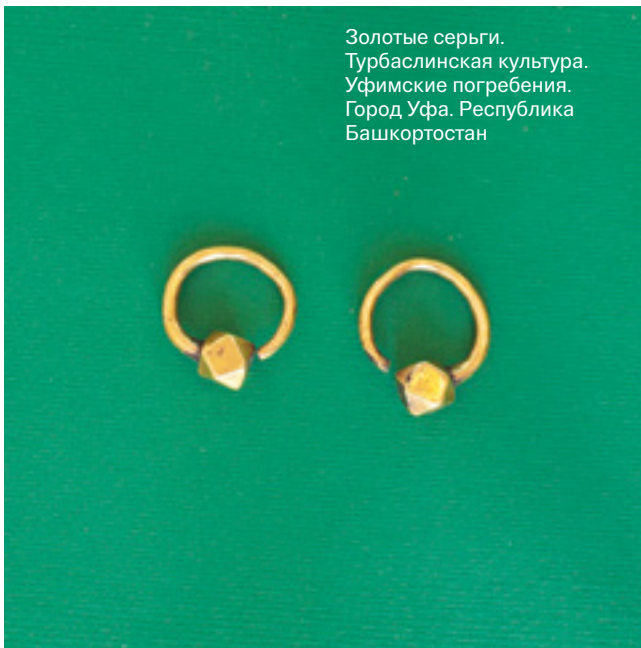
Серьга серебряная. Тур-
баслинская культура.
Уфимские погребения.
Город Уфа. Республика
Башкортостан

Серебряная ваза. Тур-
баслинская культура.
Уфимские погребения.
Город Уфа. Республика
Башкортостан

казахстанских и волго-донских степей в оазисную зону Сырдарьи, Кувандарьи и Жандыдарьи, а также в лесостепные районы Поволжья, Приуралья и Зауралья, где появляются наиболее поздние гунно-сарматские памятники типа Байрамгулово и Малково, а также западный исход гуннской орды вначале в Причерноморье, а затем в Паннонию был вызван не только благоприятными внешнеполитическими условиями. Вероятнее все-

го, аридизация и опустынивание прикаспийских и урало-казахстанских степей в IV веке (по данным И. В. Иванова) [107, с. 36; 109] вынудило гуннов искать более удобные для жизнедеятельности экологические ниши. Остается не совсем понятным один вопрос: произошло ли гуннское переселение непосредственно из степных районов Урала, Казахстана и Поволжья или новые зоны обитания осваивались ими после возвращения из западных походов?

Золотые серьги.
Турбаслинская культура.
Уфимские погребения.
Город Уфа. Республика
Башкортостан

Медальоны.
Турбаслинская
культура.
Уфимские
погребения.
Город Уфа.
Республика
Башкортостан

Подвески,
бляшки,
наконечники
ремня.
Турбаслинская
культура.
Уфимские
погребения.
Город Уфа.
Республика
Башкортостан

Наличие в турбаслинских и джетыасарских комплексах предметов западного происхождения (поясная гарнитура, пластинчатые пятипалые и беспалые фибулы, сульгамы, бусы, подвески) в отличие от гунно-сарматских, где еще бытуют предметы китайского происхождения, в определенной мере вынуждает нас склониться ко второму предположению. В этой связи следует признать правоту Ф. А. Сунгатова, писавшего о юго-западных (волгодонских) истоках турбаслинской культуры, носители которой вернулись в V веке из Центральной Европы [104, с. 19–22; 106, с. 110]. Однако при этом не стоит забывать, что западные контакты гуннов начинаются еще на самом раннем этапе, в II — начале IV века. Подтверждение этому мы находим на страницах уже перечисленных письменных источников (Периегет, Птолемей, Атафангел, Фавстот Бузанд), в которых гунны упоминаются в Предкавказье и Причерноморье и участвуют в аланских походах в Закавказье в период до эпохи Аттилы [48, с. 18, 185; 32, с. 47; 114, с. 85]. Это отразилось не только в наличии в гунно-сарматских материалах изделий позднеантичного и готского происхождения, но и, вероятно, в кардинальном изменении внешнего облика гунно-сарматского населения. Повсеместное внедрение фибул как причерноморского, так и местного происхождения (с пластинчатым приемником и завитком на конце) [3] позволяет предположить, что, столкнувшись в Европе с аланским и позднеантичным населением, гунны быстро переняли основные каноны «европейской моды». Культурологически это объясняется тем, что попав в новые условия и окружение, любой социум или этнос для ускорения адаптации вынужден мобильно перенимать новые культурные традиции. В этой связи заметим еще один интересный факт. Наиболее восточным пределом распространения европейских фибул, а следовательно, и традиций верхней одежды является район, занятый населением джетыасарской культуры. По нашему убеждению, джетыасарское население наиболее вероятно можно связывать с союзом племен «белых гуннов», или эфталитов.

Белые гунны. Хиониты. Эфталиты. Кидариты. Огуры. Оногуры

Появление тюркоязычных народов на Южном Урале приходится на позднегуннское время (V–VI вв.). В литературе существует мнение, в том числе среди авторитетных авторов-востоковедов, что европейские гунны и их предшественники монгольские хунну были тюркоязычными. Дискуссия о языке хунно-гуннов (монгольском, тюркском, финно-угорском, славянском, кетском, мертвом палеоазиатском и др.) длится уже более двухсот лет. Более определенно можно сказать, что тюркские имена и слова появляются на самом заключительном этапе истории европейских гуннов, когда в их составе появляются протоболгарские племена объединения огур (утигуров, кутригунов, оногуров и др.).

Если предположить, что гуннские и постгуннские памятники появляются после возвращения основной части орды из европейского похода, то причины освоения гуннами новых зон обитания лежат не только в плоскости экологических изменений, произошедших в степной полосе. Отрыв от своих основных пастбищно-кочевых провинций в период походов, вероятнее всего, существенно повлиял на изменение кочевого уклада жизни гуннского общества, что уже отмечалось отдельными авторами [45, с. 154; 92, с. 44–47]. Привыкшее жить за счет военных трофеев, торговых поборов и мздоимства новое поколение гуннской орды родовым землям, расположенным в зоне полупустынной степи, предпочитают территории, позволяющие контролировать не только население прилегающих земель сельскохозяйственных регионов, но и торговые пути.

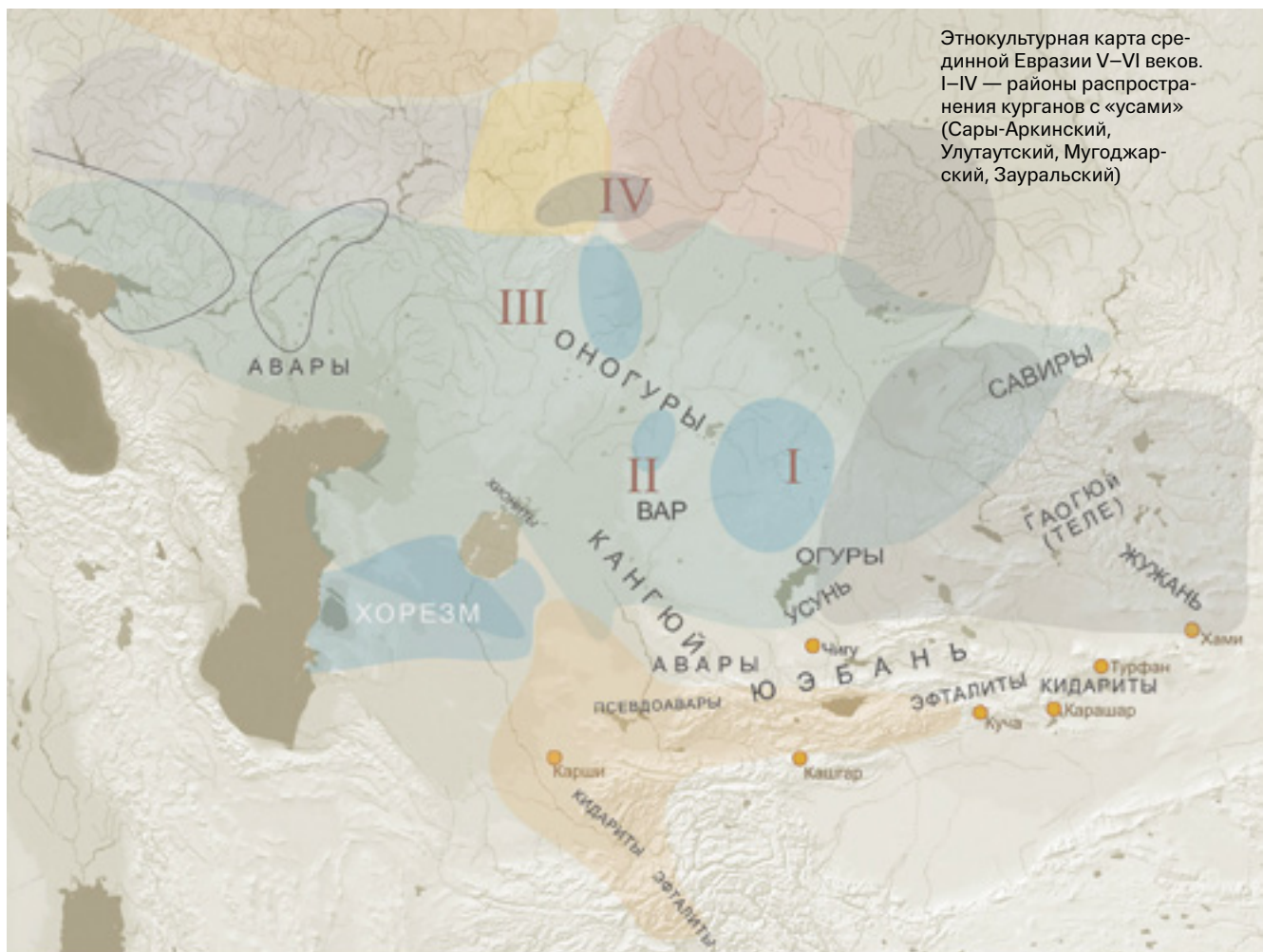
В этой связи появление гуннов — турбаслинцев и кочевников, оставивших некрополи типа Коминтерновского II и Дежневского могильников глубоко в лесостепи, но в стратегически важных местах слияния самых больших водных артерий региона — рек Белая, Уфа, Кама и Волга — вполне закономерно. Это же обстоятельство обуславливает возникновение мощного кочевого союза в дельте Сырдарьи (памятники джетыасарской культуры). Консолидированная и закаленная в европейских походах орда «белых гуннов» с конца V века оседает в этом ключевом районе в непосредственной

Монеты эфталитских царей

близости от столь могучего соседа, коим в то время было государство Кангюй. Это обуславливается давними и прочными союзническими отношениями гуннов-хуннов и Кангюй со времен первых походов Чжи-Чжи в Среднюю Азию (49 г. до н. э.) [83, с. 39, 120–124] до исхода северных хунну из Восточного Туркестана (151 г. н. э.) [80, с. 24]. Да и, вероятно, последующее проживание ранних гуннов (II–IV вв.) на территории степной зоны страны Яньцзяй или Судэ Яньцзяй, граничащей на юго-востоке с Кангюем и Канном, не могло быть стабильным без союзнического протектората со стороны могущественного аланского соседа. Собственно и все последующие походы гуннов-эфталитов в Пенджаб, Уструшану, Согд и Гурган совершались от имени и при поддержке могучего покровительства правителей Кангюя [62, с. 34–38], остро нуждающихся в столь мобильном и грозном союзнике, коими являлись гунны-эфталиты.

Кангюй (канцзюй, кангха, кангдиз) — название древнего народа и владения в Центральной Азии, представляющего как объединение тюркского происхождения (около II века до н. э. — IV век н. э.) в районе Нижней и Средней Сырдарьи. К западу от кангюев обитали сармато-аланские племена (Айпан), к востоку (в Семиречье) — уйсуну. На юге кангюи граничили с Ферганой и Согдом. По основной версии, население кангюй являлось ираноязычным. По мнению Л. Н. Гумилева, наименование «кангха» связано с современным названием канглы — родового подразделения в составе некоторых тюркских племен.

Страна кангюй была слабо заселена: Чжан Цянь указывает численность войска в 90 тысяч человек (то есть взрослых мужчин), что обычно составляет 20 % населения. Следовательно, кангюйцев было около 600 тысяч. Эта цифра немалая для тех времен. Почти столько же было персов в эпоху Кира и лишь вдвое больше греков.

Раскопки городища Куль-Тобе на территории Южно-Казахстанской области в 2006 году, проведенные казахскими археологами во главе с доктором исторических наук профессором Александром Николаевичем Подушкиным, по отдельным утверждениям

позволяют отождествить культуру кангюйцев с народами скифского круга, родственными усуням.

У кангюйцев была письменность, в древнем городище Куль-Тобе найдены глиняные таблички с согдийскими надписями III века н. э. Они освоили технологии железного века. Большую роль играли охота и полукочевое скотоводство. Землю обрабатывали при помощи мотыг. Армию составляли всадники, вооруженные луками и стрелами, копьями и мечами. Одеты они были в кафтаны с нашитыми металлическими пластинами. В китайской хронике «Цзинь шу», составленной в VII веке, имеется описание Кангюя: «Государство Канцзюй находится к северо-западу от Давань [на расстоянии] около 2000 ли, граничит с Суи и Иле, его правитель живет в городе Сусе, нравы и внешний облик и одежда схожи с даванскими. Земли хорошие, богатые. Имеются разные деревья и виноград. Много быков и овец. Производят хороших коней. В годы правления Тай-ши (265–274 гг.), его правитель Наби прислал послов [с представлением?], преподнес добрых лошадей» (Цзинь шу, т. 5). В II веке до н. э. кангюйцы приняли участие в разгроме греко-бактрийского царства.

В I веке до н. э. на территорию Кангюй начали в массовом порядке переселяться хунны.

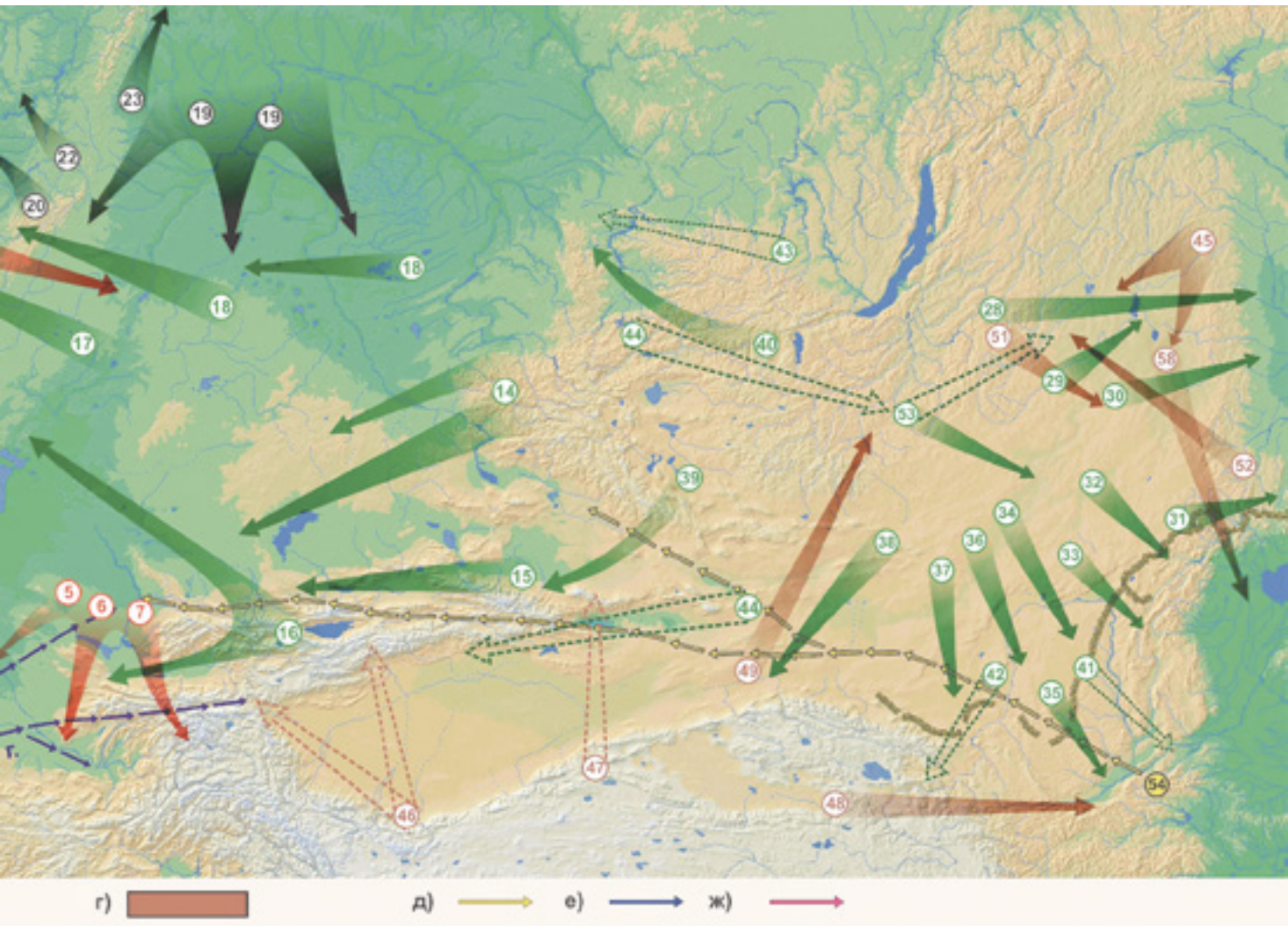
Этнокультурная карта Евразии во второй половине I тысячелетия н. э.

а) позднегуннские миграции и нашествие эфталитов;
б) переселение тюркокультурного населения;
в) переселение лесостепного угорского населения; г) 45 — переселение татар в VIII–IX вв.; 46–49 — переселение

тибетцев в VIII–IX вв.; 51 — переселение тонгра; 52 — переселение киданей, басмалов (по Кляшторному, Савинову, 2005 г.); 58 — переселение табатов (по Кляшторному, Савинову, 2005 г.); д) 54 — военные походы Танской империи; 56 — военные походы хазар в VII–VIII вв.; е) 55 — военные походы арабов; ж) 57 — походы руссов

Оногуры — массив пратюркских племен, выделившийся в середине I тысячелетия до н. э. из более крупного объединения Центральной Азии — огуров. С этим выделением связан распад пратюркского языка на собственно тюркскую (алтайскую) группу

языков и огурскую (болгарскую) группу. В V веке в составе гуннов оногуры (гунно-болгары) участвуют в завоевании Центральной Европы. Впоследствии огурскую (болгарскую) традицию продолжили авары (обры), хазарские и волжские болгары.

Вероятно, была еще одна причина, по которой гунны не могли беспрепятственно вернуться в волго-донские и урало-казахстанские степи. По данным письменных источников (Приск Панийский), в 463 году в Причерноморье вторгаются уже упомянутые огуры (уроги), сарагуры и оногуры, которые, по мнению С. Г. Кляшторного и Д. Г. Савинова, составляли союз раннеболгарских, тюркотелесских племен, обитавших до того момента в лесостепной зоне Восточного Казахстана и Западной Сибири [49, с. 14; 59, с. 63]. К концу V века огурский союз становится главенствующей силой в Причерноморье и северокавказских степях [30, с. 58–59; 57].

Какова была этническая и политическая карта региона Южного Урала и примыкающих к нему необъятных казахских степей в гуннские и по-

стгуннские времена? Завершающий позднегуннский этап в степях Западной Азии ознаменовался существованием в бассейнах Сырдарьи и Амударьи трех наиболее заметных варварских государств Кангюй и хионитов, располагавшихся в пределах страны Яньцзяй (Приаралье) гуннов, аланов и эфталитов (белые, или азиатские гунны). Наибольшее политическое значение в IV–V веках играли, безусловно, эфталиты, господство которых простиралось на восток — до бассейна Тарима, на юг — до Северной Индии, на севере и востоке включало весь бассейн Сырдарьи.

Страна Кангюй, могущество которой было подорвано эфталитами, первоначально занимала значительные территории бассейна Сырдарьи, Среднеазиатского междуречья, Таласа, Чу, частично Ферганы и Ташкентского оазиса.

Сергей Григорьевич Кляшторный (04.02.1928, Гомель — 21.09.2014, Санкт-Петербург) — советский и российский востоковед, тюрколог, доктор исторических наук, профессор. В 1945–1950 годах учился на восточном факультете Ленинградского государственного университета (кафедры тюркской филологии и истории Ближнего и Среднего Востока). В 1950–1957 годах сотрудник Всесоюзного института геологии: библиограф, начальник справочно-библиографического отдела. С 1957 года младший научный сотрудник сектора тюркологии и монголистики

Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. В 1960–1962 годах заведовал библиотекой этого учреждения. В 1962 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии». С 1963 года заведующий сектором тюркологии и монголистики Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН). До 2013 года заведовал сектором Центральной Азии и отделом Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН. С. Г. Кляшторному принадлежат наиболее авторитетные исследования по культуроэтногенезу тюркских народов Евразии, в которых содержится анализ фактически всего доступного письменного и лингвистического арсенала источников по истории тюркских народов Центральной Азии, Южной Сибири, Казахстана и Восточной Европы.

Эфталиты и сасаниды.
Реконструкция

Как известно из данных китайского миссионера Чжан Цяня, автора историй Старшего и Младшего домов Хань, Яньцзяй-Аланья занимала территорию к северо-западу от Кангюя (2000 ли, или 800 километров) с II века до н. э. до II века н. э. Если объединить существующие на сегодня мнения по этому вопросу, то очерчивается территория, включающая низовья Сырдарьи, Северо-Западный Казахстан и, возможно, Южный Урал (согласно вектору направления, в большей мере приуральскую часть).

С нашей точки зрения, наиболее ранний период существования этой области в ее западно-казахстанском и южноуральском ареалах (II–I вв. до н. э.) можно соотнести с ранней аборигенной территорией Верхних Аорсов, то есть с восточным крылом большого сарматского мира. В более поздний период (II–III вв. н. э.) здесь располагались наиболее крупные некрополи лебедевско-кулдагайтинского микрорайона гунно-сарматской (раннегуннской) культуры. И наконец, в рассматриваемую нами эпоху (V–VI вв.) низовья Сырдарьи были заняты вплоть до конца VIII века памятниками джетыясарской группы. Несмотря на культурное своеобразие населения, оставившего города и некрополи, можно провести ряд ярких параллелей с вышеупомянутыми раннегуннскими памятниками, продолжившими развитие гунно-сарматских традиций.

История кидарито-хионито-эфталитского объединения весьма туманна и разноречива в изложении письменных источников, однако это не означает, что ее лакуны можно заполнить несуществующими данными.

Имеющиеся на сегодняшний день нарративные источники позволили исследователям сделать следующие наблюдения. Первое положение, в котором мы соглашаемся с С. Н. Пигулевской и другими авторами: хиониты, кидариты и эфталиты принадлежали к одному этническому типу, хотя и составляли разные орды с различными племенными названиями [91, с. 30].

По устоявшемуся мнению, они являлись составными частями большого союза азиатских гуннов. Различия же в их наименованиях либо имеют этимологический характер, либо относятся к историко-географической динамике их суще-

ствования. Так, судя по надписям на эфталитских монетах (в греческой транскрипции на бактрийском языке), самоназвание эфталитов было хион (QIONO). Последние в свою очередь рядом исследователей соотносятся с упоминаемыми в китайских хрониках хуни (хоны) или уннами Приска Панийского. При этом они имели существенные отличия от европейских уннов-гуннов [37, с. 130–134].

Однако, по мнению разных исследователей, время появления, география и историческая судьба этих союзов на политической арене Центрально-Азиатского региона имеет ряд своих специфических особенностей. Так, С. П. Толстов полагает, что эфталиты вышли на историческую арену под именами хионитов и кидаритов [108, с. 213]. При

Карта Центральной Азии в позднегуннское и ранне-тюрокское время. V–VI века

Кидариты.
Рисунок
на костяной
пластине
из Орлата

этом Маркварт появление наименования «эфталиты» на политической арене Азии относит к более позднему периоду [120. Р. 57]. Вероятно, это отчасти так. Как известно, первое упоминание об эфталитах в персидском войске после правления Аршакидов при осаде Эдессы (Северная Анатолия) относится к 384 году [37, с. 129, 134]. Между тем Аммиан Марцеллин, говоря о хионитах и евзенах-кисенах-кушанах (по Маркварту), помещает их в 356–357 годах далеко на северо-восточной границе Ирана [37; 91, с. 35; 120. Р. 36]. Далее, вероятно, длительный период (до 417–418 гг.) некое юэчжийское объединение Цидоло (кидоло, кидары), по данным Бэй-ши, проживало в юго-западных районах Юго-Восточного Казахстана или западных районах Туркестана. Позднее жужани и юэбани после поражения в войне были вытеснены жужанями-

аварами на юг, в Каршинский оазис [15, с. 264; 35, с. 94; 37, с. 133–134].

Таким образом, гунны-кидариты и гунны-хиониты-эфталиты на исходном этапе разъединяются исторически и географически. Каково же соотношение политонимов «хионит» и «эфталит»? Хуни-хиониты упоминаются у Аммиана Марцеллина в более ранний период в связке с езенами-кушанами в 356–357 годы. Чуть позже, в V веке, текст Бэй-ши указывает, что правитель хуни (хионитов) владеет областью Судэ [15, с. 264], которая на китайских картах переименовывается с этого периода в страну Яньцзай-Аланья. В этой связи, интерпретируя сведения Вэй Шу о купцах, приехавших из страны «Судэ», которой управляет «Хуни» (хаон), Л. А. Боровкова говорит о посольстве из дальней страны Западного края Судэ-Яньцзай, которая, по ее мнению, находится в Приаралье. Это

событие произошло в 435 году. Однако послы из этой страны посещали Китай до конца V века [17, с. 109–110; с. 122, карта 4Б]. Л. Н. Гумилев также помещает ее на северных берегах Аральского моря [37, с. 134].

В связке с эфталитами хоны или хиониты упоминаются в событиях времен Шапура II. Хиониты, разорвав союз с Ираном, участвуют в 374–372 годах в войне на стороне кушанов. Вслед за этим в войсках Ирана появляются эфталиты (384 г.). Л. Н. Гумилев вполне логично интерпретирует данную информацию, разделяя эфталитов (горцев) и хионитов (кочевников-степняков) [37, с. 135]. На наш взгляд, неслучайным также является тот факт, что хиониты упоминаются на раннем этапе (в рамках IV века) в связке с кушанами, не отождествляясь с последними. При этом еще раз повторимся, что, несмотря на существующие различия, которые объясняются хронологическими, историко-политическими и географическими причинами, кидариты, по нашему мнению, хиониты и эфталиты, являются составными частями большого союза азиатских гуннов — «белых гуннов». И вполне логично, что эти названия сходят с исторического

поля после прямого соприкосновения и последующего возвышения того или иного клана.

Уход кидаритов из Юго-Восточного Казахстана или Западного Синьцзяна в каршинскую степь и последующее их объединение с эфталитами позволили им выступать под обоюдным именем «кидариты» и «эфталиты», а также участвовать в военно-политических событиях в пределах среднеазиатского междуречья Малой Азии и Припамирья в составе греко-эфталито-кидарийского союза против ирано-индийской коалиции в 450-е годы. Это продолжалось вплоть до 468 года, когда последний преемник Кидарей князь Кунха потерпел поражение от персов и был вынужден уйти в Индию [35, с. 95–96]. В последующий период единое имя «эфталит» утверждается в рамках Среднеазиатского региона.

После того как восточноевропейские гунны вдохнули новые силы в кидарито-эфталитскую конфедерацию, уже в 490-е годы единый союз эфталитов переправляется через Амударью, завоевывает Тохаристан, Уструшану, Согд, часть Гургана, Карашана. В 500 году Торамана занял Пенджаб, его

Карта Евразии V–VI веков

преемник Михиракула к 515 году сокрушил империю гуптов и захватил Северную Индию, откуда они были изгнаны лишь в середине VI века.

В этой связи весьма интересным является сообщение, приводимое в главе «Вэйшу», о завоевании царем Кидарой (Ки-то-ло) Северной Индии. Это одно из позднейших упоминаний о кидаритах в источниках. Очевидно, что в данном случае речь идет о завоевании эфталитами Северной Индии.

Последнее упоминание о хионитах и эфталитах относится к 550–60-м годам в связи с походами Истеми-хана. В 458 году в Приаралье тюрки вступают в войну с хунями, варами и огурами, которые, по мнению Л. Н. Гумилева, являлись хионитами, уарами (уграми) и оногурами (протовенграми). Упоминание двух последних имен считаем чрезвычайно важным, мы вернемся к этому сюжету чуть ниже.

Историческая география эфталитов этого периода приводится особым образом, она вновь не выходит за рамки среднеазиатского междуречья, а ее финал логично падает на завершающую битву (565 г.) у города Несефа, располагавшегося все в той же области Каршинского оазиса [34, с. 40].

Все вышеизложенное позволяет предполагать, что, хотя кидариты, хиониты и эфталиты являлись составными частями большого азиатского сообщества «белых гуннов» и истории их развития в конечном счете связаны не только между собой, но и, вероятно, с историей европейских гуннов, однако, по всей видимости, их этапы четко локализируются как в географических рамках, так и по направлениям внешнеполитического влияния. Так, кидарито-эфталитская общность в пору своего наивысшего расцвета охватывала большую горную страну по обе стороны от Памира (Синд, Бост, Ар-Рохадж (Арахозия), Забулистан, Тохаристан, Дардистан, Кабулистан, Куги, Кашгар и Хотан). При этом источники, упоминающие о них, указывают либо на явное единство и взаимозаменяемость этих этнонимов, либо на существование прочной эфталито-кидарийской конфедерации, которая сохранялась вплоть до середины VI века. Расширение границ в рамках северного степного ареала сегодня представляется небесспорным, так как завоевание страны Судэ Яньцзяй и, соответствен-

но, хуней-хионитов в 470 году было осуществлено вернувшимися европейскими гуннами. После чего названия «Судэ Яньцзяй» и «Цжэеше-Канцзюй» исчезают с китайских карт Западного края [17, с. 115, 166, 120, 121, карта 4Б, 5Б]. По общепризнанным реконструкциям, данные области локализуются соответственно в Приаралье и долине Сырдарьи. При этом следует также признать, что письменные источники не содержат никакой информации о существовании ни до, ни после вышеозначенного момента единой эфталито-хионитской конфедерации союза. Возможно, имели место совместные действия в момент южных экспансий эфталитов. Последние упоминания о хунях-хионитах относятся к первым походам тюрков Истеми-хана в районы Приаралья (557 г.). История эфталитов заканчивается в 565 году в Каршинском оазисе.

Как уже упоминалось, война между Жужань и Юебань (страна азиатских гуннов) закончилась поражением последней, в результате чего кидариты покинули районы Тарбагатай и ушли в Карши (418 г.).

Однако в период своего наивысшего могущества, в 470-е годы, кидариты-эфталиты возвращаются в Восточный Туркестан и к 479 году подчиняют себе его южную часть, бассейн Тарима, Кашгар, часть Хами. Вероятнее всего, здесь в серьезном противоборстве с жуаньжуанями их успех был обеспечен союзом с третьей силой, которой являлся

Жужаньский каганат (жужуань и др.) — раннемонгольское государство, которое господствовало на территории современной Монголии и Северного Китая в промежутке между исчезновением хунну в IV веке и подъемом Тюркского каганата в VI веке. Придворный историк династии Северная Вэй сообщает, что господствующее племя представляло собой ветвь сяньби. Другое имя жужаней — «татар» («тартар») — это один из аймаков хунну. Китайским иероглифом совре-

менным произношением «датань» отмечено слово «татар», а иероглифом «таньтань» написано слово «тартар». Историки считают, что название монголов «татар» («тартар») происходит от имени хаана Татар жужанов (414–429 гг.). Эти два названия — «Татар хаан» и «татар» (монгол) — записаны одинаковыми иероглифами. Поэтому со времен Жужаньского каганата монголов стали называть монголами, татарами, татаро-монголами или монголо-татарами.

кочевой союз гаоцзюйцев («высокие телеги»), предводитель которых Афучжило в 492 году разорвал союз с жуанжуанями и ушел на запад, овладев всей территорией Синьцзяна [57, с. 53–54]. Гаоцзюй, или объединение племен, получившее с VII века название «Теле», включало ряд племенных объединений, основным из которых являлись уйгуры — Теле, в самом названии огуры, огузы, по руническим текстам «тогуз — ягузы», что означает «девять (племен) огузов». Кроме того, наряду с ними упоминаются сиры (кит. сеянто) — кыпчаки, а также туба, курыканы, теленгуты, буку, баырку, тонгра и хун, тунло, апа, секшее, даланте и другие, обитавшие на территориях Северной Монголии, Алтая, Прииртышья [Там же, с. 60]. Можно ли говорить, что захват части Восточного Туркестана означал установление какой-то серьезной (вассальной) зависимости кочевой конфедерации гаоцзюй-теле от эфталитов? Вероятно, нет. Это подтверждается тем, что, во-первых, Афуджило и его последователи Миэгу, Ифу, Биши, вели достаточно независимую политику как от жуанжуаней, так и от эфталитов. Своеобразной демонстрацией этого было установление посольских связей с вэйским двором, почти сразу же после объявления себя правителями, что в конечном счете явилось причиной их преждевременных смертей. Во-вторых, эфталиты довольно быстро были вытеснены жуанжуанями за пределы Синьцзяна, а объединение Гаоцзюй еще долго вело неудачные военные действия против последних [Там же, с. 54]. Таким образом, говорить о серьезном политическом или каком-либо ином влиянии эфталитов на кочевое население, обитавшее на северной, северо-восточной и восточной перифериях эфталитской державы, не приходится. Вместе с тем в конце V века телеское объединение Гаоцзюй являлось значительной внешнеполитической силой в степном регионе. Безусловно, здесь имели место краткосрочные союзы, сменявшиеся прямой конфронтацией, и уничтожение ставок гаоцзюйских каганов (Афучжило, Цюнци), однако они не выходили за рамки отдельных внешнеполитических перипетий в борьбе за влияние лишь южной (Таримской) части Восточного Туркестана с жуанжуанями и Вэйской империей. Что касается северо-западной (хионитской) провинции большого мира

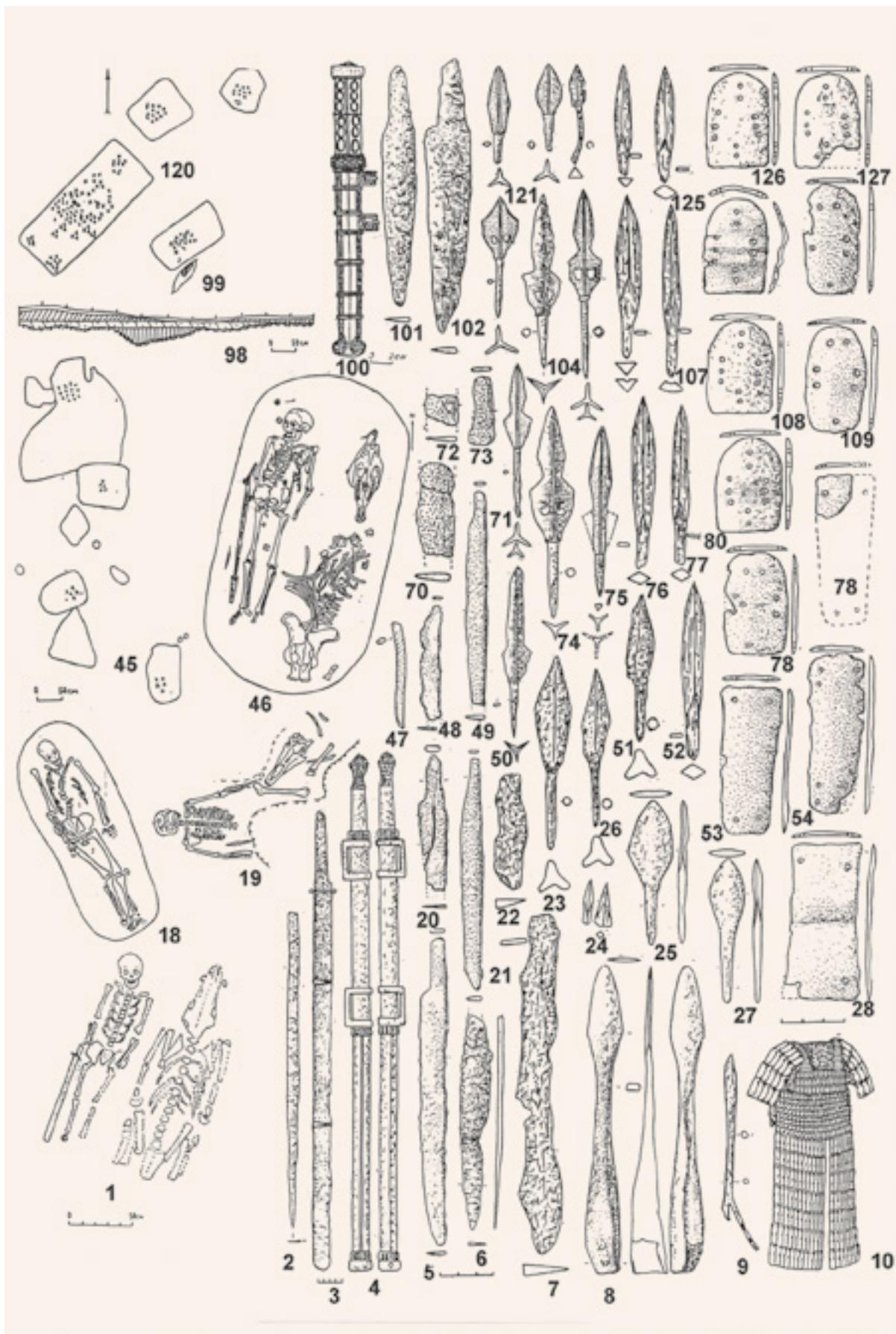
Юрий Алексеевич Зуев (08.12.1932 — 05.12.2006) — советский и казахский китаист, тюрколог. Родился в Тюмени. По окончании Ленинградского государ-

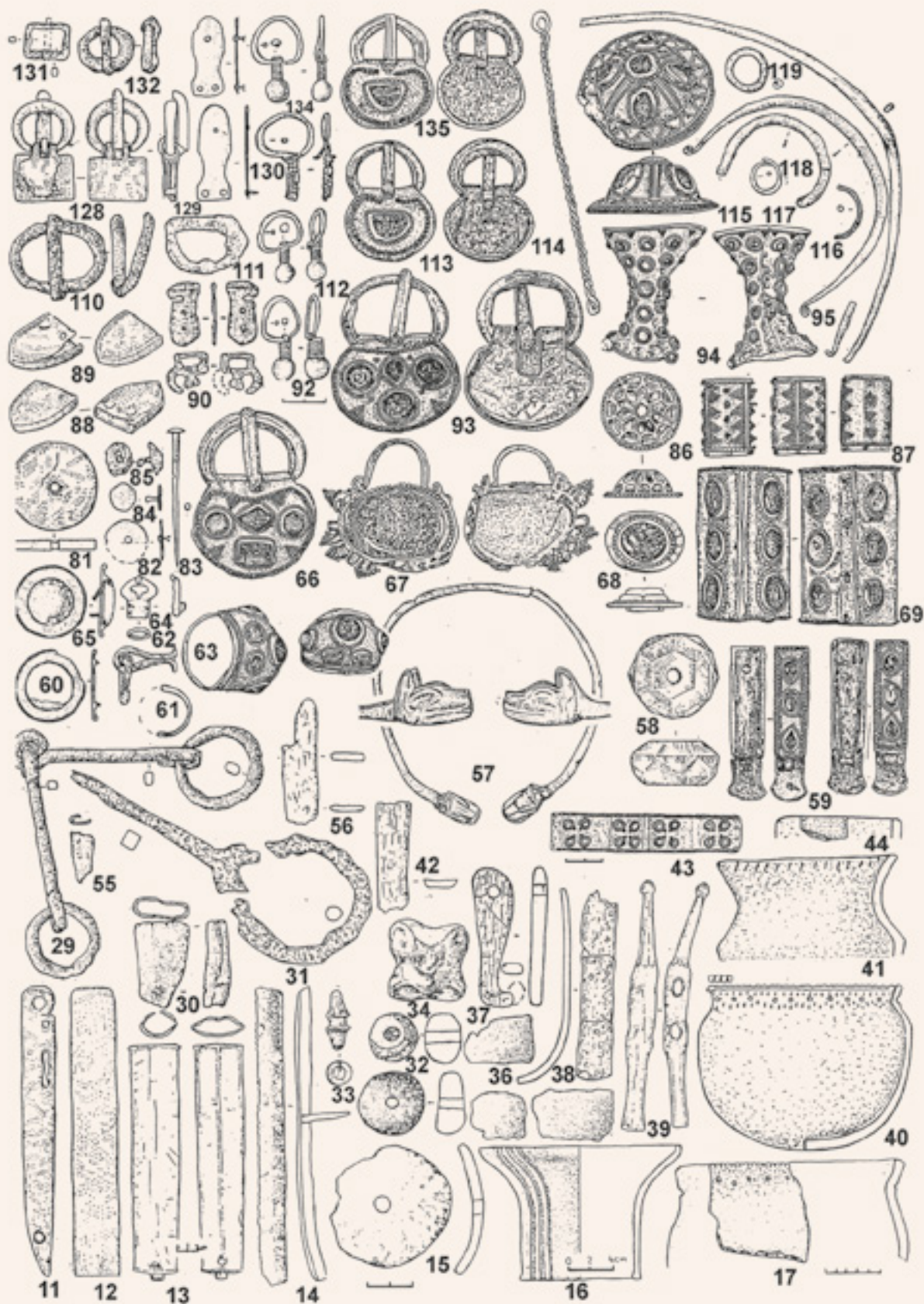
ственного университета (1955) был направлен в Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. При подготовке диссертационного исследования по теме «Древнетюркские генеалогические легенды как источник по ранней истории тюркских народов» сделал ряд новых открытий в социально-политической истории тюрков. Впоследствии принимал участие в крупных проектах по истории Казахстана и Средней Азии на основе китайских и тюркских первоисточников. Его работы отличаются глубиной и тщательностью научного подхода.

«белых гуннов», то здесь мы вынуждены признать, что все упоминания о хионитах-хунях достаточно четко соотносятся со страной Судэ-Яньцзяй и локализуются в районах Приаралья, где и встречаются с ними войска Истеми-хана.

И, наконец, к весьма важному заключению приходит Ю. А. Зуев в одной из своих последних работ, уделив особое внимание стране Абойя-Яньцзяй. Помещая ее в районы Северного Приаралья, автор весьма убедительно реконструирует этнокультурный облик ее населения как юэчжийское в своей основе, которое подпитывалось местной сарматской (аорской) «гинекократической средой». Хотя, как гласит «История Северных династий», «в прежние времена сюнну убили их (юэчжей-сарматов Яньцзяй) царя и завладели их государством. Ко времени царя Хуни (который посылал своих купцов и дипломатические миссии к Вэйскому двору в V веке.— С. Б.) их было уже три поколения» [46, с. 58–59]. Из чего следует, что страна юэчжей-сарматов Яньцзяй в IV веке была захвачена хуннами и, вероятно, с этого периода она и переименована в Судэ. При этом Ю. А. Зуев в итоге своих наблюдений высказывает весьма важную мысль: Яньцзяй-Абойя-Судэ была не «маргинальной захолустной областью», а большим и полноправным объединением государственного типа [Там же, с. 63]. Из этого следует, что хуни-хиониты страны Судэ-Яньцзяй вряд ли представляли собой кочевое

Планы и разрезы могильных ям, погребальный обряд и инвентарь гуннской эпохи в Обь-Иртыше в V–VI веках

объединение типа жуанжуанской или гаоцзюй-теле-токуз-огузов. С нашей точки зрения, предложенная реконструкция наилучшим образом соотносится с материалами, полученными из памятников джетысарской культуры, расположенных в Кувандарийской дельте Северо-Восточного Приаралья. Материалы нижних слоев ее городищ действительно демонстрируют яркие параллели с сарматскими памятниками урало-казахстанских степей [71; 73]. А погребальные комплексы некрополей, которые в большинстве своем появляются в самом конце IV — начале V века, бесспорно, имеют генетическое сходство с раннегуннскими (гунно-сарматскими) памятниками урало-казахстанских степей, а также с турбаслинскими памятниками Бельского Приуралья.

В исторической практике это единство можно соотнести с восточноевропейским населением утигуров, которых Ю. А. Зуев вслед за Э. Пулиблэнком также отождествлял с южэийско-аорскими племенами утиев, входивших в страну Яньцзяй [46, с. 62]. Как известно, они сыграли весьма важную роль в гунно-болгарской истории Восточной Европы в конце V — VI веке [8, с. 79–102]. Однако каких-либо данных об их участии или влиянии на события, происходившие на востоке Туркестанского региона, мы не имеем. История утигурского союза племен относится в большей мере либо непосредственно к предтюркскому периоду, либо ко времени первого Тюркского каганата, когда джетысарское население уже испытывает мощное влияние тюркского мира. Это отразилось в монголоидной метисации антропотипа джетысарцев и тюркизации их культуры и языка, которая фиксируется не только центральноазиатскими (алтайскими) типами конской узды и вооружения, но и находками образцов рунической письменности в слоях Алтын Асара [73; 20, с. 267–285; 55].

При обращении к западным источникам, которые четко повествуют о прибытии в 463 году к византийскому императору Льву I посольства сарагуров, уругов и оногуров, в связи с тем что эти племена были вытеснены с прежних территорий своего обитания сабирами (на которых в свою очередь напали авары), мы обнаруживаем фонетически более архаичную трактовку того же

Лев I Макелла — восточноримский император (457–474)

имени — огур. Приведенная информация согласуется и с данными китайских хроник, по которым в 448 году жуань-хуани были разбиты китайским императором Тайвуги, после чего сохраняли мирные отношения с династией Вэй. Их экспансия с того момента была направлена исключительно на запад, а в 460 году они овладели Турфаном. После этого часть племен теле уходит к Западному морю (Каспий), где они и появляются под своим собственным названием «огур», но разделенные на многие племенные союзы: оногуров (он огур — «десять огуров»), кутригуров (хутур огур — «тридцать (племен) огуров»), сары гуров — «белых огуров» и т. д. Таким образом, с этого момента начался окончательный раскол гаоцзюев («тележников») на западную группу огурских племен, сохранившихся лишь в эпониме «уйгур» [91, с. 51; 60, с. 134–139], и восточную группировку, которая обитает на своих прежних территориях, располагающихся от Центральной Монголии до Северного Казахстана.

Они продолжают играть особую роль в качестве самостоятельной четвертой силы в эфталитско-жуанжуанском и жужанжуанско-вэйском противостоянии. Выше мы коротко коснулись исторических перипетий, связанных с отложением вождя гаоцзюйцев Афуджило и дальнейшим противостоянием его преемников Цюнци, Миэту и Ифу в самом конце V — начале VI века [57, с. 53–54].

С севера и северо-востока огурский ареал граничит с территорией, заселенной на данный момент лесостепным оседлым и полукочевым постсаргатским населением прыговского, а чуть позже бакальского историко-культурных горизонтов (Урало-Тоболье), сперановско-потчевашского населения (Поиртышье) и поликультурным населением заключительного (фоминцевского) этапа кулайской и раннего (одинцовского) этапа верхнеобской культур. Весь этот массив племен представлял собой сложный конгломерат, включавший палеопротоугорские, палеоиранские и, вероятно, самодийские и раннетюркские этнокультурные компоненты.

В рамках этого лесостепного макрорегиона в конце IV — V веке наблюдается резкая смена культурных традиций, или так называемый переходный этап. В результате в районах Верхнеобской и Приалтайской лесостепи появляются яркие памятники гуннской эпохи с чертами раннеаварского культурного комплекса (Тугозвоново, Ераска, Сопка 2, погребение 688 и другие), а чуть позже среди материалов населения этих районов появляются этномаркирующие элементы тюркского культурного комплекса. Районы Урало-Иртышья на этом переходном этапе испытывают резкий приток лесного южно-таежного населения, в результате чего в пределах Среднего Поиртышья окончательно складываются памятники потчевашского типа, а в При-тобольском регионе формируется бакальский историко-культурный горизонт и наблюдаются множественные миграции прамадьярского населения носителей кушнаренковско-караякуповского и неволинских традиций на запад, в Приуралье.

Безусловно, деструктивные процессы переходного периода и проникновение в эту зону инокультурных групп населения привели к серьезной перегруппировке и переселениям в этом и соседних

горных районах Саян и Алтая. На это указывает тот факт, что в IV–V веках на Алтае прекращают свое существование основные типы предтюркских памятников гунно-сарматского времени (позднебуланкобинский, кокпашский, балактыюльский и др.), после чего появляются раннетюркские памятники катандинско-кудэринского типа. Приход в пределы Юго-Западной Сибири лесного населения с севера, раннеаварского (жуанжуанского) и раннетюркского (телеского) — с юга и юго-востока, и последующий распад ранее существовавших здесь культур и типов, безусловно, означал последующий исход населения на запад. Эта ситуация хорошо согласуется с информацией Приска Панийского о том, что сарагуров, уругов и оногуров со своих земель вытеснили савиры, а на тех, в свою очередь, напали авары [91, с. 51]. В этой связи наиболее точное позиционирование населения савиров до его исхода из районов Западной Сибири, приводимое М. И. Артамоновым [8, с. 65–66], в определенной степени подтверждается археологическими трансформациями. Очевидно, этот вектор движения сарагуров (восток — запад) был задан и племенами огурского союза, что подтверждается появлением в Восточной Европе центральноазиатских культурных инноваций, определившихся с появлением многочисленных типов вещей алтае-саянского, восточно-туркестанского и среднеазиатского происхождения [118], а также культово-погребальных памятников восточного происхождения [100].

Таинственные курганы с «кусами» и смутная эпоха V–VII веков

*Отзовись кто-нибудь,
На гортанный наш оклик!
Над ковыльным безмолвьем
Угрюмо стоят камнелицы предки.
Их невидящий взгляд,
Устремленный назад, —
Как безумный восторг!
В беспредельных скитаньях
Забывтый Восток...*

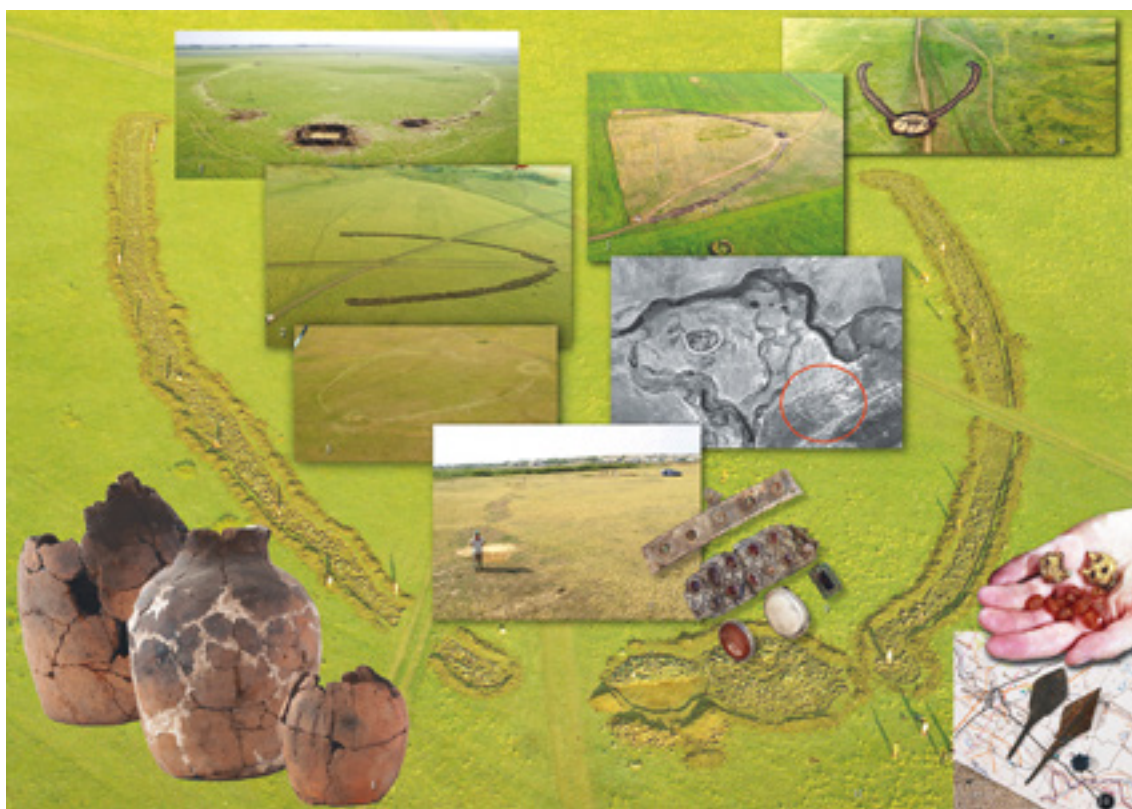
Попробуем рассмотреть, как формировался тюркский этнос в самый начальный момент. Итак, период с IV по V век оказался переломным в глобальной истории мировой цивилизации. Именно в это время произошел распад империй, царств и династий, которые сформировали структуру евразийской цивилизации. Ее основные очаги составляли Ханьский Китай на востоке и Римская империя на западе.

В финале эпохи Древности и в самом начале Средневековья суждено было «сойтись Востоку

и Западу», а полем единения явился великий пояс евразийских степей. Выплеснувшись из пределов Ордоса и гобийских степей Монголии, бесчисленные кочевые племена осуществили ту самую историческую и культурную коммуникацию между пределами цивилизации. Особую роль в этом Великом переселении народов суждено было сыграть гуннам — потомкам легендарных хунну, создавшим в центре Азии первую кочевую империю, и тюркам, основавшим великую континентальную кочевую империю. Именно в это время окончательно складывается кочевая цивилизация Евразии, призванная обеспечить единство мировой ойкумены.

К V веку значительно дестабилизируется либо вовсе прекращает функционирование урал-аральская пастбищно-кочевая система, что, безусловно, влечет за собой переориентацию миграционных маршрутов Великого переселения народов. Причины этого лежат в природно-климатических изменениях, которые, вероятнее всего, были вызваны регрессией Арала, обмелением и засолением Сырдарьи и Амударьи и общим осушением аридной зоны. С широты Нижнего Поволжья (по почвоведческим данным И. В. Иванова) с IV века

Раннетюркское время в степях Южного Урала.
Фото С. М. Арканова

на четыре столетия устанавливается зона пустынь. Данный природно-климатический катаклизм достаточно отчетливо фиксируется в археологических материалах Присырдарьинского бассейна. Фактически все памятники отраро-каратауской, джетыасарской и каунчинской культур Правобережной Сырдарьи, отмеченные с первых веков нашей эры, прекратили существование к рубежу VII–VIII веков. Причем это произошло в два этапа: мелкие поселки и селища перестали функционировать к V веку, а городища — к рубежу VII–VIII веков, что объясняется существованием различных систем орошения — самоточной и активно-принудительной. Данный факт достаточно информативно отражен и в письменных источниках. На карте «Синь-Таншу» среди стран Запада исчезают два крупнейших этнополитических объединения — Сутэ-Яньцзяй и Цжеше-Канцзюй, которые достаточно четко локализовались в предшествующем по времени повествовании «Вэй-шу».

Безусловно, означенные процессы не могли не сказаться на количестве археологических памятников. На огромной территории урало-казахстанских степей можно насчитать не более десятка комплексов, датируемых V–VI веками. Как правило, большинство из них общеизвестны, материалы о них неоднократно публиковались, и мы о них уже упоминали. Традиционно их соотносят с финальным этапом гуннской эпохи, и дискуссии вокруг них разгорались в основном в области хронологии. Создание каких-либо культурно-исторических построений на их основе весьма затруднено, так как большинство этих комплексов либо представлены отдельными находками, либо данные об элементах их погребального обряда неполны и неточны.

Таким образом, период V–VI веков стал своеобразным «смутным» (неведомым, непонятым) временем для урало-казахстанских степей. Однако, понимая его важность в культурогенезе восточно-европейских (авары, савиры, болгары и др.) и западноазиатских (огузы, печенеги, башкиры, мадьяры, кимаки, кипчаки) этноплеменных образований последующего времени, мы попытаемся остановиться на отдельных вопросах интерпретации уже известных материалов и проанализировать вновь исследованные комплексы, позволяющие

проследить культурно-исторические тенденции развития очерченного региона в тюркское время.

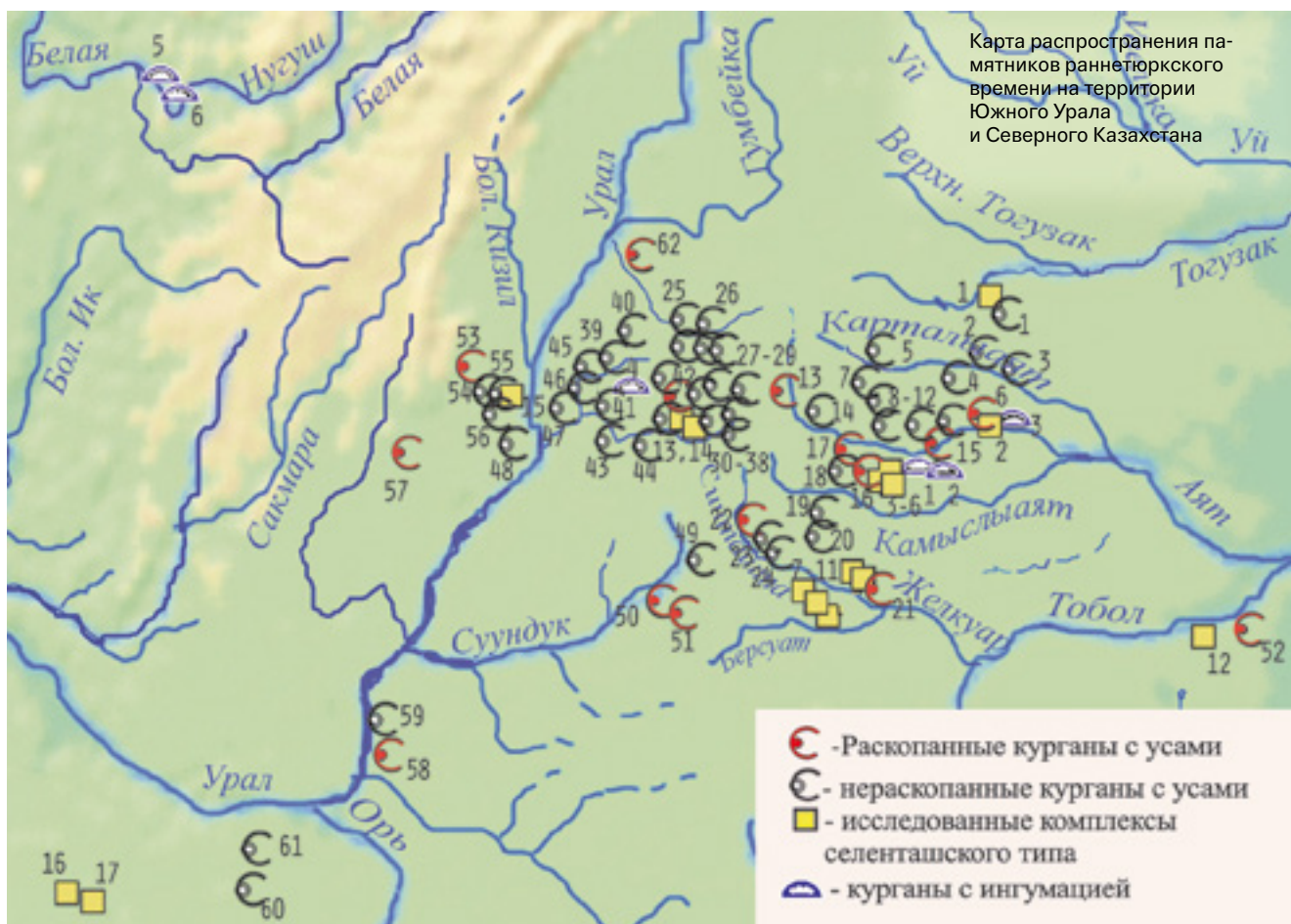
В этих условиях в пределах большого макрорегиона возникает интереснейший тип памятников, который получил название курганов с «усами» и памятников селенташского типа.

Курганы с «усами» представляют собой грандиозные наземные сооружения, состоящие из центрального каменного или грунтового кургана, от которого, как правило, на восток отходят своеобразные дуговидные гряды из камня или земли. Размеры их достигают в некоторых случаях более 300 метров. Вероятнее всего эти сооружения являлись своеобразными культовыми пантеонами населения Западно-Тюркского каганата на территории Южного Урала, Северного и Центрального Казахстана.

В урало-казахстанских степях курганы с «усами» и комплексы селенташского типа маркируют раннетюркский ареал. Они располагаются компактными микрорайонами в Казахстане и особенно в Южном Зауралье. Возникновение этого ареала, как уже указывалось, падает на V век, а наиболее поздние комплексы, к которым относятся курганы селенташского типа, могут датироваться VIII веком.

Данный ареал мы связываем с конфедерацией племен Западно-Тюркского каганата, известной под названием он ок будун («народ десяти стрел» — оногуры) или он ок тюргеш и состоявшей из двух основных объединений — дулу и нушиби. К концу VII века с приходом на территорию Казахстана сначала из тюрко-телесского саяно-алтайского ареала огузов и кыпчаков-сеянто, а затем восточно-тюркских карлуков из Монголии и Алтая, данный ареал претерпевает кардинальную этнокультурную трансформацию. Это отразилось и на характере археологического материала: на смену курганам с «усами» и памятникам селенташского типа повсеместно приходит новая погребально-поминальная традиция — каменные прямоугольные и квадратные оградки и каменные изваяния. Появляются погребения по обряду ингумации с конем и широтной ориентировкой погребенных.

Относительно исторических судеб населения этого ареала можно высказать лишь осторожные предположения. Возможно, расширение данного

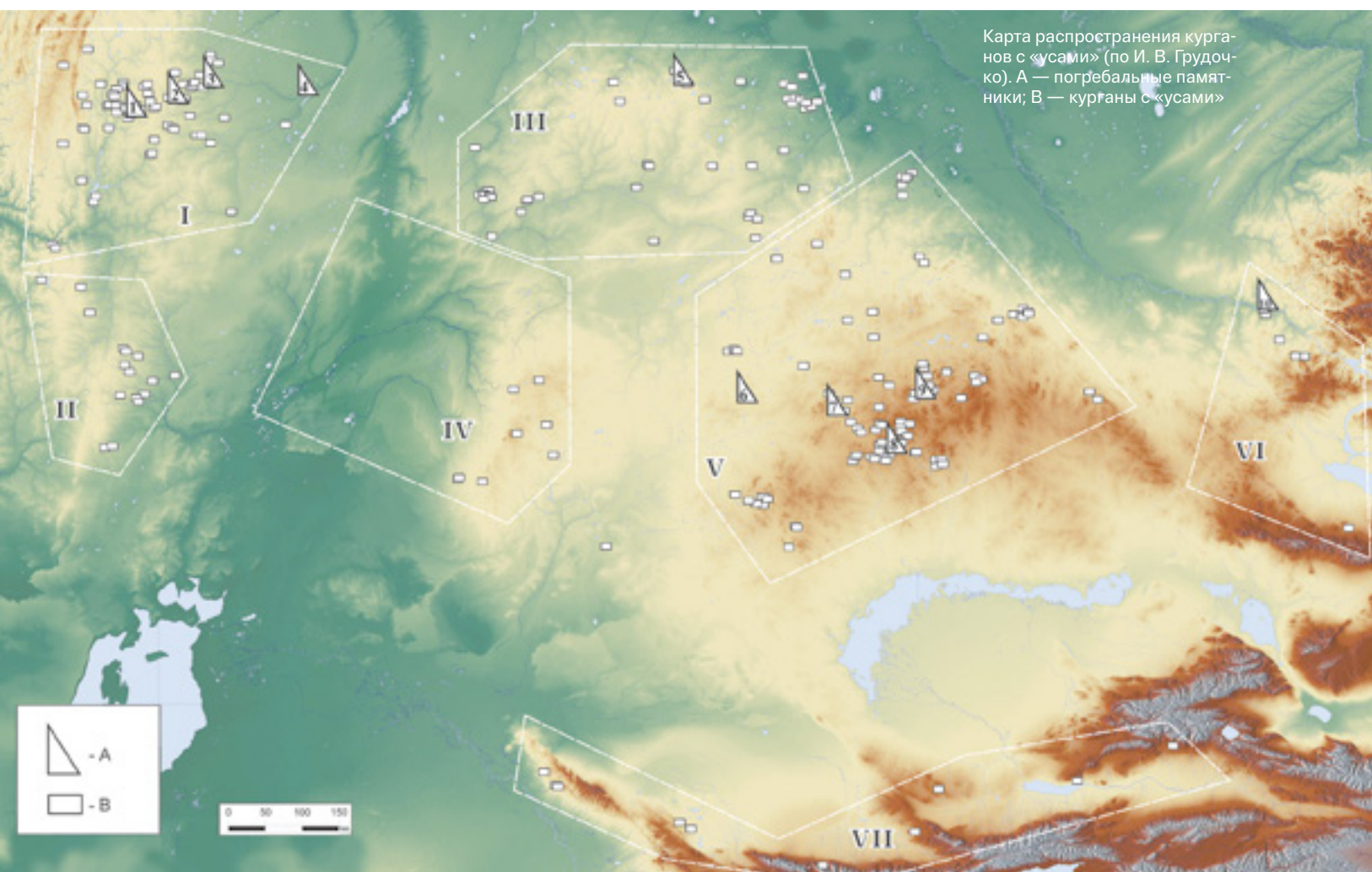

ареала в Восточную Европу происходит на самом раннем этапе его существования, в VI–VII веках. Селенташский горизонт в Восточной Европе составляют так называемые курганы-кострища на Нижней Волге (Краснополье; Усть-Караман; Остроголовка; Покровск, курганы 2, 3, 11, 17, 18; Ровное, курганы 42, 47). К этому горизонту относятся и курганы VII–IX Новогригорьевского могильника, которые имели каменные выкладки на поверхности, остатки пережженных костей человека и лошади, а также вещевой материал, находящийся на уровне древней поверхности. Ярким примером памятников селенташского типа является курган 35 могильника Ливенцовский VII на Нижнем Дону. Он имел каменную вымостку, по форме близкую к подпрямоугольной. На подкурганной площадке располагалось характерное небольшое подпрямоугольное углубление. Среди камней на погребальной поверхности находились кости лошади и вещевой инвентарь: фрагменты керамической и бронзовой посуды, колчан, копье, элементы ременной гарнитуры. Данный комплекс достаточно четко вписывается в хронологические

рамки и историко-культурный облик памятников раннетюркского времени (конец VI — VIII в.). К сожалению, авторы, вероятно, в силу существующих стереотипов, отнесли этот памятник к позднегуннской эпохе.

И еще одно предположение. В курганах с «усами» урало-казахстанского ареала появляется традиция возведения прямоугольных оград, вымосток, прямоугольных и квадратных в плане ровиков (Кайнсай, курган 14; Солончанка IX; Еремей-Тау; Елизаветпольское; Елантау; Крутой Овраг, курган 4; Селенташ; Восточно-Курайлинский). Эти же архитектурные особенности, хотя и в более грандиозной форме, появляются и среди кочевнических древностей горизонта Вознесенка-Перещепино Восточной Европы (конец VII — VIII в.). В этот же период данный вектор своеобразно маркируют курганы с «усами», исследованные в Калмыкии (Три Брата) и на Нижнем Днепре (Новогригорьевский некрополь, курган 18). Думается, что эти факты взаимосвязаны. Вероятно, трансформации, начавшиеся в недрах урало-казахстанского раннетюркского ареала, и последующий отток кочевых

объединений в южно-русские степи в конце VII века могли сыграть решающую роль в окончательном сложении болгарского и хазарского каганатов.

В целом география курганов с «усами» и памятников селенташского типа, сообразно нашей реконструкции, имеет тот же ареал, что и расселение племен огурского (оногурского) союза. Наиболее восточные курганы с «усами» обнаружены в западных предгорьях Монгольского Алтая и в долине реки Или на территории Восточного Туркестана (Табатэ (Кучьгайте) и могила «Хусуй»), а к западу от урало-казахстанских степей в Нижнем Поволжье так называемые курганы-костровища (Каргаполье, курган Е 14; Усть-Карамеш, курганы 2, 3, 11 и пр.) демонстрируют черты, совершенно аналогичные памятникам селенташского типа. А курганы с «усами» Три Брата в Калмыкии и курган 18 Новогригорьевского могильника на Нижнем Днепре своеобразно маркируют наиболее западную границу обитания кочевого оногурского населения, оставившего памятники данного типа.

Урало-казахстанские курганы с «усами» и памятники селенташского типа. До определенного времени считалось, что в урало-казахстанских степях отсутствуют памятники, которые можно идентифицировать как раннетюркские комплексы VI–VIII веков. В 1984 году у поселка Варна нами был исследован курган 4 могильника Елантау (VIII–IX вв.), где в центре подпрямоугольной площадки на погребенной поверхности зафиксирован обряд трупосожжения. Впоследствии такие курганы получили название «памятники селенташского типа». После исследований кургана 14 могильника Кайнсай и курганов Оленина Отнога и Кызыл-Жар, была отмечена близость погребального обряда этого типа памятников с погребальным обрядом кутанов с «усами».

Памятники этого типа встречаются на огромной территории евразийской степи от Восточного Туркестана до Поднепровья. Однако наиболее компактно они располагаются в семи микрорайонах в пределах урало-казахстанских степей (картография И. В. Грудочки): I — Южное Зауралье (Тоболо-Уральский водораздел); II — Южное Зауралье (Мугоджары); III — Северный Казахстан; Запад-

ная Сары Арка (Улытау, Тургай); VI — Восточный Казахстан, Поиртышье; VII — Южный Казахстан, Семиречье. На сегодня исследовано путем раскопок, а также обнаружено в ходе разведочных работ и аэродешифрирования до 400 курганов с «усами».

История исследований этого удивительного типа памятников оказалась весьма драматичной и противоречивой. Впервые курганы с «усами» раскапывались в 1930-е годы на территории Казахстана, а затем активно изучались вплоть до конца 1950-х годов экспедициями, возглавляемыми известными и весьма авторитетными учеными. Однако то обстоятельство, что памятники этого типа сооружались, как правило, на хорошо выделенных площадках высоких береговых террас, которые издавна, в разные эпохи использовались под некрополи, эти сооружения часто оказывались по соседству с памятниками других времен. Особенностью курганов с «усами» в Центральном Казахстане было сооружение насыпи центрального кургана либо с востока от более древнего кургана, либо непосредственно на нем. Поскольку подкурганые площадки центральной насыпи представляли собой в подавляющем большинстве случаев ритуальное жертвенно-поминальное пространство, где помещалось минимум вещевых артефактов, традиционное датирование этих комплексов производилось по тем курганам, в которых содержались погребения. В этой связи первоначально памятники этого типа были отнесены к тасмолинской культуре (VIII–III вв. до н. э.) саков Центрального Казахстана. Эта ситуация сохранялась до 1990-х годов. В 1980-е годы южно-уральскими археологами были обнаружены на юге Челябинской области и исследованы первые памятники селенташского типа (Елантау, Селенташ, Крутой Овраг, Кайнсай и др.), а также исследован комплекс кургана с «усами» Солончанка (Оренбургская область), давший богатый, надежно датирующийся материал (V в. н. э.).

В 1996 году нами было высказано мнение о необходимости кардинального пересмотра хронологической принадлежности курганов с «усами». Было предложено все курганы с «усами» датировать в рамках средневековой эпохи. Впрочем, необходимо отметить, что данная идея пятнадцатью годами ранее была высказана А. К. Амброзом на страни-

цах многотомного издания «Степи Евразии в эпоху средневековья», где комплекс кургана с «усами» Канаттас помещен в таблицу «Погребальные сооружения V — первой половины VIII в.» [102, рис. 9, 5–7].

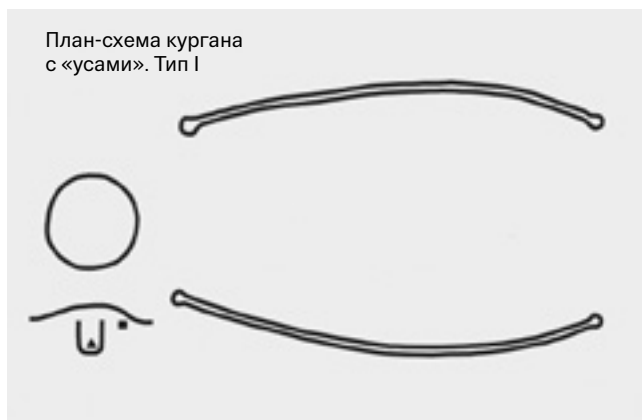
Если коротко подытожить результаты последних двадцатилетних исследований в части систематизации информации по типологическим особенностям архитектуры этого вида сооружений, то можно весь известный материал распределить следующим образом.

Анализ, произведенный на основе информации об исследованных полностью или частично 58 курганов с «усами», позволил установить, что на сегодняшний день выделяются два основных вари-

абельных их типа, элементы которых составляют единый комплекс и были сооружены одновременно. Первый тип образуют комплексы, состоящие из одного центрального кургана и отходящих от него двух гряд, начинающихся вымостками или курганными выкладками. Второй тип образуют комплексы, имеющие два (и более) кургана, расположенных по линии С–Ю, и отходящие от них гряды-«усы».

Тип 1 — наиболее распространенный и многочисленный среди всех комплексов курганов с «усами» (46 памятников из числа исследованных). В эту группу вошли те самые курганы с «усами», в которых от центральной насыпи по линии В–З отстоят насыпи погребальных курганов других эпох. Подобную интеграцию позволила сделать разновременная и разнокультурная дифференциация материалов, которые обнаруживались в этих комплексах в частях, имеющих двойную планиграфию или стратиграфию. Инокультурные составляющие распределились следующим образом: 2 — эпоха бронзы (XIII–IX вв. до н. э.); 6 — тасмолинская культура (VII–V вв. до н. э.); 4 — сарматская культура (VI–V вв. до н. э.).

Приведем описание некоторых южноуральских курганов, относящихся к этой группе памятников.

Курган с «усами» в урочище Каменный Амбар. Карталинский район.

Челябинская область. Аэрофотоснимок С. М. Арканова

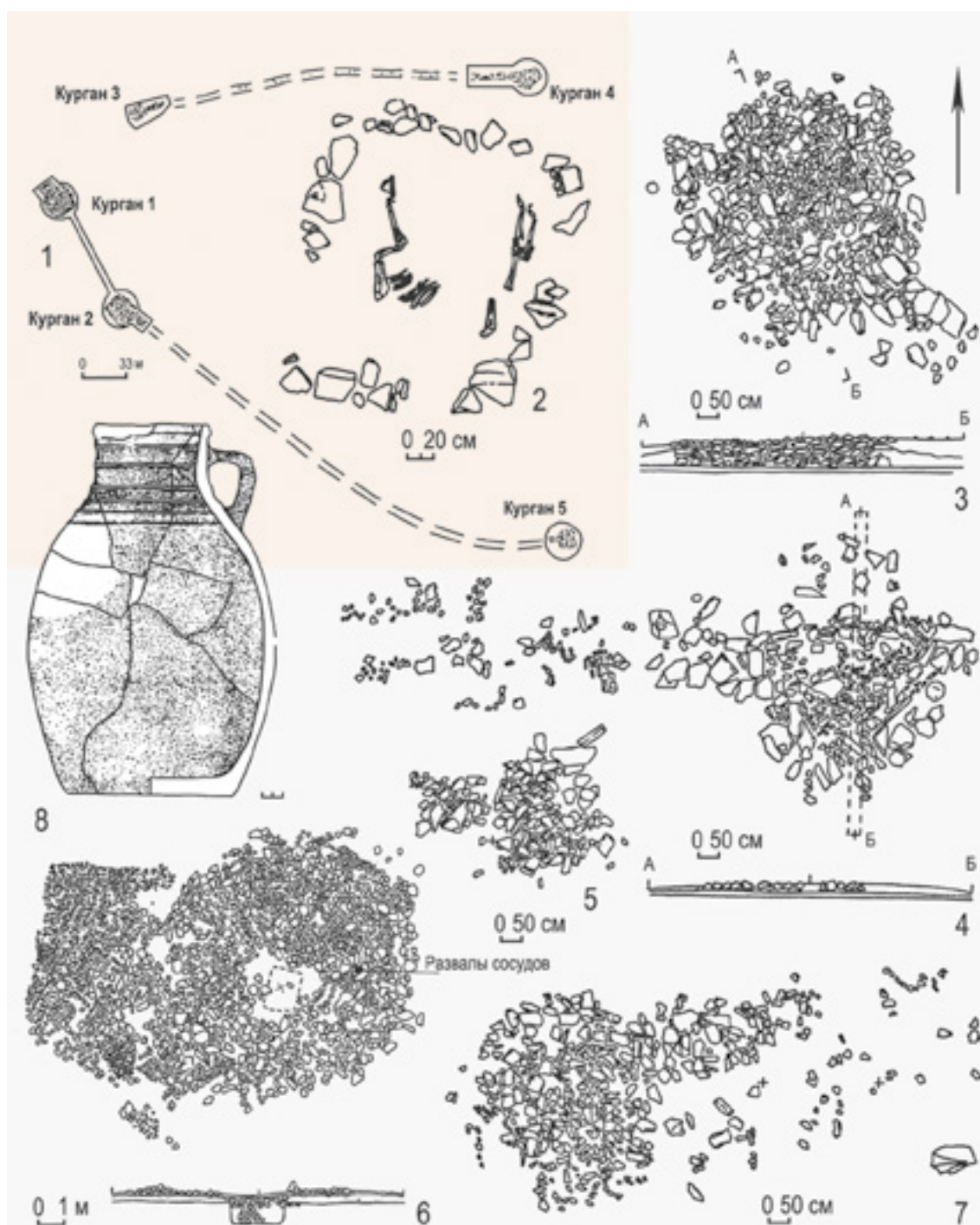

В мугоджарской и зауральской группах к этому типу относятся десять исследованных комплексов курганов с «усами»: Солончанка IX, Городищенский IX, Новокондуровский I, Оленина Отнога, Новоактюбинский I, Суходол, Султантимировский I, Кайнсай, курган 14, Елизаветпольский, Медес.

Комплекс кургана с «усами» Солончанка IX включал центральную каменную насыпь, две гряды длиной до 100 метров, сложенные из камня и ориентированные практически строго на восток, и четыре каменные выкладки на окончаниях «усов». Под

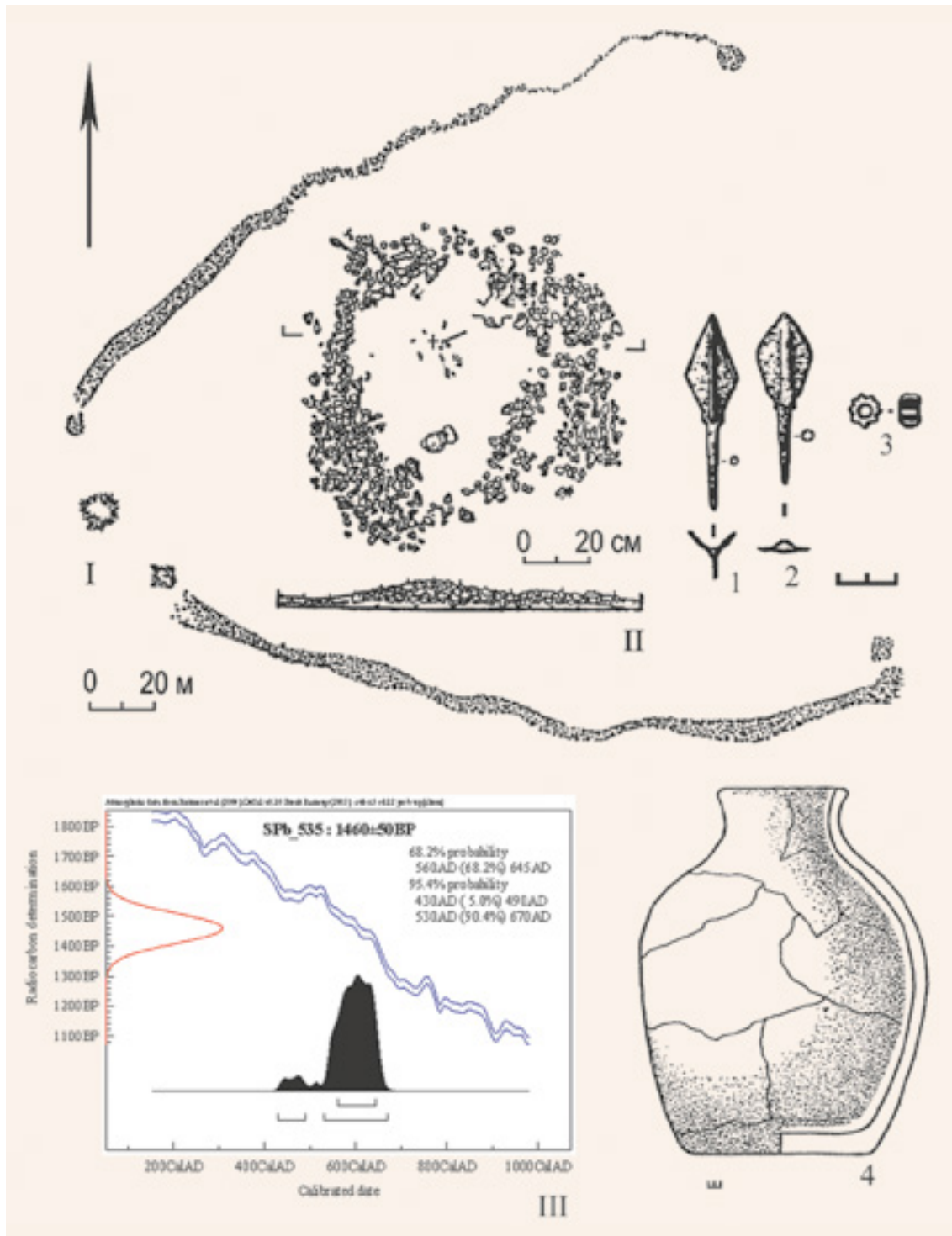
насыпью центрального кургана выявлена каменная ограда округлой формы. К ней с западной стороны примыкала каменная выкладка подпрямоугольной формы размерами 2,2×2,3 метра, ориентированная по линии С–Ю. Внутри выкладки расчищен фрагментированный скелет лошади, уложенный в анатомическом порядке. В восточном секторе подкурганной площадки найдено каменное орудие — пест или оселок из зеленой плотной яшмы. Здесь же обнаружен глиняный лепной горшок, поставленный в небольшую ямку, выкопанную в материке. В западном секторе подкурганной пло-

Планы и погребальный инвентарь комплекса кургана с «усами» Солончанка IX. Оренбургская область

щадки под щебнем каменной вымостки расчищен развал большого красноглиняного кувшина, который первоначально также был поставлен в ямку. Под выкладками на концах «усов» выявлены следы прокалов, зола, мелкие угольки, а также лопатка барана. На основе аналогий красноглиняного кувшина комплекс датирован IV–V веками н. э.

Комплекс кургана с «усами» Городищенский IX включал центральную каменную насыпь, две гряды длиной до 220 метров и шириной 3–7 метров, сложенные из камня и ориентированные на восток, четыре каменные конструкции на окончаниях «усов». Центральный курган диаметром 10,5 метра и высотой 0,9 метра представлял собой развал

План и погребальный инвентарь. Могильник Городищенский IX, курган 1. Карталинский район. Челябинская область

каменной постройки в виде ограды подквадратной формы размерами 7,5×7,5 метра. Внутри ограды на уровне древней поверхности отмечены многочисленные продукты горения (уголь, зола, обожженные плашки и кальцинированные кости), среди которых найдены кости лошади и овцы, а также два железных черешковых наконечника стрел и стеклянная бусина. У восточной стенки ограды выявлено углубление, в котором находились кости барана и крупный глиняный горшок. На западных окончаниях усов расчищены прямоугольные оградки со сторонами 3,5–5 метров. Заканчивались же усы подпрямоугольными выкладками размером 6,2×7,5 метра. Внутри них на древней поверхности также отмечены следы огня (прокал, зола, угли).

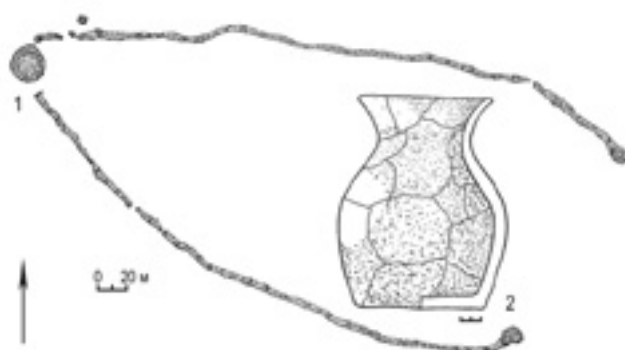
Комплекс кургана с «усами» Новокондуровский I включал центральную каменную насыпь шестиугольной формы, две гряды длиной до 236 метров и шириной 1,5–2,2 метра, сложенные из камня и ориентированные на восток, а также четыре каменные округлые выкладки диаметром от 2–2,5 до 5–6 метров на окончаниях «усов». Под цен-

тральной насыпью в северо-восточном секторе обнаружен красноглиняный кувшиновидный сосуд плохой сохранности. Следов погребения, костей жертвенных животных, прокала, угля под насыпью кургана и в выкладках на окончаниях «усов» не обнаружено.

По аналогии с сосудом в керамическом комплексе некрополя Алтынасарский 4 курган с «усами» Новокондуровский I может быть датирован V — первой половиной VII века н. э.

План и погребальный инвентарь. Комплекс кургана с «усами» Новокондуровский I.

Раскопки И. Э. Любчанского). Кизильский район. Челябинская область

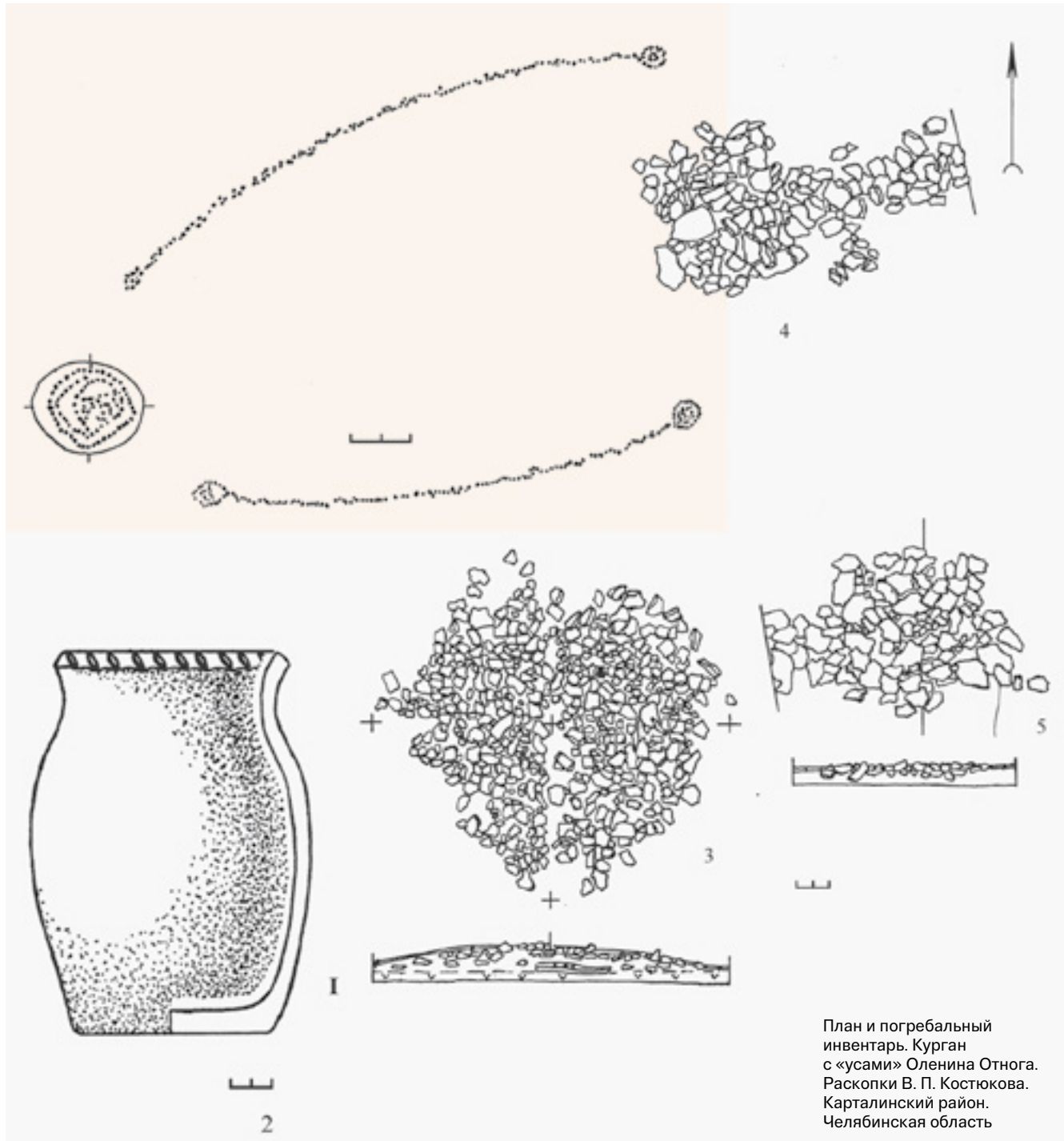

Курган с «усами» Новокондуровский I. Кизильский район. Челябинская область. Аэрофотоснимок

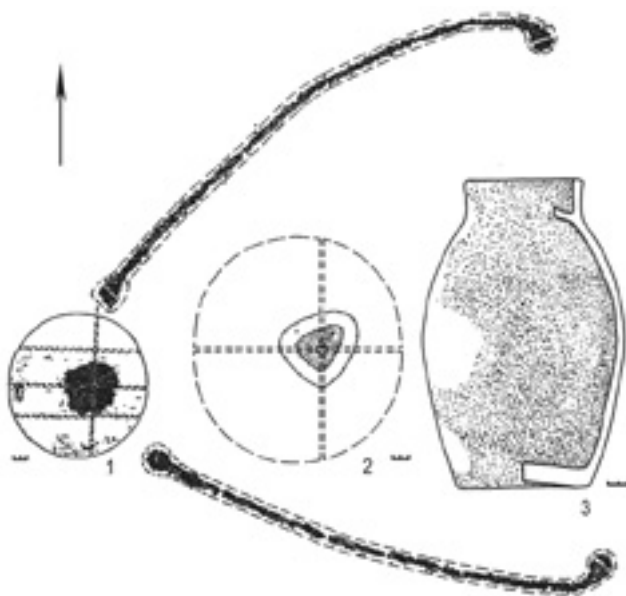
Комплекс кургана с «усами» Оленина Отнога состоял из центральной каменной насыпи овальной формы размером 8×10 метров, двух каменных гряд-«усов» и четырех каменных вымосток у их окончаний. Длина каждой гряды незначительна — 51 и 57 метров. В ходе исследования под центральной насыпью на дневной поверхности расчищены остатки кострища (фрагменты обгорелого дерева,

угли), грунт под которым носил следы интенсивного прокала. В северо-восточном секторе под курганной площадкой на древней дневной поверхности находился плоскодонный сосуд с орнаментированным венчиком. Под каменными вымостками на концах «усов» остатков жертвенных животных, прокала или угля не обнаружено.

План и погребальный инвентарь. Курган с «усами» Оленина Отнога. Раскопки В. П. Костюкова. Карталинский район. Челябинская область

Могильник Новоактюбинский I состоит из 19 разнотипных надмогильных сооружений, включающих каменные, земляные и каменно-земляные курганы, каменные площадки и два кургана с «усами». Курган 1 с «усами» находился несколько обособленно от остальных курганов некрополя. Комплекс состоял из центральной земляной насыпи овальной формы размером 26×28 метров и высотой 0,68 метра, от которой на восток отходили две каменные дугообразные гряды длиной 111 и 99 метров и шириной до 1,6 метра. На окончаниях гряд находились четыре округлые каменные площадки диаметром 4–4,5 метра. Под земляной насыпью центрального кургана выявлен руинированный подквадратный каменно-земляной массив, ориентированный по линии ВСВ–ЗЮЗ. Размер этого массива 9,5×10,5 метра, мощность 0,2 метра. В грунте среди камней встречались мелкие угольки, зола и отдельные кости животных. Под массивом на уровне древней поверхности выявлена площад-

План и погребальный инвентарь. Курган с «усами» Новоактюбинский I. Оренбургская область

Курган с «усами» Новоактюбинский I. Оренбургская область. Аэрофотоснимок

ка в форме равнобедренного треугольника размером 9,5×8,6 метра, ориентированная вершиной на СВ. Площадка образована неглубоким рвом шириной 1,7–2,0 метра. В центральной части площадки зафиксированы остатки небольшого кострища — прокол мощностью до 0,1 метра без следов золы и угля. Северо-восточнее кострища, ближе к вершине треугольника в небольшом углублении находился плоскодонный сосуд вытянутых пропорций. В северо-восточной части окружающего площадку рва расчищен жертвенник с остатками расчлененной туши коровы без черепа. Под земляной насыпью кургана фиксировались разрозненные кости животных, а под северо-западной полкой находился жертвенный комплекс, состоящий из двух лопаток лошади и фрагмента речной раковины. Комплекс кургана с «усами» датирован V–VII веками н. э.

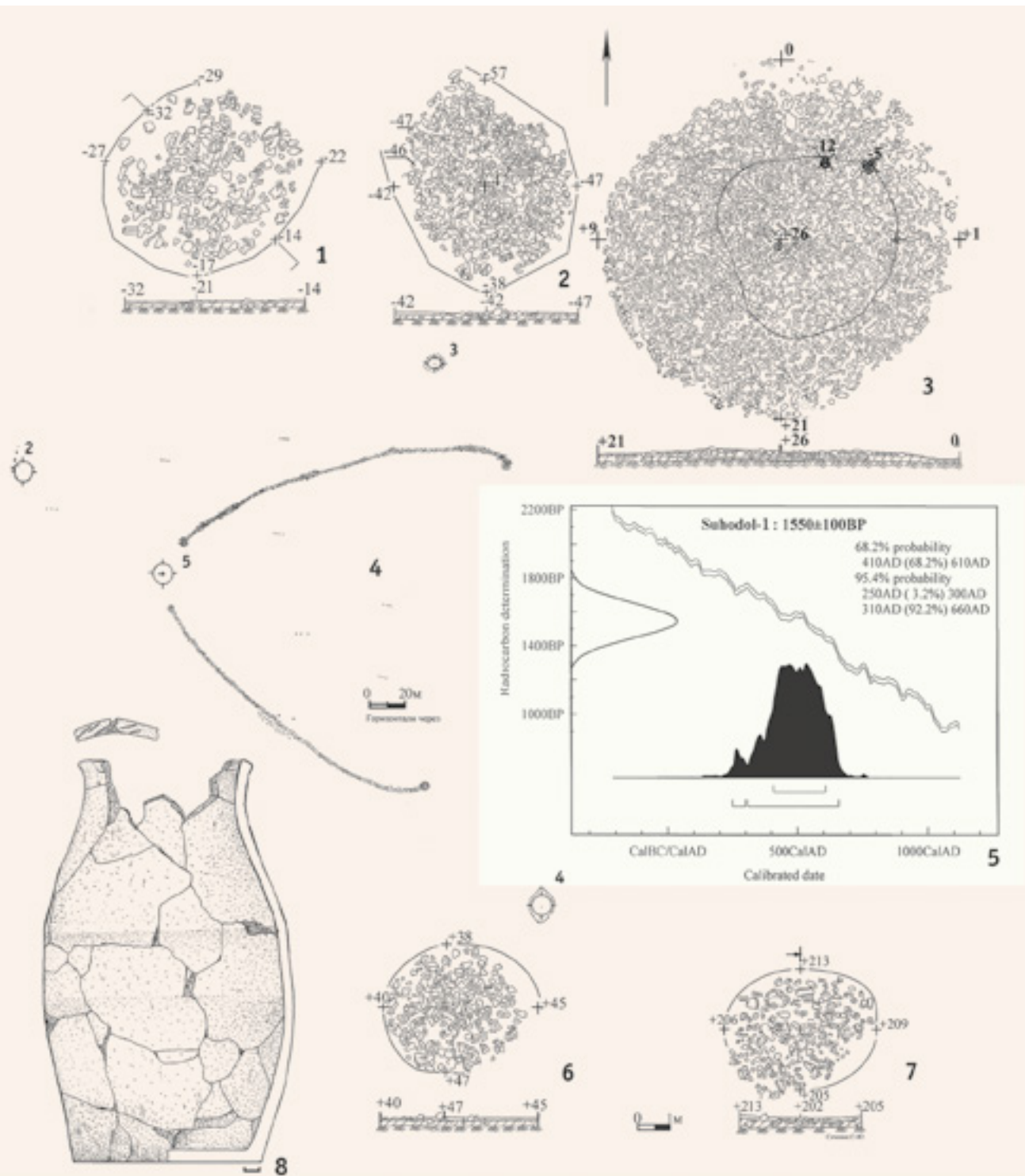
Комплекс кургана с «усами» Суходол состоял из центральной каменной насыпи, двух дугообразных каменных гряд («усов»), протянувшихся от насыпи в восточном направлении, и четырех каменных вымоستок на их окончаниях. Диаметр центральной насыпи 12 метров, высота 0,15–0,2 метра. Состояла она из камней разного размера, уложенных в один три слоя. Мощность каменной насыпи возрастала от периферии к центру. Под камнями в центре кургана непосредственно на древней дневной поверхности зафиксирована глиняная площадка размером 7×8 метров и толщиной 5–10 сантиметров. В северо-восточной части площадки расчищен жертвенник со скоплением сильно фрагментированных костей животного (черепа лошади?), рядом с ним — развал лепного неорнаментированного сосуда. Сосуд находился в углублении, прорезавшем

Могильник Суходол.
Карталинский район.
Челябинская область.
Аэрофотоснимок

глиняную площадку и погребенную почву до материка. Длина северного «уса» по дуге – 203 метра, южного – 180,5 метра (по прямой — соответственно 194,5 и 172 метра). Ширина гряд от 1 до 2,5 метра.

Три площадки на концах «усов» имели подпрямоугольную форму, размеры от 4×4,5 до 5,5×6 метров, третья площадка (с западного конца южной гряды) была округлой формы диаметром 4 метра.

План памятника, погребальный инвентарь и таблица радиоуглеродной даты.

Могильник Суходол. Карталинский район. Челябинская область

Курганы 2, 3 и 4 образуют компактную группу на вершине небольшой возвышенности. Курган 3 — центральный, курган 2 расположен к северу от него, курган 4 — к югу.

После удаления насыпи кургана 3 обнажился каменный «панцирь». В плане каменная выкладка имеет округлую форму, диаметр ее около 4 метров. Уложены камни плотно в один слой на уровне древней поверхности. В северной части насыпи наблюдалась линза светло-коричневой супеси и золы с кальцинированными костями. Протяженность линзы — 2 метра. В северо-восточном секторе ближе к подошве кургана под камнями найден сосуд, стоящий на материке. На глубине 40 сантиметров возле сосуда обнаружено несколько кусочков горелого дерева. На расстоянии 1,25 метра к востоку от центра бровки, ориентированной по линии С–Ю, обнаружена выкладка из костей лошади: задняя нога, ориентированная строго по линии С–Ю, и передние ноги, лежащие одна на другой, а также зубы к юго-западу от ног. При разборке камней отмечено, что в области предполагаемого туловища, имитируя его, лежали камни. В северном конце бровки на глубине 20 сантиметров найдена лопатка мелкокопытного (барана?).

При зачистке материка в юго-восточном секторе выявлены очертания подпрямоугольной в плане ямки глубиной 20 сантиметров с прямыми стенками.

Сосуд — крупных размеров (высота 39,5 сантиметра), с высоким конусовидным туловом, ребром на плечике, отогнутым венчиком. По верху венчика нанесены глубокие нарезки. Тесто плохо отмученное, с примесью крупного песка и дресвы.

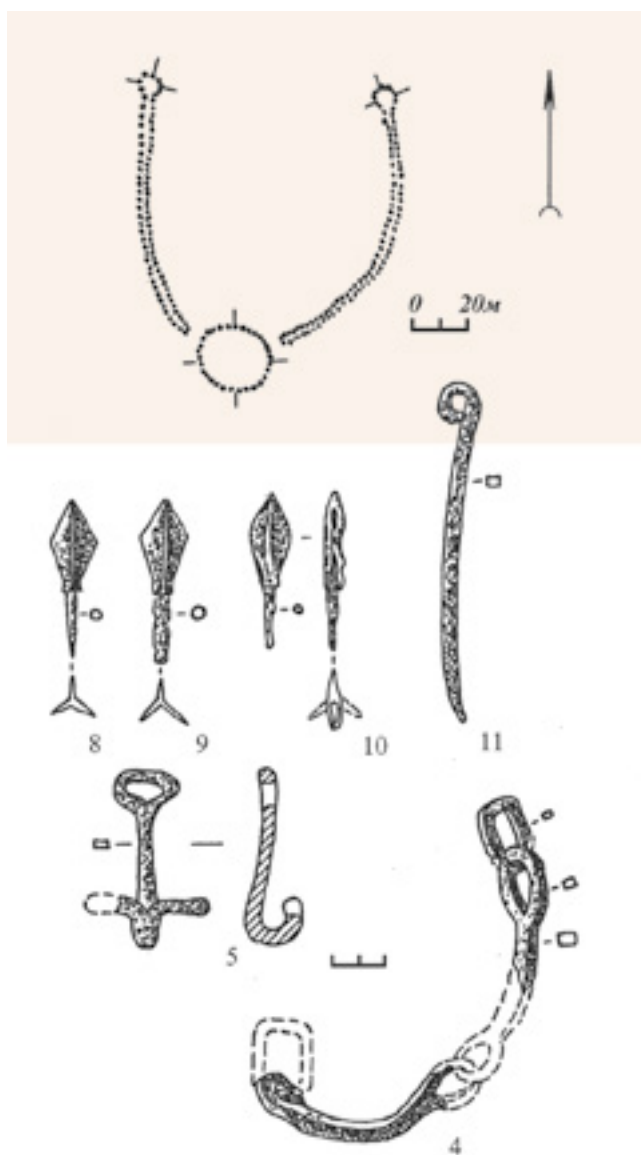
Курганы 2, 4 фиксировались на поверхности по выступающим камням сильно расплывшихся насыпей. Высота курганов около 0,1 метра. Насыпи представляли собой каменные выкладки диаметром до 0,4 метра. В плане каждая выкладка представляет собой неправильный овал размером 4×5 метров, ориентированный по линии СЗ–ЮВ. После удаления камней подкурганые площадки были вскрыты до уровня материка. Никакого вещевого материала обнаружено не было.

Сооружение 8 расположено в 75 метрах к востоку от кургана 4. Представляло собой каменную

выкладку подпрямоугольной в плане формы размером 2×1,5 метра, ориентированную по линии С–Ю. Никакого вещевого материала обнаружено не было.

Кости человека отмечены в кургане Султантимировский I и кургане 14 могильника Кайнсай.

Комплекс кургана с «усами» Султантимировский I состоял из одного центрального кургана диаметром 8 метров и высотой 0,6 метра с каменно-земляной насыпью, от которого в северном направлении отходили две дугообразные каменные гряды длиной 52 и 58 метров и шири-

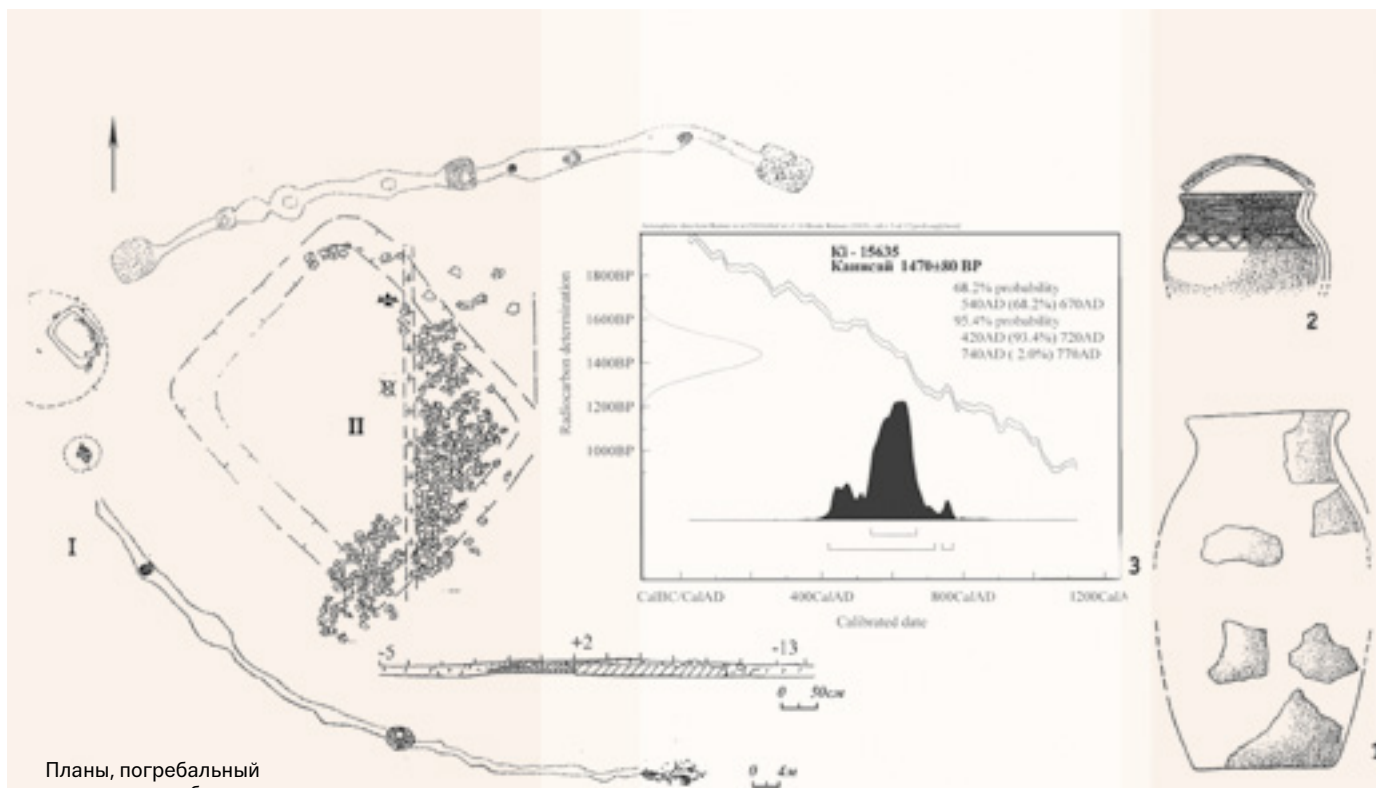

План и погребальный инвентарь. Султантимировский I курган. Республика Башкортостан. Раскопки Ф. А. Сунгатова)

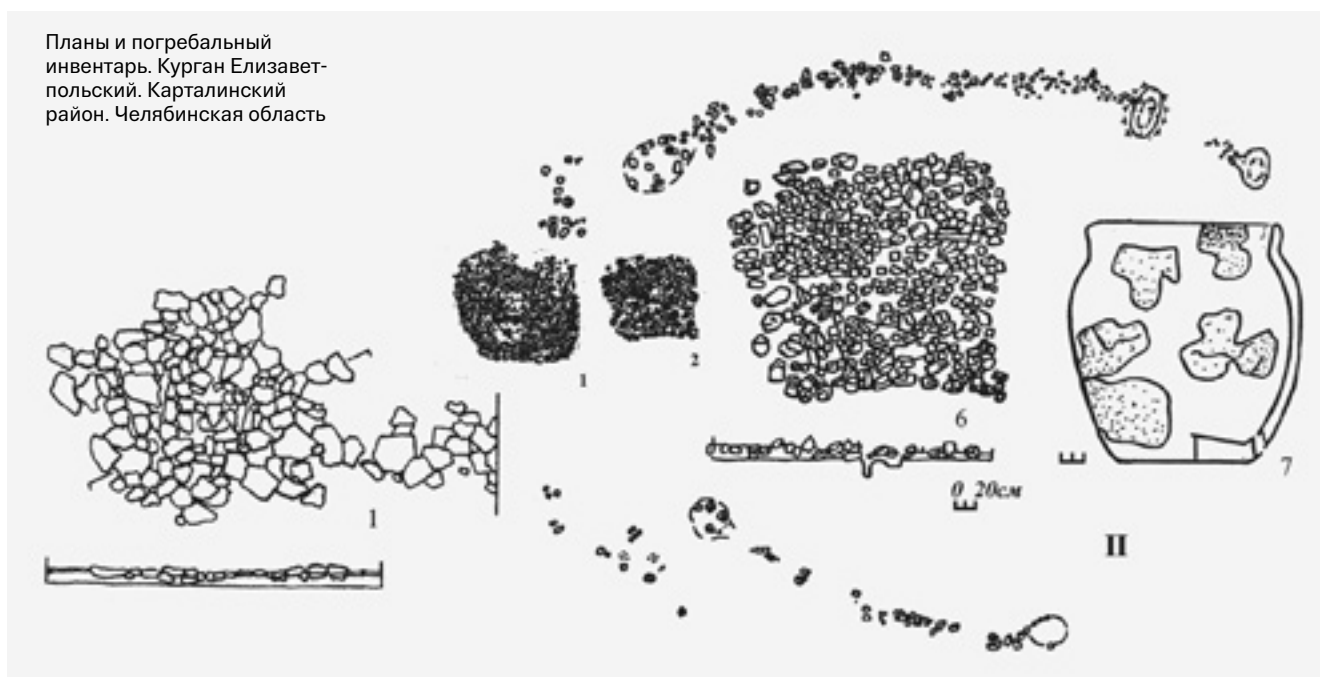
ной до 1 метра. На окончаниях гряд — небольшие округлые каменно-земляные площадки диаметром до 2 метров и высотой до 0,1 метра. По сведениям автора раскопок Ф. А. Сунгатова, под насыпью кургана выявлена неглубокая могильная яма, которая не заглублена в материковый грунт. Размеры ее 1,5...1,6×2,2...2,3 метра. На наш взгляд, данное углубление является не могильной ямой, а специальной площадкой со снятым дерновым слоем. В пределах ее очертаний обнаружены разрозненные кости человека (фрагменты черепа и нижней челюсти, трубчатая плечевая кость). Здесь же найдены фрагменты керамического сосуда, 21 железный наконечник стрел, железный колчаный крюк, двусоставные удила и стержень с ушком в верхней части. В северо-западном секторе кургана найден вазообразный сосуд с плавно профилированным туловом и прямым слегка отогнутым наружу венчиком. На основании аналогий инвентаря комплекс датирован V–VII веками н. э. [105, с. 216–224].

Комплекс кургана с «усами» 14 могильника Кайнсая состоял из центрального кургана с зем-

ляной насыпью диаметром 18 метров и высотой 0,7 метра, подпрямоугольной каменной оградки размером 6×8 метра на восточной поле насыпи кургана, двух каменных гряд длиной 106 и 97 метров, представляющих собой цепочки подпрямоугольных или округлых оградок и выкладок, подпрямоугольных каменных вымосток на окончаниях «усов». Внутри каменной оградки в восточной поле кургана найдены фрагменты двух сосудов — крупной вазы и тонкостенного сосуда кушнаренковской культуры. В центре кургана, под его земляной насыпью, выявлено ограбленное в древности погребение, совершенное в катакомбе, вход в погребальную камеру закрывался крупными каменными плитами. При ограблении части скелета погребенного были сложены на дне входной ямы. Судя по сохранившимся в камере костям, умерший укладывался вытянуто на спине головой на ЮЮВ. Из инвентаря сохранился лишь железный колчаный крюк. Форма могильной ямы, особенности погребального обряда и колчаный крюк позволяют датировать это захоронение III–II веками до н. э.

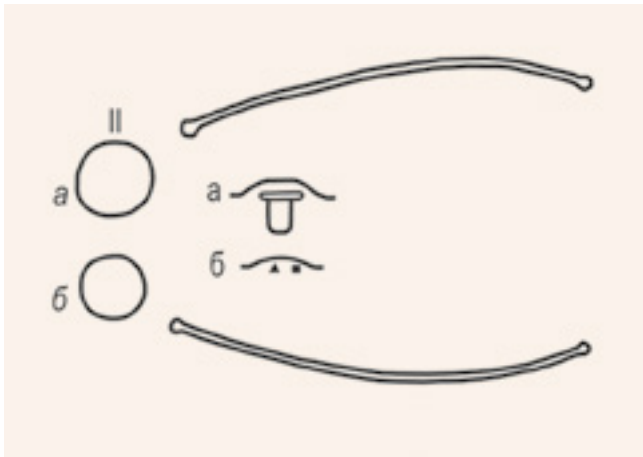

Планы, погребальный инвентарь и таблица радиоуглеродного анализа. Могильник Кайнсая, курган 14. Брединский район. Челябинская область

Комплекс Elizavetpolskiy состоял из двух курганов (большого и малого), протянувшихся по линии В–З, и отходящих от них на восток двух дуговидных каменных гряд, или «усов». Курган 1 (большой) представлял собой округлую насыпь, сложенную из земли и камня, диаметром до 9 метров и высотой до 0,4 метра. Курган 2 (малый) находился в 1 метре к востоку от кургана 1 и представлял собой подквадратную вымостку размером 5,2×5,2 метра и высотой до 0,1 метра, сложенную из крупных камней и ориентированную по сторонам света с небольшим отклонением. От малого кургана на восток отходили две гряды длиной 45 и 26 метров. На окончаниях гряд ближе к курганам находились овальные оградки, на дальних окончаниях — слабо заметные подовальные площадки. При исследовании большого кургана выявлено, что часть его первоначальной насыпи была разобрана. Это отчетливо фиксировалось как планиграфически, так и стратиграфически. В частности, было замечено, что верхняя часть насыпи состояла из мелких и средних камней, крупные же остались лишь в основании ее центральной части. В то же время оградки в начале «усов», да и сами «усы» сложены в основном из камней крупных размеров или их

развалов. Под насыпью большого кургана выявлена могильная яма овальной формы, ориентированная по линии ЮЗЗ–СВВ. На краях, стенках и дне ямы фиксировались следы прокала, а в заполнении встречались мелкие угли и зола. В яме, не содержащей никаких следов погребения человека, найдены три керамических сосуда, ряд изделий из бронзы (два зеркала, крюк, наконечники стрел, фрагменты браслетов), стеклянные и пастовые бусы и др. Полученные материалы позволяют уверенно датировать центральный курган серединой V века до н. э. Под центральной частью подквадратной каменной вымостки малого кургана на уровне материка зафиксированы очертания углубления гантелевидной формы, ориентированного (с отклонением) по линии З–В. В восточной части углубления в небольшой ямке находился глиняный сосуд, а в западной — ямка глубиной 0,4 метра от уровня материка, в заполнении которой встречены камни и значительное количество угля. Под площадкой на конце северного «уса» выявлена яма подпрямоугольной формы со скругленными углами глубиной 0,25 метра. В верхней части заполнения ямы отмечены следы прокала и зола. Ни на дне ямы, ни в ее заполнении ничего не найдено.

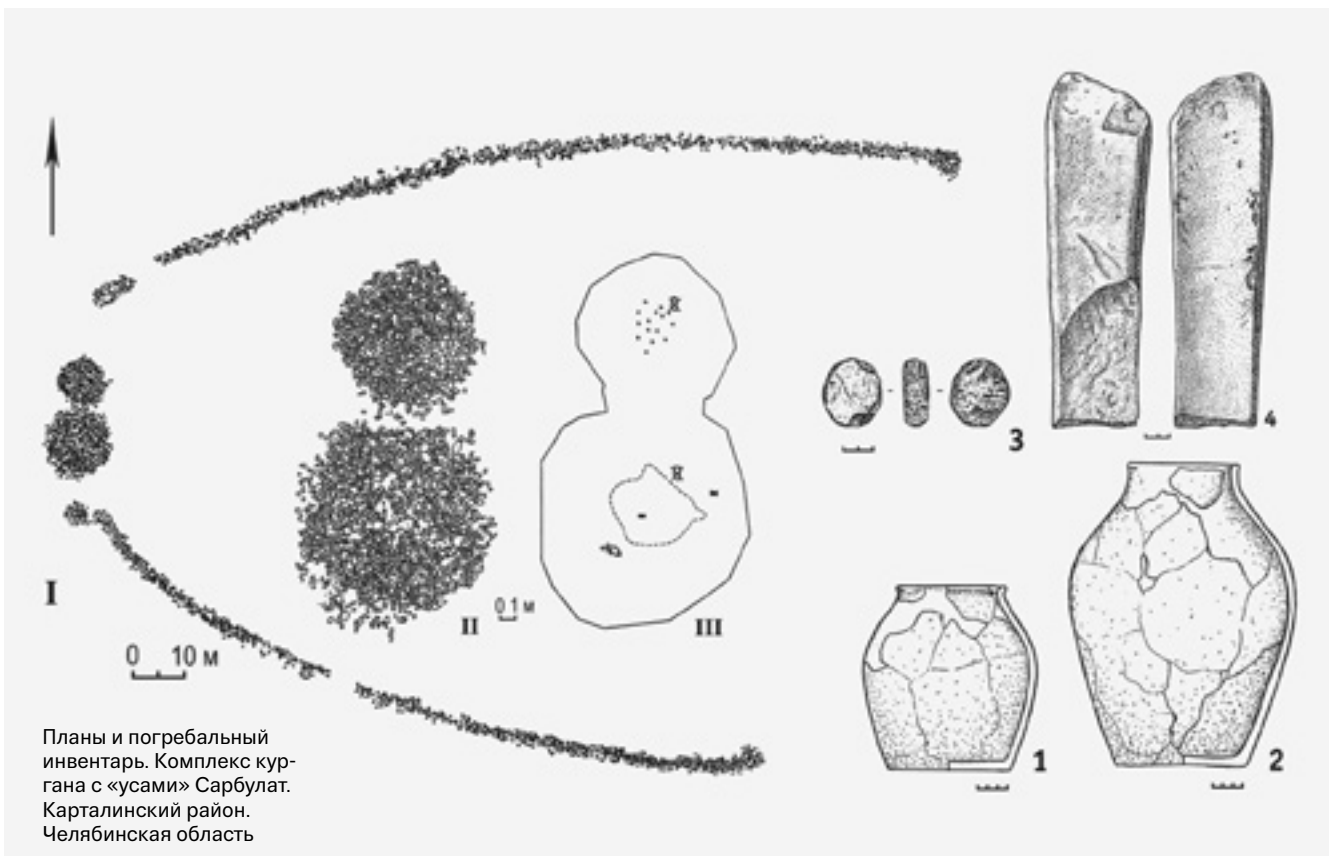

План-схема курганов с «усами». Тип 2

Тип 2. В эту группу, как уже было сказано, входят комплексы, в которых центральную часть образуют два или более курганов, отстоящих друг от друга по линии С–Ю. Поэтому вряд ли к этой группе можно отнести комплексы, в которых центральные курганы сливаются или прилегают друг к другу.

В южноуральской группе к этому типу относятся несколько комплексов.

Курган с «усами» могильника Сарбулат I исследован В. П. Костюковым на правом берегу реки Карагайлы-Аят. Комплекс составляли две каменные насыпи (северная и южная), от которых на восток отходили две каменные гряды. Диаметр северной насыпи 8 метров, высота до 0,3 метра, диаметр южной 11 метров, высота до 0,4 метра. Расстояние между полами насыпей около 2 метров. В 15 метрах к ССВ от центра северной насыпи начинался северный «ус», идущий на СВВ по дуге на расстояние 164 метра. Ширина гряды колебалась от 1 до 2 метров, западное и восточное ее окончания оформлены в виде округлых площадок диаметром около 4 метров и высотой до 0,2 метра. Южный «ус», идущий от насыпей на ЮВВ, имел форму дуги длиной 138 метров. Начинался он в 5 метрах к югу от края южной насыпи. Ширина его колебалась от 1 м до 2 метров, окончания выполнены в виде округлых площадок диаметром 4 метра и высотой до 0,2 метра. Расстояние между центрами площадок на западных окончаниях северного и южного «усов» — 41,5 метра.

Планы и погребальный инвентарь. Комплекс кургана с «усами» Сарбулат. Карталинский район. Челябинская область

После полной расчистки северной насыпи на уровне древней дневной поверхности обнаружен плоскодонный сосуд горшечной формы. После полной расчистки южной насыпи на поверхности и в верхнем горизонте погребенной почвы найдены небольшие скопления углей, отдельные угли и сажистые включения. Под насыпью найдены зернотерка (точильный камень?), сосуд и бабка лошади. Зернотерка обнаружена в центре насыпи на уровне материка. Это крупный брусок (29,5×6,3...7,5×6,5 сантиметра) из серого с коричневым тоном средне-зернистого песчаника. Сосуд был вкопан в материк в 3,2 метра к северо-востоку от центра кургана, у границы расчищенного кострища. По-видимому, его устье находилось на уровне древней дневной поверхности или несколько ниже.

Сосуд из северной насыпи.
Могильник Сарбулат

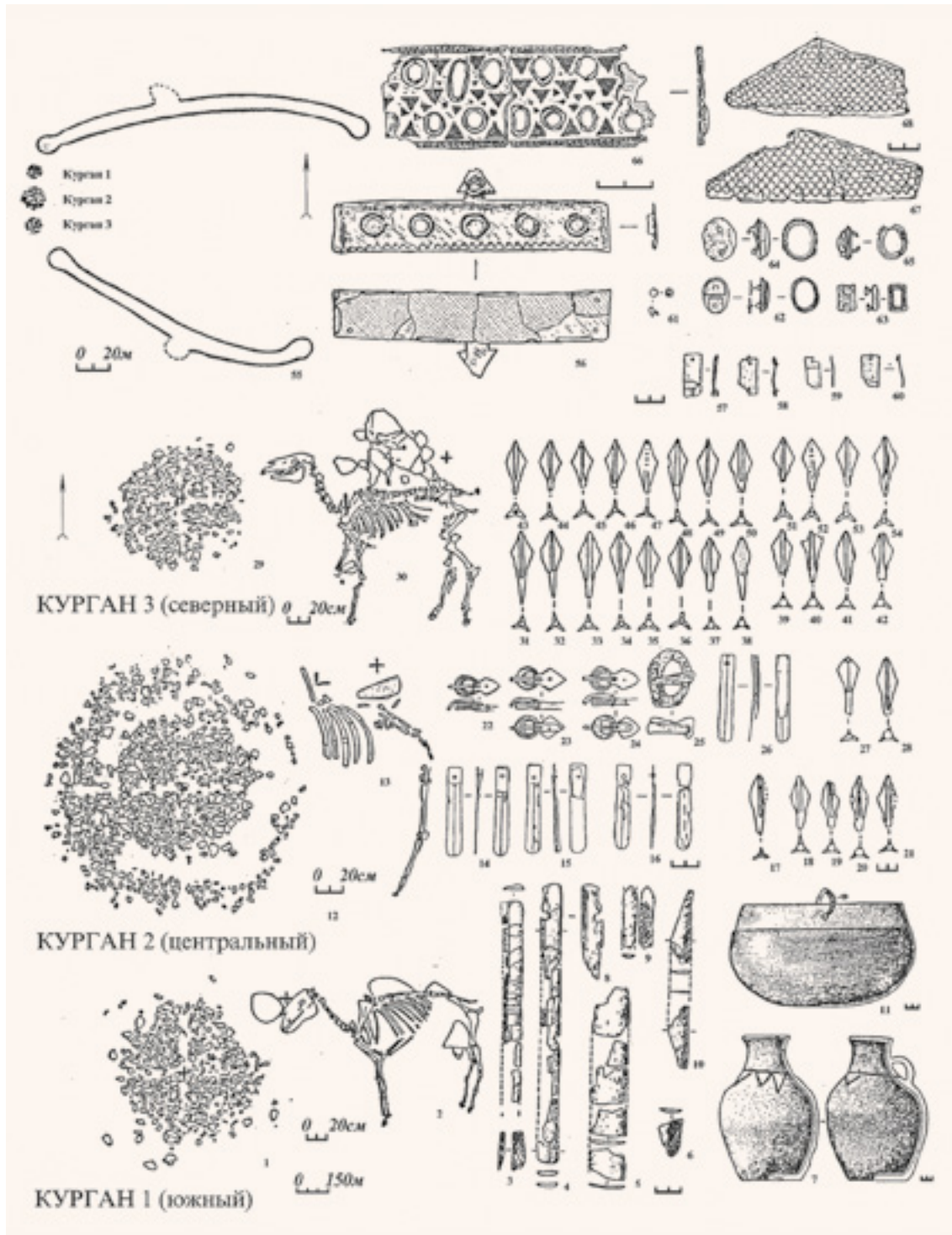

Могильник Сарбулат.
Карталинский район. Челябинская область. Аэрофото-
снимок С. М. Арканова

И, наконец, знаменитый комплекс кургана с «усами» *Солончанка I*. Он состоял из трех каменно-земляных курганов, вытянутых цепочкой с севера на юг. Диаметр их от 6,5–7 до 9 метров, высота 0,3–0,5 метра. Центральный курган был окружен каменной кольцевой оградой диаметром 12 метров. От крайних курганов на восток отходили два

земляных вала («уса») длиной 190 и 157 метров, шириной 8–10 метров и высотой 0,1–0,3 метра. На окончаниях валов-«усов» располагались округлые земляные площадки диаметром от 8 до 12 метров. Под насыпью каждого кургана на древней дневной поверхности находился костяк лошади, лежащей на боку в южной половине подкурганной

Планы и погребальный инвентарь. Курганы с «усами» *Солончанка I*. Оренбургская область (по И. Э. Любчанскому и А. Д. Таирову)

Погребальный инвентарь.
Курган Солончанка I.
Оренбургская область

площадки. Центральный курган ограблен, поэтому под его насыпью, помимо костяка лошади в северо-восточном секторе найден лишь большой плоскодонный кувшин в неглубокой ямке. В центре подкурганной площадки южного кургана на древней дневной поверхности в пределах углисто-золистого пятна выявлен многочисленный инвентарь: железные наконечники стрел, фрагменты колчана и сложносоставного лука, уздечный набор, золотые обкладки луки седла, предметы ременной гарнитуры и пр.

Среди камней насыпи обнаружен сильно деформированный бронзовый сосуд. В северо-восточном секторе подкурганной площадки найдены остатки плоскодонного сосуда, также в неглубокой ямке. В северном кургане среди камней насыпи находились железные наконечники стрел, фрагменты колчана и уздечный набор. В северо-восточном секторе подкурганной площадки в неглубокой ямке найден развал плоскодонного сосуда.

В Южном Зауралье к этому же типу памятников с погребением человека, возможно, относится **комплекс кургана с «усами» Крутая Гора**. Он состоял из трех каменных насыпей, вытянутых в цепочку по направлению ЮЮВ–ССЗ, и двух «усов». На

обоих окончаниях северного «уса», представляющего собой разреженную дугообразную выкладку из рваного камня длиной 100 метров, находились круглые каменные вымостки до 2 метров в диаметре. Южный «ус» длиной 105 метров был сооружен из камня и дерна. На его дальнем окончании зафиксирована каменная вымостка диаметром 3,5 метра, на ближнем к насыпи конце — каменно-земляная площадка диаметром 5 метров и высотой 0,1 метра. Северный курган, насыпь которого сильно повреждена в результате добычи камня, не раскапывался. Центральный курган диаметром 8 метров и высотой 0,7 метра сооружен на разрушенном кургане эпохи бронзы. В центре кургана под его каменной насыпью, но на поверхности кургана эпохи бронзы, найдены кости ног лошади. Здесь же обнаружены три фрагмента керамики и пластинка золотой фольги. Под центром насыпи южного кургана (диаметр 7 метров, высота 0,4 метра) зафиксирован прокол (?), но без следов огня (угольков или золы). Среди камней площадки на конце южного «уса» найдены фрагменты керамики, которые по составу глиняного теста и орнаменту аналогичны фрагментам из центрального кургана.

Комплексы селенташского типа составляют особую категорию памятников рассматриваемого круга. Как нам представляется, основные черты и характерные детали, выявленные при их исследовании, удивительным образом схожи с теми, что обнаруживались при раскопках центральных насыпей комплексов курганов с «усами» (каменные ограды, вымостки, следы огня или прокала на подкурганной площадке, кости лошади и крупного рогатого скота, расположение фрагментов керамики). Это, а также типологическая схожесть керамического инвентаря позволяют объединить их в единокультурную группу памятников. Селенташские памятники представляют собой курганы и вымостки, не имеющие «усов». Хотя возможно, что некоторые из них могли иметь либо символические, либо слабозаметные гряды. В некоторых случаях гряды-«усы» попросту не сохранились. Это в определенной мере подтверждает тот факт, что в некоторых из них «усы» обнаруживались чуть позже. Так произошло в случае с эпонимными курганами 4 и 5 могильника Селенташ. Спустя тридцать лет

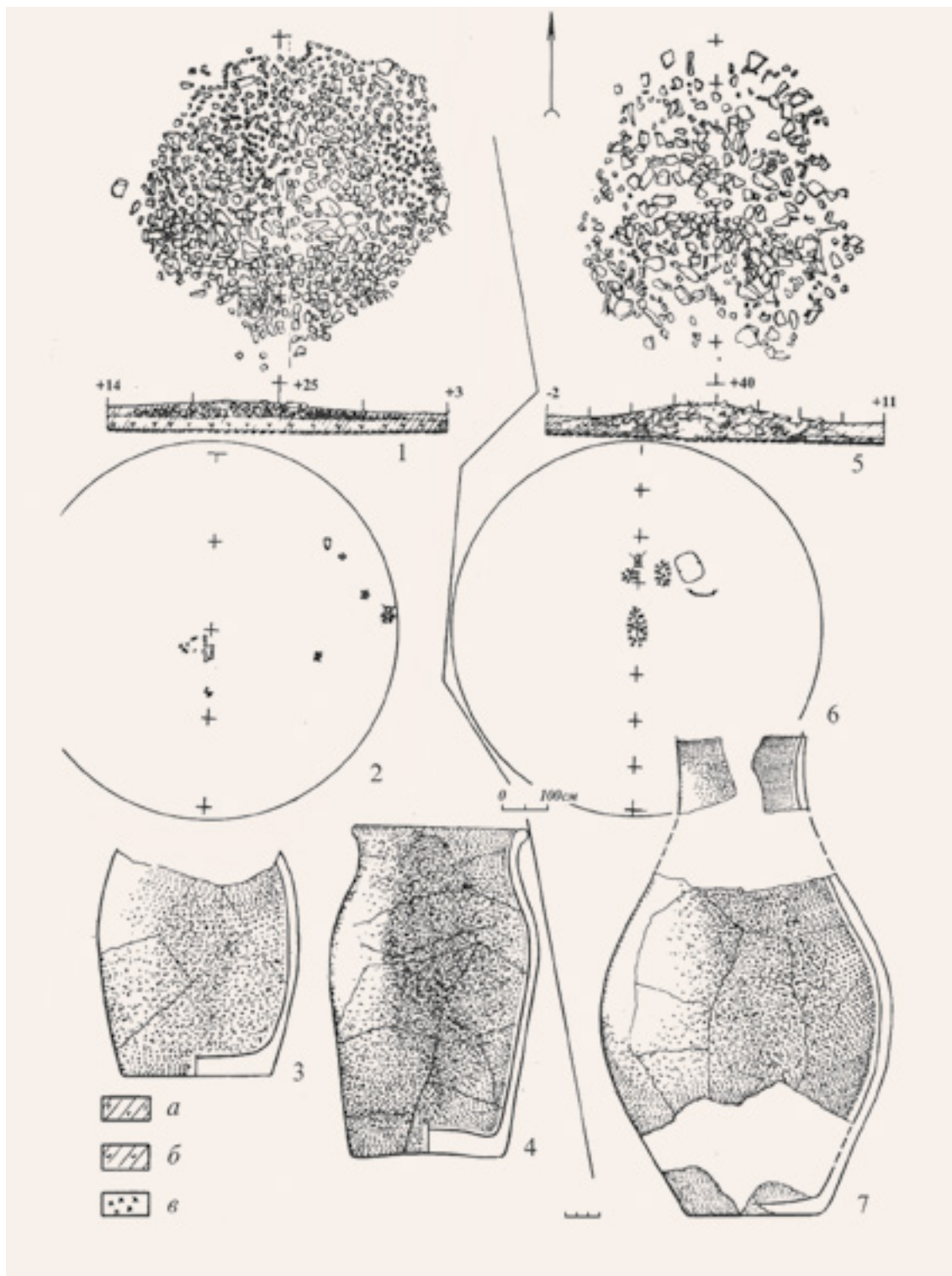
с момента их исследования при детальной аэро-дешифровке прилегающей площади были обнаружены очертания двух грунтовых (?) «усов», идущих по линии З–В на расстояние 70–100 метров.

На сегодняшний день на территории Южного Зауралья, Западного и Центрального Казахстана исследовано 18 курганов селенташского типа.

Александровские курганы. *Курган 1.* Диаметр 8 метров, высота 0,24 метра. Насыпь, сложенная из камня, имела шестигранную форму. На уровне погребенной почвы обнаружены уголь, кальциниро-

ванные кости, кости лошади и два сосуда в восточном и северо-восточном секторах кургана.

Курган 2. Диаметр 6,5 метра, высота 0,4 метра. Насыпь, сложенная из камня, имела овальную форму. В северо-восточной части подкурганной площадки выявлено углубление прямоугольной формы размером 60×50 сантиметров и глубиной до 10 сантиметров, ориентированное по линии СЗ–ЮВ. На уровне погребенной почвы обнаружены уголь, кальцинированные кости, а в северной части подкурганной площадки — сосуд.

Планы и погребальный инвентарь Александровские курганы. Кизильский район. Челябинская область

Могильник Елантау, курган 4. Насыпь округлой формы диаметром до 8 метров. На поверхности насыпи — овальная впадина размером 3,5×1,5 метра и глубиной до 0,15 метра. На глубине 0,2 метра по краю насыпи расчищена каменная ограда, имеющая разрывы в юго-западном и юго-восточном секторах. На уровне погребенной почвы в центре насыпи найдены колчанная петля, геральдическая и бисердцевидная накладка, челюсти и кости лошади. Здесь же обнаружены кальцинированные кости, следы прокала, зола и угли. По центру кургана зафиксировано углубление размером 0,7×0,3 метра, ориентированное по линии СЗ–ЮВ.

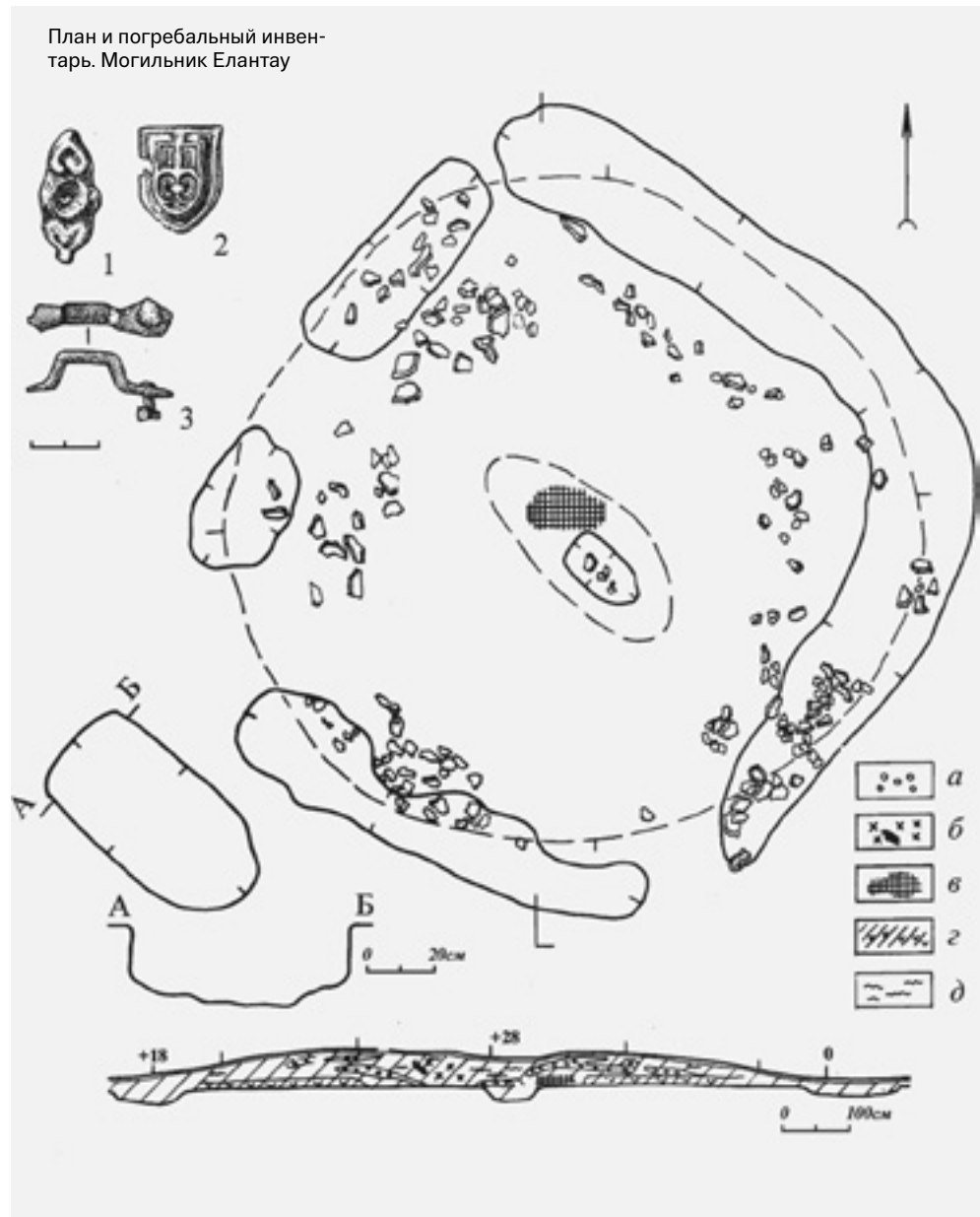
Могильник Крутой Овраг. Курган 2. Насыпь прямоугольной формы сложена из земли и камня, размеры 7×4,7 метра, высота 0,3 метра, ориентирована по сторонам света. В восточной и северо-восточной частях насыпи найдены фрагменты сосуда баночной формы.

Курган 3. Насыпь сложена из камня, размеры 2,5×3 метра, высота 0,4 метра. В центральной и западной частях насыпи найдены сосуды баночной формы.

Курган 4. Насыпь овальной формы, сложена из земли и камня, вытянута с севера на юг, размер ее 9×13 метров, высота 0,2 метра. В центре подкур-

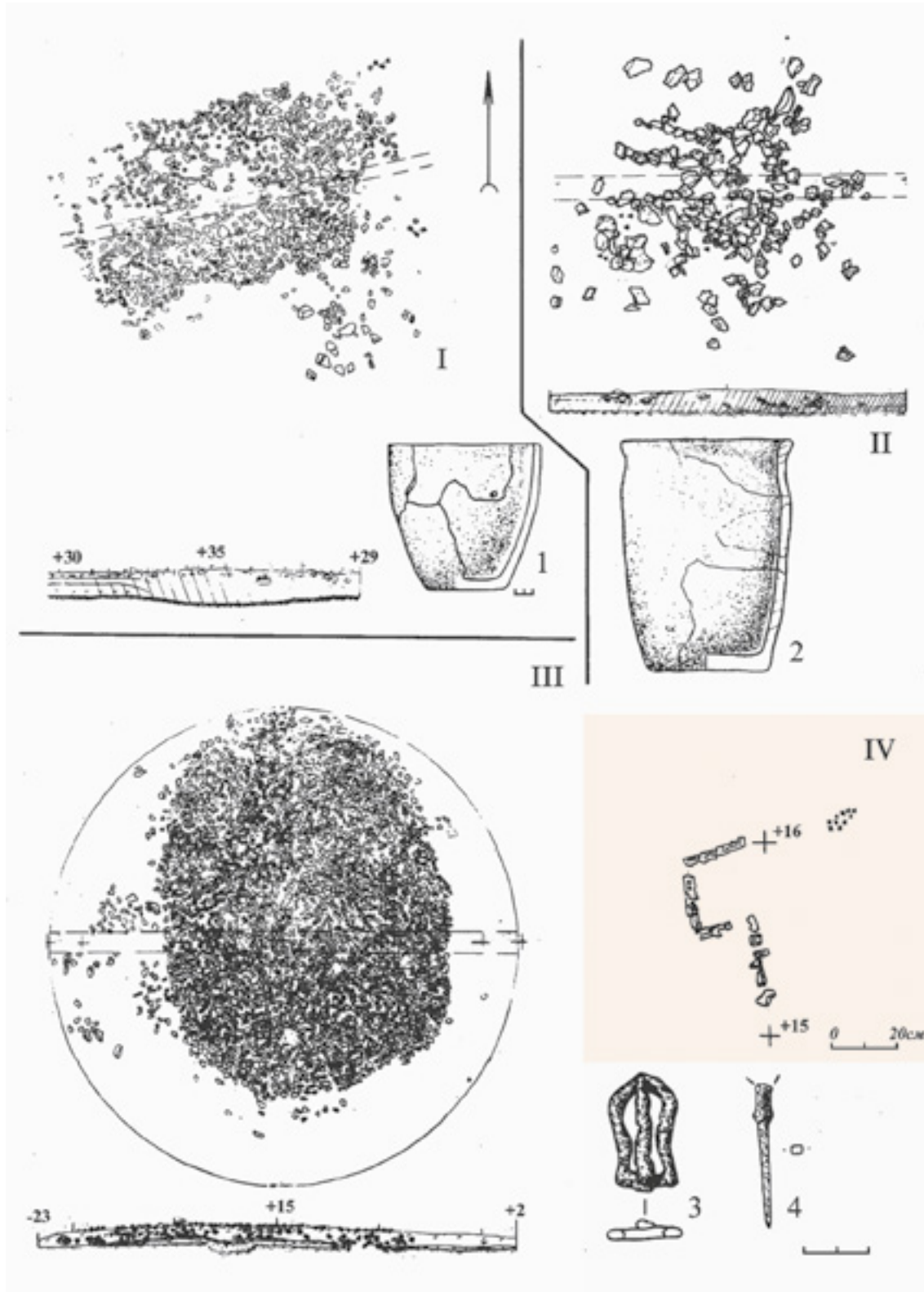
Позолоченная геральдическая пластина. Могильник Елантау. Варненский район. Челябинская область

ганной площадки выявлены остатки обгорелой деревянной конструкции. На уровне погребенной почвы найдены железные черенковый наконечник и пряжка.

Курган 5. Насыпь сложена из камня, размер ее 2×2,5 метра, высота 0,15 метра. В центре расчищено безынвентарное детское погребение, ориентированное по линии СВ–ЮЗ.

Планы и погребальный инвентарь. Могильник Крутой Овраг. Брединский район. Челябинская область

Могильник Селенташ. Курган 4. Диаметр 14,8 метра, высота 0,25 метра. При снятии дерна обнаружена каменная ограда подпрямоугольной формы размером 8×6,5 метра, ориентированная по линии СВ–ЮЗ. В центре подкурганной площадки, со смещением в восточный сектор, в слое зольника расчищен жертвенник с костями барана и лошади. В 0,5 метра к югу от него найден красноглиняный гончарный кувшин. В насыпи встречены фрагменты лепного сосуда, орнаментированного по шейке горизонтальными прочерченными линиями.

Курган 5. Диаметр 16 метров, высота 0,3 метра. Под дерном расчищена конструкция в виде подпрямоугольной ограды размером 7,5×5,5 метра, ориентированная углами по сторонам света. По внешнему краю ограды прослежен неглубокий прямоугольный в плане ровик. В центре насыпи найдены кости лошади и лежащие рядом с ними камни — своеобразный макет лошади. В северо-восточном секторе подкурганной площадки в небольшом углублении расчищен большой вазообразный сосуд с косым зигзагом по плечикам и насечками по венчику.

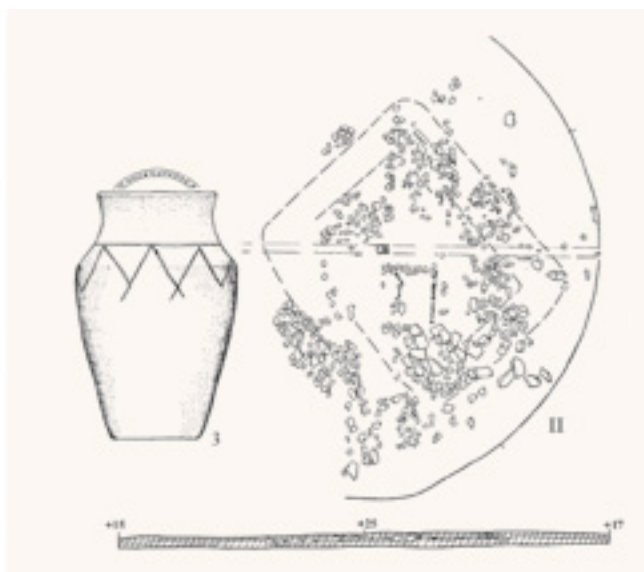
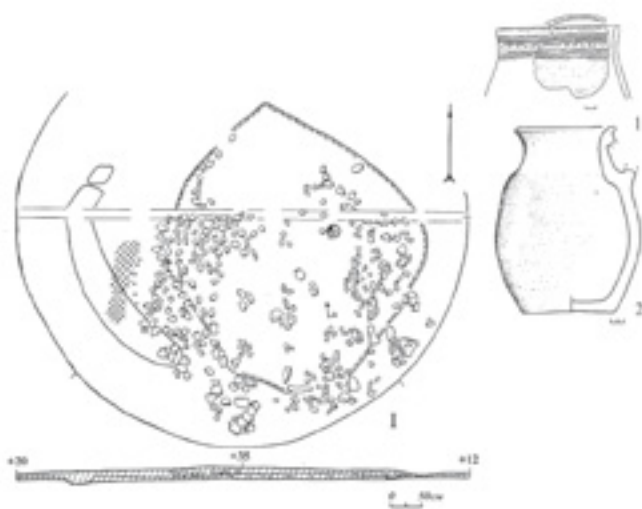
Курган 8. Насыпь сложена из земли и камня, диаметр ее 6 метров, высота 0,3 метра. На погребенной почве найдены кости человека и лошади.

Могильник Кызыл-Жар расположен в окрестностях города Лисаковска, на правом берегу реки Тобол, недалеко от скалы Кызыл-Жар.

Курган 1. Насыпь в виде округлой вымостки-оградки диаметром 6 метров, с шириной кольца 1–2,5 метра. Высота ее достигала 0,7 метра. Насыпь сложена из камней средних размеров. После снятия дерна обнажился каменный «панцирь» шестигранной формы. Размеры колотых камней варьируются от 20×30 до 30×50 сантиметров. Уложены камни плотно, только в центральной части кургана наблюдался небольшой провал размером 1,8×1 метр, в котором камни отсутствовали. После снятия насыпи в северо-восточном секторе подкурганной площадки непосредственно за линией развала камней обнаружен сосуд, врытый в материк на глубину 20 сантиметров. В юго-западном секторе площадки, ближе к центральной части кургана, под камнями на глубине 20 сантиметров расчищена вытянутая по линии С–Ю выкладка из костей лошади (?): крестец, лопатки и ребра. Сосуд крупных размеров (высота 32,5 сантиметра) горшечной формы, с раздутым в области плеч туловом и отогнутой шейкой, изготовлен из грубого теста с примесью дресвы.

Курганная группа Суходол I располагается на правом берегу реки Карагайлы-Аят, состоит из пяти конструкций. Четыре насыпи (курганы 2–5) размещаются на описанной выше площадке. Пятая насыпь (курган 1) располагается на противоположном берегу лога, в 0,5–0,7 километра к СЗ от основ-

Планы и погребальный инвентарь. Могильник Селенташ. Брединский район. Челябинская область

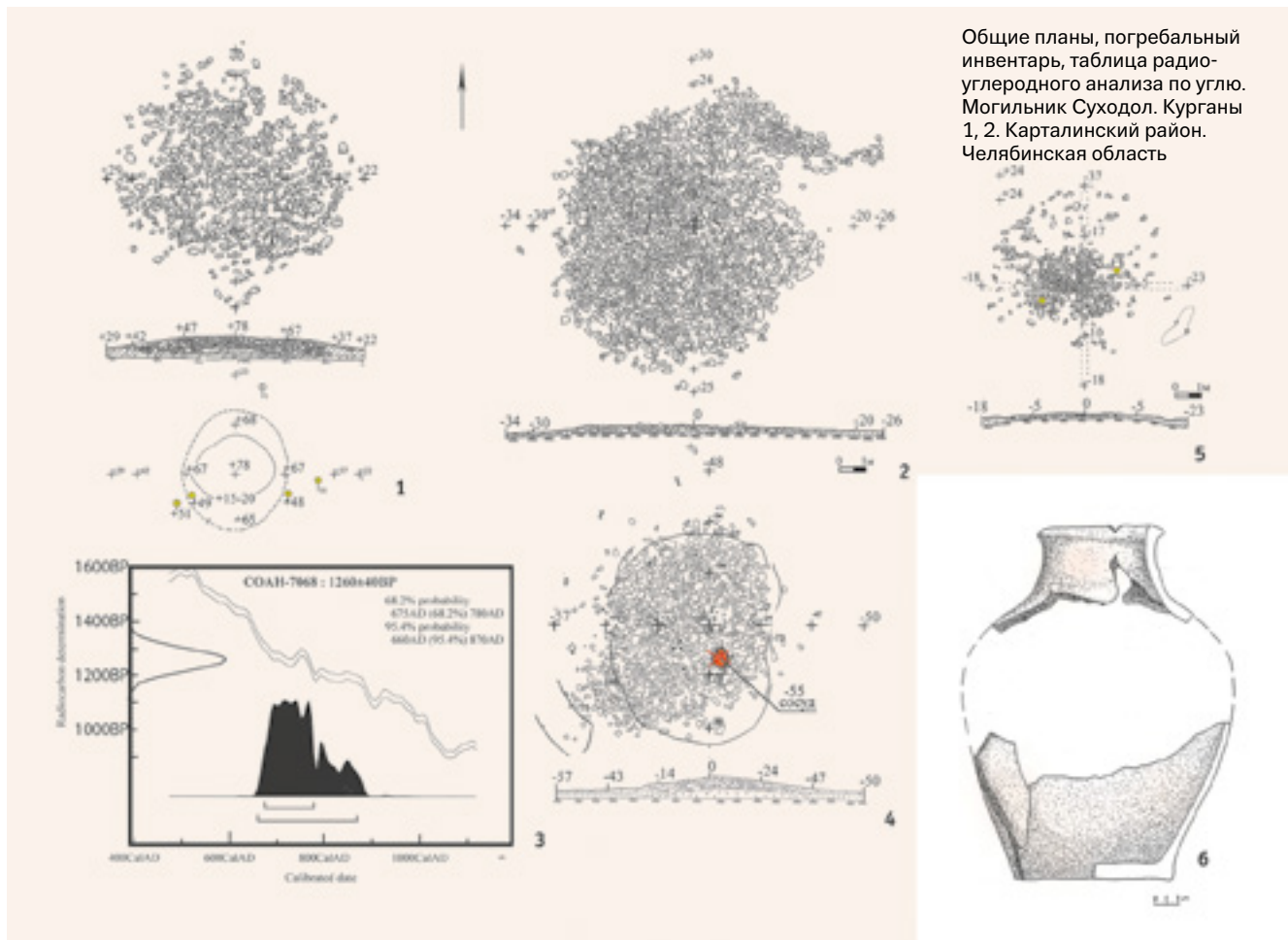

ной группы сооружений. Центральное положение в группе занимает курган 5, который относится к разновидности курганов с каменными грядами («усами»).

Курган 1 располагается на распаханном поле в 570 метрах к северо-западу от насыпи кургана 5. Имел каменную насыпь. Диаметр около 10 метров, высота до 0,6 метра. На древнем почвенном слое обнаружена песчано-глинистая площадка размером 5,9–4,3 метра, имевшая овальные в плане очертания, мощность ее составляла около 0,1 метра. На этой площадке выявлены остатки кострища — сплошное углисто-зольное пятно овальной в плане формы (3,4×2,7 метра), вытянутое в широтном направлении. Мощность слоя углей в центре кострища составляла до 20 сантиметров, на периферии — не менее 5 сантиметров. Следы сильного обжига наблюдались также и на камнях насыпи, локализовавшихся над зоной кострища. Каменная насыпь, возведенная над областью горения, представляла

собой компактный многослойный наброс. Диаметр его 8,0 метра, высота до 0,6 метра в центральной части и до 0,2–0,3 метра на периферии. При разборке насыпи в ее толще обнаружены четыре обломка трубчатых костей животных (лошади?).

Курган 2 располагается в 85 метрах к северо-западу от кургана 5. Каменная насыпь овально-многоугольной формы (просматриваются шесть граней), размеры ее по линии С–Ю около 12 метров, по линии З–В — 10 метров. Высота насыпи 30–35 сантиметров. При снятии дерна и разборке насыпи найдены обломки костей животных, которые, судя по размерам, могли принадлежать мелкому рогатому скоту. Под слоем камней в северо-западной части выкладки обнаружены шесть разрозненных фрагмента керамики, изготовленных на гончарном круге, и два небольших обломка костей, которые ввиду их фрагментарности не поддаются видовому определению. Керамика представлена фрагментами стенок темно-серого сосуда, изготовленного на

гончарном круге из теста с примесью песка и хорошо обожженного. При снятии насыпи обнаружен одиночный вертикально вкопанный камень. Верхняя часть его возвышалась над уровнем материка на 21 сантиметр. Нижняя часть вкопана в материк на 60 сантиметров. Каменная стела представляет собой призму высотой 81 сантиметр, в поперечном сечении в наиболее широкой части — четырехугольник со сторонами 16 и 31 сантиметр. Радиоуглеродная дата, полученная в результате анализа древесного угля на C14, — СОАН 7068 126040 лет, что соотносится с VII–VIII веками.

Курган 3 располагается в 190 метрах к северо-северо-востоку от кургана 5. Каменная насыпь подовальной формы. Размеры ее в широтном направлении 8,0 метра, в меридиональном — 5,5 метра, высота от современной поверхности — 0,2–0,4 метра. В центральной части кургана выявлена регулярная вымостка квадратной формы (2,5×2,5 метра), выложенная почти исключительно крупными камнями и ориентированная углами по сторонам света. Близ ее восточного и западного углов на материковой глине обнаружены небольшие скопления костей конечностей животных. Конструкция была размещена на глинистой площадке диаметром около 6,9 метра. На периферии площадки, в юго-восточном секторе, на участке площадью 2,5×2,0 метра отмечены небольшие кусочки обожженной глины.

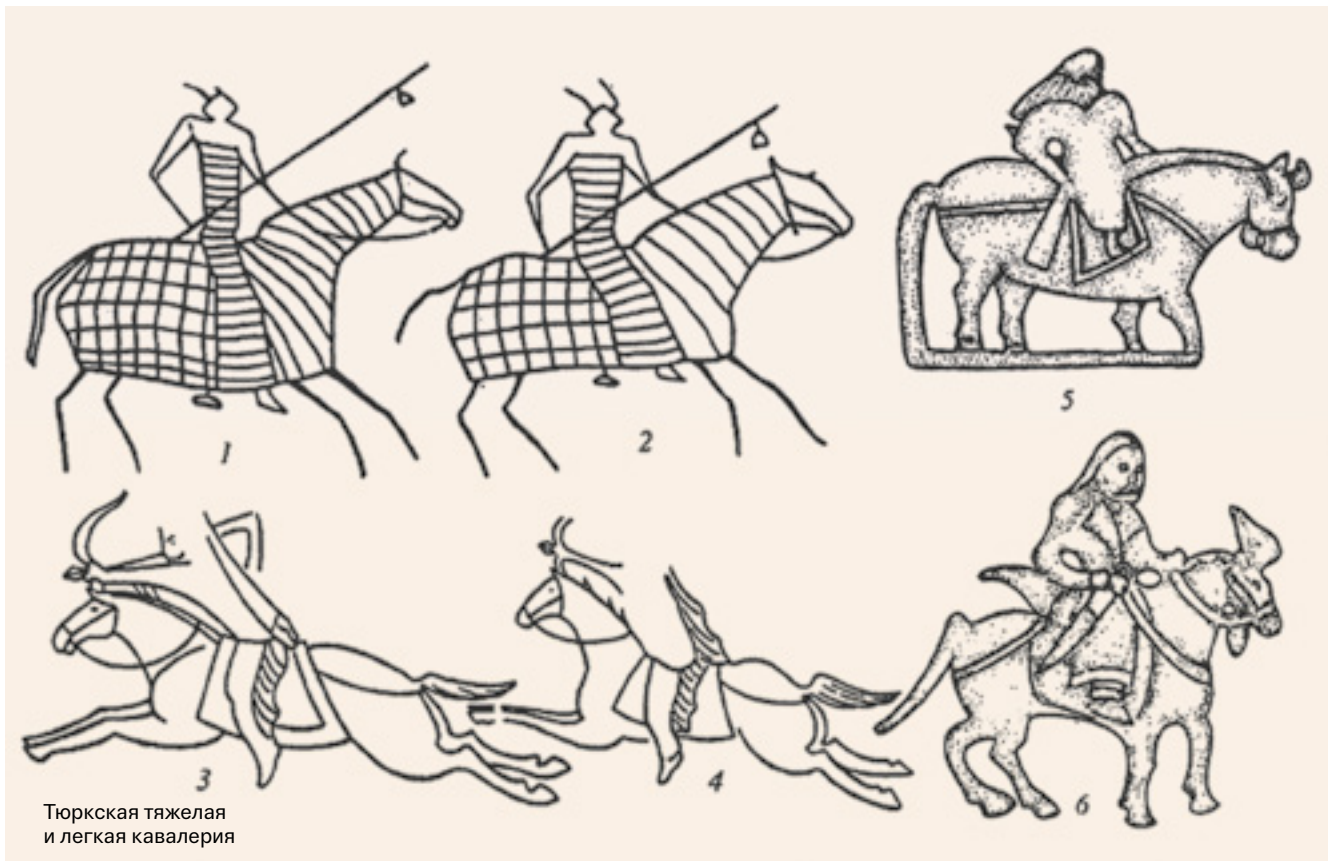
Курган 4 находится в 180 метрах к югу от кургана 5, на распахиваемом поле. Форма каменной насыпи в плане — овально-многоугольная (диаметр 12 метров, высота 0,35 метра). По центру ее располагалась глиняная площадка. Конструкция была размещена на насыпной площадке из довольно рыхлой гумусированной глины серо-коричневого цвета с включениями мелкой щебенки. Форма площадки в плане округлая, несколько вытянутая в меридиональном направлении. Размеры площадки по линии С–Ю — 8 метров, по линии З–В — 6–6,5 метра. Мощность до 40 сантиметров. В юго-восточном секторе насыпи под каменной конструкцией на глиняной площадке на глубине от 55 до 65 сантиметров обнаружен развал лепного глиняного сосуда, имевшего горшечную плоскодонную форму, раздутое ассиметричное тулово, покатое плечо, корот-

кую прямую шейку. Сосуд обожжен неравномерно, цвет черепков на изломе — от темно-серого до черного. Внешние и, особенно, внутренние стенки его бугристые, небрежно заглаженные. Общий тон поверхностей светло-коричневый.

Культово-поминальный ритуал в курганах с «усами» и курганах селенташского типа. Суммируя характерные черты памятников, вошедших в круг курганов с «усами», делаем вывод, что центральный или боковые курганы представляли собой подпрямоугольные, многоугольные (шести или восьмиугольные), но в большинстве своем округлые по форме насыпи. Возможно, условия, при которых производились раскопки, а также несовершенная их методика не позволили во всех случаях точно определить конфигурацию насыпи. Каменные конструкции были ориентированы углами или стенками по сторонам света. Внутри этих оград и под вымостками на уровне погребенной почвы производился жертвенно-поминальный ритуал. Основу его составлял огонь. Остатки прокалов, уголь, зола, кальцинированные кости, обожженные камни и предметы сопровождающего инвентаря располагались сразу же под камнями в центре площадки, оконтуренной границами наземной конструкции.

При исследовании курганов в составе могильников Городищенский IX и Солончанка I отмечено, что наиболее интенсивно огонь *in situ* горел в боковых курганах. Здесь фиксировались довольно мощные прокалы, крупные фрагменты обгоревших плах, наблюдалось сильное воздействие огня на нижнюю часть камней. Центральные же курганы, как правило, содержали лишь продукты горения, причем в значительно меньшем объеме. Складывается впечатление, что в боковых курганах либо оградках, которыми начинаются гряды, сначала разжигали костры, а затем на эти площадки укладывались жертвенные лошади и сверху набрасывались камни. Непосредственно под центральными курганами-оградами огонь не разжигался, сюда помещались лишь продукты горения (угли, кальцинированные кости). В нескольких комплексах зафиксированы не случайные, а специально созданные элементы подкурганых площадок. Так, при исследовании комплекса кургана с «уса-

ми» Городищенский IX под насыпью выкладки на конце северной гряды-«уса» зафиксирован прокол кареобразной формы размером 1,8×2,2 метра. В другом комплексе (Оленина Отнога) под центральной насыпью на уровне погребенной почвы зафиксированы углисто-сажистые пятна овальной и неправильной формы, а рядом с ними — фрагменты деревянных плашек. Углисто-сажистое пятно прокала было обнаружено и в комплексе кургана с «усами» Солончанка I (курган 1, южный), оно представляло в плане выпуклую линзу аморфной формы. Особенно интенсивный и насыщенный цвет прокала отмечался там, где температура горения была максимальной, мощность линзы в этом месте достигала 2,5 сантиметра.

Непонятные по назначению подпрямоугольные ямы обнаружены под окончаниями гряд-«усов» комплекса Новокондуровский I. Здесь же под окончанием южной гряды зафиксированы три круглых столбовых ямки и три ямки подквадратной формы, которые, возможно, использовались для ориентирных камней при возведении всего сооружения. Од-

нако наиболее интересными, на наш взгляд, являются небольшие ровики под центральной насыпью и каменными грядами кургана Новоактюбинский I. По мнению О. Ф. Бытковского, «с восточной стороны первоначально выкапывались два дугообразных линзовидных в сечении ровика», над которыми затем сооружались каменные оградки из одного-двух колец со стоящим камнем в центре, а уже из этих оградок формировалась сама гряда-«ус». Прямоугольное углубление размером 0,5×0,3 метра было обнаружено под вымосткой у окончания северной гряды кургана Елизаветпольский.

Основным жертвенным животным на рассматриваемых памятниках была лошадь. При этом, в отличие от гуннских традиций, культ коня подразумевал помещение внутри ритуальной площадки либо целой туши лошади (при исследовании остатков наземных сооружений в подавляющем большинстве случаев не удавалось фиксировать целые костяки лошадей, однако в большинстве исследованных комплексов были найдены части их скелетов в виде сочлененных костей), либо ее

макета (шкура, набитая камнями), либо небольших деревянных фигурок лошадей, обтянутых золотой фольгой. По этой же причине наиболее частыми находками в курганах с «усами» являются предметы конской упряжи (удила, уздечные и подпружные пряжки, обкладки седел, накладки). Безусловно, эти артефакты указывают на особый статус лошади в раннетюркском обществе кочевников Южного Урала.

Непременной деталью исследованных комплексов являются также жертвенники с остатками отдельных частей туш овец, которые, как правило, располагались поблизости от керамических сосудов и в отдельных оградках.

Палеозоологические исследования были проведены только в отношении костных материалов их комплексов курганов с «усами» Солончанка I и Новоактюбинский I. По результатам анализа костных остатков из комплекса Солончанка I были выделены пять тафономических групп. В первую группу вошли полные скелеты лошадей из центральных курганов комплекса. Причем все они были погребены специально. Вторую группу составили кости волка и лисицы. В третью попали обгорелые кальцинированные позвонки и ребра овцы. Четвертую составили дробленые кости лошади (скорее всего, пищевые остатки). В пятую группу включены единичные кости овцы и лошади, случайно попавшие в насыпь. Таким образом, комплекс костных материалов на этом памятнике, по мнению исследователей, формировался четырьмя путями — здесь совершались погребения лошадей и жертвоприношения мелкого рогатого скота, кроме того, кости оставались от трапезы, а некоторых попадали случайно.

Анализ костных материалов из комплекса кургана с «усами» Новоактюбинский I позволил выявить остатки скелетов двух коров, двух лошадей, одного верблюда и четырех овец. Установлено также, что одна корова была предварительно расчленена.

В размещении костей жертвенных животных и вещевого инвентаря на подкурганых площадках также выявлены определенные закономерности:

1. В 11 случаях обнаружены целые скелеты лошадей или их части. Все они располагались в центре кургана, в непосредственной близости от прока-

Сосуды в углублении. Могильник Сарбулат. Карталинский район. Челябинская область

лов или продуктов горения. В семи случаях черепа лошадей лежали мордами на запад (Солончанка I, курганы 1–3; Солончанка IX) с отклонением в юго-западный (Кызыл-Жар, курган 3; Городищенское IX) и северо-западный (Бес-Оба, курган 2) сектора. В одном случае (Кызыл-Жар) зафиксирован макет лошади (шкура, заполненная камнем в брюшной полости).

2. Из 48 памятников, где были зафиксированы сосуды (или их развалы, или отдельные фрагменты), в 34 случаях (70,9 %) они находились в северо-восточном (19 случаев) или в восточном (15 случаев) секторах курганных площадок, к востоку или юго-востоку (два случая) от их центров. В 10 случаях (20,3 %) найдены фрагменты сосудов в центре площадки (4 случая) или в заполнении насыпи (6 случаев) без точной привязки. В двух случаях (Солончанка IX, Султантимиловский I) сосуды обнаружены соответственно в западной и северо-западной части подкурганной площадки. В одном случае (Солончанка IX) кувшин обнаружен вместе с другим сосудом, находившемся в восточном секторе. Во другом (Султантимиловский I) гряды кургана были развернуты концами на север, поэтому горшок, обнаруженный на подкурганной площадке, занимал в пространственном смысле (относительно планиграфии «усов» и площадки центрального кургана) такое положение, как если бы он был установлен в северо-восточном секторе при развороте «усов» по линии 3–В.

В 11 случаях (Солончанка I, курган 2, 3; Солончанка IX, восточный и западный сектора; Городищенский IX; Елизаветпольский; Сарбулат I, северный и южный курганы; Ижевский, курган 1; Батыр Булак; Шедерты), удалось проследить, что сосуды устанавливались в специальных ямках, вырытых в материке.

Интересную информацию удалось получить благодаря детальному исследованию «усов», или гряд. Они составляют наиболее грандиозный архитектурный элемент рассматриваемых комплексов. Их размеры варьируются от 15–20 до 400 (!) метров. В большинстве случаев исследователи не уделяли им должного внимания (зачастую «усы» изображались схематично), однако сегодня можно

сказать, что в их сооружении наблюдаются определенные конструктивные особенности.

Первая и наиболее значительная из них состоит в том, что наряду с камнем при сооружении «усов» применялась и земля. Сегодня известно несколько случаев, когда «усы» были либо полностью сложены из грунта, либо частично из грунта, а частично из камня. При детальной расчистке каменных гряд выяснилось, что выкладки камней и грунта в ряде случаев не представляли собой непрерывной цепочки. Гряды в комплексах Городищенское IX и Новокондуровский I имели множественные изгибы, образованные в результате сооружения небольших овальных каменных площадок, пристроенных друг к другу, что придавало форме «усов» некую «змеевидность». Подобные площадки-«розетки» обнаружены при расчистке гряд кургана Новоактюбинский I. Аналогично «усы» кургана 14 могильника Кайнсай представляли собой цепочку пристроенных друг к другу либо связанных небольшими дорожками подпрямоугольных оградок, ориентированных стенками по сторонам света. «Усы» в комплексе Дылыктас также были сооружены в виде непрерывной цепи круглых оградок. Нечто подобное зафиксировано и на грунтовых «усах» комплекса Солончанка I, где в средней части гряд (валов) наблюдались небольшие округлые площадки, а также у курганов комплекса Былкалдык I и кургана I комплекса Сангуыр II.

В оградках и вымостках иногда встречаются угольки и кости овец. Вероятнее всего, эти сооружения представляли собой дополнительные жертвенно-поминальные комплексы. Сегодня трудно сказать однозначно, возводились ли они одновременно с самими грядами или достраивались после. В целом традиция сооружения цепочек из жертвенно-поминальных оградок очень близка той, которая характерна для южносибирских культовых комплексов тюркского времени, а в более позднее время появляется и в урало-казахстанских комплексах. Еще одно наблюдение: в нескольких случаях гряды продолжают от боковых курганов в сторону центрального, огибая его или включая в саму гряду (Айдарлы, Батыр-Булак), таким образом, «усы» охватывают непрерывно полуэллипсоидное пространство.

Следующим компонентом комплексов курганов с «усами» являются каменные оградки на окончаниях гряд-«усов». В целом, конечно, можно говорить о стандартности их размеров и форм, но все же каждая из них имеет свой индивидуальный набор характеристик. Рассмотрим, например, детально конструкции таких оградок в составе комплексов курганов с «усами» Солончанка IX, Новокондуровский I и Оленина Отнога, то есть тех комплексов, результаты исследования которых опубликованы и общедоступны.

Каменные выкладки на концах гряд комплекса Оленина Отнога выглядят стандартными. Три из четырех выкладок имели квадратную или близкую к квадрату форму со сторонами 2–2,3 метра. Четвертая выкладка (в начале северной гряды) выглядела как ромб со сторонами около 2 метров. Плоские камни средних размеров были уложены в один-два слоя на погребенную почву. Под камнями никаких деталей инвентаря или остатков деятельности человека не обнаружено.

Из четырех возможных сооружений комплекса Новокондуровский I в отличном состоянии сохранились только два. Конструкция в начале южного «уса»-гряды полностью разрушена. От нее сохранились только четыре крупных гранитных плиты, которые обозначали место соприкосновения разрушенной ограды и самой гряды-«уса». Конструкция в начале северного «уса» вообще отсутствовала. Скорее всего, она не была предусмотрена «архитектурным планом» сооружения, поэтому строители обозначили ее лишь небольшим каплевидным расширением размером от 3,6 до 4,5 метра. Сложенная из камней малых и средних размеров, она вряд ли будет повторять геометрические формы, которые характерны для большинства комплексов курганов с «усами».

Окончание северной гряды-«уса» представляет собой каменную подпрямоугольную (или почти квадратную) конструкцию размером 6,0×5,50 метра, ориентированную по линии ВЮВ–ЗСЗ. Сложена она из камней базальтовых пород средних и мелких размеров, причем самые крупные и массивные из них расположены к ЗЮЗ от центра конструкции. В центральной части конструкции расчищены два

больших удлиненных камня, лежащих на расстоянии 0,3–0,4 метра от двух неглубоких ямок между камнями кладки. Возможно, первоначально эти камни были поставлены вертикально. Камни конструкции уложены в два слоя на погребенную почву, причем между слоями камней находится слой базальтовой «крошки» (мелко разбитой породы). После расчистки всей конструкции и удаления каменных развалов она приобрела вид подпрямоугольной площадки размером 4,50×4,0 метра.

Конструкция на окончании южной гряды менее мощная, нежели предыдущая и сложена в основном из камней средних размеров в два слоя. Фундаментом служат плоские гранитные блоки, уложенные на погребенную почву и очерчивающие квадратную площадку размером 3,5×3,5 метра.

Таковы основные конструктивные и архитектурные особенности комплексов курганов с «усами», которые сегодня можно отследить на основании доступного нам материала.

Повторимся, что жертвенно-поминальный (а вероятно, и погребальный) ритуал проводился на уровне погребенной поверхности. Хотя, судя по мощности гумуса в центре оградок или вымосток, можно предположить, что на ритуальной площадке предварительно подрезался дерн.

Приведенные описания позволяют прийти к выводу, что селенташские комплексы представляют собой конструкции, по основным своим признакам повторяющие вариации, присущие центральным курганам комплексов курганов с «усами». Отличительной особенностью их является лишь отсутствие гряд. Насыпи курганов имеют шестигранную, подпрямоугольную (оконтуренную ровиком), а также овальную или округлую форму. В центральной части подкурганых площадок располагаются разрозненные или сочлененные кости лошади и барана. В одном случае (Селенташ, курган 5) зафиксировано чучело лошади (шкура, набитая камнями). Здесь же обнаруживаются продукты огня и прокалы. Из 10 случаев обнаружения целых сосудов или их развалов в семи случаях они находились в северо-восточном секторе в небольшом углублении в материке. В двух случаях фрагменты керамики располагались в центральной или вос-

точной части насыпи. В одном случае (Александровский, курган 28) сосуд был вкопан в северном секторе.

В отличие от керамики иной вещевой инвентарь скуден, представлен предметами конской упряжи, вооружения и поясной гарнитуры. Располагался он, как правило, в центре площадки, вместе с продуктами горения. Очевидно, что все вышеперечисленные черты позволяют рассматривать селенташские комплексы в едином культурно-хронологическом аспекте вместе с курганами с «усами».

«Усы», или гряды, оформлялись различными способами и содержали особые архитектурные детали. Как известно, существует несколько публикаций результатов исследований, в которых различными авторами предпринимались попытки астрономической трактовки пространственной ориентации комплексов курганов с «усами». Первая интерпретация принадлежит П. И. Мариковскому, который при исследовании курганов с грядами в долине реки Или (Малайсары и Толагай) предложил рассматривать эти комплексы как некую пространственную модель, ось которой проходит от центрального кургана на восток, на ориентирную точку, обозначенную в одном случае каменной вымосткой, в другом — камнем, находящимся на срединной линии между окончаниями «усов». В этом случае данная ось будет указывать на точку восхода солнца в день весеннего (21 марта) и осеннего (21 сентября) равноденствия. А линии, идущие от окончания «усов» к контрольной точке, укажут восход солнца в день летнего (21 июня) и зимнего (22 декабря) солнцестояния [81, с. 57].

В каком-то смысле методика П. И. Мариковского получила развитие в работах Н. М. Бекбасарова [13], изучавшего курганы с «усами» в Центральном Казахстане. Принципиальное отличие этих исследований от предшествующих заключалось в том, что Н. М. Бекбасаров произвел сложнейшие расчеты и выявил астрономическим методом широту места и направление истинного меридиана, установил географические азимуты направлений (в отличие от П. И. Мариковского, который ограничился магнитными азимутами), а также благодаря вычислению склонения солнца и луны в момент восхода и захода построил видимые пути восходов и захо-

дов солнца и луны при крайних значениях склонения.

Думается, что в ряде случаев при сооружении комплексов с грядами воплощались весьма различные варианты общих представлений о погребально-поминальном обряде, которые возникали либо как территориальные, либо как временные (поколенческие) отличия. Это особенно ярко фиксируется по отклонению центральной ориентационной оси комплексов, несмотря на то что большинство гряд ориентированы в широтном направлении. Она колеблется фактически в диапазоне более 100, указывая направление от ССЗ до Ю. Исключением является комплекс Дылыктас (Западный Казахстан), где «усы» располагались в направлении на ЮЗ. В Новоактубинской группе курганов с «усами» наблюдаются два рядом стоящих комплекса, где один курган ориентирован в широтном направлении (на восток), а другой — в меридиональном (на юг).

В этой связи, как нам представляется, говорить об астрономических закономерностях в расположении отдельных пространственных точек рассматриваемых комплексов стоит со значительной осторожностью и лишь после полного исследования всех элементов комплексов. Не без сожаления стоит признать, что «астрономическое» назначение этих удивительных мегаплановых сооружений, которыми являются курганы с «усами», весьма сомнительно.

Приведенный перечень характерных черт комплексов курганов с «усами» и памятников селенташского типа весьма сближает их с курганами-кострищами из Нижнего Поволжья и южнорусской степи, такими как Покровск (курганы 2, 3, 11, 17, 18), Ровное (курганы 42, 47), Высокое, Новогригорьевка (могилы VII, VIII, IX), Вознесенка и др. Как известно, в пределах этого ареала исследованы и курганы с «усами» — Три Брата и Новогригорьевка (курган 18) [100, с. 98, рис. 1]. Подобно селенташским комплексам они получили логическое развитие в раннеболгарских и раннехазарских памятниках VII–IX веков.

По нашему мнению, курганы с «усами» и селенташские памятники также имели полифункциональное назначение, хотя точно зафиксировать трупосожжение удалось лишь в двух случаях

(Ботакара, курган 1; Елантау, курган 4). Во многих курганах найдены кальцинированные кости в сильно фрагментированном состоянии, что не позволяет сделать их точное антропологическое и остеологическое определение.

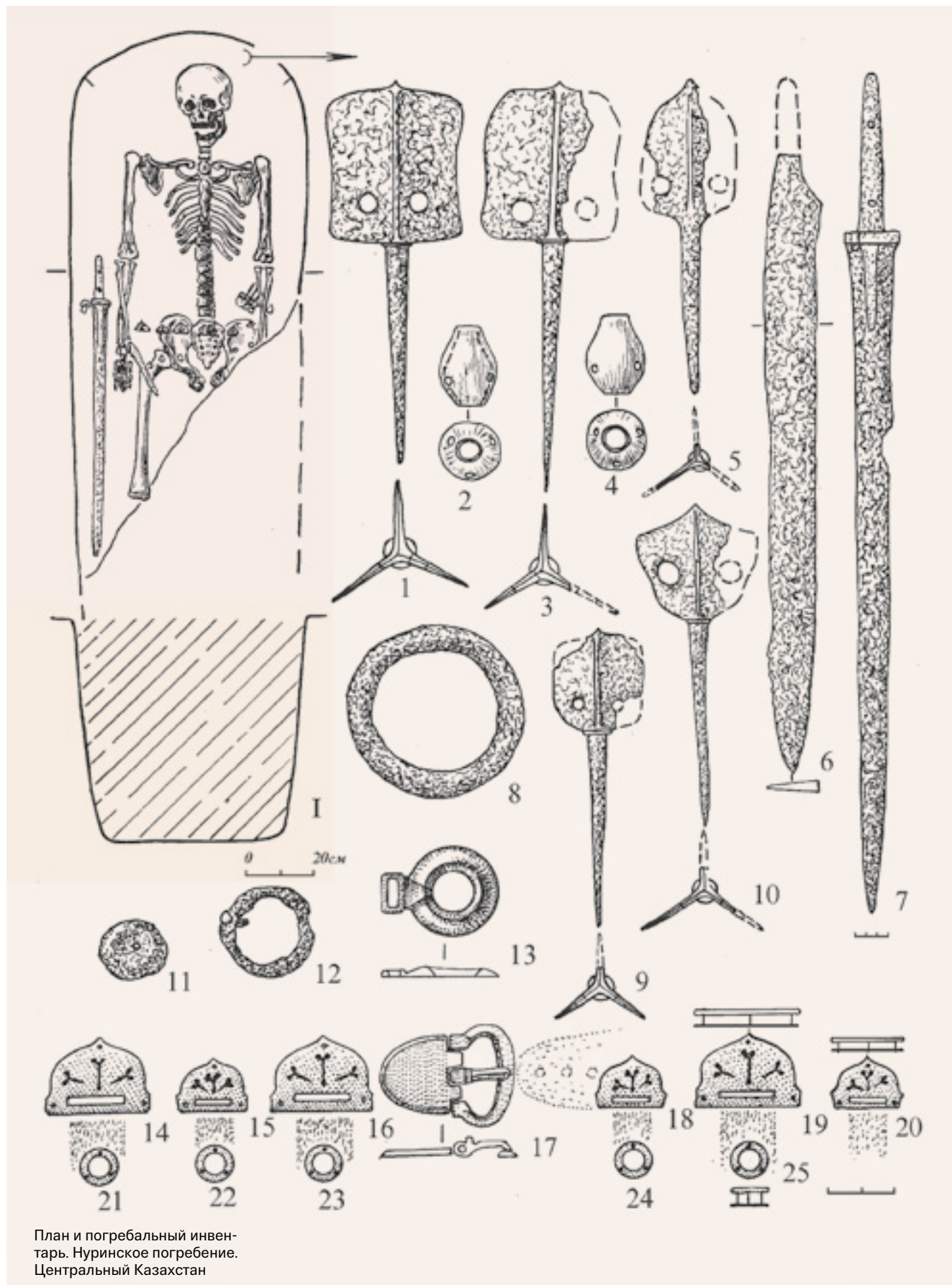
Таким образом, проведенный обзор позволяет говорить, с одной стороны, об определенной культурной цельности, с другой — о существенной разнице между жертвенно-поминальными традициями двух рассматриваемых эпох. Гунно-сарматское время характеризуют грунтовые склепы с южными проходами, длинные и гантелевидные курганы, под которыми на древней поверхности помещались уголь, обломки керамики и отдельные предметы, а также совершались погребения, а остатки жертвоприношений представлены главным образом костями овцы. Тюркское время характеризуют каменные насыпи, подпрямоугольные ограды с грядами («усами») или без таковых. В центре площадок располагались кострища, скелеты или макеты лошадей, кальцинированные кости, ближе к западному краю — сосуды и части туши овцы.

Погребальные и культовые комплексы раннетюркского периода. Кроме вышеописанных кульгово-погребальных курганов с «усами» и памятников селенташского типа существует ряд погребальных комплексов, которые также укладываются в широкие рамки раннетюркского периода — VI (возможно, конец V) — IX века н. э. Как уже говорилось, комплексов раннетюркского или постгуннского периода конца V — VIII века в пределах степей Средней Евразии крайне мало. Большинство из них хорошо известно специалистам-кочевниковедам, занимающимся эпохой Великого переселения народов. Они весьма разнообразны по своему характеру, их объединяют чаще всего по хронологическому принципу. Хотя, как нам представляется, основные черты погребального обряда данных памятников своеобразно маркируют то разнообразие этнокультурных компонентов, которые взаимодействовали в степи в период кардинальной смены двух культурных эпох — гуннской и тюркской. Часть этих памятников мы уже упоминали в разделе, посвященном поздне- или постгуннскому периоду. И это вполне логично, так как весьма сложно определиться с этнокультурной позицией

того или иного комплекса любого переходного периода. Попробуем вкратце охарактеризовать имеющиеся в пределах Казахстана и Урало-Поволжья памятники конца V — VIII века. Их насчитывается чуть более 30, они различны по погребальному обряду, разрознены хронологически и разбросаны на огромной территории Западного (Атпа II, курган 2; Челкар; Болгарка; Жаман Карагала) и Центрального (Боровое; Жарлы II, курган 1; Нуринское; Кара-Агач; Егиз-Койтас; Чиликты; Бобровский) Казахстана и Южного Урала (Муслумово; Шипово, курганы 2, 3; Верхне-Погромное, курган 4, погребение 3; Каменный Амбар, курганы 5, 6; погребение Аркаим; Кызыл-Адыр). Данные о большинстве из них давно введены в научный оборот различными авторами [6, с. 68; 14, с. 224–225].

В урало-казахстанских степях к этому периоду относятся: погребение Аркаим; могильник Каменный Амбар, курган 5 и курган 6 (исследован В. П. Костюковым в 1988 году); Нуринское погребение (обнаружено при обследовании левого берега реки Нуры); могильник Усть-Сурское IV, погребение 3 (расположено на правом берегу реки Тобол, в 80 километрах к северу от Кургана).

В целом их можно охарактеризовать следующим образом. Первую, наиболее раннюю группу образуют шесть комплексов: Аркаим, Каменный Амбар (курганы 5, 6), Шипово (курганы 2, 3), Верхне-Погромное (курган 4, погребение 3). Это погребения под грунтовыми насыпями или бескурганные, с северной ориентировкой погребенных и наличием у них в ногах жертвенников с костями и черепами крупного рогатого скота (в одном случае — верблюда). Очевидно, что в эту группу входит тройное погребение в кургане с «усами» Канатгас. В вещевые комплексы этих памятников входят, как правило, предметы конской узды, поясной и ременной гарнитуры, украшения (диадемы, серьги, подвески, бусы), зеркала и керамика. Подобные комплексы этого же времени (конец V — VIII в. н. э.) известны в Поволжье (Переполовенка, Ленинск, Ташкирменский, погребение 1), Прикамье (Коминтерновский II, Кушнарниковский, погребения 2, 27), а также среди кочевнических памятников Западной Сибири (Сопка II, погребение 688). Основные перечисленные элементы погребального обряда сближают

План и погребальный инвентарь. Нуринское погребение. Центральный Казахстан

эти комплексы, с одной стороны, с предшествующими гунно-сарматскими, а с другой — с единовременными джетысарскими на Нижней Сырдарье и турбаслинскими в бассейне реки Белой. Это позволяет говорить о том, что погребальный обряд данной группы памятников в основе своей несет гуннские традиции и своеобразно отражает культурный облик средне- или постгуннского времени.

Вторая группа включает в себя четыре курганных комплекса VI–VIII веков: Кара-Агач, Чиликты, Егиз-Койтас, Жарлы II, курган 1. Это захоронения под каменными курганами с восточной ориентировкой погребенных, скелетом лошади рядом с могильной ямой. Погребальный обряд и основной набор сопровождающего вещевого инвентаря (костяные подпружья, пряжки, стремяна с петлевидной дужкой, кольчатые удила, отсутствие керамики) сближают эти памятники с телесскими комплексами катандинско-кудэргинского типа Алтая и Тувы.

Комплексы VI–VIII веков с восточной ориентировкой и скелетом или шкурой лошади довольно широко представлены в кочевнических материалах Восточной Европы. Вероятно, немногочисленные памятники этой группы своеобразно маркируют процесс западных миграций населения тюркотелесского ареала из Саяно-Алтая в Восточную Европу.

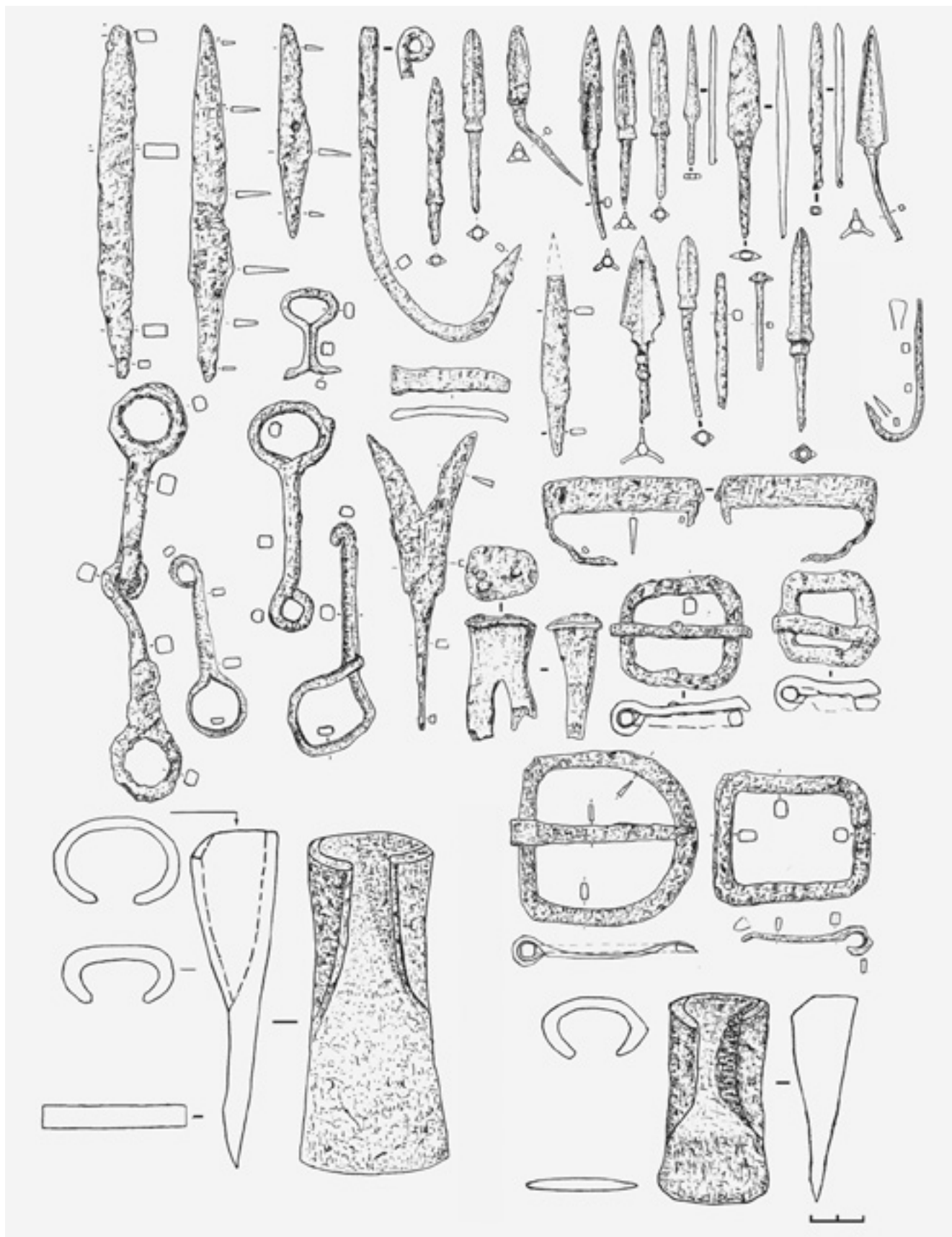
В третью, наиболее позднюю группу входят 19 комплексов VIII–IX веков. Это небольшие грунтовые курганы или бескурганные простые неглубокие захоронения с западной ориентировкой погребенных. Вещевой комплекс составляют конская узда с S-видными псалиями и восьмерковидными удилами, стремяна арочной формы с узкой восьмерковидной подножкой или прорезью для путалища, костяные массивные подпружные пряжки, наконечники стрел (асимметрично-ромбические, листовидные, томары), костяные накладки на лук, ременная гарнитура с сегментовидными или овально-рамчатыми пряжками с подвесным щитком, а также накладками сердцевидной формы с прорезью для подвесного ремня в нижней части и с растительным орнаментом на щитке, круглыми пряжками для перекрестных ремней, сердцевид-

ными, геральдическими и якорьковидными накладками.

Этот краткий экскурс не является детальным разбором уже достаточно изученных погребальных памятников раннетюркского периода. Мы показали лишь определенные тенденции в развитии историко-культурного комплекса, дабы чуть ниже реконструировать процессы их сложения и дальнейшего развития.

Ингалинский святилищный комплекс. Этот памятник трудно соотнести с какой-либо известной категорией археологических объектов. По мнению Ю. Г. Зыкова, мы имеем дело со средневековым святилищем. Когда, благодаря информации наших знакомых поисковиков, мы изучали первые находки, сделанные на площади расположения этого памятника, первое, что приходило в голову, — мы имеем дело с могильником, в котором предметы, выброшенные при разграблении могил, оказались близко к поверхности земли и затем стали трофеями поисковиков. Однако непосредственное визуальное и рекогносцировочное обследование памятника показало полное отсутствие погребений. Вещевые комплексы лежали сами по себе. Первое обнаруженное скопление предметов — два поясных комплекта. В 20 метрах от них располагались бусы, в низке с которыми был сасанидский динар, другой динар был обнаружен поблизости. В нескольких десятках метров к западу от бус компактно лежали фрагменты четырех горшков. Поскольку ландшафт этого места представляет собой округлую площадку вокруг древней старицы реки Ингалы, залегание вещевого материала происходило по всему ее периметру. Наконечники стрел и предметы конской упряжи распределились хаотично по всей площадке. Однако отдельные наборы лежали явно локализовано. Это касается, например, набора слесарных инструментов (напильники, зубила, пробойники) и трех комплектов украшений (серьги, подвески, наручные браслеты), которые удалось расчистить в дорожной колее. Они были уложены так, как лежали бы в погребении. Безусловно, этот памятник заинтересовал археологическое сообщество. К тюркской эпохе, а именно к VI–VIII векам относились все находки на Ингалах; характерно также сооружение ритуальных,

Инвентарь. Святилище
Ингала. Тюменская область

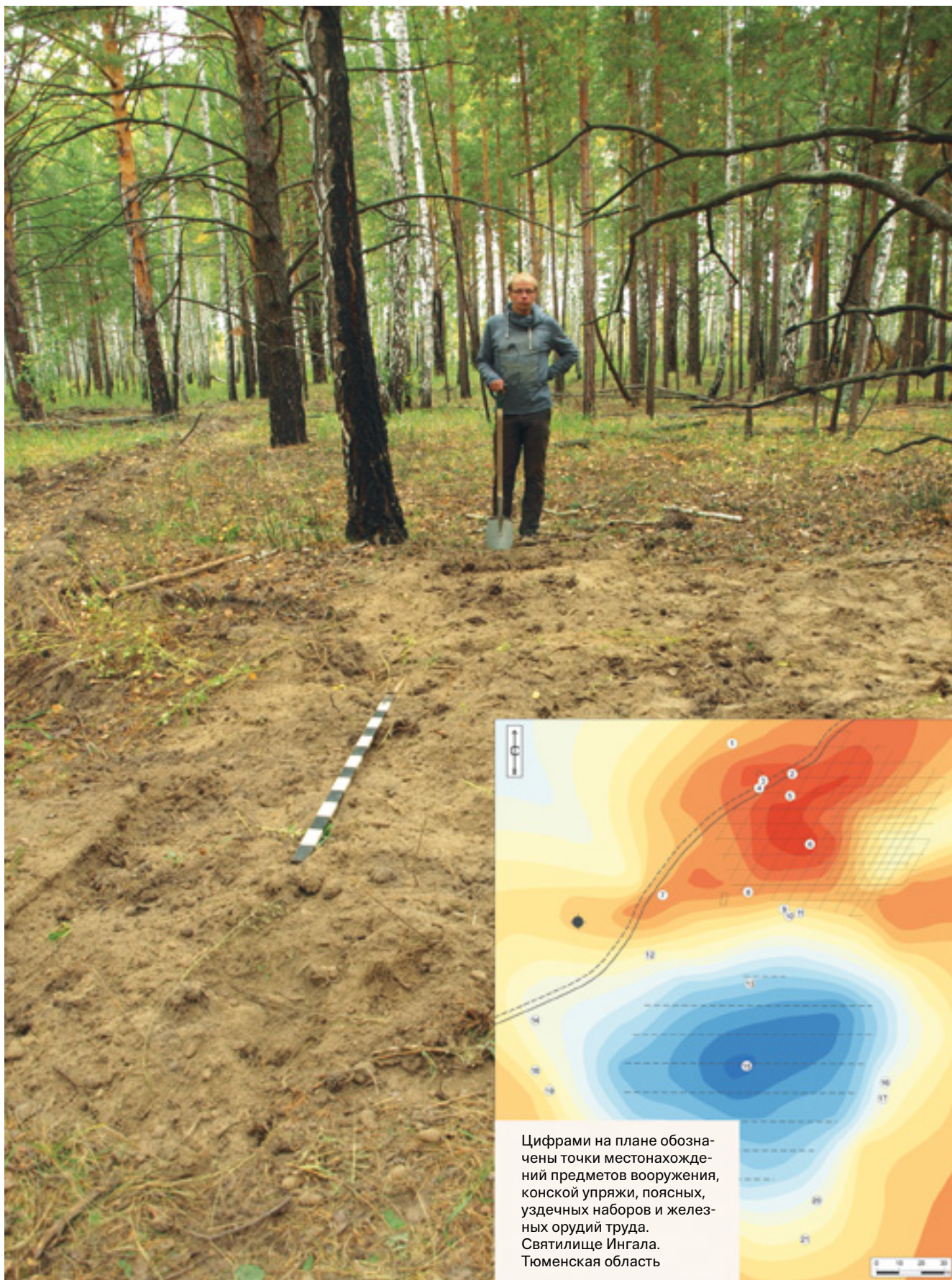
Инвентарь. Святилище
Ингала. Тюменская область

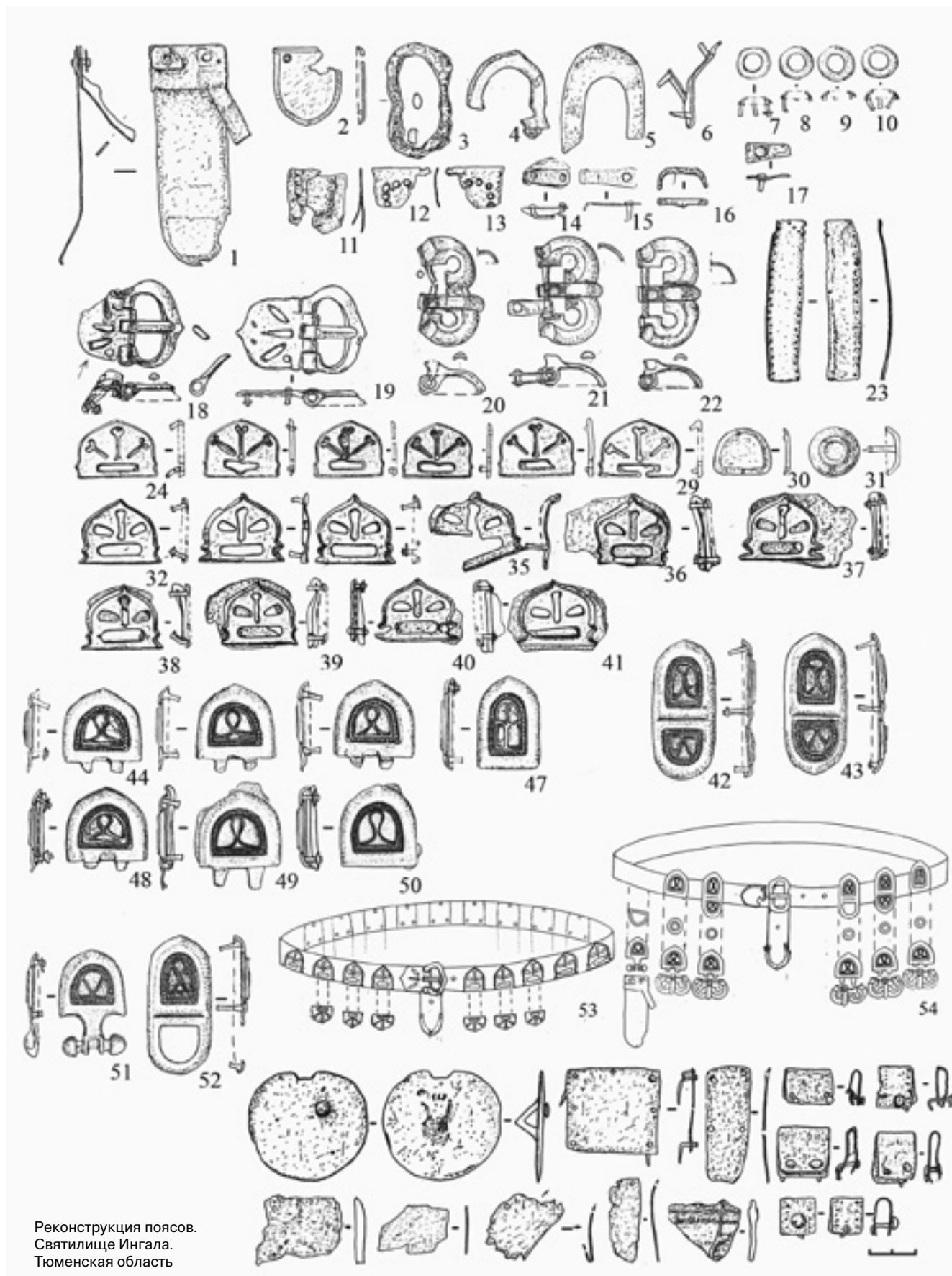

Инвентарь. Святилище
Ингала. Тюменская область

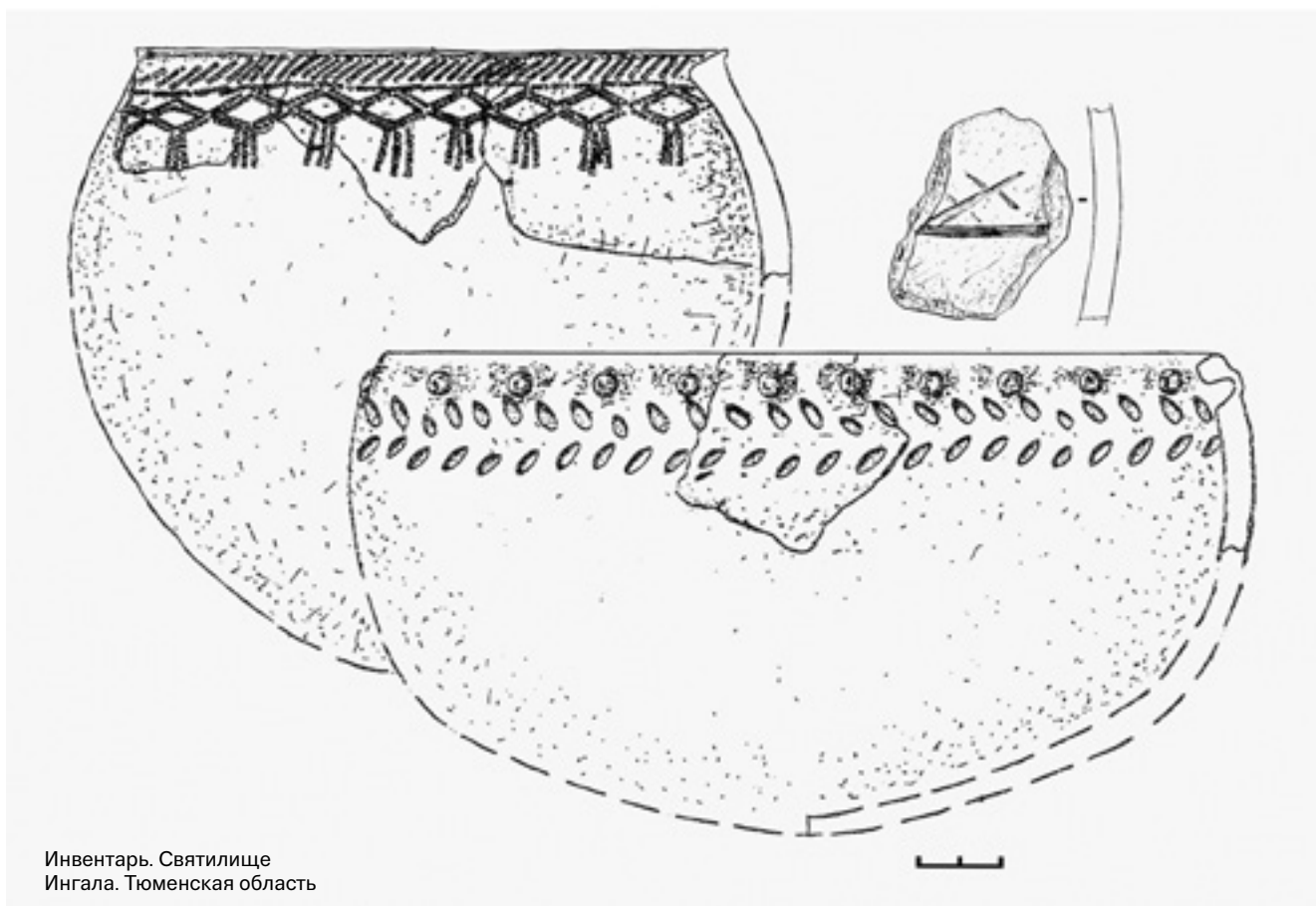
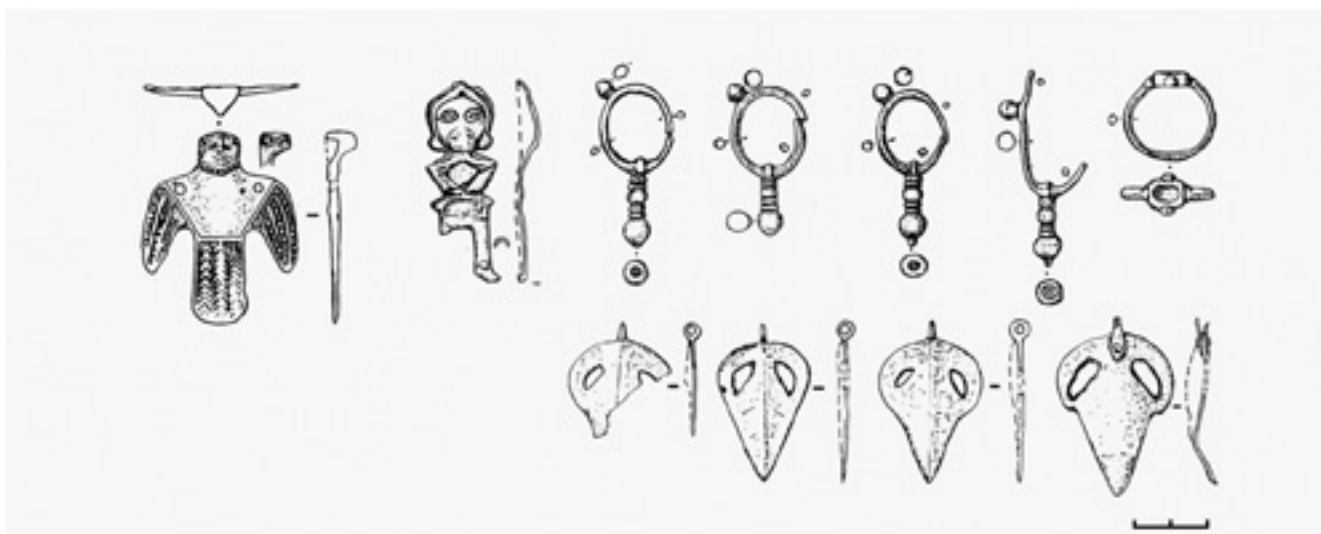
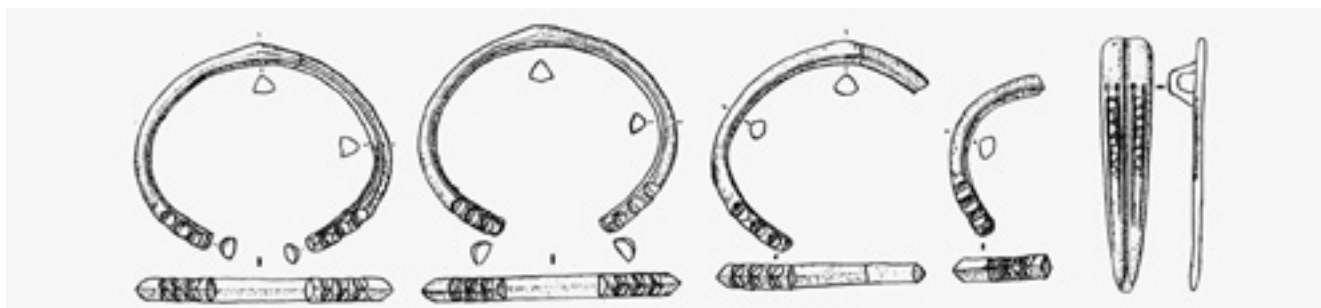
Драхма. Сасаниды. Хосров II.
30-й год правления

(620 год н. э.). Святилище
Ингала. Тюменская область

Реконструкция поясов.
Святынище Ингала.
Тюменская область

Инвентарь. Святилище
Ингала. Тюменская область

Ингальская долина — археологический микро-район в Тоболо-Исетском междуречье, крупнейший по площади на юге Тюменской области, относится к Исетской культурно-исторической провинции. Насчитывает 177 курганов, 55 памятников археологии федерального значения и пять региональных памятников природы. Ингальская долина находится в 75 километрах к югу от Тюмени, в устье реки Исети. В этом месте смыкаются границы Исетского, Ялуторовского, Заводоуковского и Упоровского районов Тюменской области. Долина получила свое название в 1994 году по наиболее распространенному здесь топониму, в переводе с сибирско-татарского языка оно означает «камышовая». На территории долины представлены археологические памятники от мезолита (VIII–VII тыс. до н. э.) до Средневековья (XV в.), относящиеся в том числе к древним арийской (андроновская культура) и угорской (саргатская культура древних венгров) цивилизациям. Часть артефактов хранится в Государственном Эрмитаже («Сибирская коллекция Петра I»), другие входили в состав известной ныне утраченной частной коллекции Николааса Витсена.

Инвентарь. Святилище
Ингала. Тюменская область

Инвентарь. Святилище
Ингала. Тюменская область

жертвенно-поминальных комплексов, будь то курганы с «усами» или жертвенно-поминальные оградки, смысл которых заключается в увековечении памяти ушедших предков. Несмотря на то что этот комплекс находится глубоко в лесостепной зоне Западной Сибири, по нашему мнению, которое разделяет и тюменский археолог Н. П. Матвеева, артефакты, обнаруженные на Ингалинском комплексе, имеют явно степное происхождение. Даже среди керамической посуды лесостепного бакальского и потчевашского происхождения один плоскодонный горшок был абсолютно идентичен по тесту и форме сосудам-вазам, обнаруженным в курганах с «усами».

Сложно представить, какого рода памятником является комплекс Ингала. Думается, что в данном случае мы имеем дело со святилищным центром, где располагались (в земле, на деревьях, в специальных наземных сооружениях и т. п.) жертвенно-поминальные комплексы. Скорее всего, это место посещалось представителями народа он ок будун («десяти стрел») в период летнего кочевого цикла. Думается, что это место выбрано не случайно. Реликтовый сосновый бор в Ингальской долине оказался вполне пригодным для сооружения святилища.

Вещевой инвентарь и вопросы хронологии памятников раннетюркского периода. Попробуем определить хронологические позиции тех или иных групп материалов с памятников, входивших в пределы всего раннетюркского периода. В этой связи предполагается проводить анализ методом традиционной типологической разбивки всего имеющегося вещевого материала с опорой на памятники Урало-Казахстанского региона. При составлении данной типологической разбивки был задействован весь доступный материал из урало-поволжских и казахстанских степей, включая курганы с «усами», комплексы селеташского типа и погребальные комплексы V–VIII веков. Целью анализа является не только установление четких хронологических рамок раннетюркского периода, но и определение ареала происхождения отдельных категорий и типов предметов, появляющихся в это время.

Предметы вооружения представлены 55 железными наконечниками стрел, костяными накладка-

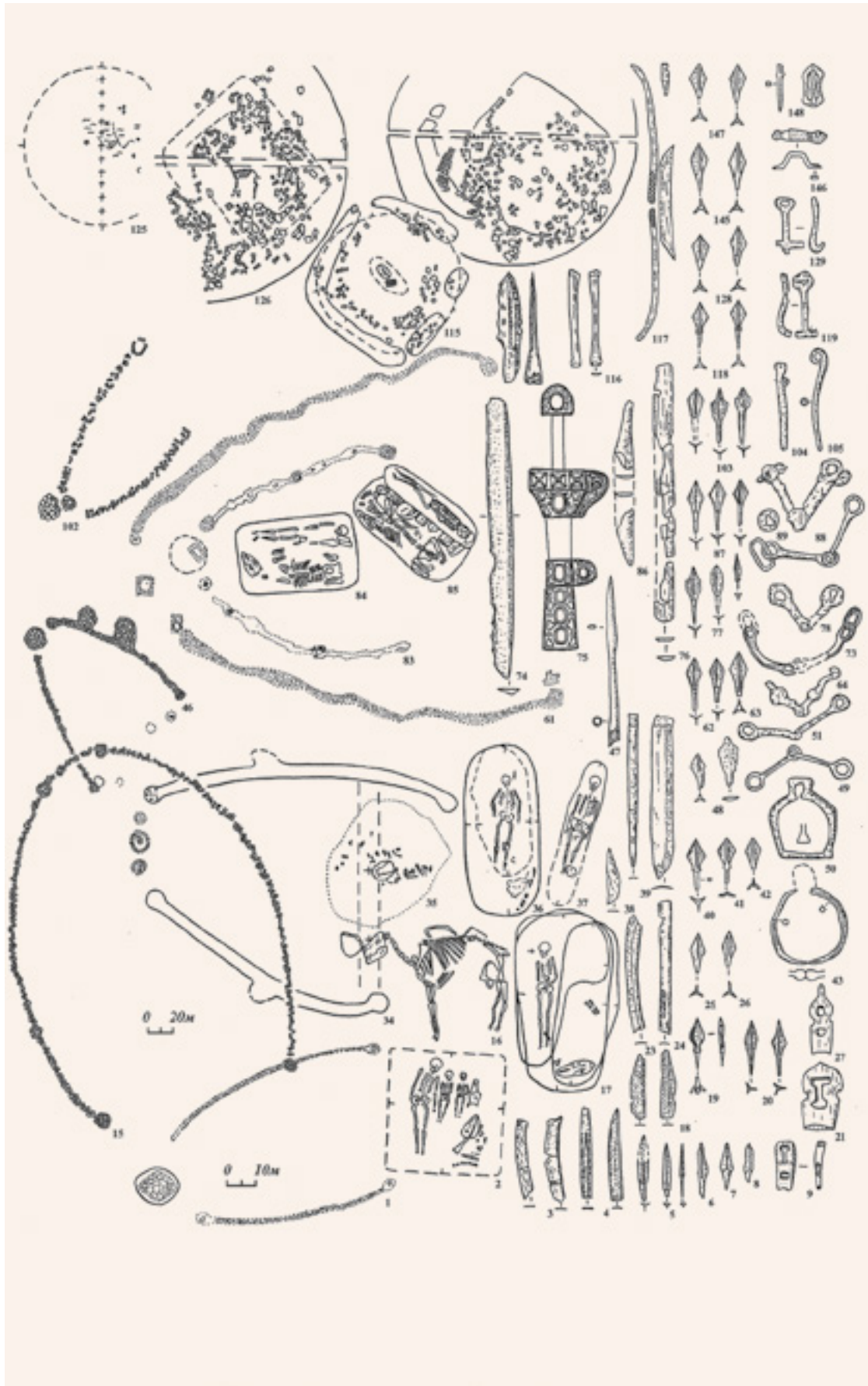
ми на лук, двумя кинжалами и двумя железными наконечниками копий.

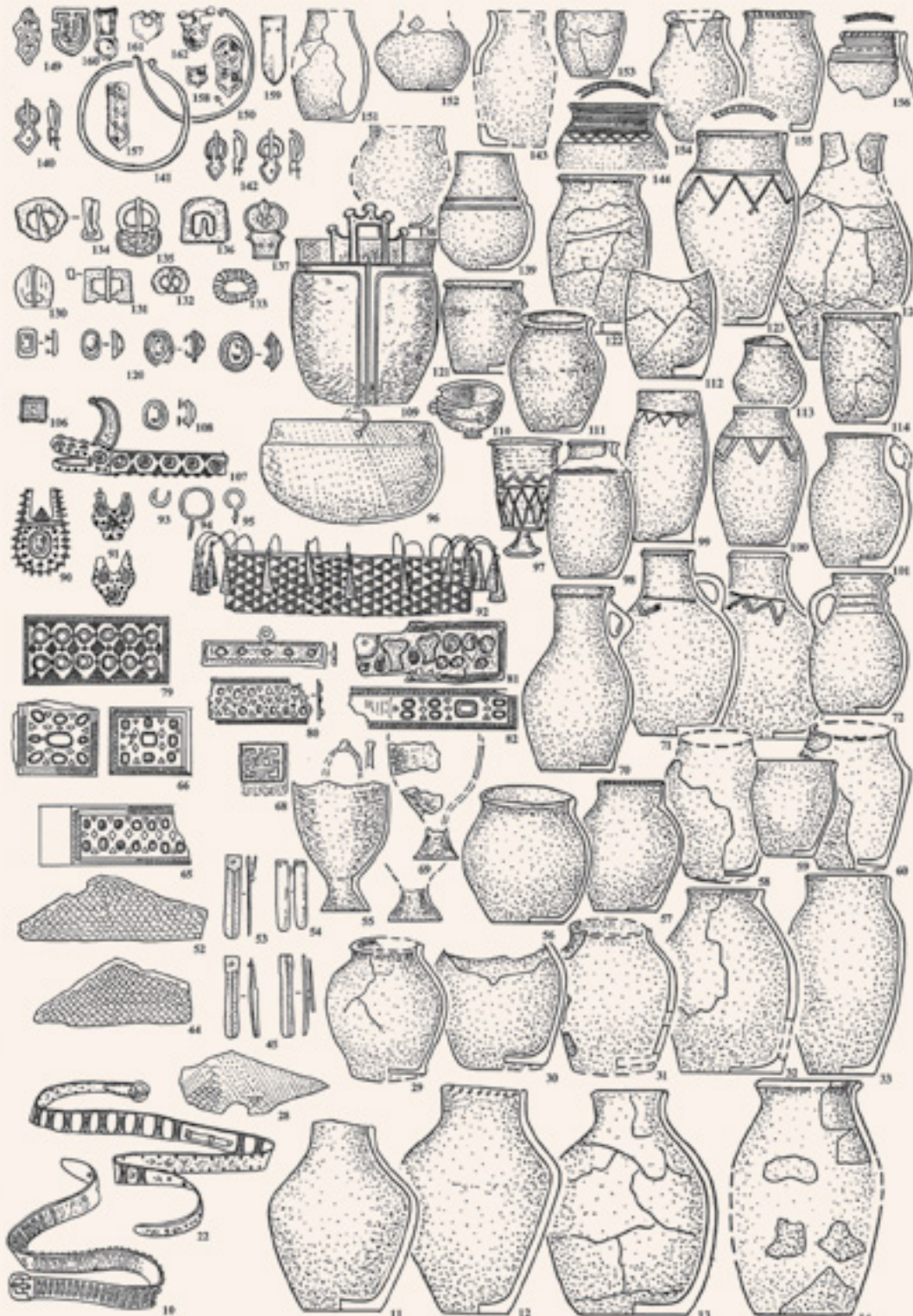
Наконечники стрел — железные, трехлопастные, ромбические, с коротким, утончающимся книзу черенком — обнаружены прежде всего в комплексах курганов с «усами» Коктал, Зевакино (курган 1), Солончанка I, Султантемировский, Городищенский IX. Они широко представлены в кочевнических комплексах, датируемых от рубежа эр и вплоть до конца первого тысячелетия. Наиболее ранние наконечники встречены в комплексах I века до н. э.— I века н. э. на территории Западной Монголии, Южного Забайкалья и Алтая. В период существования позднесарматской культуры и особенно в период раннего Средневековья этот тип наконечников получает распространение в Южном Приуралье, Нижнем Поволжье и южнорусских степях. Наиболее поздние экземпляры подобных наконечников встречены в алтайских памятниках кыргызского круга, где они датируются IX–XI веками. Крупный трехлопастный наконечник стрелы из кургана с «усами» 3 могильника Ижевский 2 имеет утяжеленную концевую часть и прямосрезанные лопасти. Наконечники такой формы встречаются в комплексах VII–X веков в Южной Сибири. На западе подобные наконечники появляются в раннеболгарских памятниках Самарской Луки, датируются VIII–IX веками. Встречаются также плоские и двухлопастные наконечники стрел, которые имеют широкий диапазон бытования — от V до XIII века.

Наиболее близкими восточными аналогами рассматриваемой группы наконечников (трехлопастных ромбических и ярусных) являются наконечники из Кокэльского могильника, а также из алтайских комплексов гунно-сарматского времени (Кок-Паш, Булан-Коба). Эта параллель явно не случайна, на что указывает схожесть еще одной категории вещевого инвентаря, обнаруженного вместе с колчанами, содержащими трехлопастные ромбические и ярусные наконечники. Речь идет о крюках лучного пояса или колчана с петлевидным щитком для подвязывания и «Т»-образной изогнутой нижней частью из Султантемировского кургана. Кроме того, данный тип крюков в урало-казахстанских степях найден в Кызыл-Адыре. Такие

Планы памятников, погребальный обряд и инвентарь постгуннских и раннетюркских памятников урало-казахстанских степей.

1, 155 — Оленина Отнога; 2, 78, 9, 10, 79 — Канаттас (по К. А. Акишеву); 3–5, 18, 38, 39, 77, 87, 103, 89, 109, 119, 54, 93 — Кызыл-Адыр (по И. П. Засецкой); 6–8, 28, 75, 65–68, 82, 90, 131, 133, 94, 106, 110, 141 — Боровое (по А. Н. Бернштаму); 11 — Кызыл-Жар, к-н 1; 12, 125 — Кызыл-Жар, к-н 3; 13, 40, 41, 61 — Городищенское IX; 14, 83, 144 — Кайсай, к-н 14; 15 — Айдарлы (по М. К. Кадырбаеву); 16, 34, 35, 20, 42, 25, 26, 50, 63, 128, 145, 147, 44, 45–53, 71, 80, 76, 86, 96, 140, 142, 108, 120 — Солончанка (по А. Д. Таирову, И. Э. Любчанскому); 17, 137, 132 — Каменный Амбар, к-н 6 (по В. П. Костюкову); 37, 130, 136, 64 — Аркаим; 43, 85 — Жарлы 2, к-н 1; 30, 31, 60, 58, 57 — керамика из курганов с «усами» (по М. К. Кадырбаеву); 32 — «37 воинов»; 33, 73, 129, 19, 105, 118, 139 — Султантемирский (по Ф. А. Сунгатову);

36, 72 — Каменный Амбар, к-н 5 (по В. П. Костюкову); 47 — Нижнедавлетовский (по Н. А. Мажитову); 22, 48, 49, 95, 74, 116, 117, 150 — Зевакинский, к-н 1 (по Ф. Х. Арслановой); 50, 51, 21, 84 — Егиз-Койтас; 55, 100 — Кызылтас, к-н 1 (по Ф. Х. Арслановой); 56 — Ленинка (по Ф. Х. Арслановой); 57 — Зевакинский, к-н 3 (по Ф. Х. Арслановой); 59 — Сангуыр, к-н 2 (по М. К. Кадырбаеву); 69, 99 — Зевакинский, к-н 2 (по Ф. Х. Арслановой); 70, 88 — Беркутты (по С. М. Ахинжанову); 89, 91, 92, 97, 107 — Кара-Агач (по А. Козыреву); 98 — Кызылтас II; 101, 122, 156 — Селенташ, к-н 4; 111 — Батакара, к-н 5; 112, 122 — Александровские, к-н 1; 113, 143, 154 — Тасмола, к-н 19; 114 — Крутой Овраг, к-н 3; 115, 146, 149 — Елантау, к-н 4; 121, 126 — Селенташ, к-н 5; 148 — Крутой Овраг, к-н 4; 151 — III Восточно-Курайлинские, к-н 2 (по С. Ю. Гуцалову); 152 — сосуд из кургана с костями лошади (по Ф. Х. Арслановой); 153 — Крутой Овраг, к-н 2; 157–162 — Усть-Суерский

же крюки обнаружены и в комплексах Восточной Европы — Кубей и Новогригорьевка (могила VIII). Создается впечатление, что эти предметы являются своеобразной маркирующей категорией вещей,

так как они известны в подавляющем большинстве среди предтюркских и раннетюркских памятников Алтая и Тувы (Балыктыюльский, Кокпашский, Бай Тайга, Кокэль). Наиболее массово именно такой

Наконечники стрел. Инга-линское святилище. Тюменская область

Наконечники стрел. Могильник Городищенский IX. Карталинский район. Челябинская область

тип колчанно-поясных крюков в Восточной Европе появляется в раннеболгарских памятниках Поволжья в VIII веке.

Учитывая современную тенденцию омоложения средневековых древностей (кокпашские памятники сегодня предложено датировать в рамках III–

VI веков, а кокэльские — не ранее V века), следует предположить, что колчаны с трехлопастными ромбическими и ярусными наконечниками стрел, которые крепились с помощью «Т»-образных колчанно-поясных крюков с петлевидным ушком, вероятнее всего, попадали в урало-казахстанские

Пряжка и накладки пояса. Святилище Ингала. Тюменская область

и восточно-европейские степи с территории Саяно-Алтая, очевидно, не ранее V века, и бытовали здесь вплоть до VIII–IX веков.

Костяные накладки на лук, обнаруженные в Зевакинском кургане I, в кургане Солончанка I и в погребении Кызыл-Адыр, относятся, по классификации А. М. Хазанова [110], к «гуннскому» типу сложных луков, которые встречаются в кочевнических памятниках Евразии середины I тысячелетия до н. э. — VIII века н. э.

Сложносоставной лук «гуннского» типа появляется в районах Центральной Азии на рубеже III–II веков до н. э. и постепенно начинает распространяться на запад, охватывая все большие пространства. За шесть-семь веков он достигает западных районов Альфельда и господствует в евразийских степях вплоть до смены его луками «монгольского» типа. Однако если судить по археологическому материалу, то сложносоставные луки наибольшее распространение получили у народов Центральной Азии, Северного Казахстана, Средней Азии. В степях юга России, Поволжья и Урала они были редки. Наиболее точные аналоги накладок из комплекса кургана с «усами» Солончанка I обнаружены на востоке, в памятниках хуннского и постхуннского времени, которые датируются I–IV веками н. э. и V — началом VI века н. э. [111, рис. 2, 15; 57, 3; 21, 4, 5; 3, 1, 2; 22, 7; 113]. Сложносоставной лук, если судить по его аналогам, целесообразно соотнести с так называемым «кокэльским» луком III типа (по Ю. С. Худякову). Подобные накладки появляются в I — начале II века н. э. в памятниках Северного Казахстана. В I–IV веках н. э. накладки, особенно концевые, аналогичные накладкам на луке из Солончанки I, становятся составным элементом формирующихся луков «кенкольского» типа, они известны в Киргизии (могильники Акчий-Карасу, Джал-Арык, Торкен), Казахстане (Кызыл-Кайнар-Тобе) и даже в Ташкентском оазисе (Актобе-2). Единичные экземпляры составных частей подобных луков обнаруживаются в могильниках среднесарматской и позднесарматской культур Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (Суловский могильник, курган 51) [97].

Наиболее полный экземпляр сложносоставного лука «гуннского» типа, накладки которого по сво-

им характеристикам близки к накладкам из описываемого комплекса кургана с «усами», был найден в погребении V века н. э. у села Кызыл-Адыр Оренбургской области. Несколько накладок плохой сохранности происходят из датируемых V — началом VI века н. э. курганов с сожжением у города Покровска (курганы 17 и 18) [102, рис. 5, 26, 27; 84, с. 91–94, таб. I–III].

Все перечисленные аналоги подтверждают мысль о том, что сложносоставной лук «гуннского» типа широко был распространен на территории евразийских степей. Однако необходимо сделать уточнение. Дошедшие до нас остатки луков, происходившие из районов Поволжья, Южного Приуралья и Зауралья, Средней Азии и Центрального Казахстана, относятся к поздним сложносоставным лукам III и IV типов (по Ю. С. Худякову), период существования которых соответствует позднехуннскому времени Центральной Азии и эпохе Великого переселения народов в Европе, то есть укладывается в рамки V — начала VI века н. э.

Наконечники копий (два экземпляра) — железные, с характерной массивной конусной втулкой, ланцетовидным (Коктал) или узким (Нижне-Давлетовский) пером. Такие наконечники хорошо известны в раннеболгарских памятниках Самарской Луки, где они являются особым маркирующим типом вооружения и датируются VIII–IX веками [11, с. 114, рис. 24, 1–5]. В Южной Сибири подобные типы копий утверждаются в тюркскую эпоху (VI–VIII вв.) [112, рис. 99].

Мечи (три экземпляра) обоюдоострые, широкие, клиновидной формы, с прямоугольным перекрестием (Нуринское) либо без него (Бобровский, Шипово, курган 2). Два аналогичных меча происходят из погребений Южного Казахстана (Кызыл-Кайнар-Тобе и Ак-Тобе 2).

Кинжалы (шесть экземпляров) — со слегка изогнутой спинкой, без перекрестия (Шипово, курган 3). Шиповский кинжал имеет ножны с чешуйчатым орнаментом. Кинжал (короткий палаш) с клиновидным лезвием, прямым перекрестием и короткой заостряющейся кверху рукоятью. Плохая сохранность зевакинского кинжала не позволяет провести какие-либо аналогии, что же касается ижевского экземпляра, то подобные

кинжалы-палаши появляются в Южной Сибири среди раннетюркских комплексов VI–VIII веков. [111, рис. 220]. Прямым аналогом его является короткий палаш из могилы Монгун-Тайгам (Западная Тува), датируемой VI–VII веками. В эту категорию вещевого материала входит также известный кинжал с инкрустированными ножами и двумя округлыми выступами для подвешивания из погребения Боровое, в отношении датировки которого существуют разные точки зрения. Что касается датировки кинжала, как, впрочем, и всего комплекса, то мы склонны присоединиться к мнению А. К. Амброза [4, с. 73] и отнести его к VI–VII векам.

К предметам конской узды относятся *удила*. В основном они односоставные, кольчатые, с круглыми отверстиями для повода (Коктал, Канаттас, Боровое, Кызыл-Адыр, Шипово, курган 3), однако встречены и экземпляры с дополнительными квадратными петлями на концах колец (Султантимировский, Беркутты), а также со стержневидным псалием с одной стороны (Кызыл-Адыр, Солончанка I, курган 3). Подобные типы удил имели весьма широкое хождение в кочевнических комплексах и в этой связи не могут выступать хронологическим показателем.

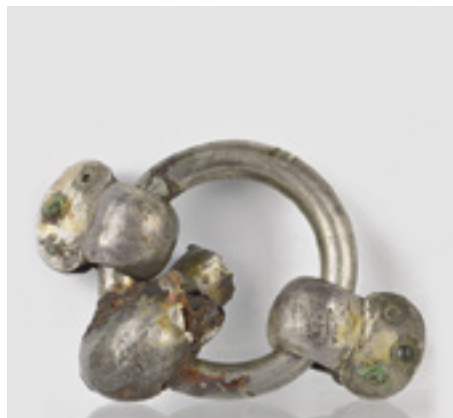
Подпружные пряжки: железная трапециевидная (Аркаим, Беркутты, Боровое), круглая (Солончанка), восьмерковидная (Крутой Овраг, курган 4). Две железные прямоугольные пряжки с овальным концом, где ось является одним целым с язычком на вертлюге, обнаруженные в кургане 3 могильника Ижевский 2 и, вероятнее всего, в кургане 3 могильника Кызыл-Жар, а также костяные подпружные и чумбурная пряжки (Канаттас, Егиз-Койтас, Бобровский) датируются в кочевнических материалах Саяно-Алтая в пределах VIII–IX веков [90, с. 121, рис. 49, 22–29]. Костяная подпружная пряжка с Т-образным вырезом для язычка и округловым краем в завершении дужки (Канаттас) датируется в саяно-алтайских и казахстанских комплексах в рамках VI–VII веков.

К элементам конской сбруи относятся также *предметы ременной гарнитуры* из кургана 1 комплекса Солончанка I, в частности три серебряные литые пряжки. У них круглая или овальная рамка и треугольно-ромбический или усеченно-

листовидный щиток, выполненный в виде узкой серебряной полоски, соединенной с основанием рамки путем перегиба основания. К ремню щиток крепился при помощи одного серебряного штифта, вклепанного в центр щитка. Язычок пряжек подвижный, хоботковидный, украшенный у основания и на конце рисками или «бордюриком». Прямых аналогов этих пряжек не найдено. Но, тщательно изучив способ крепления составляющих элементов пряжек и сравнив их с имеющимися классификациями В. Б. Ковалевской и А. В. Богачева, мы пришли к выводу, что для этих серебряных пряжек все же можно установить достаточно конкретные хронологические рамки. Они очень близки пряжкам из могильников Бирский и Цибельда. По мнению В. Б. Ковалевской, пряжки такого типа, особенно если они были изготовлены из благородного металла, бытовали в основном в IV веке, но продолжали существовать и в V–VI веках [61, таб. I, 15, 16]. Подобные пряжки из Тураевского могильника А. В. Богачев датирует V — первой половиной VI века [16, с. 192].

Соединительными элементами упряжи являются ременные накладки и налобные пластины,

Предметы ременной гарнитуры. Святилище Ингала. Тюменская область

Кольцо для перекрестных ремней. Муслимово. Кунашакский район. Челябинская область. © Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург

которые, в свою очередь, выполняли еще и функцию декорирования узды и являлись предметами ювелирного искусства.

Одной из характерных черт середины I тысячелетия н. э. является повсеместное распространение в евразийских степях изделий, выполненных в полихромном стиле со вставками из красного камня. Поэтому для ременных накладок из комплекса кургана с «усами» Солончанка I аналогичные по технике исполнения изделия найти не составляет труда, они обнаруживаются как на территории Южного Зауралья, так и на сопредельных территориях Казахстана, Приуралья, южнорусских степей, лесостепной части Башкирии. Аналогичные вещи, происходящие из погребения у озера Боровое, датируются V — началом VI века н. э. В Нижнем Поволжье также имеются находки, близкие солончанским. Примером может служить овальный медальон со вставкой из синего стекла в золотой оправе, украшенный по краю зернью, а также золотой кулон со вставкой из пейзажной яшмы розового цвета из кургана у деревни Красногор. Полихромный стиль распространяется настолько широко, что подобные вещи можно найти и в далекой Абхазии. Так, например, рукоять меча из погребения Цибилиум 1–43 украшена овальным сердоликом и обрамлена золотой оправой с зернью [24, с. 151–152, рис. 18, 18].

К предметам конской узды также относятся **кольца для перекрестных ремней** (два экземпляра; Мулюмово, Нуринское). В одном случае (Мулюмово) на кольце находятся три накладки-зажима. Прямоугольные с листовидным окончанием накладки-зажимы обнаружены также в Солончанском кургане и в погребении Кызыл-Адыр.

К снаряжению коня также относятся **ленчики седла**, которые обнаружены в комплексах Боровое (курган 3), Шипово и Солончанка I. В южнорусских степях относительно часты находки подобных ленчиков (могилы VIII и IX Новогригорьевки, курган у города Мелитополя, погребение 2, курган 8 в урочище Кубей). Аналогичные ленчики встречены и в Западной Европе (погребение у села Концешта в Румынии, Мундальсхасди во Франции), есть они и в Нижнем Поволжье, и в Казахстане (погребение на территории совхоза им. Калинина, курган у села

Владимировского, погребение у озера Боровое). По классификации И. П. Засецкой¹, такие ленчики относятся к типам I а и III и датируются первой половиной и серединой V века. А. К. Амброс «омолаживает» их датировку до VI–VII веков [4, с. 63–82].

Стремена, найденные в наиболее поздних комплексах, имеют арочную форму, слабо раскованную подножку и петлевидное отверстие для путалища (Егиз-Койтас), либо раскованное верхнее ушко и прямоугольное отверстие (Боровской), либо ременную петлю для путалища (Жарлы).

Поясные пряжки. В коллекции вещевого инвентаря из курганов с «усами» имеются три наборных пояса с сегментовидными пряжками и подпрямоугольными металлическими накладками, прикрепленными двумя шпеньками-клепками на концах (Зевакинский, курган 1, погребения 1, 2; Канаттас, курган 19). Это довольно характерный тип поясов, встречающийся в памятниках поздне- и постгуннского времени (Кубей, Кызыл-Кайнар-Тобе) [45, таб. 46, 5]. Два подобных пояса были обнаружены в кургане 356 могильника Алтынасар 40 и 365 мо-

¹ Засецкая И. П. Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южноуральских степях // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 27. Л., 1986.

Стремя. Святилище Ингала. Тюменская область

гильника Алтынасар 4о [73, рис. 133], которые по своим аналогам в материалах поясной гарнитуры (Безводинский, Верх-Саинский, Острый Мыс, могильник у Лермонтовой горы и др.) датируются в пределах V–VI веков [27, с. 133, рис. 5; 28, с. 53–54, рис. 3]. Поясные пряжки представлены двусоставными разновидностями с подвижным овальным щитком (шесть экземпляров) (Муслюмово, Брюхановский выселок, Боровое), с ромбовидным или подтреугольным щитком (четыре экземпляра) (Солончанка I, Зевакино, курган 3). В трех случаях (Муслюмово, Боровое, Брюхановский выселок) пряжки выполнены в полихромном стиле. Щиток украшен полудрагоценными камнями. По краю щитка и гнезд — однорядные зерновые пояски. Две пряжки имеют геральдический щиток и овальную рамку (Атпа II, Нуринское).

Найдены также односоставные цельнолитые пряжки (шесть экземпляров) с овальной широкой рамкой, прямоугольным (Шипово, курган 2, 3) или фигурным (Каменный Амбар, курган 6, Верхне-Погромное) щитком. Две пряжки (Шипово, курган 3, Боровое) относятся к особому типу «рифленых» пряжек. Одна пряжка (Аркаим) имеет костяную овальную широкую рамку и бронзовый язычок.

Накладки — прямоугольные, расположенные вертикально вдоль всего ремня (Канаттас; Зевакино, курган 3). В наиболее поздних погребениях встречены накладки сердцевидной и сводчатой формы, фигурные с прорезью для подвесных ремешков и растительным орнаментом на внешней стороне (Ингала). Имеются также прямоугольная бронзовая накладка с прорезью в нижней части из кургана 3 комплекса Ижевский 2, а также геральдическая (бронзовая с золотой обтяжкой) накладка с тисненым орнаментом в виде трехлепестковой лилии и зубчатой окантовкой геральдического щитка и бронзовая бисерцевидная накладка из селенташского комплекса Елантау (курган 4).

Накладки с орнаментацией в виде трехлепестковой лилии являлись характерной деталью украшения поясов и в раннеболгарских памятниках (Велико Тырново, Акалан, Вознесенка), где они достаточно точно датируются в рамках VII–VIII веков [96, с. 180–181, таб. 72; 111]. Одна-

Ременные накладки.
Святылище Ингала.
Тюменская область

ко раннеболгарские образцы представлены более массивными цельнолитыми золотыми накладками, что отчасти указывает на их более раннее бытование.

Бронзовые прямоугольные накладки наиболее раннего периода — с прямоугольными или фигурными вырезами в нижней части для подвесных ремней — встречаются в тюркских памятниках Саяно-Алтая VII–IX веков. Елантауский набор пряжек представляет собой типичный набор ремной гарнитуры. Геральдические и бисерцевидные накладки, подобные найденным в Елантауском кургане, встречены в хазарских памятниках конца VIII — IX века [74, с. 71], а также среди уйгурских материалов VIII–IX веков могильника Чааты II [68, с. 189, 190, рис. 145, 1; рис. 146, 5]. Железные восьмерковидные пряжки с перехватом, подобные той, которая найдена в Крутом Овраге (курган 4), известны в Саркеле — Белой Веже в погребениях IX–XI веков, а также в раннеаскизских памятниках X–XII веков.

К **предметам украшений** относятся, прежде всего, диадемы, выполненные в полихромном стиле. Вставки из стекла и полудрагоценных камней красных тонов украшены зерновыми треугольниками и ромбами, внешний край оформлен тисненым узором в виде косички.

Серьги калачиковидные и серьги из серебряной проволоки в виде знака вопроса или колечка с отростком из свитых концов происходят из комплексов Боровое, Зевакино (курган 3), Ленинск.

Колт из погребения Боровое имеет округлую нижнюю часть, два окончания для ушной дужки с гроздевидной зерновой пирамидкой между ними. Каменная вставка овальной формы оконтурена зернью. Вокруг нее располагается ряд зерновых треугольников. Край колта украшен гроздевидными зерновыми отростками. Принципиально все вышерассмотренные материалы датируются нами в пределах V–VIII веков.

Коротко перечислим основные аргументы в пользу этих хронологических рамок.

Хорошо датируемыми являются предметы поясной гарнитуры. Так, пряжки из погребения 19 могильника Канаттас, кургана 1 могильника Зевакино и кургана 1 комплекса Солончанка I, а также пряжки из Муслюмово и Брюхановского выселка имеют сегментовидную овальную рамку, утолщение в передней части, подвижный прямоугольный или ромбический щиток и длинный, согнутый на конце язычок. Они относятся к 11 и 12 типам по классификации В. Б. Ковалевской и датируются V–VII веками [61, с. 16, 17, таб. 11, 7, 12].

Хронологии цельнолитых пряжек шиповского типа (Шипово, курганы 2, 3; Верхне-Погромное, курган 4, погребение 3; Каменный Амбар, курган 6) посвящена особая часть исследования А. В. Богачева [16]. Автор относит этот тип пряжек к изделиям переходной «предгеральдической» группы и датирует их не ранее второй половины VI века.

Подобные типы пряжек довольно часто встречаются в джетыясарских погребальных комплексах. Здесь они обнаружены вместе с фибулами, калачиковидными серьгами, трехлопастными ромбическими наконечниками стрел, колтами и сосудами с шишечками и луновидными налечами, которые могут датироваться в пределах VI–VIII веков.

Вероятно, данный тип пряжек появляется в урало-казахстанских степях в конце VI века как культурная инновация и какое-то время сосуществует с двусоставными пряжками с подвижным щитком. Последние, в свою очередь, претерпевают определенные изменения: увеличивается длина язычка, более массивной становится передняя часть рамки, наблюдается большее разнообразие в формах щитка и его украшениях. Это хорошо за-

метно на примере пряжек из Солончанки I, Муслюмово и Брюхановского выселка.

Сегментовидные рифленые пряжки, аналогичные боровской, в соответствии со схемой И. А. Бажана и С. Ю. Каргапольцева [12] относятся к типу X и датируются V–VI веками.

Геральдические и бисердцевидные накладки, подобные найденным в Елантаусском кургане, встречаются в хазарских памятниках конца VIII — IX века, а также среди уйгурских материалов VIII–IX веков из могильника Чааты II. Железные восьмерковидные пряжки с перехватом, подобные той, которая найдена в Крутом Овраге (курган 4), известны в Саркеле — Белой Веже в погребениях IX–XI веков [93, с. 63, рис. 16, 10; 19, 10; 22, 6; 24, 13; 25, 2], а также в раннеаскизских памятниках X–XII веков [66, с. 101, таб. XIII].

Бронзовый котел из Борового и упомянутый ранее бронзовый котел, найденный близ села Липнягова (Шадринский район Курганской области), с рамчатой ручкой, вытянутым туловом, покрытым орнаментом в виде сосулук, относятся к разным типам ритуальной посуды из этой категории. Это связано с тем, что котел из Борового имеет особую форму.

Котел из погребения у озера Боровое. Котел с поддоном в виде раструба имеет тулово диаме-

Бронзовый котел. Могильник у села Боровое. Центральный Казахстан

тром 40 сантиметров, глубину емкости 31 сантиметр. По бокам расположены четыре вертикальные дуговидные ручки, украшенные каждая четырьмя коленчатыми выступами. Тулово по центру окаймлено напаянной толстой проволокой в виде шнурового орнамента. Венчик имеет уступ, отогнутый под углом 90°. Котел неполной сохранности: отсутствуют части тулова, венчика-уступа и нижней части поддона. Сосуд являлся особым ритуальным изделием. Судя по форме тулова, расположению ручек и необычной форме подножки с загнутым бордюром, а также отсутствию нагара на стенках, вероятнее всего, он не использовался как обычный котел. Возможно, в него наливали уже приготовленную пищу или питье и подавали к столу. По всей видимости, этот сосуд был своеобразной церемониальной чашей (братиной) и использовался по особым торжественным случаям.

Керамика является особым этномаркирующим элементом в памятниках рассматриваемого круга. Коллекция керамической посуды из курганов с «усами» и комплексов селенташского типа Казахстана и Южного Урала насчитывает 57 сосудов, их частей и отдельных фрагментов. Все они делятся на десять относительно условных типологических групп (ТГ). Характерными особенностями керамики из рассматриваемых комплексов являются довольно грубый метод изготовления, неравномерный обжиг, рыхлое тесто, использование в качестве примеси крупного песка и дровя. Выделяется также неоднородная цветовая гамма горшков: среди них есть светло-коричневые, красноватые, бурые, черные. Данные особенности не распространяются на сосуды кувшинообразной формы, которые изготовлены из плотного теста с примесью мелкого песка и имеют более однородный цвет.

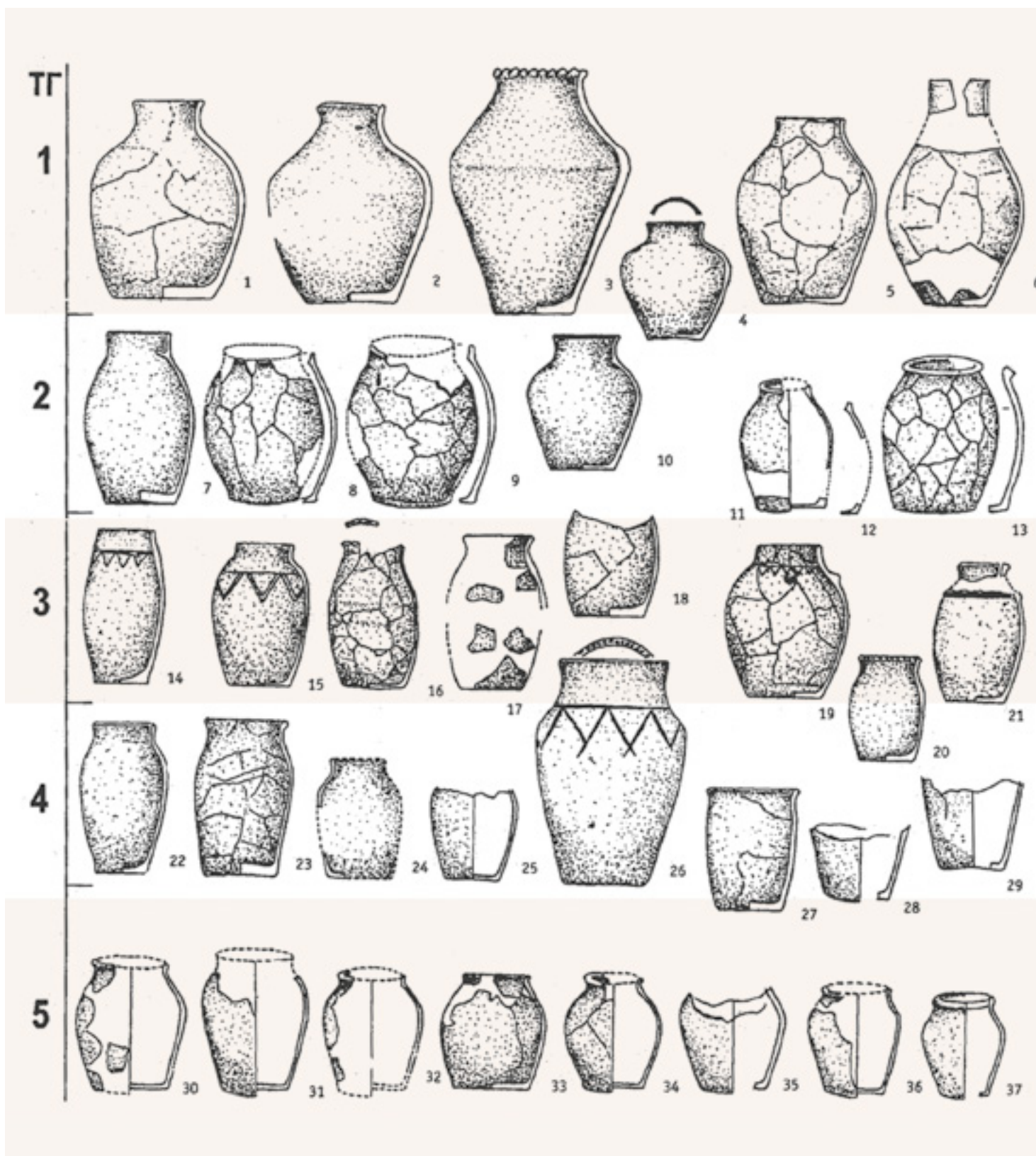
Первую типологическую группу (ТГ1) образуют большие кувшинообразные лепные горшки с сильно раздутым или со сравнительно плавно профилированным туловом (Сарбулат, южный курган; Александровские, курган 2). Они имеют слегка отогнутую невысокую шейку, сужающуюся к горловине, прямо или округло срезанный венчик. В одном случае (Шедерты) венчик имеет косую нарезку, в другом — защипы. Большие кувшинообразные горшки появляются на Южном Урале, в Казахстане

и среднеазиатских оазисах в конце III века до н. э. в подбойно-катакомбных комплексах условно называемого льяндакского типа (III–I вв. до н. э.).

Вторая типологическая группа (ТГ2) включает шесть сосудов с особой конструктивной деталью — воротничком с внутренней или внешней стороны нижней части венчика, в месте перехода короткого

Керамика (ТГ1).
Новинкинские курганы.
Самарская область

Типологические группы керамики из курганов с «усами» и памятников селенташского типа урало-казахстанских степей

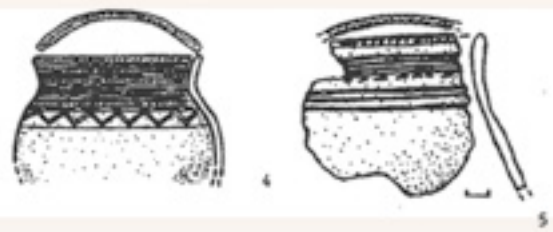
ПГ
6

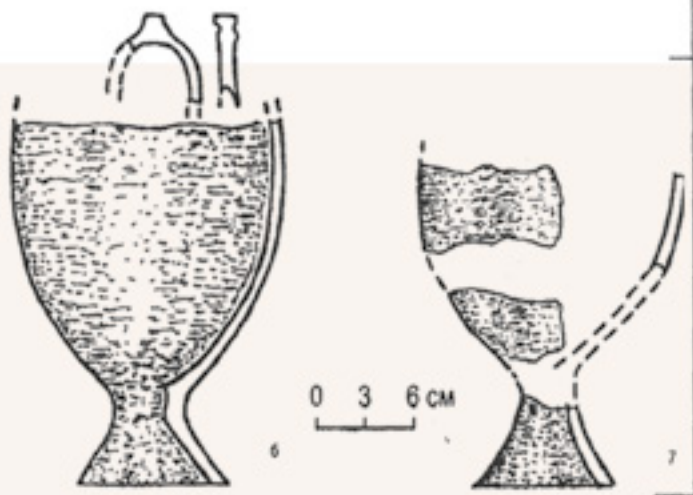
7

8

9

10

Аварская керамика
[192] (ТГ 2). Венгрия

венчика в шейку. Это горшки средних размеров, со слабо раздутым, плавно профилированным и вытянутым туловом, широким днищем и сравнительно широкой горловиной, короткой шейкой и низким прямоскошенным венчиком. Исключением в этой группе является сосуд из могильника Зевакино. У него раздутое тулово, высокая отогнутая шейка, на венчике орнамент в виде косой нарезки. Внешне он более соответствует сосудам из ТГ1, являясь прямым аналогом горшка из комплекса Шедерты. Однако характерный внутренний воротничок в месте перехода от шейки к плечу позволяет поставить этот сосуд на некий промежуточный уровень между ТГ1 и ТГ2.

Третья типологическая группа (ТГ3) включает восемь сосудов. Это высокие, вытянутые и плавно профилированные горшки с невысокой отогнутой шейкой и прямым венчиком. По форме тулова они близки к сосудам из ТГ2. Три сосуда украшены орнаментом в виде горизонтальной линии, прочерченной в месте перехода шейки к плечу, от которой вниз по плечу спускается прочерченный зигзаг. Сосуд из Измайловки дополнительно украшен сосце-

видными налестками. Верхняя часть тулова сосуда из комплекса Кызылтас II оформлена налестным валиком с ромбовидными углублениями. Несколько особняком стоит небольшой горшок из комплекса Оленина Отнога. У него так же плавнопрофилированное тулово, прямая отогнутая шейка, скошенный венчик, по верху которого нанесены косые насечки. Однако слабо выраженный плечевой переход сближает этот горшок с сосудами следующей типологической группы (ТГ4), что позволяет говорить о его промежуточном положении между сосудами из ТГ3 и ТГ4.

Типологическая группа 4 (ТГ4) включает восемь горшков, имеющих вытянутые пропорции, наклонные прямые или близкие к прямым стенки тулова, оконтуренный плечевой переход (слабое ребро), невысокую плавно отогнутую шейку, и один сосуд, местонахождение которого не определено. Особняком стоит сосуд больших размеров из кургана 5 могильника Селенташ. Он имеет хорошо выраженное ребро в месте перехода шейки в плечо, где расположен резной орнамент в виде горизонтали, от которой вниз спускается прочерченный зигзаг.

Плавно профилированная керамика вытянутых пропорций возникла, вероятно, в районах Центральной Азии, где подобные формы появляются уже в суннских памятниках [68, с. 102, рис. 78, 1, 2; 117, abb. 20, 91; 21, E1, 2; 22, d5; 25, c2; 28, j8; 42, H, № 1], в могильниках Забайкалья и Монголии [38, таб. 18, 12; 34, 11; 42, 12, 16; 44, 9; 113, с. 65, рис. 14, 8, 9; с. 69, рис. 20, 2; с. 74, рис. 26, 6]. В последующее, раннетюркское время такая посуда отличалась большей прямостенностью и грубым изготовлением. Эти признаки хорошо прослеживаются на образцах из алтайских комплексов кудэргинского круга [25, таб. XXIV, 13, 14; 65, с. 145, рис. 11] и на сосудах чаатасской эпохи [33, с. 147, таб. XXI, 1, 2, 56; 69, с. 136–137, рис. 28, 6, 7, 18, 19, 23, 25]. Прямостенные формы продолжают господствовать в Южной Сибири и в уйгурскую эпоху, и в период Кыргызского каганата, их находят в памятниках тюхтятской культуры IX–X веков [33, с. 147, таб. XI, 10, 13; 68, с. 165, рис. 121, 1; с. 169, рис. 124, 1–4, 6; с. 176, рис. 132, 3, 4, 6, 8, 9; 69, с. 144–145, рис. 33, 11, 12, 17, 19] и в памятниках культуры Курькан [9, с. 38, таб. VII, 1–3, 8; 39; 69, с. 147, рис. 35, 33–36].

Типологические группы 5, 6 включают сосуды горшечно-баночной формы средних размеров (ТГ5) и малых размеров (ТГ6).

Типологическую группу 7 (ТГ7) составляют пять кувшинов или кувшинообразных сосудов. Все они примерно одного размера и имеют слегка раздутое тулово, ручку в месте перехода от плеча к верхней части шейки, прямой или скошенный венчик. В одном случае (Солончанка IX) сосуд украшен орнаментом в виде каннелюр, заполняющих пространство от плеча до венчика, в другом (Солончанка I) — прочерченной горизонтальной линией в месте перехода от шейки к плечу, под которой прочерчен неправильный зигзаг, оконтуренный штриховыми короткими вдавлениями. Особняком в ТГ7 стоит сосуд из кургана Новокоңдуровский I. Кувшинообразную форму придает ему узкая горловина и раструбообразная верхняя часть шейки и венчика. Эта особенность является характерной деталью некоторых типов керамических сосудов из раннеболгарских комплексов Юго-Восточной Европы и Самарской Луки VI–VII веков [11, таб. LII, 2, 3; LV, 96, 12; LVI, 13; 96, таб. 57, 14, 16], раннеаварских памятников Альфельда [122, таб. 52; 53, 3, 4; 54, 2; 55–58]. Кувшин из комплекса Солончанка IX имеет форму, довольно распространенную в урало-казахстанских степях с гунно-сарматского периода. Аналогичные кувшины, но меньших размеров, были найдены в кургане 19 могильника Большакараганский, кургане 33 могильника Восточно-Курайлинский I, кургане 1 могильника Малково, кургане 80 могильника Целинный I, относящихся к II–IV векам.

Горшки из этих типологических групп очень близки к сосудам из ТГ3 и ТГ4. Их особенность заключается в том, что они более приземисты. Стенки их также имеют округлую или ребристую (в месте перехода от шейки к плечу) профилировку. Близость этих групп в определенной мере подтверждается единичными параллелями в уже приводимых комплексах джетыасарской культуры, раннеболгарских и раннеаварских памятниках, а также средневековых комплексах Саян и Алтая V–VIII веков [72, рис. 86, 14, 15, 20; 87, 1, 5; 90, 2, 13, 14; 11, таб. LIV, 3, 4; LV, 1–4, 10, 11; LVI, 1–3, 9, 10; LVII, 8–15; 96, таб. 57, 9, 11, 15; 122, таб. 82–87; 90,

рис. 31, 12, 13, 14, 16; 119, abb. 3, 2; 11, 7, 8; 26, 11–13; 117, abb. 20, B 2, 3; d, 3; E, 2, g. 1; 2; C, 1, E, 1; 22, d, 5; K, 1, N, M, 1; 23, B, 2, g, 1, 3; 25, C, 2; 28, a, 1; H, 3; 29, H, 9; 30, g, 3; 32, B, 2; C, 1, E, 8; 33, d, 1; 38, C, 1, E; 44, K, 2, E; 47, C, 4, E, 2, J, 3; 51, J].

Небольшую *типологическую группу (ТГ8)* образуют четыре крынкообразных и грушевидных сосудика. Сосудик из Султантими́ровского кургана имеет два заостренных валика в верхней части плеча. Данная форма также довольно часто встречается у маленьких сосудов гунно-сарматского и джетыасарского круга.

Особую *типологическую группу (ТГ9)* составляют фрагменты от двух кушнаренковских сосудов из могильника Селенташ (курган 4) и кургана с «усами» 14 могильника Кайнсай. Судя по фрагменту из селенташского кургана, он относится к позднекушнаренковской посуде, подобно той, которая была обнаружена в Танкеевском могильнике, и датируется VIII–IX веками [52, с. 129, рис. 8, 3, 4]. Сосуд из кургана 14 могильника Кайнсай относится к более ранним образцам и по аналогии с керамикой из Старохаалиловских и Лагеревских курганов может датироваться в рамках VII–VIII веков [75, с. 225, таб. XIX; 102, с. 27, рис. 56, 55–57].

Среди образцов керамики из курганов с «усами» особое место занимают обломки от двух керамических котлов из кургана 1 могильника Кызылтас и кургана 2 Зевакинского могильника. Котлы кубковидной формы, имеют довольно высокую воронкообразную подножку, яйцевидное тулово, в одном случае сохранился обломок ручки арочной формы с небольшим шпеньковидным отростком по центру верхнего края.

Керамические котлы схожей формы найдены в курганах 92 и 131 могильника Алтынасар 4в и могильнике Косасар 2 [73, рис. 65, 1, 2, 7]. Большая группа керамических котлов такой формы происходит из коллекции Кокэльского могильника, который, как уже указывалось, сегодня большинством авторов датируется временем не ранее V века [117, abb. 21, D, B 7; 23, B1; 25, A16; 27, A, 1; 29, B1; 40, F 4; 41, C 1; 44, C, 3; 45, g 3; 46, D 1; 49, E; 50, K7, X, 3, 45, Z 2; 51, H 6; 52, D 3; 19, с. 127]. Кроме того, керамические котелки кубковидной формы обнаружены

в поздних склепах таштыкской культуры и датируются VI–VIII веками.

Анализ керамического комплекса позволяет сделать следующие предварительные выводы:

1. Несмотря на обширную географию находок керамических сосудов из курганов с «усами» и селенташских комплексов Центрального, Восточного и Северного Казахстана и Южного Урала, они почти в равных долях составляют фактически все выделенные типологические группы. Исключение составляют лишь образцы кушнаренковской посуды, распространение которой не выходит за пределы Южного Урала, и керамические котлы из Прииртышья.

2. По своему происхождению, вероятнее всего, типологические группы распределяются следующим образом. Возникновение и дальнейшее формирование сосудов из ТГ1 — больших хумообразных — происходит в предшествующий (гунно-сарматский) период на территории урало-казахстанских степей и среднеазиатских оазисов. Не исключен вариант непосредственного получения этих образцов из среднеазиатского региона. Происхождение сосудов из ТГ2, ТГ3, ТГ4, ТГ5 — плавнопрофилированных, с округлыми или прямыми стенками — а также керамических котлов связано, вероятнее всего, с районами Центральной Азии (Саяно-Алтай). В этой связи вполне закономерен тот факт, что наряду с попаданием в урало-казахстанские комплексы эти образцы в массовом количестве присутствуют в раннеболгарских памятниках Поволжья и Юго-Восточной Европы, а также в раннеаварских комплексах Альфельда. Как известно, сложение ранних болгар (огуры, сарогуры, кутигуры) также связано с саяно-алтайский регионом [57, с. 63; 59, с. 63; 49, с. 14].

3. Несмотря на наличие восьми основных относительно многочисленных типов, керамический комплекс курганов с «усами» и селенташских памятников демонстрирует удивительную цельность. Многие группы (ТГ2–ТГ6) при определенных допусках (более вытянутые, более приземистые, округлая или прямая профилировка) являются фактически производными друг от друга. В разных территориальных и типологических группах повторяются одни и те же элементы (внутри воротни-

чок, нарезки-защипы по венчику, орнамент в виде горизонтали и прочерченного под ней зигзага).

4. Хронологически весь керамический комплекс условно можно поместить в интервале V–VIII веков. При этом более позднюю позицию (VIII в.), вероятно, будут занимать более крупные образцы из селенташских комплексов и курганов с «усами».

Таким образом, проделанный анализ вещевого материала позволяет говорить, что рассматриваемые комплексы в целом можно отнести к довольно широкому интервалу раннего Средневековья в рамках V–VIII веков. Самую раннюю позицию занимают наиболее представительные комплексы, имеющие относительно надежно (на сегодняшний день) датируемый вещевой материал: курганы с «усами» Солончанка I; Канаттас, курган 19; Зевакинский, курган 1; Коктал. Эти памятники довольно часто в литературе включались в круг комплексов с изделиями полихромного стиля или времени Великого переселения народов и помещались в хронологический интервал V–VI веков [45, с. 112–136; 2, с. 10–23, рис. 59]. К этому же интервалу относятся комплексы вещей из Брюхановского выселка, Муслюмово, Борового, погребений Верхне-Погромное, Кара-Агач, Аркаим, Каменный Амбар (курганы 5, 6) и др. Большинство памятников, содержащих вещевой материал, могут быть датированы по принципу его типологического единства. Однако эти комплексы корректно будет поместить в более широкие временные рамки — V–VII века. Это казахстанские комплексы Ельшибек, Шедерты, Сангуыр (курганы 1–3), Зевакино (курганы 2, 3), Кызылтас II, Кызылтас (курган 1) и др.; южноуральские комплексы Городищенский IX, Елизаветпольский, Новоактюбинский I, Новокондуровский I, Солончанка IX и др.

На сегодняшний день эти выводы довольно четко подтверждены результатами радиоуглеродного анализа материалов трех курганов с «усами»: кургана 2 (южного) могильника Сарбулат (керамика), Суходол (кость), кургана 14 могильника Кайнсай (керамика), одиночного кургана 2 и кургана 5 из группы Суходол (уголь). Насколько можно судить по результатам, наиболее раннюю и фактически синхронную позицию занимают памятники Сарбулат (курган 2) и Суходол (курган 5): с вероят-

ностью 68,2 % они датируются в пределах начала V — начала VII века с пиком в середине VI века. Следующую за ними позицию занимает курган 14 могильника Кайнсай, датированный (с вероятностью 68,2 %) по фрагментам большого сосуда (вазы) серединой VI — концом VII века с пиком на рубеже VI–VII веков. Наиболее позднюю дату дает уголь с погребенной площадки кургана 2 группы Суходол (вероятность 68,2 %): конец VII — конец VIII века с пиком на VII — середине VIII века. Этот курган входит в группу из четырех курганов селенташского типа, расположенных по периметру комплекса кургана с «усами» Суходол (курган 5). В кургане 4 из этой же группы в углублении, сделанном в погребенной почве, был установлен сосуд, характерный для первой типологической группы сосудов из курганов с «усами» и курганов селенташского типа. Таким образом, в рамках этой группы, входящей в большой микрорайон Каменный Амбар на реке Карагайлы-Аят, с одной стороны, подтверждается более поздняя позиция курганов селенташского

типа, с другой стороны, и первые и вторые представляют единую линию историко-культурного развития.

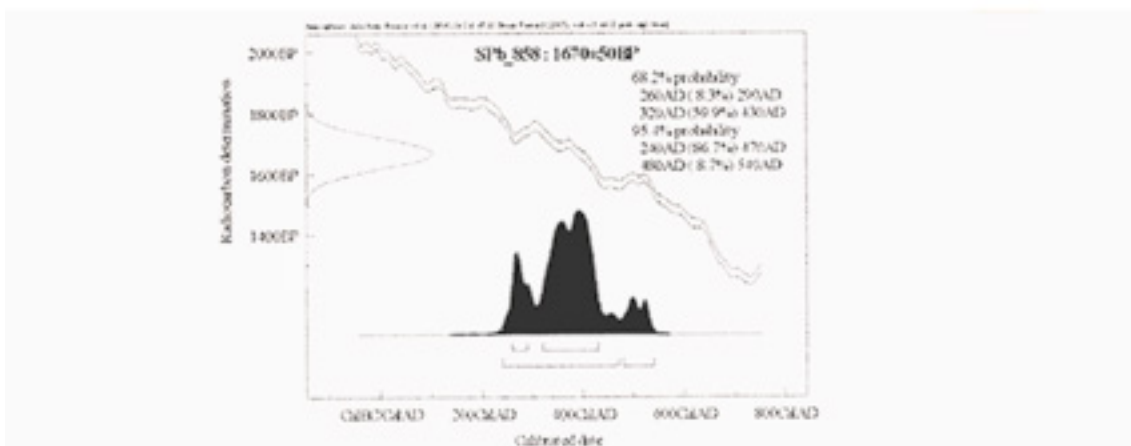
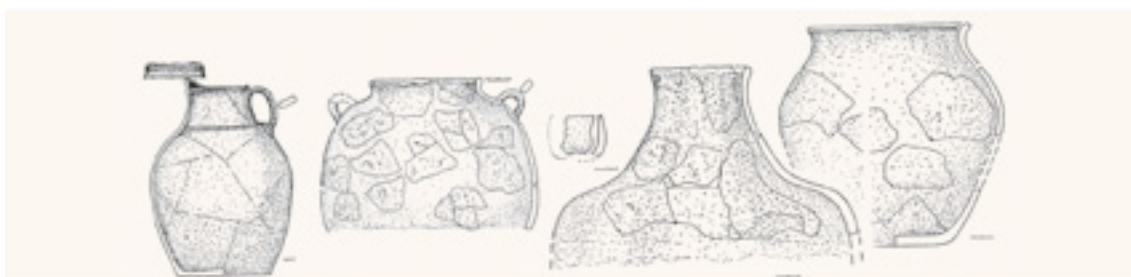
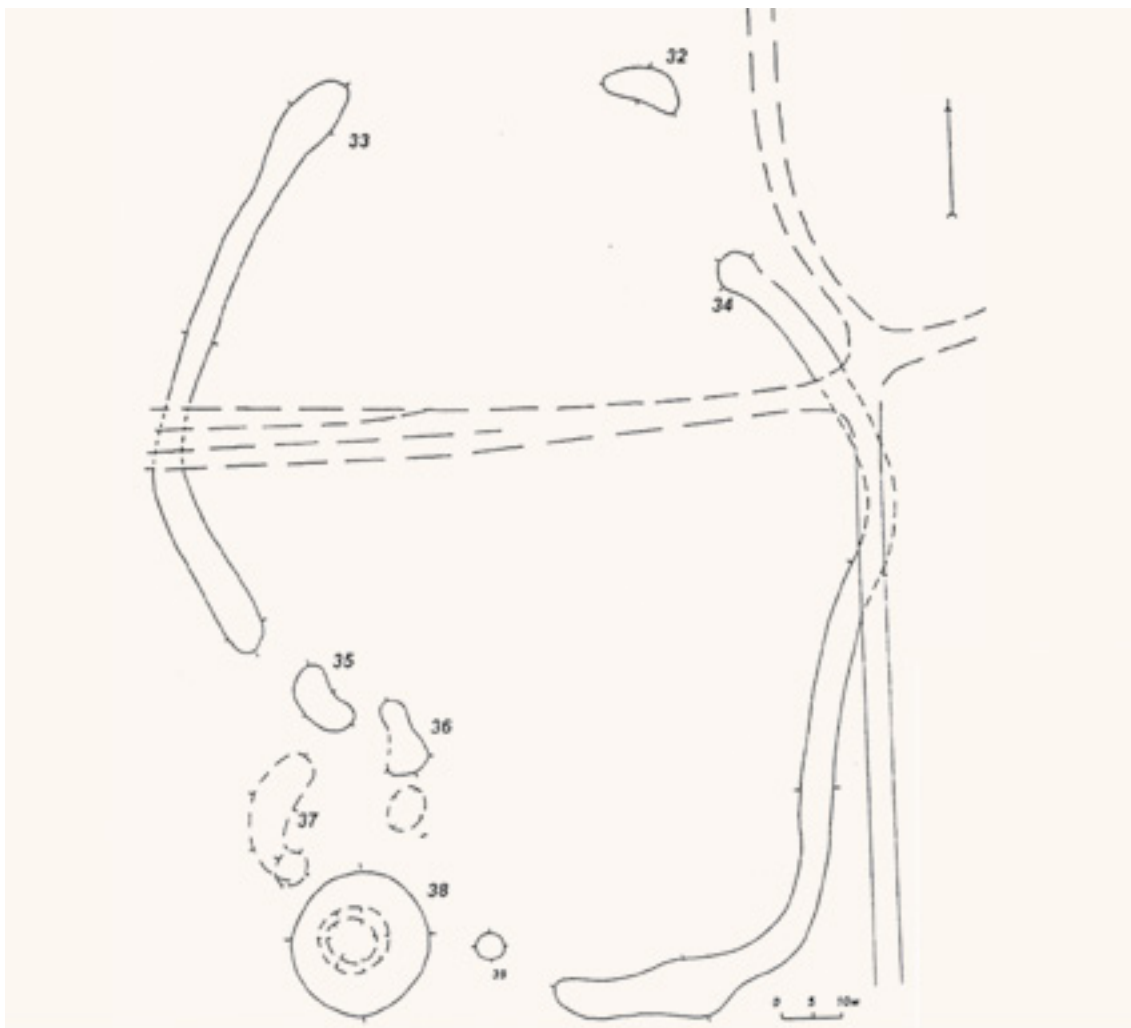
Из сказанного следует, что радиоуглеродные даты покрывают временной диапазон от V до VIII века, при этом курганы с «усами» датируются в пределах V–VII веков, курган 2 селенташского типа могильника Сарбулат занимает более позднюю позицию (конец VII — VIII в.). Это в целом не противоречит и типологической хронологии, приведенной выше.

Остается ответить на один весьма важный вопрос. Каковы истоки своеобразной традиции возведения таких оригинальных мегаплановых сооружений, коими являются каменные или грунтовые гряды, или «усы»? Если обратить внимание на предшествующий период, то можно заметить, что в кругу раннегуннских культурных традиций достаточное распространение имело сооружение мегаплановых конструкций (примером могут служить уже упомянутый Урпекский геоглиф

Могильник Магнитный. Агаповский район. Челябинская область. Аэрофотоснимок
С. М. Арканова

Планы, погребальный инвентарь и таблица радиоуглеродного анализа. Могильник Магнитный, курган 38. Агаповский район. Челябинская область

или гантелевидные и длинные курганы). В этой связи очень интересным, с нашей точки зрения, является комплекс кургана с двумя грунтовыми грядами № 38, расположенный на южной окраине Магнитного могильника. Следует напомнить, что в этот могильник входят несколько гантелевидных и длинных курганов. Однако курган 38 имеет две дугообразные и длинные насыпи, имеющие характерное расширение на концах. Они располагались по линии С–Ю. Восточная гряда достигала в длину 160 метров, западная — 105 метров. Раскопки центрального кургана показали, что он представляет собой ритуальный комплекс, аналогично курганам с «усаами» и курганам селенташского типа. На погребальной площадке здесь обнаружены большое количество продуктов горения (прокалы, уголь), а также фрагменты четырех керамических сосудов гунно-сарматского облика.

Вероятнее всего, данный комплекс является своеобразным переходным типом курганов от раннегуннского этапа к позднегуннскому, когда окончательно сформировалась традиция возведения курганов с «усаами». Это в определенной мере подтверждается и радиоуглеродным датированием, полученным для материалов из данного кургана. Диапазон при вероятности 68 % составил 320–430 гг. AD, что, безусловно, падает на самый поздний этап раннегуннского периода.

Долина реки Уй.
Челябинская область.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

4
ТОМ
глава
3

ЮЖНЫЙ УРАЛ
В СОСТАВЕ
ТЮРКСКИХ
КАГАНАТОВ

Глава 3. ЮЖНЫЙ УРАЛ В СОСТАВЕ ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ

Когда вверху возникло
Голубое Небо, а внизу —
Бурая Земля, между ними
обоими возник род людской.
И воссели над людьми мои
пращуры — Бумын-каган,
Истеми-каган. Воссев на
царство, они учредили Эль
(Государство) и установили
Тёрю (Закон) народа тюр-
ков... Имеющих головы они
заставили склонить головы,
имеющих колени они заста-
вили преклонить колени!
На восток и на запад они
расселили свой народ. Они
были мудрые каганы, они
были мужественные каганы!

Тюркский летописец

Наконечники стрел.
Могильник Городищенский IX.
Карталинский район.
Челябинская область

Возникновение тюркского этноса

В период между уходом с исторической арены хунну и сяньби на территории Монголии и Восточного Туркестана возникает Жужаньский каганат.

В канун появления на исторической арене тюркютов — тюгю, в тех краях наиболее могущественным был союз племен, где первенствовали жужани. Они господствовали несколько веков между Хинганом и Алтаем и наводили ужас на обитателей Поднебесной империи на берегах Хуанхэ и за тысячи километров от них. Близился конец их могущества. По тайному стовору с имперскими чиновниками одно из самых многочисленных подвластных племен жужаней, телесцы, в 490 году уходят в Туркестан и верховья Иртыша, где создают государство Гаогюй. К этому времени на Алтае возвышается небольшое племя тюгю, или тюркютов, которое довольно быстро, возглавив часть телесского союза, вступает на военно-политическую арену как грозный соперник жужаней и верный союзник китайского императора.

Возникает вопрос: кто были они, эти полуполюгендарные тюркюты? Говоря о тюрках тюгю из рода ашина, обычно приводят генеологическую легенду, записанную в китайских хрониках. В легенде говорится о «рождении» тюркютов и указывается их прародина: «Одно из больших племен, которое носило название Со (что в переводе волчица) было

Тюркюты, или тюрки рода Ашина — знатный род правителей тюркских каганатов. Большинство исследователей склоняется к точке зрения, что происхождение тюркютов следует искать в сако-усуньской антропологии (совокупность собственных имен). По мнению С. Г. Кляшторного и Ю. А. Зуева,

«ашина» происходит от иранского *asaena* (асана). В тюркском и монгольском языках оно означает «благородный волк». По своему облику тюркюты были монголоидами, что подтверждает антропология тюркских ханов на сохранившихся поминальных каменных изваяниях. Генеалогия тюркютских ханов насчитывает полтора столетия (с 542 по 704 г.).

разгромлено и уничтожено врагами. Остались лишь четыре мальчика — внуки волчицы. Они бежали в горы. Один превратился в лебедя (племя кукижи — лебединцев до сих пор обитает в северных предгорьях Алтая). Другой поселился между реками Абу и Гянь (Абакан и Енисей). Остальные братья на реке Чуси (Чус Алтай). Таким образом, прародиной тюркютов, согласно легенде, можно считать Алтай и Северные Саяны».

Легенда интерпретируется исследователями по-разному, хотя в основных положениях эти реконструкции сходны. Так, по мнению С. Г. Кляшторного эта легенда в разных списках («Чжоу ши» и «Бэй ши») показывает последовательные этапы расселения тюрков-ашинов в Центральной Азии. После расселения ашинов на Алтае в их генеалогическую традицию включаются тюркоязычные этнические группы севера Центральной Азии и Южной Сибири, создавшие обособленные племенные

объединения по соседству с тюрками-ашинами. «Цигу» (енисейские кыргызы, группа «белого лебедя») отождествляются им с кыпчаками, группа теле — непосредственно с родичами ашина, поселившимися на реке Чжучже. Текст легенды отражает события V века или, возможно, IV–V веков, происходившие на территории Восточного Тянь-Шаня и Саяно-Алтая (включая монгольский Алтай) [54, с. 86–87].

Весьма интересную интерпретацию генеалогических преданий дает А. П. Кондратенко. По его мнению, облик тюркского культуругенеза интерпретируется из фабулы легенды: «Правитель Сэ (земли которого находились западнее Алтая) имел потомка по имени Ичжини-нишиду (это шаньюй Юйгудзянь, при котором произошел окончательный раскол северных хунну и уход их в Джунгарию (87–91 гг.). Древнее произношение иероглифов читается сходно с нишиду — *ngia-deio-diano*, родившегося от волчицы (хуннская княжна?), сравни позднейшее монгольское имя тюркского происхождения Бортэ (Боортэ, то есть “волчица”), у которого, в свою очередь, было две жены, дочь духа неба и дочь духа земли (?), от первой жены у него родились сыновья, один из них превратился в лебедя и улетел, другой, по имени Цигу, основал государство между реками Сору и Гянь, третий положил царство на берегу Чуси, и четвертый, по имени Надулуше, жил в горах Бысычусима. По мнению автора, легенда говорит о реальных событиях: в первом случае речь идет о хуннском шаньюе Хуянь, иероглиф которого на древнетюркском читается как “*hugan*” — лебедь, поселился в Семиречье, во втором говорится о переселении части хуннов в Минусу, где возникает государство Гяньгунь, в третьем — появление “гузских тюрков” — государства Юэбань, и, наконец, в четвертом — миграции северных хунну на Алтай» [62, с. 28–29].

Таким образом, автор проводит абсолютно прямую линию этногенеза от северных хуннов до ранних тюрков фактически во всех пределах тюркской ойкумены. Эта интерпретация небесспорна. Однако, учитывая многослойность и аллегоричность фабулы генеалогических легенд, ее вполне можно признать отчасти соответствующей действительности.

Каган Бумын. Барельеф на камне. VI век. КНР

Бумын-каган — основатель Тюркского каганата (552 г.). В 542 году стал вождем племени ашина. В 545 году правитель китайской империи Вэй Тай-Цу, искавший себе союзника в борьбе с жужанями, направил к Бумыну посла — согдийца Ань-Нопеньтона — с богатыми подарками. Бумын-каган встретил китайского посла с почетом, проводил с союзническими намерениями. Этот год сохранился в истории как год официального признания на международном уровне тюркского племенного союза. Прежде всего Бумын-каган решил объединить родственные племена, в том числе наиболее близкое племя теле, платившее дань жужаням. В 546 году племя теле (по китайским источникам, 50 000 юрт) вошло в состав будущего государства тюрков. После чего Бумын-каган

отправил вождю Аганую требование выдать жужуньскую принцессу замуж за него. Это послание возмутило Анагуя, и он снарядил войско для полного покорения тюрков. Этого и добивался Бумын: вступив в союз с государством Вэй и в 551 году женившись на китайской принцессе Чанле, он в 552 году во главе большого войска вышел в поход против жужаней и разбил их. Не выдержав позора, Анагуй покончил жизнь самоубийством. Так была создана новая могущественная империя — Тюркский каганат. Вскоре после этого приняв титул ильхан («правитель народов»), в конце 552 года Бумын-каган умер. Престол Тюркского каганата унаследовал его старший сын Кара Иссык Хан, который правил всего один год. В 553 году каганом стал Мукан, младший сын Бумына.

Последующие события тюркского культурополиогенеза выглядят так. В середине VI века конфедерацию, в которой первенствовали тюркюты, возглавляет хан Бумын. Он подчиняет всех телесцев (546 г.) и окончательно громит жужаней (555 г.). Тогда же начинаются победоносные походы его младшего брата Истеми-кагана на запад. В 558 году, после разгрома среднеазиатских аваров, его тумены выходят к Итилю (Волге) и вторгаются в Восточную Европу. В Средней Азии тюрки громят могущественную державу эфталитов (565 г.). Затем устремляются в Закавказье и появляются даже на Босфоре (576 г.) и в Иране (589–593 гг.). Остается лишь изумляться сокрушающей молниеносности тюркской конницы и гению полководцев из рода Ашина. На целый век они приковали к себе внимание почти всей Евразии.

Истеми Багадур-ябгу — младший брат Бумын-кагана из династии ашина, ябгу (второе лицо в государстве) Тюркского каганата. С 552 по 576 год руководил западной политикой каганата и был почти независимым правителем западных территорий. Благодаря Истеми тюрки поставили под свой контроль Великий шелковый путь, завязали тесные отношения с Ираном и Византией, уничтожили государство эфталитов и расширили границы каганата до Черного моря. В 554 году после заключения договора с сасанидским Ираном по поручению Мукан-кагана (сына Бумына) Истеми во главе большой армии выступил на запад. К 555 году он дошел до Аральского моря. По пути подчинил себе усуней, нушиби, дулу, а также подвласт-

ных эфталитам Хотан, княжества Семиречья и Хорезм. Эфталиты были не в состоянии отреагировать на эти события из-за войны в Индии. Истеми, зная о занятии Хосрова I Ануширвана боевыми действиями с византийцами, также не стал в одиночку атаковать эфталитов, обратив внимание на север, где в 556 году подчинил абаров и наткнулся на сопротивление хионитов, вар, огоров и, возможно, примкнувшей к ним части жужаней. В 558 году тюркам удалось изгнать остатки разбитых племен за Урал. Подойдя к берегам Волги, тюрки не стали форсировать реку, а вернулись назад. С 560 по 565 год войска Истеми-хана сражались против эфталитов. К 562 году, перейдя реку Чирчик, Истеми занял Самарканд. Основные войска эфталитов,

сосредоточившиеся у Бухары, не решились принять бой на равнине и отступили в горы. Решающее сражение состоялось в 565 году возле Карши, длилось оно восемь дней и завершилось победой Истеми. С 568 по 571 год продолжалась война с сасанидским Ираном. При разделе прежних владений эфталитов тюркам достался Согд. Согдийцы — одни из главных действующих лиц в азиатской торговле — были обязаны тюркам прекращением жужаньских грабежей и эфталитских войн. Однако их желание наладить торговлю с Европой натолкнулось на препятствие иранцев поступлению неконтролируемого количества товаров в Византию. Согдийцы уговорили Истеми направить их представителя Маниаха во главе посольства в Иран. Но Хосров I Ануширван выкупил весь привезенный ими груз шелка и демонстративно сжег его, дав понять, что провоз товаров через Иран не в его интересах. Второе посольство, на этот раз состоявшее из тюрков, также было безуспешным. Истеми принял решение начать войну, поводом к которой стала смерть тюркских послов от болезни в Иране, что было интерпретировано как отравление. Прежде чем начать боевые действия, Истеми в 568 году заключил торговый и военный союз с Византией, к которой уже ранее

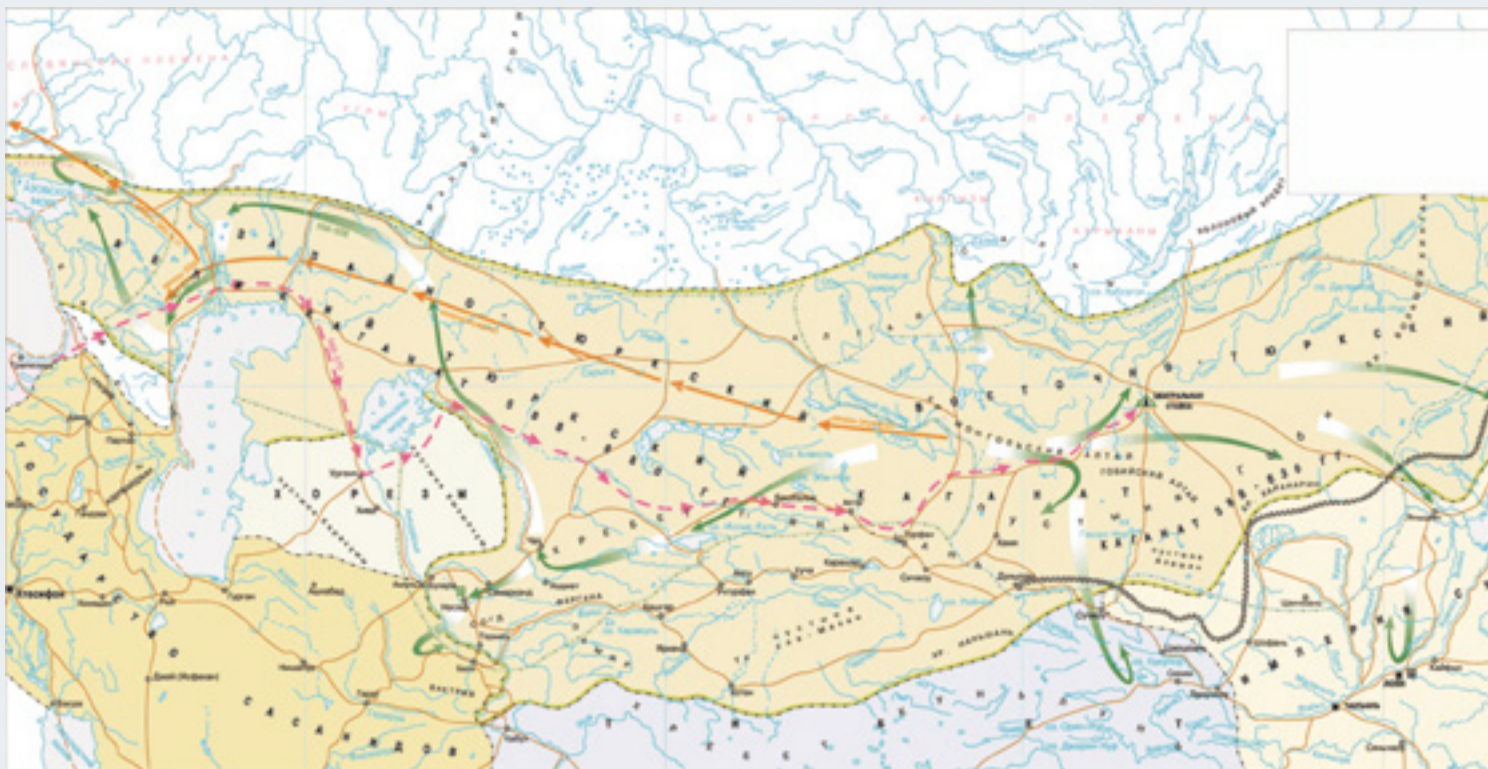
(в 562 и 563 гг.) направлял посольства (тогда целью было недопустить союз византийцев с аварами). Еще в 567 году тюрки перешли Волгу и проникли на Кавказ. Движение было обусловлено стремлением преследовать аваров и попыткой проложить северный торговый путь в Византию в обход Ирана. В 568 году Истеми, подчинив по дороге утигуров и хазар (последние приняли сторону тюрков, что обусловило их возвышение над другими народами региона), подошел к северной границе Ирана возле Дербента. Тюрки потребовали от Хосрова I выплату дани, но получили отказ: иранцы были уверены, что недавно обновленные дербентские укрепления были непроходимы для степняков. Истеми пришлось отступить. На обратном пути он захватил Аланию, бывшую союзником аваров. В 569 году вернулся в Согд. В 570 году тюркские послы пытались убедить византийского императора Юстина II начать наступление на Иран с запада, но тот медлил. Лишь в 572 году началась война, в конце которой Истеми был вынужден заключить с Хосровом I мир. По условиям договора граница между каганатом и Ираном прошла по Амударье, а Иран обязался выплачивать тюркам ежегодную дань в размере 40 тысяч золотых динаров.

Великий Тюркский каганат — крупное средневековое государство в Азии, созданное племенным союзом тюрков (тюркютов) во главе с правителями из рода ашина. Одно из крупнейших государств в истории. В период наибольшего расширения (конец VI в.) контролировало территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии), Монголии, Алтая, Восточного Туркестана, Западного Туркестана (Средней Азии), Казахстана и Северного Кавказа. В 542 году этноним «тюрки» впервые встретился в китайских рукописях.

После падения могущества усуней Семиречье превратилось в постоянную арену войн. Появившиеся здесь в V веке отряды жужаней вынудили усуней перенести свои кочевья из степной части на Тянь-Шань. На освободившихся землях пытались обосноваться остатки юэчжи, но после войн с жужанями в 418–419 годах они были вынуждены уйти в Среднюю Азию, где столкнулись с персами и эфталитами. Верховья рек Чу и Талас были захвачены кангарами, которые остановили движение жужаней на запад. Семиречье и Кыргызстан были окраинами государства жужаней, поэтому им уделялось мало внимания, однако именно здесь, на Алтае, начинает формироваться сила, способная противостоять жужаням. Многочисленные племена народа теле, расселявшиеся в северо-восточном Семиречье, долине Иртыша и Джунгарии, восстали против

жужаней и в 482 году создали собственное государство. Оно существовало недолго, и в 516 году теле вновь попали в зависимость от жужаней. Одно из алтайских племен, ашина, поставило для жужаньской империи железо. Этому племени суждено было сыграть особую роль в истории Евразии. Именно подданные ашина стали впоследствии называться тюрками.

Само слово «тюрк» означает «крепкий», «сильный». До настоящего времени у многих тюркоязычных народов слово «тюрк» используется в первоначальном значении — «вместе, сообща». Согласно А. Кононову, вначале это был политический термин, означавший членов семьи степной аристократии, составлявшей господствующий род племен ашина, и лишь затем стал названием всех племен, подчиненных тюркскому кагану. В 545 году телесские племена вновь восстали против жужаней, и во главе нового государства встал правитель тюрков-ашина Бумын. Последние слова Юйцзюлюй Анагуй после поражения от Бумына: «Ты был моим оруженосцем». В 551 году он заключил союз с китайским царством Западная Вэй и, разгромив жужаней, принял титул ильхан («правитель народов»). После смерти Бумына в 552 году на престол вступил его сын, принявший титул Кара Иссык каган, который нанес полное поражение жужаням. После победы каган погиб при загадочных обстоятельствах, и государство возглавил его

Карта-схема Тюркских каганатов Евразии и перемещения внутри них

брат Муқан-каган. В 553 году жужани были вновь разбиты, и тюрки стали хозяевами всей степи к востоку от Алтая. В следующем году начался поход тюрков на запад, возглавленный младшим братом Бумына Истеми-каганом. Усуни, ослабленные набегам жужаней, не оказали сопротивления, и уже в 555 году войска Истеми достигли Аральского моря. Однако племена уар и эфталитов, живших к северу от Арала, оказали яростное сопротивление и были покорены только к 558 году. Тюрки вышли к Волге, но не стали ее переходить. Так за короткий срок была создана огромная кочевая империя, охватившая территорию от Волги до Хинганских гор.

В 561–563 годах тюрки заключили с Ираном союз против эфталитов. В 564 году войска шаха Хосрова Ануширвана заняли стратегически важную область — Тохаристан. В 565 году в битве у Нахшаба тюрки

одержали победу, и Согд был присоединен к каганату. Основные силы эфталитов были разбиты тюрками в 567 году под Бухарой. После завоевания Средней Азии каганат стал контролировать значительную часть Великого шелкового пути.

Тюрки и согдийцы, находившиеся под их властью, были заинтересованы в прямых торговых связях с Византией. Иран этому препятствовал. В связи с этим в 568 году Истеми-каган направил посольство во главе с согдийским купцом Маниахом в Константинополь. По итогам переговоров с византийским императором Юстином II были подписаны торговое соглашение и военный договор против Ирана. После заключения византийско-тюркского союза Иран обязался выплачивать каганату ежегодную дань (40 тысяч золотых динаров) и не препятствовать торговле.

В 575 году Иран и Византия объединились против тюрков. В ответ на это в 576 году тюркские войска разгромили вассала Византии — Боспор Киммерийский, предприняли победоносные походы в Крым и на Западный Кавказ. Благодаря этим завоеваниям каганат стал контролировать все важные участки Великого шелкового пути, что обеспечивало тюркской знати огромные прибыли от караванной торговли.

Однако могущество тюркской державы вскоре пошатнулось. После смерти Тобохана в 581 году произошло ослабление Тюркского каганата, основными проявлениями чего стали усиление междоусобных войн, обострение социальных противоречий, наступление Китая на границы каганата, войны с соседними странами.

В 603 году Тюркский каганат распался на Западно-Тюркский и Восточно-Тюркский каганаты.

Что же оставили в степях Южного Урала легендарные тюркюты — тюгю? Имело ли здесь место событие, с которого мы начали рассказ о них? Исследователи пока не пришли к единому мнению о принадлежности первым тюркам тех или иных памятников VI–VII веков. Кстати, таких сегодня насчитываются единицы. К слову, и на прародине тюркютов, в Южной Сибири, подобных памятников обнаружено немного. К ним относят прежде всего курганы с захоронениями по обряду трупосожжения.

Кто же такие гянгун и ашины? Где их первоначальная территория расселения?

Гянгун и ашины, или Где начинается родина тюрков?

Отвечая на поставленные вопросы, мы фактически берем на себя смелость выявить территорию расселения и палеокультурные особенности пратюркского ядра. В предыдущих главах, касаясь этих вопросов, мы несколько гипотетически, аргументу помещали гянгуней в пределы Восточного Туркестана. Попытаемся аргументировать это предположение.

До недавнего времени существовали различные точки зрения, основанные главным образом на данных письменных источников, о местоположении тюркской прародины в Саяно-Алтае, Восточном Туркестане или Северо-Западной Монголии [18, с. 90–93; 36, с. 26–37; 68, с. 140; 70; 85, с. 29–34]. Последняя зона локализации пратюркского ядра, на наш взгляд, кажется менее вероятной, несмотря на то что наряду с памятниками скифского и хуннского времени [63, с. 43–44; 86; 113], здесь обнаружен огромный массив культово-поминальных памятников тюрков-тюгю. Однако, как и все памятники этого рода, данные комплексы трудно поддаются точному датированию. Как отмечает основной их исследователь В. Е. Войтов, большая часть этих комплексов появляется здесь в самом конце VI века [23, с. 23]. А знаменитые погребальные памятники с образцами древнетюркской письменности (Кюль-Тегину, Могиляну, Кули-Чуру и др.), расположенные в бассейне реки Орхон, относятся,

как известно, к самому финалу существования Второго Тюркского каганата — концу VII — VIII веку. Невозможно в этом смысле согласиться с авторами, представляющими тюркский этногенез как прямую линию развития от сюнну к тюркам [22, с. 123; 40, с. 28]. Учитывая существенные различия в облике материальной культуры первых и вторых, вероятно, следует говорить лишь об определенных заимствованиях в языковом и общекультурном плане, которые, безусловно, имели место, как это бывает у контактирующих этносов.

Таким образом, говоря о реальных зонах локализации пратюркского очага, уместнее ограничиться районами Восточного Туркестана, а также предгорий и плоскогорий Алтая, южных предгорий Саян. С одной стороны, это обуславливается сложными естественно-климатическими условиями в степях Центральной Азии, о чем говорилось выше. С другой стороны, следует принять как реальность тот факт, что в подавляющем большинстве тюркскую археологию представляют материалы из комплексов Алтая, Тувы и Хакасско-Минусинской котловины. Однако, как нам сегодня представляется, эти территории все-таки были вторичными по отношению к Джунгарским степям, Тяньшаньским и Алтайским предгорьям Восточного Туркестана.

Прежде чем приступить к характеристике южно-сибирских тюркских ареалов, попытаемся, пользуясь имеющимися материалами, обосновать приоритетность восточно-туркестанского региона в тюркском культурогенезе.

Исходным аргументом нашего рассуждения является то, что, вероятнее всего, начало легендарной истории основного родового ядра тюрков-ашин фиксирует их в непосредственной близости от границ государства Гаочан, которое располагалось к этому времени в пределах Юго-Восточного Туркестана.

Согласно доводам Л. А. Боровковой, места расселения тюркских родов на раннем этапе и даже в начальный период существования Первого Тюркского каганата, вероятнее всего, следует искать в этом же районе Восточного Туркестана — к северо-востоку от Турфанского оазиса (предгорья Карлык-дага). Ею было обращено внимание на явное несоответствие китайского названия горы

Цзиньшань (Золотая гора), у южного подножия которой в середине V века расселились роды ашина, монгольскому названию Алтай, появившемуся поздней. Дело в том, что с легкой руки первых исследователей и переводчиков китайских источников, упоминавших о тюрках, изначально в научный оборот вошло ошибочное трактование названия горы Цзиньшань как монгольского и даже русского названия Алтай. Эта традиция закрепилась во всех последующих работах. Л. А. Боровкова, на наш взгляд, совершенно права, указывая, что данная интерпретация неверна: непонятно, как тюрки, находясь на расстоянии тысяч километров (Монгольский Алтай), могли так мобильно участвовать в событиях в стране жужаней, гаочана, телесцев и вэйского Китая [18, с. 94–95]. Очевидно, что ставка тюркских каганов вплоть до разделения каганата на Западный и Восточный оставалась в непосредственной близости к северо-востоку от Турфана. На восточно-туркестанскую прародину косвенным образом указывают и данные усуньских и тюркских генеалогических преданий. Ю. А. Зуев, анализируя тексты легенд о происхождении усуней, пришел к выводу, что они в своих повествованиях содержат элементы и персонажи, практически сходные с генеалогической легендой об ашинах.

Ашины — этноним, с которым неразрывно связан самый ранний период древнетюркского этногенеза. Вокруг этой родовой династии собственно

и была объединена и сцементирована империя тюрков. Вопросы определения этнолингвистических корней этого этнонима весьма подробно проанализированы в работах Ю. А. Зуева. По его мнению, первое известие о племени а-ши-на было получено китайцами через монголоязычных жуань-жуаней (аваров) в V веке н. э. Попытки исследователей найти аналоги этого термину в тюркской лексике ни к чему не привели. Ю. А. Зуеву представляется более правильным искать их в той же монголоязычной среде, через которую в глубокой древности и прошел термин «а-ши-на». Таким эквивалентом должен быть термин «аошина» — один из монголизированных вариантов этнонима «уйсун». Так назывался один из усуньских родов ордосских монголов в «Мэнгу юаньлю цянчжен» [47, с. 121].

Ассоциация с усунями неизбежно возникает и при разборе этого слова и сопоставлении его с хотако-сакским *asana* «синий», «небесный», представляющим несомненный вариант этнонима *асман*, скрывающегося под транскрипцией *усунь*. Правомочность данного сопоставления надежно поддерживается текстами древнетюркских рунических надписей, в которых династийные тюрки каганата обозначены термином *kok* «синий», «небесный», являющимся калькой разнообразных «асман» и «амана» (ашина).

С. Г. Кляшторный склонен видеть в качестве вероятного прототипа имени Ашина сакское *asana*

Тюрки Китая. Изображения на китайских миниатюрах. 1, 3 — Монастырь Беликлик. Синьцзян. КНР

(«достойный», «благородный»), отраженное в агнийском и кучанском *asam* [53, с. 111–112]. По всей видимости, окончательное решение этого вопроса впереди. Однако, на наш взгляд, весьма вероятно, что и «усунь», и «ашин» — производные от сакского «асана», что еще раз указывает на их историческое единство, обусловленное длительным проживанием этносов в непосредственной близости друг от друга.

Ю. А. Зуев приводит в дополнение еще два факта. По китайским источникам, местом наиболее древнего первоначального жительства усуней (у-ши) до их переселения на Цилян-шань были современные уезды Пинлян и Гуяюань в Ордосе. Достоверность этого известия подтверждается древнейшей ашинской легендой, по которой предки а-ши-на произошли от смешанных гуннских родов, прежде кочевавших в Пинляне. Этот район является южной границей ушанского знамени во Внутренней Монголии [47, с. 123–124].

Интересным оказался опыт сопоставления уже упомянутой генеалогической легенды тюрков-ашинов и усуней, которое приводит в своих работах Ю. А. Зуев. Из этого сравнения следует, что

и в тюркской, и в усуньской легендах присутствует волчица, которая спасает мальчика (прародителя). В усуньской легенде «небесный дух» или само «небо» присутствует также в виде птицы.

Известно, что среди тотемов ашина есть ворон. Общеизвестно, что Ворон — распространенный тотем в среде тюркских народов [1; 56, с. 57; 75, с. 130–131]. Таким образом, пересказанные Чжан Цянем и переданные в «Исторических записках», «Истории старшей династии Хань» предания «являются тюркской реализацией усуньского эпикогеографического материала, сохранившегося почти в нетронутом виде до VI века». Они не только представляют ценность как литературный памятник усуньской эпохи, но и убеждают в мысли о том, что решение проблемы происхождения тюрков-ашинов немислимо без привлечения фактов из истории усуней [47, с. 123; 43, с. 21–22]. На общность происхождения тюрков-ашинов и усуней, хотя и не бесспорную, указывает И. Д. Синор [121, р. 252].

Приведенные выше параллели наводят на мысль о единых истоках, а следовательно, и о территориях формирования древнетюркского и древнеусуньского этносов. Большинство авторов сегодня

Тюркский легковоруженный всадник. Реконструкция К. С. Ахметжана

Западно-Тюркский каганат — раннесредневековое государство, располагавшееся от Азовского моря и Дона до восточных отрогов Тянь-Шаня и северо-восточной Индии. Ядром государства были район Джунгарии, населенный племенами дулу, и Западный Тянь-Шань с племенами нушиби. Управлялся каганами из династии Ашина.

В начале VII века (603 г.) Тюркский каганат в результате междоусобных войн и войн со своими соседями распался на Западный и Восточный каганаты.

В Западный каганат вошли Казахстан, Средняя Азия, Северный Кавказ, Крым, Урал и Поволжье. Этнополи-

тическим ядром каганата стали «десять племен» (он ок будун), занимавшие древние усуньские земли от гор Каратау до Джунгарии. К востоку от реки Чу выделились пять племен дулу, а к западу от нее — пять племен нушиби. Столицей стал город Суяб (около города Токмак в Киргизии), а летней резиденцией — Минг-Булаг (близ города Туркестана). Центр государства находился в Семиречье.

Вершины своего могущества каганат достиг во время правления Шегуй-кагана (610–618) и его младшего брата Тон-ябгу-кагана (618–630). Новые походы в Тохаристан и Афганистан раздвинули границы государства до Северо-

ня склонны размещать усуней до их переселения в Семиречье в Юго-Восточном Туркестане (район озера Баркуль), то есть опять же в непосредственной близости от Восточного Турфана, где застает их ранняя история рода ашина. К сказанному следует добавить, что история усуней и тюрков-ашина неразрывно связана с этнонимом «гянгунь», который сосуществует в одной исторической параллели с ранними усунями и предшествует появлению рода Ашин в пределах южноджунгарских степей. Следовательно, реконструкция гангюйского культурогенеза настойчиво требует вновь обратиться к процессам этнокультурных перемещений и трансформации в рамках Восточно-Туркестанского (Синьцзянского) региона.

Великий Тюркский каганат явился первым кочевым государством. Первоначально он сформировался далеко на западе от границ Китайской империи, на территории Алтая и Восточного Туркестана.

В 534 году хан Бумын объединил кочевые племена тюркютов и теле и унаследовал титул «великий ябгу», то есть «великий князь». Формально он считался вассалом жужаньского кагана и посылал

в его ставку дань железом из своих алтайских рудников и плавлен. В действительности же Бумын перестал считаться со своим сюзереном и продвинул владения тюрков далеко на восток. Тюрки появились на берегах Хуанхэ и поначалу вели себя мирно. На пограничных китайских рынках они выменивали лошадей на шелк и зерно. Пограничные чиновники не поощряли торговлю, шедшую мимо их рук, и чинили препоны. Тогда и начались зимние набеги.

В 542 году, когда тюрки распространили свои владения от Алтая до берегов Хуанхэ, Бумыну предстояло определить, кого из степных соседей он предпочтет для заключения военного союза. Альтернативой были многочисленные и многолюдные племена, которых китайцы именовали «гаоцзюй» («высокие телеги»), а монголоязычные жужане на своем наречии называли их «тегрег» («тележники», в китайской транскрипции — «теле»). Сами себя они называли огурами / огузами. Позднее их племена возглавили уйгуры, но в VI веке огузы не имели лидера. Не отличаясь от тюрков ни по языку, ни по образу жизни, огузы в противоположность тюркам не были консолидированы под властью

Западной Индии. Тон-ябгу каган провел административную реформу и назначил своих представителей-тудунов в области для наблюдения и контроля над сбором дани. Предполагают, что он выпускал свои монеты с согдийской надписью «Тун ябгу каган».

При каганах Шегуе (610–618) и Тон-ябгу (618–630) были восстановлены границы на Алтае, в бассейне реки Тарим и по Амударье. Ставками западных тюркских каганов стали Суяб и Минг-Булаг. В союзе с византийским императором Тон-ябгу каган в 626 году начал войну против сасанидского Ирана. В 626 году тюркские войска штурмом овладели Тифлисом. Однако заключение мирного договора между Византией и Ираном вынудило Тон-ябгу

прекратить военные действия. В 630 году Тон-ябгу был убит в результате заговора, организованного его дядей Сибир-ханом. Вскоре был убит и он. Начавшаяся в 630 году борьба за престол переросла в затяжную войну.

В каганате существовала единая система преимущественно кочевого и полукочевого способа ведения кочевого хозяйства и оседло-земледельческого типа хозяйствования. И тюркское, и согдийское население занималось торговлей, ремеслами, земледелием и скотоводством.

Одной из целей набегов тюрков на соседние племена и народы был захват рабов. На завоеванных землях в основном сохранилось их социальное, экономическое и государственное устройство, но наместники кагана,

тудуны, контролировали сбор податей и посылку дани в каганскую ставку.

В Западно-Тюркском каганате шел процесс образования классов и сравнительно быстрого формирования раннефеодальных общественных отношений. Военно-политические ресурсы центральной власти Западно-Тюркского каганата оказались недостаточны для удержания народов и племен в повиновении. В каганате происходили непрерывные междоусобицы, частые смены правителей, сопровождавшиеся неизбежным усилением центробежных сил.

Шестнадцатилетняя межплеменная война и династическая междоусобица (640–657) облегчили вторжение в Семиречье китайских войск династии Тан. Танские губернаторы пыта-

лись управлять западно-тюркскими племенами, опираясь на своих ставленников из каганского рода. Однако непрекращавшаяся борьба тюрков против танской экспансии и их ставленников привела к возвышению тюргшей и установлению в 704 году их политической гегемонии в Семиречье.

В VII веке Восточно-Тюркский каганат с многочисленными войсками напал на Западно-Тюркский каганат и на непродолжительное время подчинил его себе. Вследствие феодальных междоусобиц в середине VIII века Западно-Тюркский каганат как государство распался.

Тюркские вожди и подданные танских императоров. Комплекс Квинлинг. КНР

Тюрки. Реконструкция М. Горелика

Реконструкция тюркского лучника по изобразительным материалам Саяно-Алтая. Автор А. И. Соловьева

одного вождя и часто враждовали друг с другом. Мятежные подданные кагана Анагуя, они регулярно восставали против жужан и каждый раз терпели неудачу. В 542 году жужанами был подавлен очередной мятеж огузов. Вождь, возглавивший восстание, бежал в столицу Восточной Вэй. Там он был обласкан и обнадежен. Для Западной Вэй союз с огузами стал невозможен.

В год Быка, то есть в 545 году от Рождества Христова, в ставку Бумына прибыло посольство из Северной Вэй. С этого момента государство тюрков, получив признание одной из крупнейших держав того времени, обрело международный статус. Вот как описывает китайский историограф состоявшееся событие: тюрки поздравляли друг друга и говорили: «Теперь наше государство будет процветать. Ведь к нам приехал посол великого царства!» В следующем году тюркское посольство прибыло в Чанъань. Военный союз состоялся.

Бумын умер в 552 году, вскоре после женитьбы на китайской принцессе из вэйского дома. Его брат и соправитель Истеми-каган начал завоевательный поход на запад, в Среднюю Азию, на Волгу, Северный Кавказ. А сыновья Бумына — Муган-каган и затем Таспар-каган — утвердили господство династии в Центральной Азии и Южной Сибири. Оба северокитайских государства стали фактическими данниками Тюркского эля, и Таспар-каган насмешливо именовал их государей «сыночками», то есть вассалами. Часть жуаньжуаней бежала в Корею и Северный Китай, другие — на запад. После этого началась история Западного Тюркского каганата.

Во второй половине VI века термин «тюрк» получил широкое распространение. Согдийцы передавали его как «турк», согдийское множественное число — «туркут» (тюрки). Согдийскую форму (во множественном числе) заимствовали китайцы (туцзюе — тюркют), так как первоначально дипломатические и письменные сношения между тюрками и Китаем осуществлялись при посредстве согдийцев и согдийского письма. Вслед за тем термин «тюрк» фиксировался византийцами, арабами, сирийцами, попал в санскрит, различные иранские и тибетский языки.

Тюркский воин. Реконструкция К. С. Ахметжана

Тяжеловооруженный тюркский воин VII-X веков по материалам горного и лесного Алтая. Реконструкция А. И. Соловьева

До создания каганата слово «тюрк» означало лишь название союза десяти (позднее двенадцати) племен, сложившихся вскоре после 460 года на Алтае. Это значение сохранялось и в эпоху каганатов. Оно отражено древнейшими тюркскими текстами в выражении «тюрк бодун»; слово «бодун» как раз и означает «совокупность», «союз племен» (бод — племя), «народ, состоящий из отдельных племен». Еще в середине VIII века источники упоминают «двенадцатиплеменный тюркский народ». Этим же словом «тюрк» было обозначено и государство, созданное собственно тюркским племенным союзом, — Тюрк эль. Оба этих значения отражены в древнетюркских эпиграфических памятниках

и китайских источниках. В более широком смысле термин «тюрк» стал обозначать принадлежность различных кочевых племен к державе, созданной тюрками. В таком значении его употребляли византийцы и иранцы, а иногда и сами тюрки.

Наследником Бумана стал Муган-каган (553–572). Он окончательно укрепил господство Тюркского эля в Центральной Азии и Южной Сибири, покорив монгольские племена киданей в Маньчжурии и кыргызов на Енисее. Как повествует китайская летопись, «он привел в трепет все владения, лежащие за границей Великой стены с востока от Корейского залива, на запад до Западного моря (Каспия), с юга от Песчаной степи

Легковооруженный тюркский воин VI–VII веков. Реконструкция Ю. С. Худякова

Древнетюркские граффити. Горный Алтай. Урочище Кара-Оюк. VII–X века. Реконструкция Д. В. Черемисина

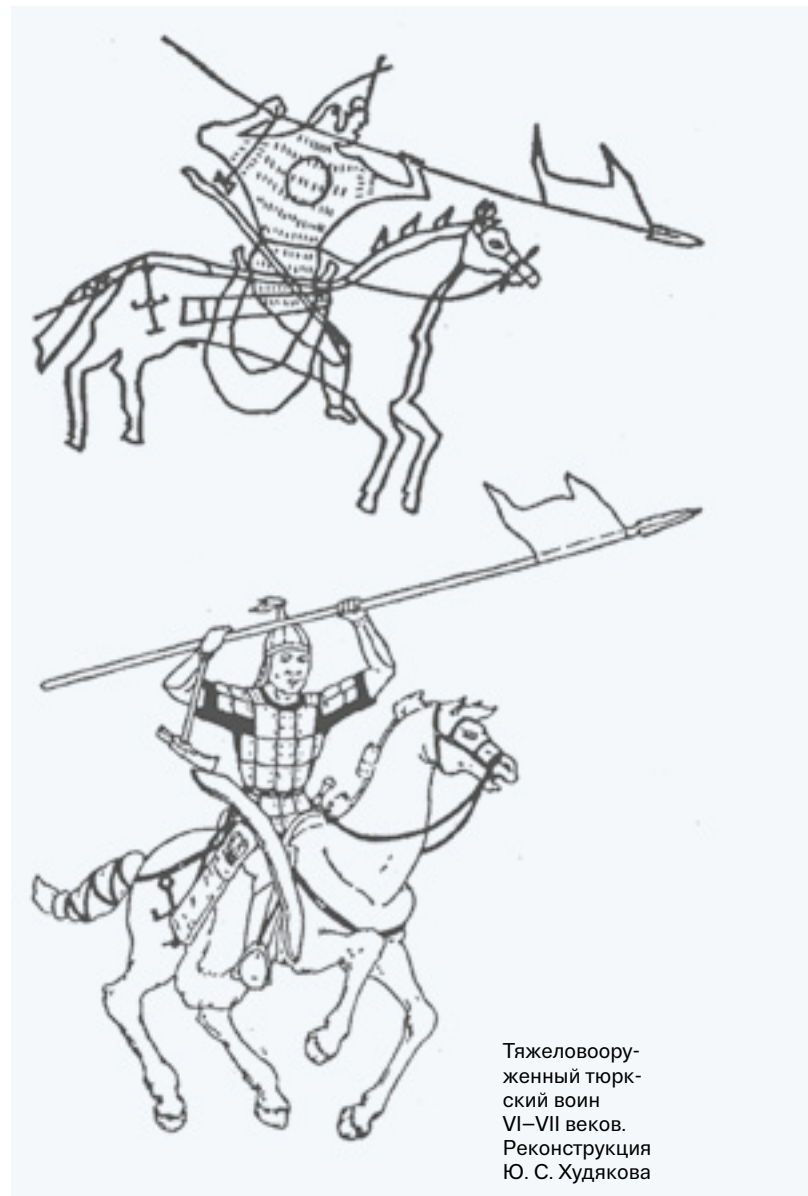
Реконструкция защитного доспеха. Могильник Балык-Соок. VII–VIII века.
Автор Д. В. Поздняков

Реконструкция кафтана тюрков по материалам могильников Юстыд и Барбургазы VII–VIII веков.
Автор А. Н. Кубарева

(пустыни Алашань), на север от Северного моря (Байкала), от пяти до десяти тысяч ли, все сие пространство земель находилось под его державой. Он сделался соперником Срединному царству». Последнее утверждение не вполне точно, так как каганат в это время фактически превратил оба северокитайских государства — Северное Ци и Северное Чжоу — в своих данников. Особенно усилилась их зависимость при наследнике Муган-кагана — Таспар-кагане (572–582 гг.).

Успешными для тюрков были их западные походы. К концу 560-х годов Тюркский каганат включается в систему политических и экономических отношений крупнейших государств того

Тяжеловооруженный тюркский воин VI–VII веков.
Реконструкция Ю. С. Худякова

Фреска с изображением тюрков. Афрасиаб, Узбекистан

времени — Византии, Сасанидского Ирана, Китая — и ведет борьбу за контроль торгового пути, связывающего Дальний Восток со странами Средиземноморья.

Непрерывные завоевательные войны на время приглушили острые противоречия, возникшие в ходе социальной перестройки тюркского общества, но первые неудачи быстро изменили обстановку. В 581–588 годах раздробленный до того Китай был объединен под властью династии Суй (581–618); осуществленные там реформы привели к быстрому росту экономической и военной мощи империи. Усиление Китая совпало с началом распрей внутри правящей группировки тюрков, прежде всего в самом династийном роду ашина, и со страшным голодом в степи. Китайский историк замечает: «Вместо хлеба употребляли растертые в порошок кости». Рост государства и влияния тюркской аристократии, стремившейся к автономному управлению захваченными территориями, обеднение массы рядовых кочевников, вынесших на своих плечах все тяготы непрерывных войн и лишившихся средств существования вследствие джута 581–583 годов, новая политическая обстановка, не давшая тюркским каганам возможности искать выход в набегах, — все это привело каганат к острейшему кризису и междоусобице.

В 582–603 годах окончательно завершился распад каганата на восточную (центральноазиатскую) и западную (среднеазиатскую) части; между Восточно-Тюркским и Западно-Тюркским каганатами велись все это время изнурительные войны.

На протяжении почти тысячелетия пограничная торговля рассматривалась в Китае лишь как средство политического контроля над варварами, монополизировалась императорским двором и предельно ограничивалась. За двести лет существования в Центральной Азии тюркских каганатов имеется только несколько сообщений об открытии меновых рынков на китайской границе. Поэтому на определенном этапе истории тюркской аристократии удавалось получать широкую поддержку рядовых общинников в ее военных предприятиях на юге.

Фреска с изображением знатных согдийцев. Афрасиаб, Узбекистан

Вверху: фреска с изображением тюрков. Афрасиаб, Узбекистан

Фреска с изображением знатного тюрка. Педжикент, Таджикистан

Изображение тюрков.
Китайские средневековые
миниатюры. Шанхай, КНР

Алчность и борьба за господство над чужими землями были свойственны и императорскому двору, и каганской ставке, страдали от этого китайские земледельцы и тюркские скотоводы, стремившиеся к мирной торговле на пограничных рынках.

В течение 620–629 годов Эль-каган и его военачальники организовали 67 нападений на границы. Непрерывные войны требовали бесперебойного снабжения огромной армии, постоянного ремонта конского состава и многих других затрат. В результате Эль-каган, не довольствуясь данью и добычей, усилил обложение податями и сборами собственный народ. Подати оказались особенно тяжелыми в годы джута, падежа скота и голода (627–629).

Последствия не замедлили сказаться. В 629 году Эль-каган потерпел поражение в Шаньси. Против него сразу же восстали огузские племена. Императорская армия, воспользовавшись обстановкой, вторглась на территорию каганата. Покинутый всеми Эль-каган попал в плен (630). Так завершилась история Первого Тюркского каганата [57, с. 83–92].

Западно-Тюркский каганат. Тюркский историкограф VIII века, повествуя о державе своих предков и завоеваниях первых каганов, пишет: «Вперед (т. е. на восток) вплоть до Кадырканской черни, назад (т. е. на запад) вплоть до Железных ворот они расселили свой народ». Кадырканская чернь — это горы Большого Хингана, а Железные ворота — проход Бузгала в горах Байсунтау, по дороге из Самарканда в Балх, в 90 километрах к югу от Шахрисябза. В момент своей наибольшей территориальной экспансии (576 г.) Тюркский каганат простирался от Маньчжурии до Боспора Киммерийского (Керченского пролива), от верховьев Енисея до верховьев Амударьи. Таким образом, тюркские каганы стали создателями первой евразийской империи, политическое и культурное наследие которой оказало существенное влияние на историю Средней Азии и Юго-Восточной Европы.

Правителем западных территорий каганата стал брат Бумын-кагана — Истеми (Сильзибул или Дизавул в византийских и Синджибу в арабских исторических сочинениях); он носил титул ябгу-кагана, в дальнейшем традиционный для западной ветви тюркской династии Ашина. Военный титул ябгу (явуга) был заимствован тюрками из кушанской

политической традиции, сохраненной эфталитами. Именно при Истеми (умер в 575) тюрки достигли на западе пика своего военного могущества.

Уже в 555 году тюркские племена, двигавшиеся на запад, овладели Семиречьем и всей степной зоной вплоть до Сырдарьи и Приаралья. Возможно, тогда же сюзеренитет тюркского ябгу-кагана распространился на Хорезм. Движение тюрков на запад было не просто завоеванием, а крупной миграцией центральноазиатских тюркоязычных племен и заселением ими обширных горностепных районов на севере и востоке Средней Азии, прежде всего в степи. Местные кочевые племена, по языку родственные тюркам, либо были включены в военно-административную систему, созданную тюрками, либо бежали вместе с аварами в степи Юго-Восточной Европы, приняв то же этническое имя и значительно усилив военный потенциал авар. Последнее обстоятельство дало повод византийскому автору начала VII века Феофилакту Симокатте назвать этих беглецов «псевдоаварами» [101, с. 159]. Однако сами тюрки, по свидетельству другого византийского историка — Менандра (конец VI в.), именовали бежавших врагов именно аварами.

Нет никаких сведений об изменении тюрками в завоеванных ими землях Средней Азии, с городами и оседлоземельским населением, существовавшей там социальной, экономической или политической систем. Напротив, отрывочные сведения источников позволяют предположить, что даже на ранних этапах завоеваний Тюркский каганат ограничился утверждением здесь своего сюзеренитета и получением дани.

Кочевое население было организовано в «десятистрельный племенной союз» (он ок бодун), вполне аналогичный военно-административной системе восточных тюрков того времени. Сам Истеми-ябгу-каган назван в одном из китайских источников «каганом десяти племен». Однако «стрела», судя по позднейшим сообщениям, была формой военно-административной, а не родоплеменной организации. Возможно, в состав «стрелы» входило несколько племен, принявших общее имя. Каждая «стрела» выставляла один тюмен, то есть десятитысячное войско, во главе с «великим

предводителем» (шадом) и имела свой боевой стяг. Все «десять стрел» были сгруппированы в восточный и западный союзы, по пять «стрел» в каждом. Китайский документ той эпохи свидетельствует: «Восточная сторона называлась пять племен дулу, во главе которых были поставлены пять великих чоров. Западная сторона называлась пять племен нушиби. Во главе их стояло пять великих иркинов. Позднее каждая «стрела» стала называться племенем, а великим вождям «стрел» было дано звание великих предводителей. Пять племен дулу обитали к востоку от Суяба; пять племен нушиби обитали к западу от Суяба».

Разделение на два крыла было присуще многим крупным тюркским племенным объединениям Древности и Средневековья. Таков гуннский племенной союз с его восточной и западной сторонами, такова огузская конфедерация, полумифический прототип которой, улус Огуз-хана, делился на бузуков и учуков. Символом власти младшей ветви огузской конфедерации, учуков, была стрела. Отметим, что ябгу-каганы западной ветви династии Ашина считались младшей линией каганского рода и находились в том же отношении к каганам восточной ветви, что и учуки к бузукам в легендарных генеалогиях «Огуз-наме». В VII веке «десятистрельная» система в Восточно-Тюркском каганате была заменена системой «двенадцати племен», делившихся на две конфедерации — телисов и тардушей (восточное и западное крылья). Эта последняя система в VIII веке была унаследована Уйгурским каганатом.

Таким образом, уже через три года после создания Тюркского каганата, в 555 году, на его западных (среднеазиатских) территориях сложилась военно-административная система, подобная той, которая существовала на востоке, но не объединенная с ней. Тем самым были созданы политические условия для последующего распада каганата.

Освоение новых территорий сделало тюрков соседями могущественного государства эфталитов, восточные владения которого (Хотан и вассальные княжества в Семиречье) были тюрками завоеваны. Враждебность, сразу же появившаяся в тюрко-эфталитских отношениях, сдерживалась не менее восьми лет. Эфталиты, связанные войной в Индии

и опасностью, угрожавшей из Ирана, не решались на поход в степь. Тюркские же вожди считали своей главной целью докончить разгром аваров, ушедших за Волгу.

К 558 году тюрки завершили покорение Поволжья и Приуралья. В том же году император Юстин принял в Константинополе послов аварского кагана Баяна, овладевшего Кавказом. Вскоре к аварам прибыло ответное византийское посольство. Все это не могло не встревожить Истеми, тем более что набеги авар на новые тюркские владения создавали на западной границе каганата напряженное положение.

Вместе с тем в конце 550-х годов перед Истеми открылась перспектива успешных военных действий против эфталитов. Шах Ирана Хосров Ануширван (531–579), прекративший выплату дани эфталитам и готовившийся к войне с ними, уже в 557 году возобновил перемирие с Византией и тем самым развязал себе руки на западе. Хотя окончательная договоренность о прочном мире была достигнута только в 561–563 годах, Хосров предложил тюркам военный союз против эфталитов. Союз был заключен и скреплен договором: дочь Истеми стала женой Хосрова и впоследствии матерью наследника престола Хормизда. Этот союз определил направление новых походов кочевников. В Константинополь было отправлено тюркское посольство во главе с вождем одного из племен нушиби, Эскиль Кюль-иркином, с целью добиться от императора прекращения помощи аварам. Прибыло оно туда в 563 году. А армия кагана, поддержанная с запада наступлением иранских войск на Балх, в том же году вторглась в эфталитские земли с востока.

Хосров Ануширван — сасанидский шахиншах. Правление Хосрова ознаменовалось развитием масштабного строительства, подъемом науки и искусств, централизацией власти и военными столкновениями с Византией и завоевательной политикой

на юге (Йемен) и востоке (государство эфталитов). При Хосрове I государство сасанидов достигло наибольшего развития и могущества. Время правления Хосрова (531–579) часто именуется «золотой эпохой» в истории Ирана.

По «Шахнаме», решающая битва произошла под Бухарой. Войско эфталитского царя Гагифара было разгромлено. Лишь небольшое эфталитское владение в Тохаристане (на севере нынешнего Афганистана) сохраняло некоторое время независимость, но и оно вскоре оказалось под властью Хосрова, который распространил свое влияние на все бывшие эфталитские земли южнее Амударьи.

Трения между Хосровом и тюркским каганом, начавшиеся из-за раздела эфталитского наследства, вскоре переросли в открытый конфликт, причиной которого стали различные экономические интересы обеих держав.

После завоевания Средней Азии тюрки стали хозяевами значительной части торгового пути из Китая в страны Средиземноморья — Великого шелкового пути. Главными посредниками в торговле шелком были согдийцы (на центральноазиатском и среднеазиатском участках пути) и персы, контролировавшие путь от Пайкенда (близ Бухары) до Сирии. Основным покупателем шелковых тканей была Византия. Торговля шелком приносила согдийским купцам и тюркским ханам огромные доходы. Тюрки получали возможность сбывать через согдийцев военную добычу и дань, выплачиваемую им китайскими царствами. Согдийцы сосредоточили в своих руках небывалое количество дорогих шелковых тканей. Вместе с тем уже с конца IV века в Согде существовало свое шелкоткацкое производство на местном сырье. Согдийские шелка высоко ценились не только на западе, их ввозили даже в Восточный Туркестан и Китай. Сбыт этих тканей в VI веке стал важной проблемой для согдийских городов. В Иране и Византийской империи, особенно в Сирии и Египте, также существовало развитое шелкоткацкое производство, но сырьем для него был шелк-сырец, ввозимый из Восточного Туркестана и Средней Азии. Однако в VI веке в Иране и Византии появился свой шелк-сырец.

Первая попытка сбыть накопившийся у них шелк и договориться о регулярной торговле была предпринята согдийцами в Иране. Согдийский посол Маниах прибыл туда в 566 или 567 году как представитель тюркского кагана. Однако Хосров, опасавшийся свободного доступа тюрков в свою страну и не заинтересованный в резком увеличе-

Прием знатного тюрка
в доме Ань Цзе

нии количества импортного шелка на иранском рынке — что понизило бы доходы местного шелкоткацкого производства, — купил привезенный Маниахом шелк и тут же сжег его весь. Тогда Маниах сделал попытку найти более выгодного покупателя — Византию. В 567 году он возглавил посольство тюркского кагана в Константинополь. Византия, как и Иран, не испытывала острой нужды в согдийском шелке, но была заинтересована в союзе с тюрками против персов. Именно этот аспект внешней политики константинопольского двора и стремились использовать согдийцы для заключения торгового соглашения.

Тюркское посольство было с почетом принято при императорском дворе, и тюрки заключили с Византией военное соглашение против Ирана. Вместе с Маниахом в ставку кагана выехал византийский посол Земарх Киликиец, «стратиг восточных городов» империи. Каган принял Земарха в своей ставке близ «Золотой горы». И сразу же предложил путешественнику сопровождать тюркское войско в походе на Иран. Попытка шаха дипломатическим

путем остановить тюркское наступление не удалась, и тюрки захватили в Гургане несколько богатых городов. Впрочем, уже в 569 году их войска вернулись в Согд.

Вслед за тем Истеми перенес военные действия на Волгу, к 571 году завоевал Северный Кавказ и вскоре вышел на Боспор (Керчь), подчинив аланов и утигуров. Тем самым каган расчищал трудный обходной путь в Византию — через Хорезм, Поволжье и Кавказ или Крым. Византийский историк Менандр упоминает семь византийских посольств к тюркам между 568 и 576 годами и сообщает, что к каждому посольству присоединялись тюрки, согдийцы и хорезмийцы. Число их было часто значительно — к посольству мечника Валентина, например, присоединилось в 576 году 106 «тюрков», то есть подданных кагана, в разное время прибывших в Константинополь. В большинстве своем это были купцы. Регулярные торговые связи с Византией подтверждаются и многочисленными находками в Средней Азии византийских монет VI века. Впрочем, в 575–576 годах на короткий срок тюрко-византийские отношения внезапно обострились. После смерти Истеми-кагана один из его сыновей, Турксанф, получивший свой удел на крайнем западе каганата и чрезвычайно недовольный мирными переговорами, которые император Юстин II вел с аварами, обвинил Византию в нарушении союзных отношений, а затем захватил Боспор Киммерийский и вторгся в Крым (576). Вскоре, однако, он был вынужден покинуть полуостров.

Второй поход тюрков в Иран относится к 588–589 годам. Войско, возглавленное «царем тюрков» Савэ (или Шаба), вторглось в Хорасан. Возле Герата его встретили иранские войска, которыми командовал прославленный полководец Бахрам Чобин. Он разгромил тюркское войско и застрелил из лука «царя тюрков». Попытка реванша оказалась безуспешной, и стороны заключили мир.

Вплоть до разгрома Сасанидов арабами граница между тюркскими владениями в Средней Азии и Ираном оставалась неизменной. Все эти годы, с большей или меньшей регулярностью, караваны с шелком и другими товарами шли на запад и через Иран, и через Хорезм, и через Поволжье.

На дальних рубежах кочевой цивилизации. В стране Дуло и Нушеби

Рубеж двух эпох — гуннской и тюркской — оказался решающим в становлении всей кочевой цивилизации Евразии.

Кочевая цивилизация — это общество с производящей формой экономики, развитой идеологией, способной стимулировать его постоянное поступательное развитие, эффективное функционирование и воспроизводство социокультурной системы, способной поддержать высокую степень мобильности, коммуникабельности и адаптивности сообщества благодаря сложившейся и широко распространенной среди ее основных социальных слоев и групп письменной традиции.

Понятие «кочевая, или степная цивилизация» не так давно стало употребляться в среде кочевниковедов и востоковедов [103, с. 3–7], хотя не всегда в полной мере соответствует традиционным дефинициям.

На определенной стадии развития человеческих сообществ, взаимодействующих на гигантских просторах евразийского степного вмещающего пространства (по Л. Н. Гумилеву [34]), их интеграция достигает такого качества и степени социальной и межэтнической консолидации, что вынуждает многочисленные сообщества развиваться и взаимодействовать по законам единой социальной системы. Учитывая различия в объеме, характере, содержании, вкладываемые в современное понятие «цивилизация», мы сочли возможным применить его в контексте межэтнических сообществ, различных по географически-дифференцированному пространству, исторически определенному месту, социокультурному и хронологическому факторам [99, с. 16].

Итак, вмещающее пространство — степная Евразия, время — «эпоха переселения народов». Хотя здесь следует сделать существенную оговорку. Несмотря на общепринятую традицию начинать отсчет Великого переселения с II века н. э. (нашествие алан и переселение готов из Скандинавии в лесостепную и степную Европу), это понятие мы склонны трактовать широко: как движение народов Евразии

с древнейшего периода (X–VIII вв. до н. э.) до позднего Средневековья.

Результатом явилось не только создание первых континентальных кочевых империй — хунну и Великих Тюркских каганатов, но и окончательное сложение особой системы взаимодействия и взаимообусловленности историко-культурного развития степных сообществ, для которой предложено определение «кочевая цивилизация». Ее характерные черты и особенности развития сегодня требуют тщательного изучения. Важной стороной этого является то, что именно после переселения гуннов в Европу многочисленные перемещения и перегруппировки кочевых сообществ происходили в определенной взаимосвязанности и взаимообусловленности. Особенно ярко это проявилось после формирования тюркских империй. Поражает чрезвычайная культурно-политическая мобильность кочевых социумов, способных не только со-

Тюркский знаменосец. Петроглиф в урочище Жайсан. Республика Казахстан

вершать миграционные рейды или беспрестанные набеги в пределах гигантских территорий степной ойкумены, но и молниеносно (с исторической точки зрения) возводить города и ставки в степных оазисах Туркестана, Казахстана и Средней Азии, в предгорьях Кавказа, Балкан, на берегах Волги, Дона и Дуная. И, наконец, еще одним проявлением факта возникновения кочевой цивилизации явилось всеобщее внедрение рунического письма, как в среде кочевой элиты, так и среди рядового населения.

Как известно, за длительный период существования самого определения «цивилизация» (с XVIII в.) существующий обширный ряд признаков данного понятия впоследствии был сокращен до десяти основных (города, монументальные строения, налоги, интенсивная экономика, в том числе торговля, ремесленничество, письменность, зачатки науки, развитое искусство, социальная дифференциация),

которые впоследствии были сведены к трем системообразующим признакам: архитектура, города и письменность [82, с. 6–7].

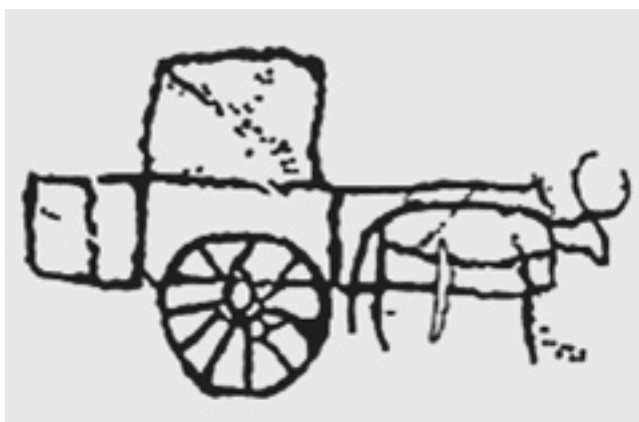
На первый взгляд может сложиться впечатление, что предлагаемое нами понятие кочевой цивилизации не отвечает критериям ранее сложившегося определения этого термина. В связи с чем сегодня сложилась весьма своеобразная историографическая практика, когда алгоритм исследований национальных исторических школ в целом ряде стран (где «титულными» были кочевые народы) подчинен своеобразному «выдавливанию по капле» кочевого (варварского) естества и мученическому поиску «оседлой автохтонности» или, наоборот, необоснованному акцентированию кочевнической составляющей в истории народов, которые в конечной стадии своего развития были, по сути уже, оседлым населением. Возможно ли применение понятия «кочевая цивилизация» не в широком

Тюркские повозки.
Западный Тюркский каганат.
Республика Казахстан

Тюркские повозки.
Западный Тюркский каганат.
Республика Казахстан

(иносказательном) смысле, а непосредственно в социолого-исторической трактовке?

Анализ культурных, хозяйственно-экономических, социальных и идеологических признаков различных кочевых сообществ показывает, что на определенных этапах развития кочевые суперобщности в разной мере отвечают основным признакам обозначенной выше «цивилизационной триады».

Так, сегодня становится вполне очевидным, что культово-мемориальная архитектура сибирских и европейских скифов, монгольских и байкальских сунну, тагаро-таштыкских племен Минусы, а также тюркские пантеоны Монголии и урало-казахстанских степей по объему затрат и архитектурно-технологическому оснащению вполне соответствуют нормам мировой монументальной архитектуры. Что касается письменности и возникновения кочевнических

(варварских) городов, то они в системе кочевых сообществ появляются на различных этапах их существования. Данная стадильность была тонко подмечена С. А. Плетневой как четыре основные фазы (стадии) развития [92]. Однако, на наш взгляд, они отражают не столько процесс развития социумов, сколько некие эпизоды их хозяйственно-культурной и социально-политической адаптации. Этот аспект в большей мере иллюстрирует именно адаптивный характер этого особого типа цивилизации. Так, к примеру, процесс оседания кочевников и появления городов, представляемый как финальная стадия существования сообщества, на самом деле отражает наступление благоприятного этапа экологической, социально-политической и экономической адаптации. В этом случае основным объектом производства и критерием этносоциальных приоритетов остается кочевое хозяйство, однако

Костяные накладки. Могильник Сутуу-Булак. Кыргызстан

историко-политические реалии вынуждают кочевую элиту создавать ставки-города, впоследствии обрастающие торгово-ремесленным посадом. При этом продуктивность и мобильность именно кочевой цивилизации в период наиболее эффективного ее функционирования были беспрецедентны. Это вытекало прежде всего из высокой степени рентабельности самого кочевого скотоводческого производства, а также невероятной для оседлых объединений степени социоэтнической интеграции. Это в конечном счете сказывалось на социальной и экономической мобильности и эффективности данных обществ. Так, многочисленные «варварские» города, стремительно возникшие в поясе евразийских степей и в оазисном и лесостепном пограничье, в короткое время превращались в крупнейшие урбанистические центры, обходя по мощности столицы оседлых цивилизаций. Они своеобразным ожерельем оконтуривали степные участки Великого шелкового пути — основной цивилизационной коммуникации, возникновение которой определило начало существования самой кочевой цивилизации. Хотя стоит признать, что эти центры стремительно возникают и столь же неожиданно способны затухать и исчезать с исторической карты регионов. В этом отразилась специфическая черта кочевой цивилизации — беспрецедентная мобильность и адаптивность данной социально-экономической системы. Основные исторические фазы развития кочевой цивилизации Евразии, вероятно всего, можно представить следующим образом:

Первая фаза (VII–VI вв. до н. э. — I–III вв. н. э.) — становление и сложение континентальной системы происходит на стадии древних кочевников, когда формируются первые кочевые союзы племен, устанавливается пастбищно-кочевая система, происходят множественные миграции и перегруппировки населения в пределах степного коридора, осуществляющие своеобразную апробацию будущего интегрируемого пространства.

Вторая фаза (IV–VIII — XIII–XIV вв.) — собственно возникновение и последующее развитие кочевой цивилизации. Начало ее приходится на рубеж хунно-гуннского и раннетюркского периода — время первых кочевых империй и «варварских» городов кочевников. В этот период все перемещения

внутри макро- и микрорегионов евразийских степей и прилегающих районов носят в определенной степени упорядоченный или взаимосвязанный характер. Массовые миграции сменяют циклические нашествия и набеги. Тюркская (орхонская, енисейская, таласская, хазарская, болгарская и др.) тамго-руническая письменная традиция смогла охватить многодиалектное разнообразие кочевых народов сложившейся цивилизации и стать в ряде случаев государственной письменностью [67]. Своего пика эта фаза достигает, вероятнее всего, к XIII–XIV векам, с формированием Монгольской империи и существованием ее кочевых государств (Орд).

Третья фаза (XV–XVII вв.) ознаменовалась распадом основных структурных элементов системы, геокультурной локализацией и обособлением кочевых социумов, множественными спорадическими миграциями и перемещениями внутри макро- и микрорегионов. Разрушается система политических, культурных и торговых коммуникаций.

Итак, Западно-Тюркский каганат — одна из основных частей кочевой цивилизации Евразии на начальной стадии ее стремительного развития. Он занимает наиболее узловую территорию в центре континента, коммуницирующую Восток и Запад. Между цивилизациями Китая, Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Византией и Европой. Южный Урал в этом глобальном соотношении занимает крайнюю северную периферийную позицию. Может встать резонный вопрос: какова степень цивилизационного влияния на наш регион со стороны Западно-Тюркской кочевой империи, существует ли таковое и отличалось ли обратное культурное влияние южноуральского населения на цивилизационные центры (столицы, ставки, города)? В этой связи необходимо хотя бы в общих чертах проанализировать этнополитическую, административную и культурную инфраструктуру Западного Тюркского каганата.

На начальном этапе сложения Западно-Тюркского каганата создается следующая этнополитическая диспозиция. С первых шагов деятельности Истеми-хана в центре Южного Казахстана складываются первые ставки с центрами в Суябе,

Балассагуне, Мерке, Аспаре, то есть на прилегающих территориях проживания народа он ок будун и «десяти стрел», составивших основу каганата. На востоке и северо-востоке, по мнению С. М. Ахинжанова, с Западно-Тюркским каганатом объединились телесские племена се-яньто (семь мужей-предводителей). Отмечается также приход части этого населения (после 647 г.) в степи Центрального и Восточного Казахстана (Сары Арка) в начале VII века [10, с. 95–97]. Как уже упоминалось, вероятно, от имени Великого хана они осуществляли контроль над государствами и городами Восточного Туркестана по маршруту Великого шелкового пути.

Противостояние тюрков и белых гуннов (эфталитов) закончилось поражением последних от войск Истеми-хана и Сасанидского Ирана в 557 году. После этого к Западно-Тюркскому каганату отошли земли восточнее Джейхуна (Амударья), включая Маверанарх, часть Ферганы, Кашгар, Хотан и города Западного Туркестана, контролируемые ранее белыми гуннами [42, с. 153]. Хотя это событие интерпретируется Л. Н. Гумилевым как победа в 558 году над аварским союзом племен, в который входили хуни (хиониты), вар, огоры, в на северных берегах Аральского моря, а поражение эфталитам было нанесено у Карши (Узбекистан) гораздо позже, в 565 году [34, с. 35–40].

В начальный период экспансионные векторы западнотюркской кочевой державы были устремлены на запад и северо-запад: 558 год — выход к Волге, 577 год — вторжение в Крым, начало VII века — завоевание ханом Тарда, сыном Истеми-хана, Северного Кавказа, присоединение Букана и Керчи. Гигантская степная территория к северу от Жетысу (Семиречье), включающая в себя стратегические районы Центрального Казахстана (Иргиз, Тургай, Улутау, Сары-Арка) и примыкающие к нему Южное Зауралье и левобережье Иртыша, словно выпадает из геополитической канвы. Это может свидетельствовать лишь о том, что важные для кочевой империи регионы изначально входили в ее состав. Вероятнее всего, вместе с долинами рек Сырдарья, Талас, Чу и Или они составляли единую пастбищно-кочевую провинцию, в пределах которой и осуществлялось сезонное кочевание объе-

динения племен, получившие название «он ок будун» («десять стрел»). И простиралась она на юге до присырдарьинских сухих степей, на севере — до южноуральской и западносибирской лесостепи.

Трудно сказать точно, когда население этого союза заселило данные территории. Определенный ответ содержится в информации об этнониме «дулу», который принадлежал пяти из десяти племен данного союза. Как известно, представитель этого рода хан Кубрат в 631 году основал Великую Болгарию. Отношение столь представительной части племен народа «десяти стрел» к болгарскому союзу племен позволяет рассматривать объединение он ок будун как могущественную на тот момент кочевую конфедерацию в Юго-Восточной Европе и Западной Азии.

Дело в том, что, по мнению Д. Димитрова, основанному на текстах Моисея Хоренского и Анонима Хронографа, первые праболгарские племена проникают в Восточную Европу уже в раннегунский период, в 354 году. Присутствие их в прикавказских и прикаспийских степях, а также на берегах Азовского моря в данный и последующие периоды довольно точно зафиксировано в различных источниках под разными именами: в греческих — «уногунтор», в армянских — «вх'ндуры / огондор / олхонтор», в староеврейских — «в-н-т-нг-р», в арабских — «венендер / нендер» [41, с. 47–48]. К 480 году огуурско-болгарский союз стал главенствовать в Северном Причерноморье [30, с. 58–59]. Как уже упоминалось, по мнению С. Г. Кляшторного и Д. Г. Савинова, первоначально болгарские племена, бывшие частью народа теле и входившие в союз огуурских племен, обитали в степной и лесостепной зонах Казахстана и Западной Сибири [59, с. 63]. Таким образом, данные письменных источников стыкуются, а ареал праболгарского союза, по крайней мере в V веке, действительно включает территории Причерноморья, прикаспийских (уногундуры, огууры, угроги, сарагуры, оногуры) и урало-казахстанских (пять племен дулу (дуло) народа «десяти стрел») степей.

Приведенные исторические и культурные параллели позволяют утверждать о некоем единстве раннетюркского населения Восточной Европы (ранние болгары огуурского союза) и населения

урало-казахстанских степей (он ок будун, объединение дулу и нушеби). При этом особо следует заметить, что существующее конструктивное своеобразие архитектуры погребальных и культовых комплексов Восточной Европы (погребения с северо-восточной и западной ориентировкой, конем или шкурой лошади, мегалитные подпрямоугольные сооружения из камня с кремацией на стороне, курганы-кострища), с одной стороны, и курганы с «усами» и селенташские комплексы в урало-казахстанских степях — с другой, не позволяют в полной мере поставить между ними знак тождества. Вероятно, и те и другие составляли пеструю многокультурную тюрко-телескую основу Западного Тюркского каганата.

Из вышесказанного следует, что народ он ок будун (десяти стрел) был некоторым образом автономным населением урало-казахстанских степей на момент прихода ашинов Истеми-хана. В культурно-историческом облике он ассоциируется с населением, оставившим те самые курганы с «усами» и памятники селенташского типа, разбросанные на обширной территории урало-казахстанских степей. А что же с памятниками собственно тюрков-тюю или западных ашинов?

Жертвенно-поминальные комплексы тюрков на Южном Урале и в Сары-Арке

В 1980-е годы археологом В. П. Костюковым на территории Карталинского района Челябинской области были исследованы редчайшие на Южном Урале памятники, получившие название «жертвенно-поминальные оградки»: Каменный Амбар 2 и Анненское. Эти сооружения представляют собой один или более каменных подквадратных

Сары Арка (Сарыарка) — центрально-казахстанский макро-регион, Казахский мелкосопочник. На западе ограничен Тургайской ложбиной (прогибом), на северо-востоке — долиной Иртыша, на севере — Западно-

Сибирской равниной, на юго-западе — Туранской низменностью. В пределах Сары Арки находятся территории Акмолинской, Северо-Казахстанской, Павлодарской, Костанайской и Карагандинской областей.

ящика со стенками, ориентированными по сторонам света. Если это ряд оградок, то они отстоят друг от друга на небольшом расстоянии (до 1–2 метров) и располагаются по линии, близкой к направлению С–Ю.

Десятилетием позже этим же исследователем был раскопан еще один подобный комплекс на северо-востоке Оренбургской области (поминальный комплекс Солончанка 8). Отличительной особенностью этого вида памятников является установка, как правило, с восточной стороны, каменного изваяния. Подобные объекты достаточно давно известны и исследуются археологами-тюрковедом на территории Монголии, Южной Сибири, Синьцзяна и Казахстана. Комплексы именно этого типа небезосновательно соотносятся с памятниками

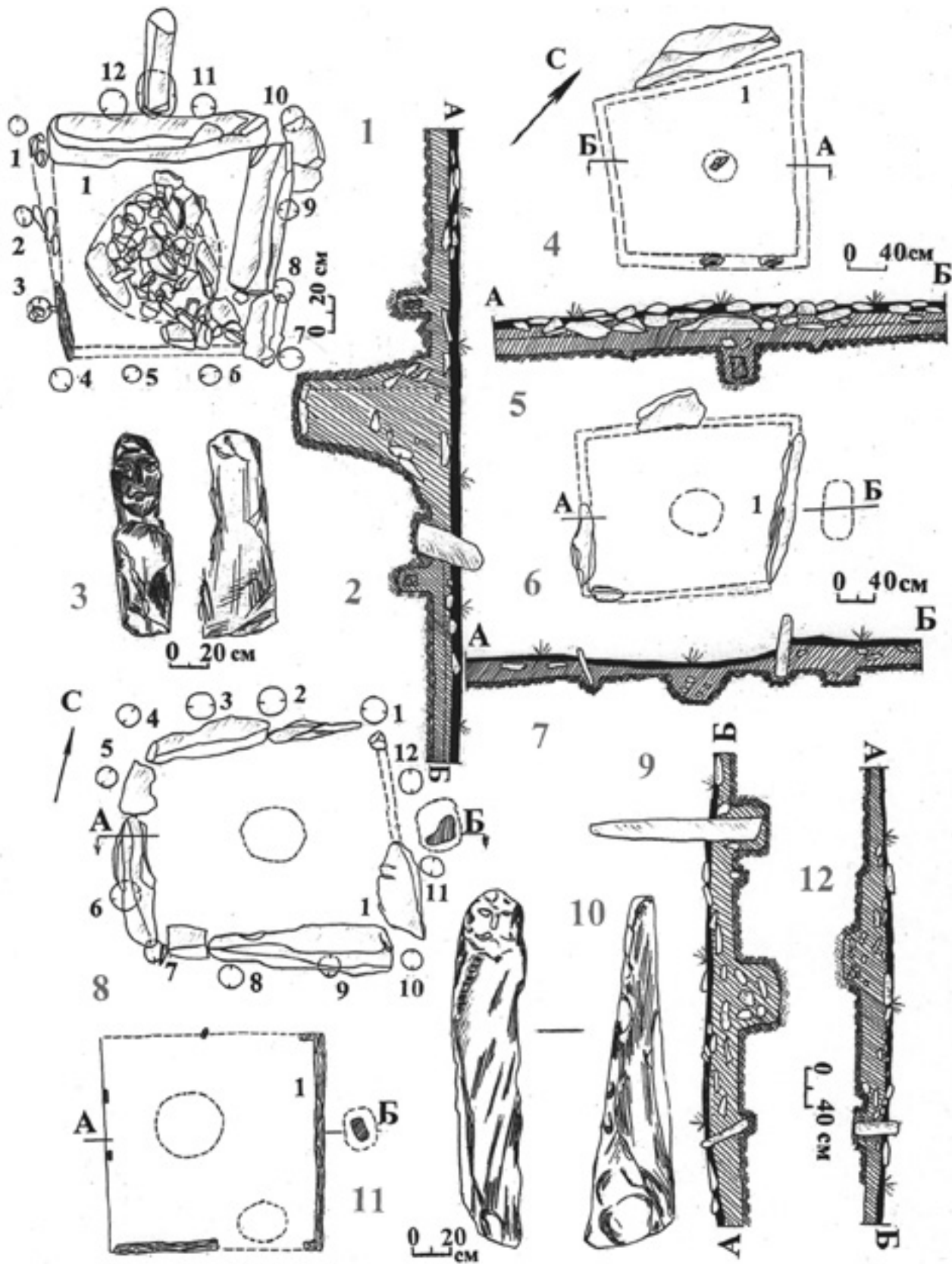
эпохи тюркских каганатов (VI–VIII вв.). Хотя традиции поминальных комплексов и каменных изваяний сохраняются вплоть до золотоордынского периода. Сложность в изучении памятников этого типа состоит в том, что фактическое отсутствие каких-либо артефактов внутри оградок и в непосредственной близости от них не позволяет точно датировать данные объекты. Их возраст определяется на основе типологии каменных изваяний, датировки изображенных на них предметов и конструктивных особенностей каменных оград и поминальных курганов — святилищ.

В пределах урало-казахстанских провинций Западно-Тюркского каганата разбросано достаточно большое количество каменных изваяний и жертвенно-поминальных комплексов различных

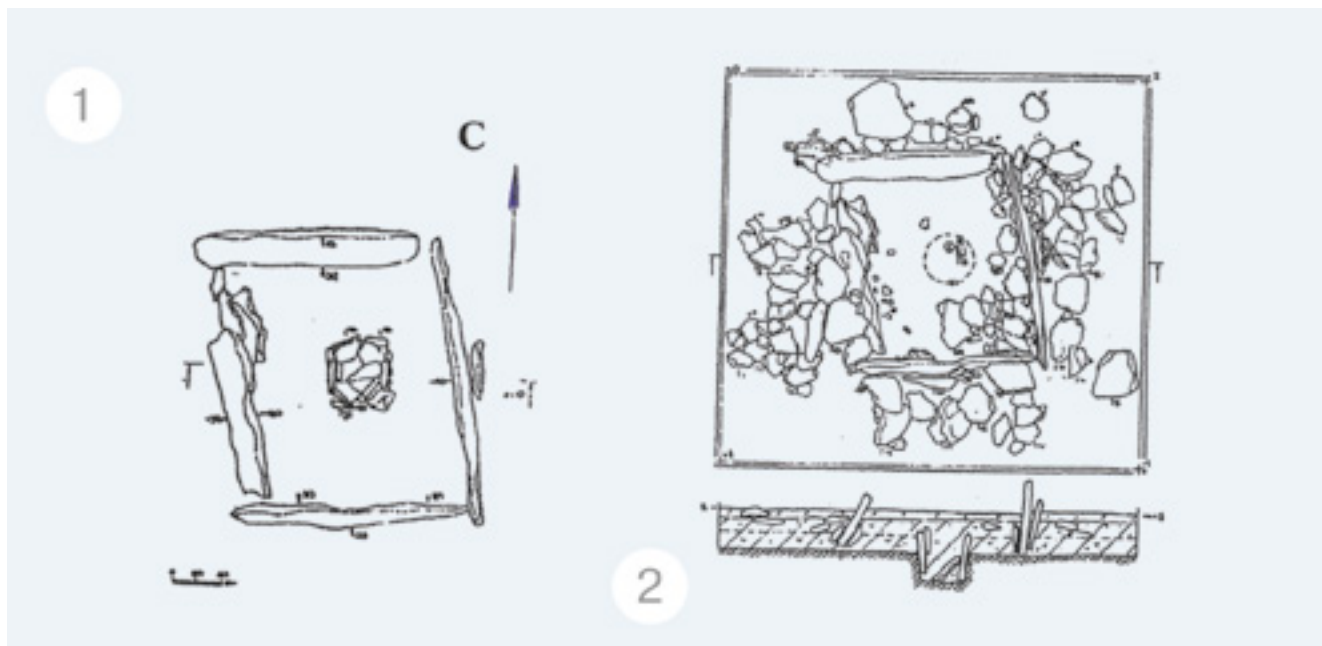
Общие виды.
Могильник Каменный Амбар.
Карталинский район.
Челябинская область

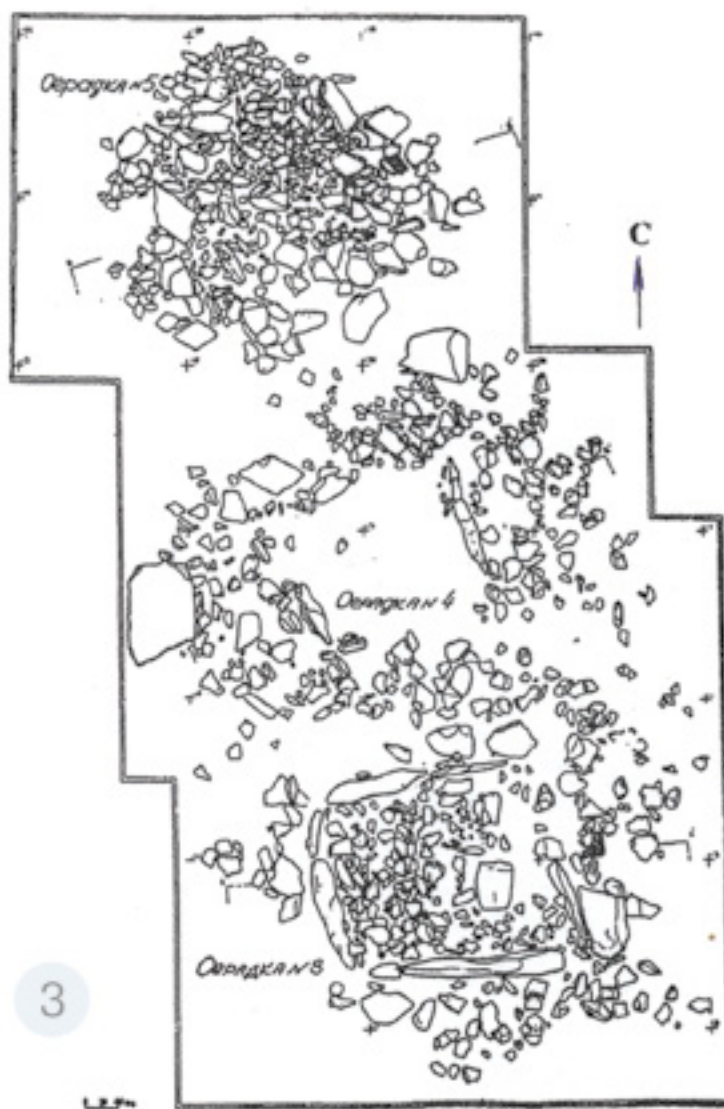

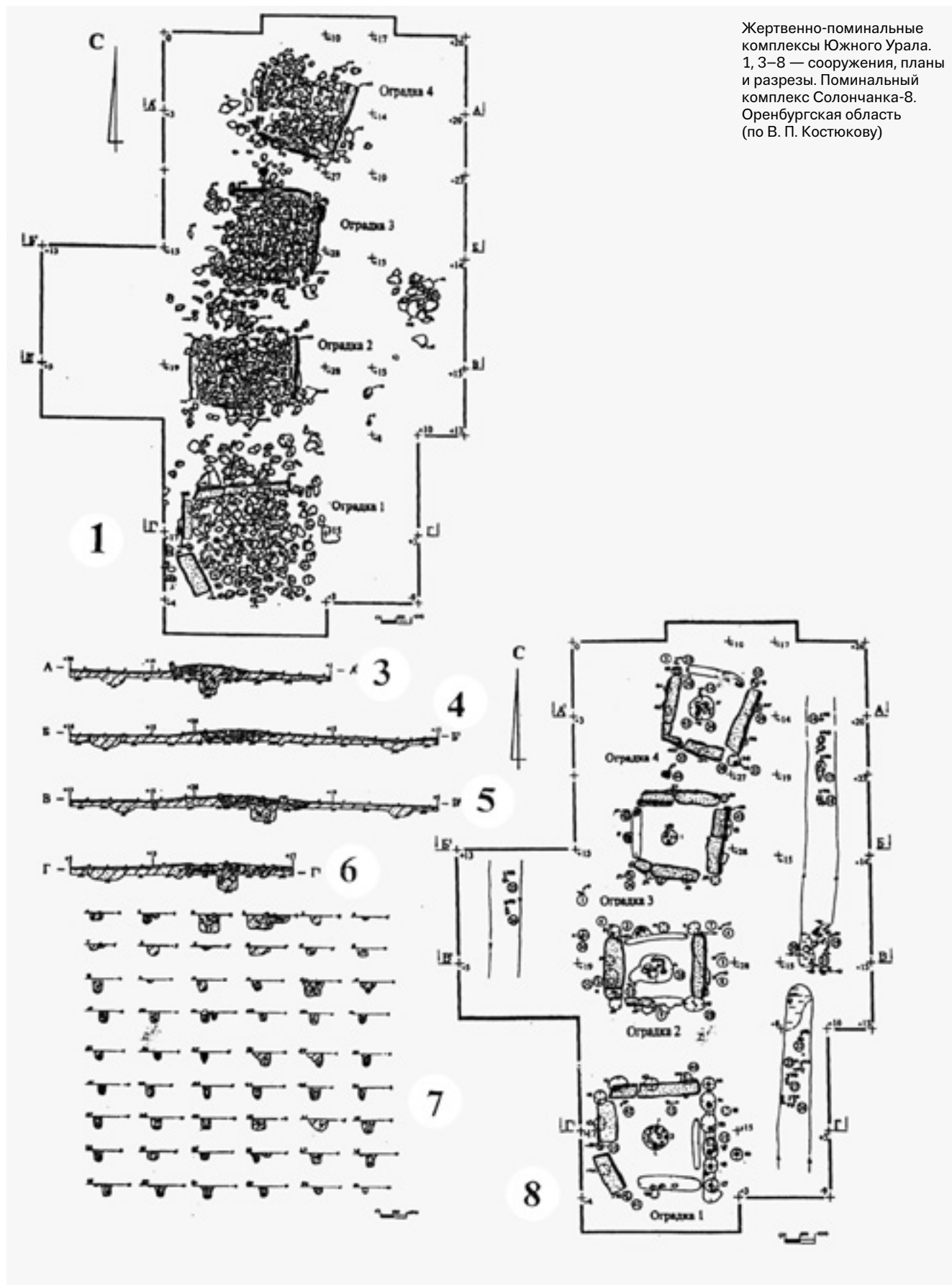
Планы и погребальный инвентарь. Жертвенно-поминальные комплексы Зауралья.

Могильник Каменный Амбар. Каргалинский район. Челябинская область (по В. П. Костюкову)

Жертвенно-поминальные комплексы Южного Урала (по В. П. Костюкову):
3 — Каменный Амбар-2;
1, 2 — Анненское-6,
каменная оградка № 3

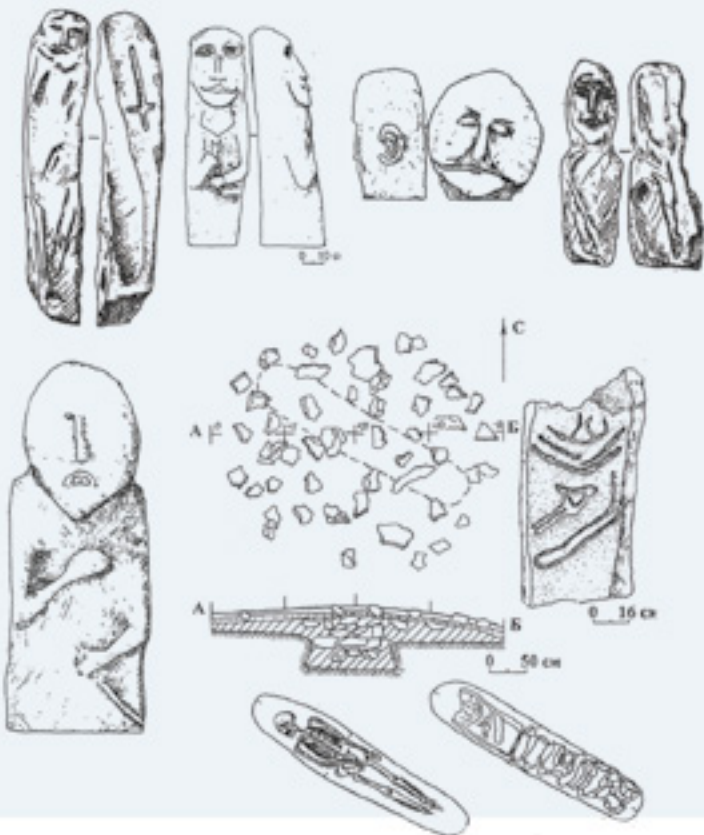
Жертвенно-поминальная ограда. Восточный Казахстан. Раскопки Л. Н. Ермоленко

периодов, которые удалось сохранить и исследовать. Так, на территории Южного Урала и примыкающих к нему северо-казахстанских регионов известно до 50 каменных изваяний. В Центральном Казахстане и Восточном Казахстане исследовано и описано чуть более ста скульптур. При этом к раннетюркскому периоду на Южном Урале можно отнести единичные скульптуры и вышеперечисленные поминальные ограды. Из тридцати поминальных сооружений более трети относятся к числу поздних кыпчакских святилищ, остальные — это древнетюркские оградки. Известный специалист по каменной кочевнической скульптуре Л. Н. Ермоленко разработала особую иконографи-

ческую типологию изваяний и соотнесла с ними типы тюркских оградок (группа 1) и кыпчакских святилищ (группа 2) [44, с. 68–69]. Древнетюркские оградки и изваяния из группы 1 относятся к периоду VI–VII — VIII–IX веков.

Изваяния древнетюркского облика представлены двумя основными разновидностями канонической позы, каждая из которых имеет несколько вариантов:

1. Поясные (изображенные по пояс) изваяния мужчин или безусых индивидов, правой рукой держащих сосуд на уровне груди, левой рукой опирающихся на оружие, подвешенное к поясу. Варианты изображения: а) позиция рук (не атрибутов!)

Ермоленко
Любовь
Николаевна
1957 года
рождения, док-
тор историче-
ских наук, про-
фессор КемГУ.
Известный
специалист
по древне-
тюркским
святилищам и
каменной
скульптуре

обратная; б) согнутая левая рука не касается ору-
жия и располагается ниже правой (иногда большой
палец левой руки касается дна сосуда); в) согнутая
левая рука не касается оружия и находится напрот-
ив правой.

2. Поясные (редко полнофигурные — сидящие)
изваяния мужчин или лиц неопределенного пола,
правой рукой держащих сосуд на уровне груди, ле-
вой рукой опирающихся на пояс. При отсутствии
пояса согнутая левая рука: а) размещается ниже
правой руки (на некотором расстоянии или вплот-
ную); б) расположена почти напротив правой руки
(несколько выше или ниже); в) касается сосуда с ни-
зу или сверху; г) наравне с правой рукой держит со-
суд на уровне груди (сосуд в обеих руках); д) сво-
бодно опущена; е) не изображается.

Отсюда следует, что вариант позы с сосудом
в обеих руках на уровне груди свойственен извая-
ниям древнетюркской традиции. В данном случае
положение правой руки с сосудом обусловлено ка-
нонической позой, а неординарная позиция левой
объясняется отсутствием другого позообразующе-
го атрибута — оружия.

Разнообразие вариантов свойственно также ка-
нонической позе **изваяний кыпчакского облика**,
относящихся к середине IX — началу XIII века.

Первая разновидность: поясные женские, муж-
ские или неопределимые по полу изваяния с со-
судом в обеих руках на уровне живота. Варианты:

Каменные
изваяния
Южного Урала
и Северного
Казахстана

а) сосуд на уровне живота в левой руке, тогда как на кисти, расположенной напротив правой руки, стоит птица; б) сосуд заменен лучком; в) руки сведены на животе, сосуд отсутствует; г) между сведенными на животе руками выбито углубление; д) руки опущены вдоль тела; е) руки опущены, на уровне живота изображен сосуд.

Вторая разновидность — изваяния кыпчакского облика с необозначенной позой (погрудные). Варианты: а) на торсе детализированы признаки пола; б) на торсе высечен сосуд (?). Вполне вероятно, что с выявлением новых изваяний список вариантов увеличится.

Сооружения, близ которых устанавливались изваяния из каждой иконографической группы, различны. Изваяния группы 1 ставились возле древнетюркских оградок (с балбалами или без них); изваяния группы 2 — около или внутри кыпчакских «святилищ».

Древнетюркские оградки среднеазиатско-казахстанского региона слабо изучены. По внешним знакам казахстанские оградки, при которых стоят изваяния древнетюркского облика типов I, II и антропоморфные стелы, большей частью относятся к разряду малых — одиночных или рядом расположенных, образующих комплекс. Оградки ориентированы сторонами или углами по сторонам света. Ряды оградок, ориентированных по сторонам света, сооружены примерно по линии С–Ю; изваяния установлены с их восточной стороны, лицом на восток. От некоторых изваяний в восточном направлении отходит вереница балбалов. В случае ориентации оградок по сторонам света углами ряд оградок, лицо изваяния и балбалы направлены соответствующим образом. Особая разновидность оградок распространена на Тянь-Шане: изваяния установлены с западной стороны, лицом на запад; балбалы отсутствуют. Возле оградок одного ком-

Тюркская каменная оградка.
Восточный Казахстан.
Раскопки Л. Н. Ермоленко

плекса могут сооружаться изваяния разных иконографических типов.

Судя по известным нам памятникам, внутреннее устройство оградок иногда включает ямку, в которой находятся кости или остатки древесного ствола. Исследованы также оградки со столбовой конструкцией по внешнему периметру и ящиком (жертвенником) с северной стороны.

Немного раскопано и кыпчакских «святилищ», конструктивное разнообразие которых сводится к четырем типам.

В камере, образованной стенками мощной каменной ограды стоит одно или несколько (в одну или две шеренги) изваяний. Над оградой с изваяниями возведена насыпь.

К сооружению типа 1 с запада примыкает большой каменный «курган», в котором прослеживается четырехугольная конструкция.

На поверхности двух небольших расположенных рядом по линии С–Ю возвышений фиксируются четырехугольные каменные выкладки. Все сооружение обведено ровиком. Изваяния открыто стоят на площадках, ограниченных выкладками.

Одно или несколько (в одну шеренгу) изваяний стоят с востока каменного «кургана».

В «святилищах» первого и второго типов ставились изваяния обоих иконографических типов. «Святилище» третьего типа, найденное в единственном числе и пока не раскопаное, содержит изображение человека со сведенными на животе руками, между которыми выбито углубление. Возле «святилищ» четвертого типа обнаружены лишь погрудные изваяния и антропоморфные стелы [44, с. 320–327].

Иконографии и вопросам изобразительной семантики каменных изваяний посвящено большое количество публикаций. В качестве изобразительных деталей на каменных скульптурах обнаруживаются тамги, предметы вооружения и украшений, пояса, сумки, элементы прически и одежды и др. Самый распространенный элемент — сосуд, который поминаемые предки в большинстве случаев держат в руках. Это либо кувшины (с ручками или без), либо чаши-кубки.

По мнению А. Досымбаевой, символика этого изобразительного элемента имеет глубокий са-

Айман Медеубаевна Досымбаева (р. 1954) — известный казахский археолог-тюрковед, доктор исторических наук. Итогом организованных ею экспе-

диций стали исследования и музеефицирование материалов всемирно известных святилищ Мерке, Жайсан, Кумай.

кральный смысл — она отражает ритуал принесения клятвы в форме выпивания воды, что является неотъемлемой частью церемонии заключения договора и присяги: «...когда хотят тюрки взять клятву с какого-либо мужчины, приносят медного идола, держат его, затем готовят деревянную миску, в которую наливают воду, и ставят ее между рук идола. Затем, после клятвы, он выпивает воду» [42]. Бытование описываемого ритуала в тюрко-согдийской среде подтверждается сценой, изображенной на одной из стенок саркофага из захоронения 557–581 годов из Сиани. На сцене зафиксирована церемония заключения договора между согдийцем и тюрком. Процедура усилена клятвой, которую стороны должны «выпить». Фигура человека с сосудом в центре картины, между главными персонажами, подтверждает достоверность и действенность клятвенного договора.

Закрепление ритуала клятвенного обещания тридцатидней «пить клятву» в древнерусских источниках обозначалась термином «роту пити», бывшим

Каменное изваяние.
Сары-Арка, комплекс Кумай.
Центральный Казахстан

в употреблении только у тюркских народов («а Татарове роту пили по своей вере»). Происхождение термина «роту пити» сходно с конструкцией тюркского анд/ант ур, в значении «выпить клятву» (присягать клятве).

Наиболее известным среди древнетюркских комплексов Сары Арки Центрального Казахстана является комплекс Кумай, который находится неподалеку от столицы Казахстана и национального парка «Буйратау». Он насчитывает до десятка святилищ раннетюркского времени (Косбатыр, Карагайлы 1, 3, 5, 6). Однако всемирно известными на казахстанской территории Западно-Тюркского каганата являются святилища Мерке и Жайсан, расположенные в макрорегионе Жетысу (Семиречье).

Святилище Мерке. Регион Жетысу оказался территорией с наибольшей концентрацией других категорий тюркских памятников. К особой группе следует отнести петроглифы с изображениями конных воинов-знаменосцев, а также изображения тюркских тамг. Тамги рода ашина встречаются среди петроглифических изображений на камнях, каменных изваяниях, и самое главное, на монетах западнотюркских каганов, обнаруженных на памятниках периода Западно-Тюркского каганата. Особую группу составляют также памятники письменности.

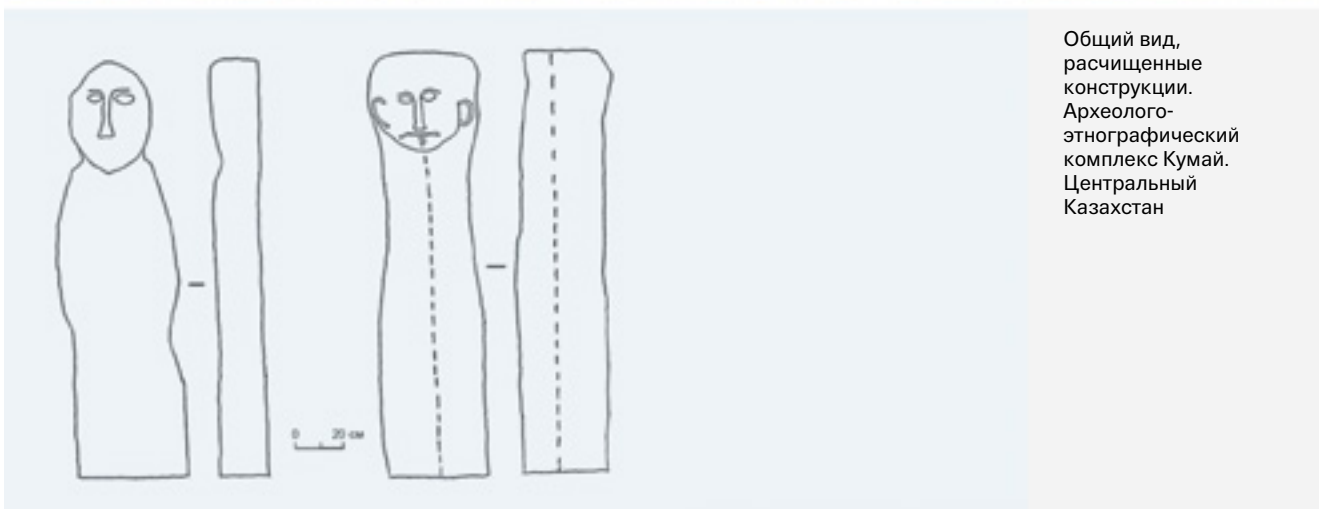

Древне-
тюркские
сосуды:
1–3, 5 —
из Малой
Перещепины
(Украина);
4 — Румыния

Каменное изваяние. Комплекс Кумай (Карагайлы I)
Центральный Казахстан

Общий вид,
расчищенные
конструкции.
Археолого-
этнографический
комплекс Кумай.
Центральный
Казахстан

Каменное изваяние.
Комплекс Жетысу.
Святылище Мерке.
Казахстан

Святылище занимает высокогорные перевалы и плато Киргизского Алатау, на высоте три тысячи метров памятники образуют с местной флорой и фауной уникальный природно-исторический комплекс, отражая важное для тюркских народов единение человека и окружающей среды.

Тюркские кочевники на протяжении почти тысячи лет использовали данную местность в культоворитуальных целях. На этой территории обнаружено более 170 курганов и оград, датируемых VI–XIV веками, среди которых около 70 представляют собой одиночные или групповые (до четырех объектов) комплексы с антропоморфными каменными изваяниями. По свидетельствам местных жителей, раньше изваяний было больше, однако со временем часть из них были перевезены в краеведческие музеи или попали в частные коллекции.

Каменные изваяния идентифицируются как мужские или женские фигуры, причем сочетание тех и других в групповых комплексах может быть любым. Захоронения или небольшие храмы харак-

теризуются как родовые. Раскопки, проведенные в 1987 году на правом берегу реки Мерке, позволили сделать вывод о прямых историко-культурных связях усуней и древних тюрков района Жетысу.

Датировка памятников Мерке вызвала определенные сложности: каменные ограды с изваяниями имеют аналоги среди памятников тюрков-тугю Южной Сибири, Алтая, Тувы, датируемых VI–VIII веками. Однако изображения на изваяниях позволяют отнести их ко времени вплоть до XII века. В связи с этими расхождениями возможны коррективы существующей в литературе классификации древнетюркских оград.

Преобладающими сооружениями на святылище Мерке являются курганы диаметром от 7 до 12 метров, высотой от 0,5 до 1,2 метра, с каменным изваянием в центре. Аналогичные сооружения известны на территории Центрального Казахстана и в южно-русских степях. Их соотносят с кыпчакским периодом в истории тюркских кочевников и датируют примерно XI–XIII веками. Другой особенностью

Каменные изваяния.
Комплекс Жетысу. Святилище
Мерке. Сулысай 3. Казахстан

Каменное изваяние.
Комплекс Жетысу. Святилище
Мерке. Казахстан

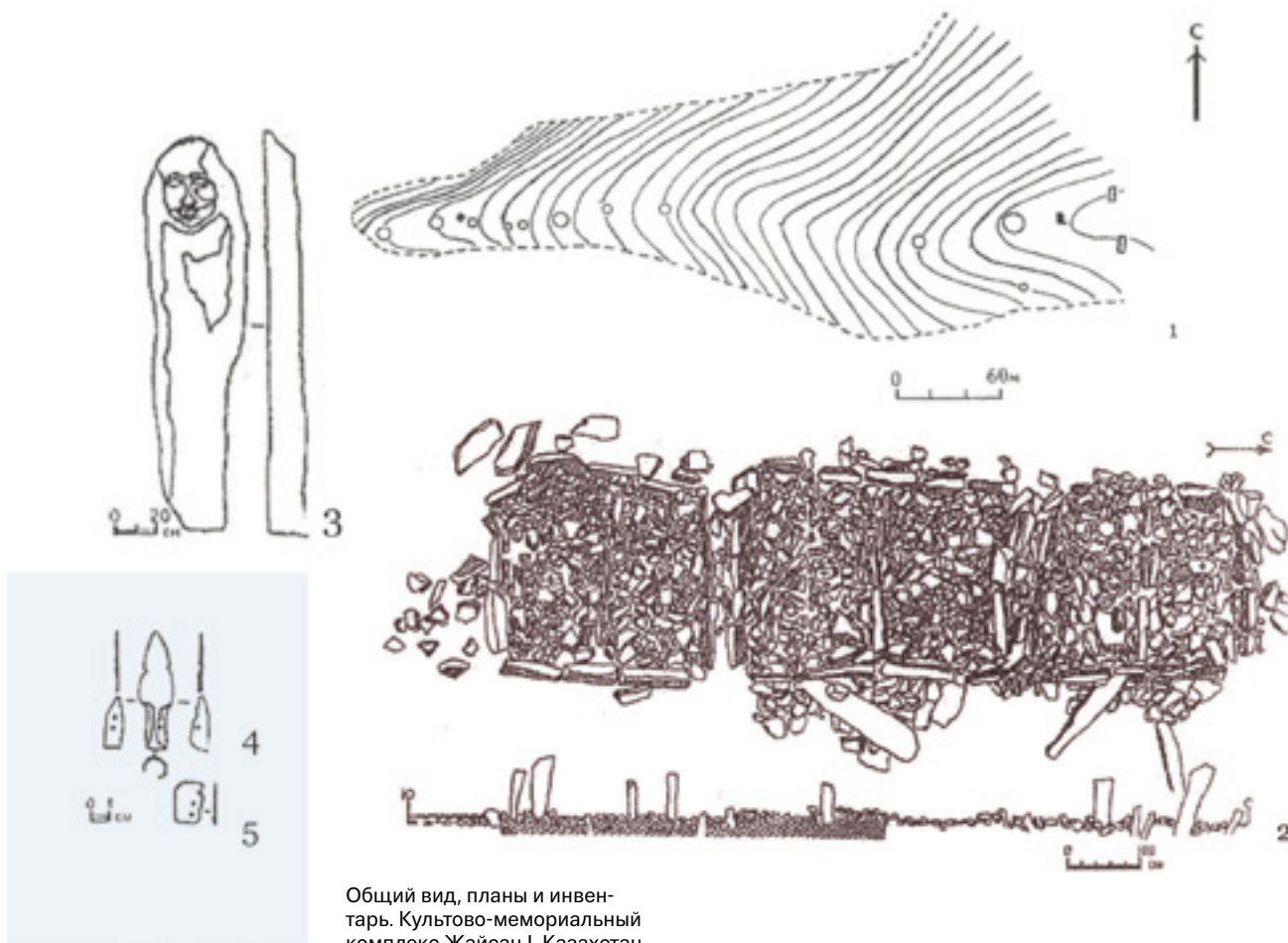

Парное муж-
ское и женское
изваяния. Свя-
тилище Мерке.
Казахстан

Каменное изваяние.
Культово-мемориальный
комплекс Жайсан I.
Казахстан

Общий вид, планы и инвентарь. Культново-мемориальный комплекс Жайсан I. Казахстан

этих памятников является преобладание среди изваяний женских фигур, что может быть объяснено ролью женщин в тюркском обществе, а также связано с культом девы-прародительницы.

Святылище Жайсан располагается в Уйской долине. В результате изучения святылища на его территории открыто 37 культово-мемориальных комплексов. Каждый из них включает в себя десятки погребальных и культовых сооружений, образцы наскального искусства и родовые тамги. Мемориальные памятники расположены компактно у северо-западных склонов хребта Кирдилтас на площадке протяженностью 12 километров с юга на север и 22 километра с востока на запад.

В состав святылища Жайсан входят памятники, представляющие тюркское наскальное искусство, и родовые тамги, находящиеся в непосредственной близости от мемориалов, к юго-западу от них, на скальных выходах с южной экспозицией. Сходные по форме родовые тамги встречаются на скалах, среди петроглифов, на стелах и изваяниях.

Типологические особенности конструкций оград, выложенных из установленных на ребро каменных плит и заполненных колотым камнем, позволяют отнести их к разряду единых по на-

значению и содержанию ритуальных комплексов со статуями и стелами. При соблюдении единого принципа строительства ритуальных конструкций прослеживаются конструктивные различия, заключающиеся в количестве оград, пристроенных друг к другу, в составе и количестве каменных скульптур, установленных с восточной стороны оград и внутри них, стел, которые установлены одиночно, попарно или совместно с изваяниями.

По своему масштабу данные святылища не имеют аналогов в пределах границ Западно-Тюркского каганата. По всей видимости, они являлись сакральными центрами западно-тюркских каганов и знати.

Особые ландшафтные условия этих святылищ (альпийские дуга, Киргизское Алатау и Чуйская долина) позволяют предположить, что эти плато и долины использовались как летовья или джайляу, где и сооружались родовые святылища. При этом, учитывая большую плотность тюркских памятников в пределах именно Жетысу, можно также предположить, что этот регион был своеобразным цивилизационным очагом Западно-Тюркской империи. Вероятно, каганская ставка и кочевая элита существовали здесь по общеизвестному принципу:

Каменные изваяния.
Комплекс Косбатыр.
Казахстан

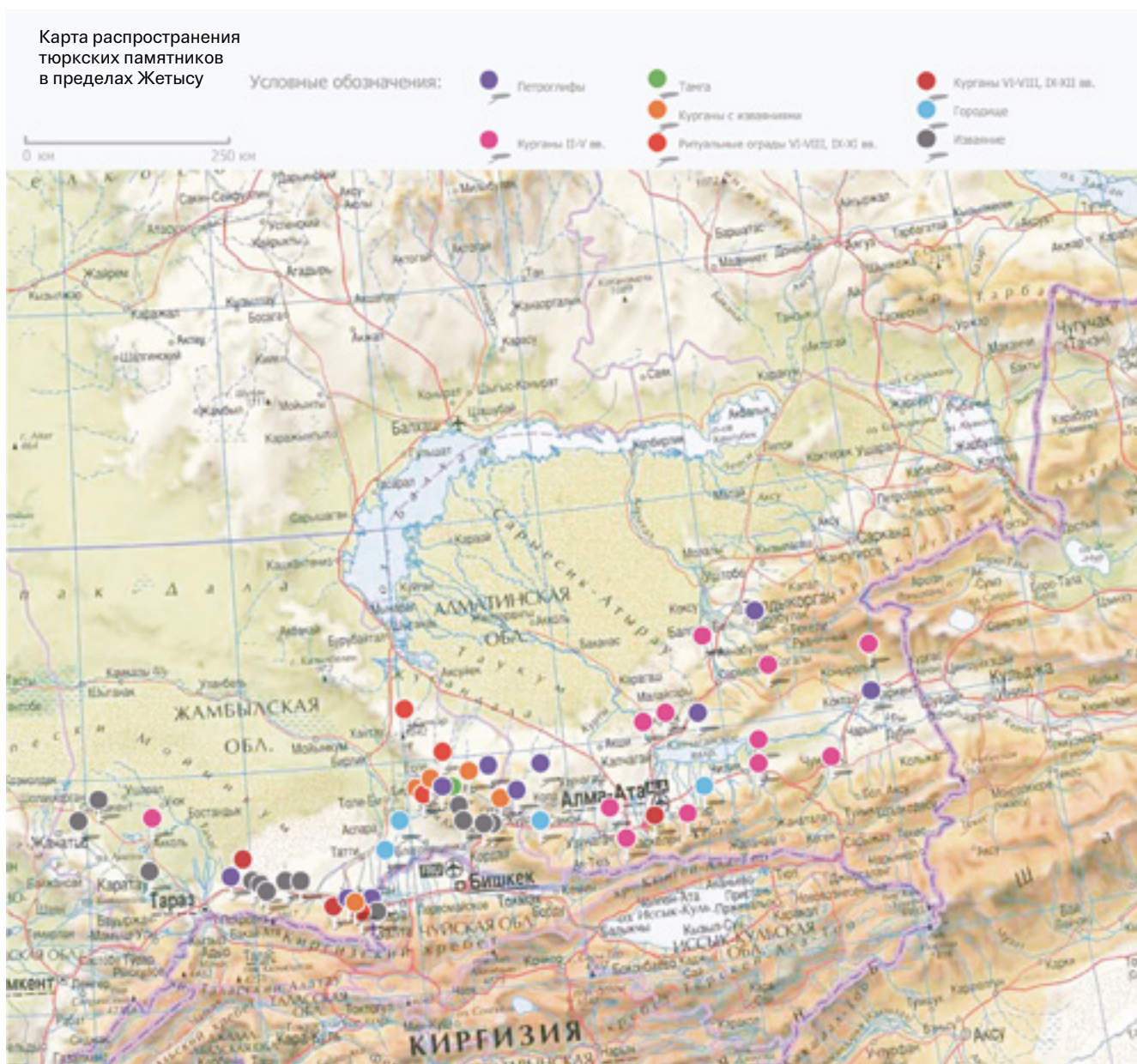
зимой ханские ставки и кочевая знать находились вблизи города или в нем, а в весенне-летнее время перемещались в степь, предгорья или горы. Так было в Хазарском каганате в начальный период дунайских венгров и болгар, а также в улусах Золотой Орды.

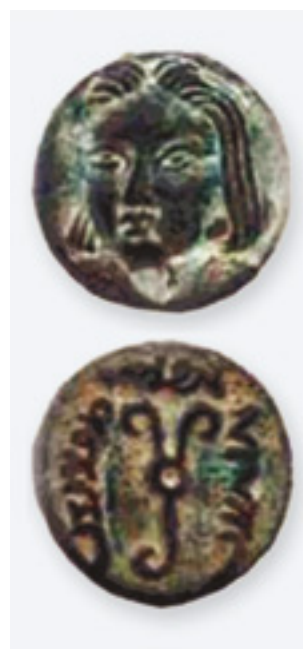
Возникает другой вопрос: что за города были в эпоху Западного каганата, где располагались ставки Великих ханов?

Кроме уже названных городов-ставок западно-тюркских каганов (Суяб, Баласагун, Мерке, Невакет Аспара) это Тараз, Джамукай, Кедр, Кульшуб и другие города и цитадели, расположенные на

северном ответвлении туркестанского маршрута Великого шелкового пути: Турфан — Гаочан — Тараз — Чач — Согд. При этом необходимо отметить, что в этот период города Восточного Туркестана — Турфан, Гаочан, Хами и другие — были частично или полностью колонизированы торговым населением согдийцев.

Создавшаяся благоприятная внешнеполитическая конъюнктура позволила в быстрые сроки сконцентрировать вокруг ставок западно-тюркских каганов и кочевой знати значительное количество оседлого согдийского населения, которое не только было призвано обеспечить кочевников продуктами

Тюркская монета с изображением кагана

Монеты Западно-Тюркского каганата

Древний город Гаочан. Синь-цзян. КНР. Фото С. М. Арканова

Гаочан находится в Турфанской впадине, в 30 километрах от современного Гаочана. Один из первых центров буддизма на территории Китая. В V веке Гаочаном правил китаец Кань Шуан. С 439 года он был цитаделью последних правителей государства Северная Лян. До 460 года Гаочаном правил хуннский царь Цзюйцзюй Аньчжоу. В 460 году он был взят жужанскими войсками, которые заселили оазис переселенцами из Китая. Во главе жужани поставили китаец Кань Бочжоу. После его смерти недолго правил его сын — Кань Ичэн, который был убит другим родичем, Кань Шоугуем. В 482 году оазис был завоеван гаоцзюйским (телеским) Афучжило. В непродолжительное время в городе сменилось несколько китайских правителей, каждый из которых убивал своего предшественника. Город переходил под власть то гаоцзюйцев, то жужаней. В конце V века в регионе стало заметно влияние империи эфталитов, которые заняли Харашар. К власти в Гаочане пришел китаец Цюй Цзя. В начале VI века он установил отношения с Юань-Вэй и стал посылать дань: лошадей, соболиный мех, соль. При дворе несколько раз обсуждался план «эвакуации колонии» во внутренний Китай. В 520 году Цзя выписал из Китая «У-Цзин», «Династийные хроники» и придворных учителей. Ему наследовал сын — Цзянь, в 531 году он восстановил отношения с Вэй. Его сын Сюаньцзя в 548 году получил титул вана. Около 555 года на престол взошел Мао, который стал поддерживать связь с Бэй Чжоу.

В середине VI века Гаочан был центром государства из 16 соседних городов, к концу века их уже было 18.

В 590 году тюрки разграбили четыре города княжества, 2000 человек переселились в Китай. Престол в это время занял Боя, сын Цзяня. На него стали оказывать давление тюрки — ставленники его мачехи, тюркской княжны (он был сыном от второй жены). В конце концов он согласился принять тюркские обычаи. В 608 году был отправлен посол, а в 609 году сам Боя прибыл ко двору Суй Ян-ди. Похоже, что он участвовал в войне с Когурё (Когурёско-суйские войны) и после женился на Хуажэнь-гунжу, княжне императорского дома. В 612 году вернулся в Гаочан и повелел, чтобы гаочанцы перестали носить тюркские косы и запахивать левую полу халата наверх, что означало отказ от обычаев и господства тюрков. За это он был пожалован императором. Тюрки имели своего чиновника в Гаочане. Боя собирал пошлину с купцов и отсылал деньги через чиновника тюркам. Боя не стал идти до конца и, страшась тюрков, сохранил их обычаи и одежду, при этом ежегодно отправлял дань в Китай.

Несколько раз город переходил из рук в руки динлинов и тюркютов. После воцарения в Китае династии Тан в Гаочан стали стекаться сторонники свергнутой династии Суй. В 628 году через Гаочан проезжал знаменитый паломник Сюаньцзан.

После смерти Боя в 623 году на престол вступил его сын Цюй Вэньтай. Он подарил императору Гаоцзуну маленькую собачку, якобы из Рима, которая могла остановить лошадь,

держа поводья в зубах.

Таких «фолиньских» (то есть римских) собак стали держать при дворе.

В конце 629 года Гаочан посетил на пути в Индию китайский буддийский монах, путешественник и философ Сюаньцзан.

В 630 году Вэньтай приехал ко двору Ли Шиминя и был пожалован титулами. Позже он склонился к союзу с тюрками и помогал тюркскому ябгу в походе против города Ю. Он собирал у себя перебежчиков из Китая (в том числе тех, кто раньше укрывался у тюрков) и вместе с западными тюрками разграбил три города Карашара (638). В ответ Ли Шиминь пригрозил походом против Гаочана, упомянув в письме о союзных Сюаньцзану. После неудачных переговоров Ли Шиминь назначил главнокомандующим Хоу Цзюньцзи (среди его заместителей был и Циби Хэли) и собрал несколько десятков тысяч воинов (главным образом тюрков и киданей).

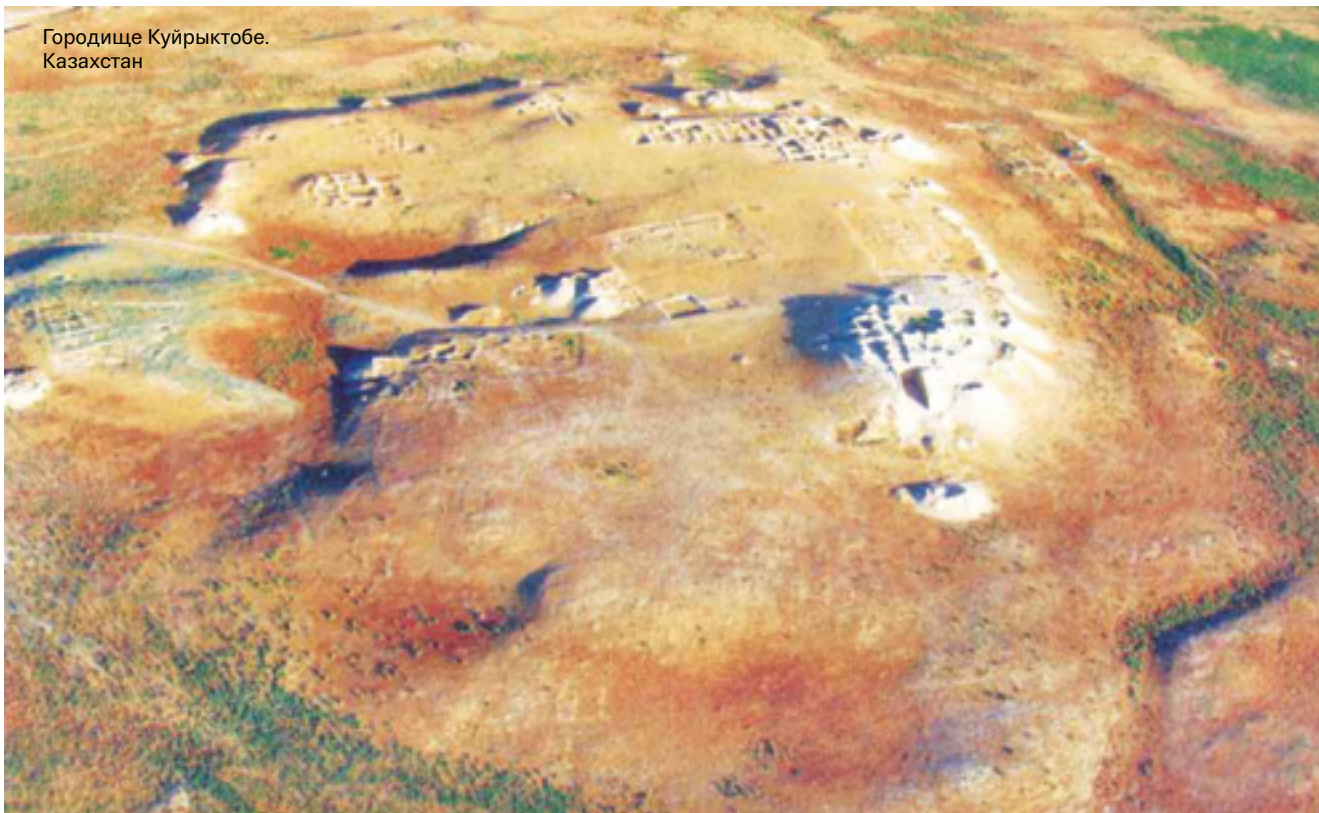

Горрдище Красная речка.
Кыргызстан

Горрдище Актобе.
Казахстан

Городище Куйрыктобе.
Казахстан

Городище Мерке.
Жетысу, Казахстан

Городище Костобе.
Казахстан

Городище Орнек.
Казахстан

земледелия и ремесла, но, главное, осуществляло бесперебойную торговлю, которая составляла основной приток благосостояния и этих городов, и ханской казны.

Эти города представляли собой особый социальный симбиоз оседлой и кочевой цивилизации, когда, вероятно, обладая определенной самостоятельностью, город и горожане являлись вассалами тюркских ханов. При этом, возможно, взимание подушной дани и поборов с оборота не сводилось к простому отъему прибыльной части с оседлого городского населения. В противном случае это не привело бы к бурному росту этих городов в период расцвета каганата. Вероятнее всего, шел активный товарообмен между оседлым и кочевым населением, а благоприятная внешне- и внутривнутриполитическая конъюнктура (протекторат Великого хана) способствовала этому.

Этот тип городских образований предложено называть «кочевнический город». Его возникновение и бурное развитие падает именно на этап окончательного формирования кочевой цивилизации Евразии, который совпадает с эпохой Великих тюркских каганатов. Эти города возникают повсеместно вблизи степных, полупустынных и предгорных артерий кочевых коммуникаций. Их отличают хозяйственная многоукладность, социокультурная совместимость, взаимодополняемость и этнокультурная толерантность.

Невольно может возникнуть вопрос: где города и сакральные центры Семиречья и Южного Казахстана — а где Южный Урал? Каким образом эти исторические события и культурные инновации отразились в истории Урала?

Городище Аспара.
Жетысу. Казахстан

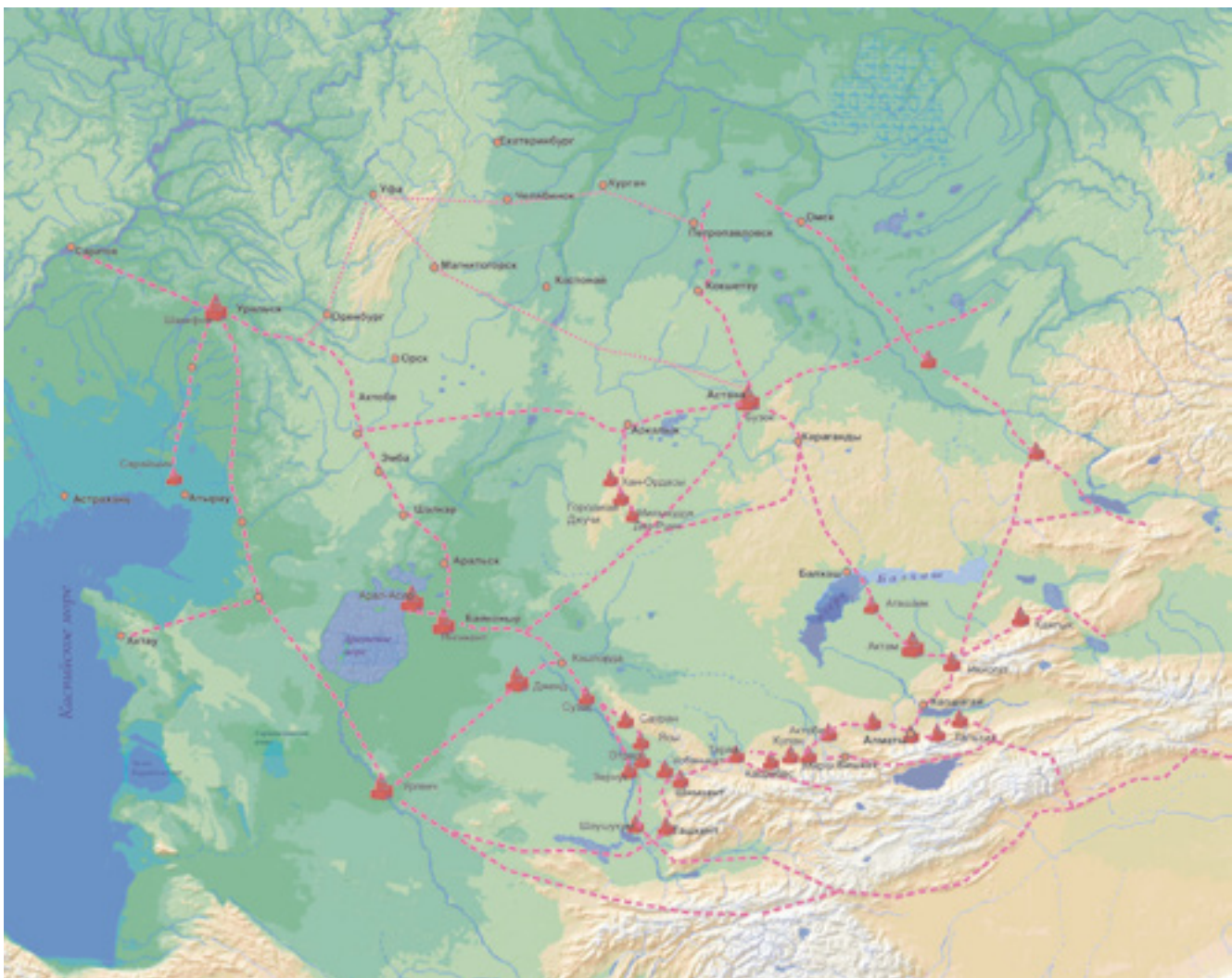
Карта северных маршрутов
Великого шелкового пути
в казахстанских степях

Сасанидское серебро.
Село Турушево,
Вятская губерния

Между Великим шелковым и Великим пушным путями

*Струилась бурная река,
А в ней дирхемы и шелка,
Имбирь и чай издалека
И смерть дамасского клинка,
Меха, кольчуги и пенька
И слов неведомая суть
Манила в сказочный предел
Незримый, бесконечный путь*

С конца XIX века в Эрмитаж с Урала (в основном из Пермской губернии) и из Западной Сибири начали поступать находки из кладов — серебряные богато украшенные сосуды (чаши, кувшины), изготовленные в основном в сасанидском Иране, реже в Согде и Хорезме. Кроме этого за более чем столетний

Серебряное блюдо «Царь Шапур II охотится на львов»
310-320 годы. Из фондов
Государственного Эрмитажа

Сасанидское серебро — древнеиранские серебряные изделия (посуда, монеты, украшения), поступавшие в результате торгового обмена на территории Пермского края в эпоху раннего Средневековья — в VI–VII веках. Драгоценную утварь находили при обнаружении дореволюционных сборов и кладов. Многие из предметов сасанидского искусства аккумулировались в знаменитой коллекции Строгановых, откуда впоследствии попали в фонды Государственного Эрмитажа. Иногда драгоценные раритеты обнаруживались на святилищах и крайне редко (в основном монетный материал) — при раскопках средневековых некрополей. Следует отметить, что к зороастрийским сюжетам сасанидской торевтики крайне близка драгоценная утварь среднеазиатского (согдийского) произ-

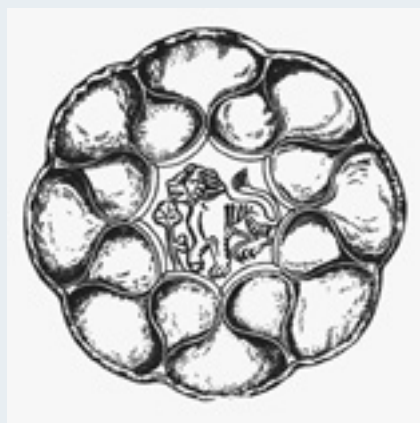
водства (конец VII — первая половина IX в.), которая представлена в археологических древностях края.

Наиболее известные находки: Вереинский клад (Чусовской район), в составе которого было серебряное блюдо с портретом шаха Шапура II, охотящегося на кабана; блюдо с изображением двух баранов у дерева и чаша, украшенная рельефными фигурами всадников, охотящихся на львов; Мальцевский клад (Кудымкарский район), куда входили серебряный кувшин с изображением крылатого верблюда, блюдо с изображением охоты царя на тигра, блюдо с изображением орла и газели; Климовский клад (Кудымкарский район), где было блюдо с изображением шаха Шапура III и леопарда; блюдо с изображением тигрицы у дерева и др.

Торевтика — искусство производства рельефных изделий из цветных металлов.

Слово «торевтика» означает обработку

металлов различными способами (чеканка, тиснение, выбивка при помощи пуансонов или гравировка).

Реконструкция сасанидского блюда из клада у деревни Шудьякар. Вятская губерния

Сасанидское серебро. Деревня Слука, Пермская губерния. Материалы из фондов Государственного Эрмитажа

Сасанидское блюдо. Деревня Чердынь, Пермская губерния. Из фондов Государственного Эрмитажа

период исследований в раскопках средневековых памятников Пермского края, Кировской области и Западной Сибири обнаружено большое количество византийских, сасанидских, хорезмских и согдийских монет. Наибольшее количество предметов этого импорта падает на VII–VIII века, то есть время Западно-Тюркского каганата (!).

Объем находок этих категорий таков, что образцы сасанидского серебра, найденные на Урале, составляют 75 % сасанидской торевтики, хранящейся в музеях мира.

Все эти факты указывают на то, что в тот момент северные территории Волго-Камья, Приобья и Южного Урала попали в орбиту Западно-Тюркской империи.

Думается, что торгово-меновый транзит осуществляли не только торговые караваны согдийских и хорезмских купцов, сопровождаемые особыми отрядами тюркского эскорта, но и непосредственно кочевники народа «десяти стрел» (дуло, нушеби) и другие кочевые сообщества каганата, пришедшие им на смену: кыпчаки-сеянто, карлуки, огузы. Потому как сезонный цикл кочеваний многих из них происходил в рамках больших пастбищных провинций: Арал — Урал, Сырдарья — Tobol. По мнению А. М. Белавина, основным товаром населения Урала и Западной Сибири в то время были известные металлы, соль. Но, бесспорно, основной статьей вывоза являлась пушнина — меха белки, соболя, куницы, черной и красной лисы, горностая, бобра и песца, которые в изобилии добывались в уральских лесах. Трудно сказать, какую роль играло в этом торгово-обменном процессе население Южного Урала. Наличие на лесостепном пограничье по обеим сторонам Уральского хребта больших и малых городищ, безусловно, говорит о том, что приуральское ломоватовское, бахмутинское и турбаслинское население и зауральские племена бакальского историко-культурного горизонта контролировали этот торговый транзит от Шелкового к Пушному пути.

Такова хозяйственно-экономическая сторона взаимодействия тюркской кочевой цивилизации со своей северной периферией. Безусловно, речь идет о появлении долговременного торгового обмена и хозяйственного взаимодействия между разно-

этническими и разнокультурными группами населения, оказавшегося в орбите Западно-Тюркского каганата. Наличие большого количества монетного материала, как правило, серебряной византийской, сасанидской, хорезмской и согдийской чеканки, не может указывать на полноценное денежное обращение в северных регионах каганата (в отличие от медных и серебряных монет, имевших хождение в городах и ставках западных тюрков). Речь, вероятно, идет о принятии для расчетов денежного серебра на вес. А впоследствии серебряные монеты употреблялись исключительно как элемент украшений тюркского населения Урала. Подтверждением тому может служить находка сасанидского динара в составе ожерелья, найденного на ритуальном комплексе Ингала. Тем не менее столь интенсивные торгово-хозяйственные взаимосвязи регионов Тюркского каганата, а также изменения, происходившие в недрах самой империи привели к кардинальным трансформациям как этнокультурного, так и расового порядка.

Согдийский серебряный кувшин. Деревня Мальцево, Пермская губерния

Жаркие объятия тюркской кочевой цивилизации

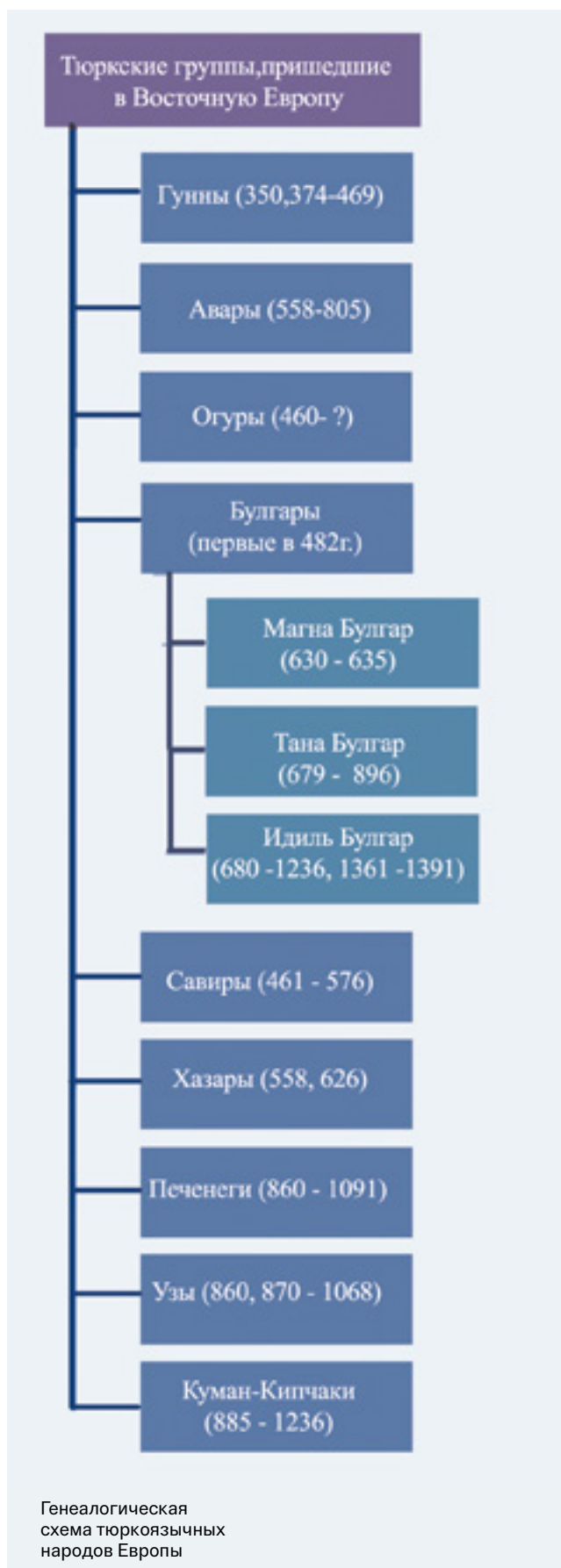
На позднегуннском этапе население центральной евразийской степи поэтапно переходит на тюркский язык. Этот процесс выглядит так же, как это показано на схеме, составленной по результатам антропоники народов Казахстана и Южного Урала.

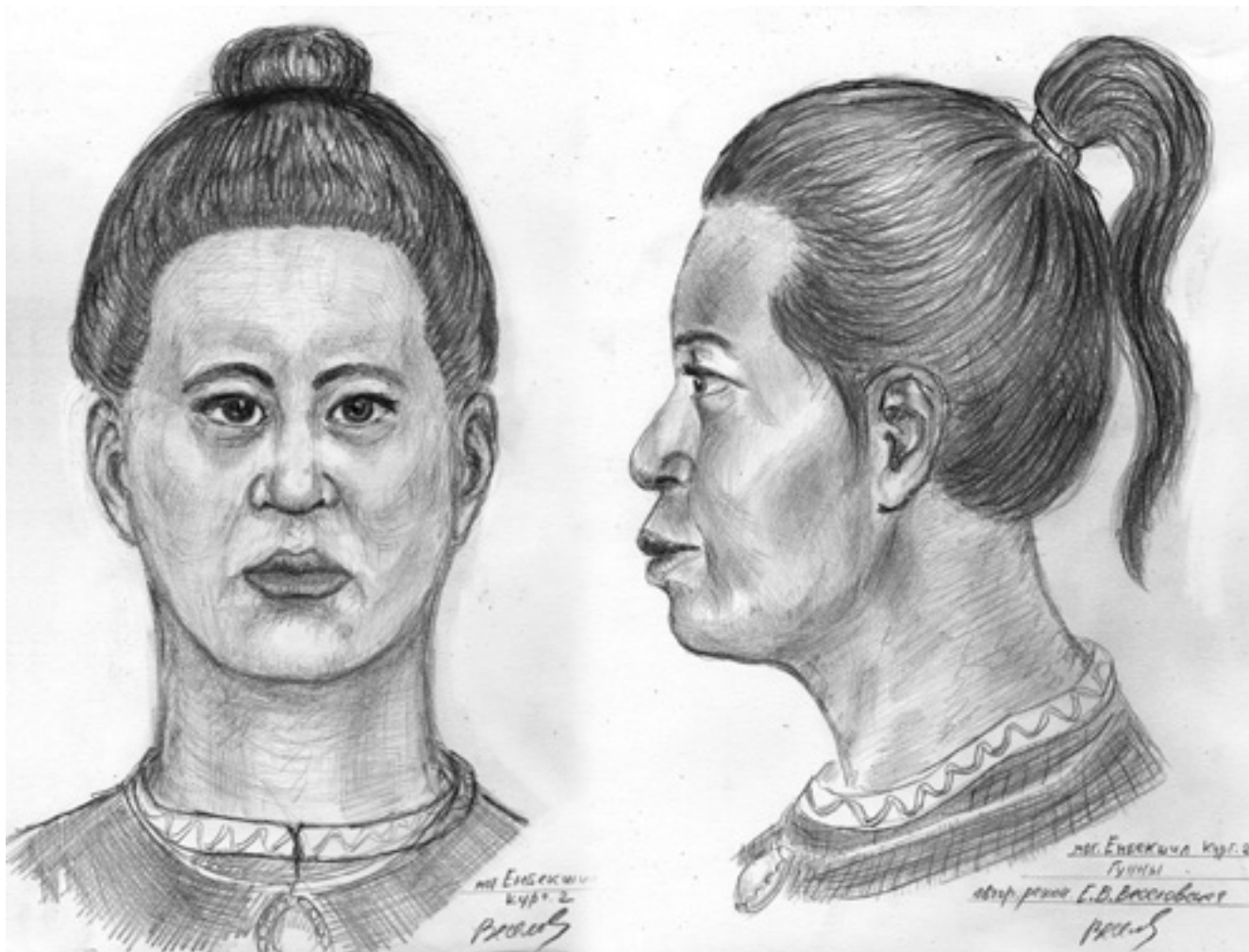
Однако, по мнению лингвистов, кочевники Западно-Тюркского каганата, а именно народ «десяти стрел» (огуры), говорили на раннетюркском, относящемся к хазаро-болгарской группе языков Lig, сегодня частично сохранившемся лишь в чувашском языке, представляющем собой, вероятно, определенный синкретический языковой формат со значительным включением уральского лингвистического компонента. С нашей точки зрения, это нуклеарное (как этническое, так и лингвистическое) состояние наиболее близко венгерскому, где наряду с настратическими горизонтами просматриваются палеоугорские и палеотюркские компоненты. Это породило длительную дискуссию о природе мадьярского языка.

С приходом новых групп населения кыпчаков-сеянто (первая волна 647 г. и последующая, вплоть до X в.), а затем восточно-тюркских групп карлуков, огузов, уйгуров (после распада восточнотюркского в 744 г., последующих экспансий вплоть до X–XI вв.) языковая среда урало-казахстанских кочевников окончательно устанавливается в ареале восточно-тюркской группы языков SAZ, получившей название «урало-алтайская группа языков».

Параллельно с этим перемещением, вызвавшим вышеназванные лингвистические предпочтения, в недрах Западно-Тюркского каганата происходят и изменения расового облика населения урало-казахстанских степей.

С позднегуннского времени становятся немногочисленными погребения, совершаемые по обряду ингумации. Так, например, в ходе раскопок курганов 5 и 6 могильника Каменный Амбар, а также могильников Назар 2 и Енбекшил в четырех случаях была зафиксирована яркая монголоидность погребенных. Безусловно, это связано с постоянной инфильтрацией кочевого населения в период

Графическая реконструкция погребенной из кургана 2 могильника Енбекшил.

Центральный Казахстан.
Автор Е. В. Веселовская

завоевания сяньбийским вождем Таншихаем (155–160) Джунгарии и расширение границ его империи до Тарбогатая. В отличие от предшествующего населения — северных хунну, или ранних гуннов — эти кочевые группы имели ярко выраженный монголоидный облик, о чем свидетельствуют данные антропологического изучения северокитайских погребений Сяньби, датируемых I–II веками до н. э. Безусловно, в период существования Тюркского каганата происходит окончательная монголоидизация кочевого населения Зауралья и Казахстана с установлением единой монголоидной южносибирской расовой группы. Хотя лесостепное население по обеим сторонам Урала в массе своей сохранило прежний уральский антропологический облик.

Обломок каменной скульптуры. Городище Уфа II. Республика Башкортостан

И, наконец, одна из самых важных цивилизационных инноваций — появление в Западно-Тюркском каганате письменных традиций.

Безусловно, зарождающаяся государственность диктовала необходимость создания письменных государственных документов и деловой переписки. Существует определенное заблуждение: упоминать, говоря о письменности тюрков, лишь знаменитые рунические памятники Орхоно-Енисейской письменности.

По мнению исследователей-тюркологов С. Г. Кляшторного и И. Л. Кызласова, руническими памятниками Орхона, Толы и Селенги (Монголия) являются знаменитые стелы, установленные в честь великих каганов Второго Тюркского каганата — Бильге-кагана, Кюль-тегина, Тоньюкуку, Кули-чура и других. Они, как и енисейские и ранне-кыргызские надписи, могут датироваться временем не ранее VIII века. Из этого следует, что тюркская руника как наиболее универсальное и оптимальное

Тюрки урало-казахстанских степей. Антропологические реконструкции А. Нечволоды. По материалам курганов 5 и 6

могильного комплекса Каменный Амбар. Раскопки В. П. Костюкова. Фото С. М. Арканова

Антропологическая реконструкция. Могильник Каменный Амбар, курган 5.

Автор А. Нечволода.
Фото С. Арканова

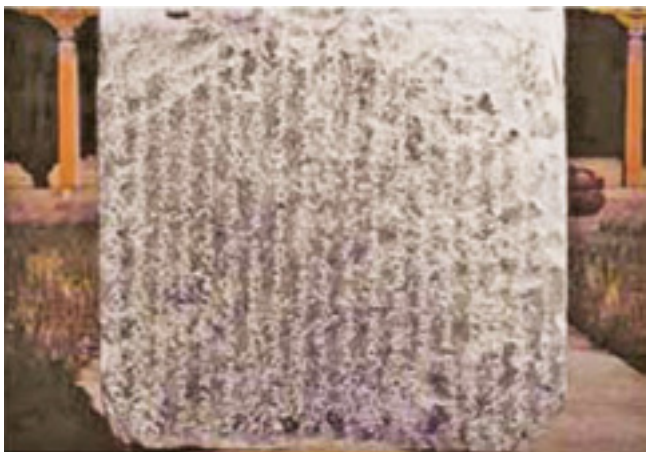

Антропологическая реконструкция. Могильник Каменный Амбар, курган 6.

Автор А. Нечволода.
Фото С. Арканова

кочевническое письмо, способное передавать многоязыковую информативную фабулу, формировалось в течение всего периода существования тюркских каганатов и окончательно сложилось лишь к концу этой эпохи. Возникает вопрос: какую из письменностей тюрки использовали в предшествующее время?

В 1956 году экспедицией известного монгольского археолога Ц. Дожсурэна на западе Монголии (Арахангайский аймак) был обнаружен могильник Бугут, относящийся к VI–VII векам (раннетюркский период). На одном из курганов была установлена стела из бурого песчаника, а за пределами насыпи тянулась цепочка балбалов. При раскопках было обнаружено, что стела была установлена на спине каменной черепахи, находящейся в специальном сооружении, перекрытом черепичной крышей. Памятник получил название Бугутская стела (надпись).

Бугутская стела.
Бугутский уезд, провинция
Архангай. Монголия

Древнетюркское руническое письмо (орхоно-енисейское) — письменность, применявшаяся в Центральной Азии для записей на тюркских языках в VIII–X веках н. э. Орхоно-енисейская письменность обслуживала единый литературный язык того времени (наддиалектный койне), который обычно называется языком орхоно-енисейских надписей.

Тексты, написанные древнетюркским письмом (в основном эпиграфические, небольшое число таких рукописей сохранилось в Восточном Туркестане), были созданы в тех областях Центральной и Средней Азии и Сибири, где в раннем Средневековье располагались государственные образования

восточных и западных тюрков, тюркешей, карлуков, древних уйгуров, енисейских кыргызов и др. Орхоно-енисейский язык существовал в нескольких локально-хронологических вариантах, соотносимых с такими территориальными группами памятников, как орхонские, восточно-туркестанские, енисейские, таласские, алтайские и некоторые другие. В них иногда прослепуют различия между живыми диалектами указанных древних этносов.

Памятники древнетюркского письма хранятся на территории таких современных стран, как Россия, Казахстан, Киргизия, Китай и Монголия. Один из редких рукописных рунических памятников — «Книга гаданий».

Бугутская надпись. В 1956 году монгольский археолог Ц. Доржсурэн обнаружил в Арахангайском аймаке Монгольской Народной Республики, примерно в 10 километрах к западу от Бугута, погребальный комплекс тюркского времени (VI–VIII вв.). На невысокой прямоугольной земляной насыпи был сооружен каменный курган, к юго-востоку от которого стояла стела из бурого песчаника, а далее, за пределами насыпи, тянулась цепочка балбалов. Стела была установлена на спине ка-

менной черепахи, содержала надписи на четырех гранях и сохранялась в первоначальном положении с момента установки. Верхняя половина стелы была частично обломана. Обнаружены также основания шести деревянных столбов, поддерживавших крышу над стелой (серая, слабого обжига черепица найдена тут же). Раскопки кургана оказались малоперспективными по причине его ограбления. Стела и черепаха доставлены в Арахангайский краеведческий музей в городе Цэцэрлэгэ.

В чем уникальность этой находки? Как следует из приведенного описания, на гранях этого обелиска располагалась согдийская надпись, а на одной стороне — текст на языке брахми, написанный санскритом. Но самое удивительное, что этот мемориал был посвящен одному из сыновей первого хана, тюркского кагана Бумына, известного кагана кагаюта — Таспар-кагана, и датируется, в отличие от орхоно-енисейских палеографических памятников, второй половиной VI века (!).

Из этого следует, что до создания рунического алфавита в Тюркском каганате активно использовалось согдийское письмо, что было вполне закономерно, так как основной процент жителей городов (в особенности в пределах Западного каганата) составляли согдийцы — наиболее грамотное и высококультурное население Центральной Азии в эпоху раннего Средневековья. Присутствие письменности брахми, осуществляемой на санскрите, указывало в тот момент на особые внешнеполитические условия, в которых оказался Татпар-каган. Для поддержания добрососедских отношений и обеспечения возможности заключения междинастических браков с китайским двором Ци каган принимает буддизм. Однако впоследствии буддийские традиции, как и брахмийская письменность, становятся весьма востребованными в пределах Западно-Тюркского каганата.

В 2013 году на территории Курганской области были сделаны две интересные находки. На берегу реки Алабуга обнаружена каменная плита с рунической надписью и тамговыми знаками. В окрестностях города Шадринска, на левом берегу реки

Таспар-каган (Татпар-каган) — тюркский каган (ок. 572–581). Третий сын кагана Бумына. Вступив на престол, назначил сопратителей («малых каганов»): племянника Шету (сына Кара Иссык Хана) — эрфу-ханом (то есть правителем восточной части державы), а брата Жутань-хана — були-ханом (правителем западной части).

Таспар официально принял буддизм в 574 году, после начала гонений на служителей этой религии У-ди, императором Северной Чжоу. Покинув чжоуское царство, индийский монах Чина-гупта со своими спутниками в течение десяти лет проповедовал буддизм в ставке кагана.

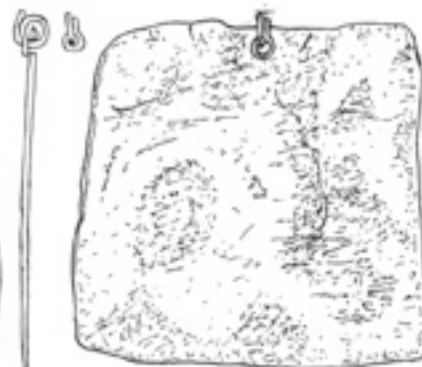
В этот период были переведены на тюркский язык и записаны для Таспара некоторые сутры, построены буддийские

храмы и монастыри, где сам каган принимал участие в обрядах.

В 577 году У-ди завоевал Северную Ци, и князь Гао Шаои, последний представитель династии, бежал к тюркютам. Таспар поддержал Гао Шаои и напал на Чжоу в 578 году. Округ Ючжоу был razoren тюркютами, а министр Лю Хун погиб в битве с ними. У-ди, собравший шесть армий для войны с каганом, неожиданно заболел и умер. Всю зиму тюрки грабили Северный Китай, пробовали осадить Цзюцзюань, но потом ушли.

В конце 581 года Таспар-каган заболел и умер. Ко времени его смерти Тюркский каганат был одним из сильнейших государств в мире наряду с Сасанидской и Византийской империями.

Бронзовая табличка. Находка в окрестностях города Шадринска. Курганская область

Согдийцы приносят дары Будде. Фреска VIII века из Бездлика. Синьцзян. КНР

Согдийцы — исторический народ, населявший территорию Согдианы, располагавшейся в долине реки Зерафшан от современной Бухары (Узбекистан) до Худжанда (Таджикистан). По выражению востоковеда В. В. Бартольда, согдийцев по их торгово-культурному вкладу в регион можно назвать «финикийцами Центральной Азии». Согдийские колонии располагались в Восточном Туркестане, где существовали в качестве целых городов и поселений. Вместе с другими туранскими племенами и народами

согдийцы были предками современных узбеков, а наряду с другими историческими восточно-иранскими народами являются также одними из предков современных таджиков. Согдийцы выполняли торгово-посредническую функцию между двумя великими империями — Византией и Танским Китаем. Китайский путешественник Чжан Цянь, посетив Согдиану, писал: «Канцзюй (Согдиана) находится на расстоянии в 2000 ли (около 1000 км) к северо-западу от Давани (Фергана). Люди ведут кочевой образ жизни и обычаями своими напоминают юэчжи». Согдийцы активно участвовали в тор-

говле через Великий шелковый путь, с его же помощью распространялся буддизм. Есть сведения, что производившееся в Согде оружие (в частности кольчуги) экспортировалось в Китай и другие страны. В IV–VIII веках согдийцы доминировали в торговле между Востоком и Западом, их торговые колонии были найдены далеко за пределами Согда — в частности, на территории современного восточного Китая. построены буддийские храмы и монастыри, где сам каган принимал участие в обрядах.

В 577 году У-ди завоевал Северную Ци, и князь Гао Шао, последний представитель династии, бежал к тюркютам. Таспар поддержал Гао Шао и напал на Чжоу в 578 году. Округ Ючжоу был разорен тюркютами, а министр Лю Хун погиб в битве с ними. У-ди, собравший шесть армий для войны с каганом, неожиданно заболел и умер. Всю зиму тюрки грабили Северный Китай, пробовали осадить Цзюцзюань, но потом ушли.

В конце 581 года Таспар-каган заболел и умер. Ко времени его смерти Тюркский каганат был одним из сильнейших государств в мире наряду с Сасанидской и Византийской империями. Согдийский язык использовался в качестве лингва франка на большом протяжении Шелкового пути и оставил следы в виде заимствованной лексики в персидском и ряде тюркских языков. В 651 году арабы положили конец правлению Сасанидов в Персии, после чего двинулись в Мавераннахр (Mā warāʾ l-nahr — «заречь»), как они называли согдийские земли за Амударьей. Согдийцы долго сопротивлялись, но в 722 году были окончательно сломлены войсками хорасанского эмира Саида аль-Хараша. Они обманом выманили одного из согдийских правителей — Деваштича — из крепости Муг, где тот, укрывшись с остатками воинов, вел отчаянное сопротивление. Впоследствии в регионе происходили восстания против арабских завоевателей (в частности, в 728–729).

Исети, найдена бронзовая пластина (табличка) с пятью рядами письменных знаков, определяемых как письмо брахми. Судя по сопровождающему материалу и в соответствии с заключением специалистов-языковедов эти находки могут быть отнесены к раннему Средневековью (V–VIII вв.). Уникальными находками также являются предметы, иллюстрирующие письменные традиции Западно-Тюркского каганата.

По информации студента Курганского государственного университета А. В. Приходько, при разборе фундамента дома в заброшенной деревне на берегу реки Алабуги в Звериноголовском районе Курганской области им была обнаружена нео-

бычная каменная плита. Весной 2014 года к месту находки выезжала экспедиция под руководством научного руководителя археологической лаборатории Курганского государственного университета Д. Н. Маслюженко.

На обломке плиты шириной 32–35 сантиметров, высотой 23 сантиметров и толщиной 5 сантиметров в семи сантиметрах от верхнего края нанесено 13 символов (длина фразы 16 сантиметров). В трех сантиметрах ниже надписи изображена фигура (высота 2 сантиметра) стоящего человека с палкой (копьем?) в правой руке. Его голова заострена, что может быть связано не только с техникой нанесения линий, но и с попыткой изобразить шлем.

В одном сантиметре справа от него — фигура копытного животного в движении с рогом / рогами (высота 3,3 сантиметра, длина 35 сантиметров). Нанесенные символы, на первый взгляд, напоминают тюркские руны. Подобная находка была сделана впервые на территории Среднего Притоболья. Все линии имеют длину около 1,5 сантиметра и толщину около 2 миллиметров, то есть нанесены инструментом с соответствующим лезвием.

Предположение о связи символов на плите с руникой было подтверждено И. Л. Кызласовым в личной переписке. Вслед за этим рисунок и фотография находки были отправлены С. Г. Кляшторному. В ответ он написал: «Очень похоже на восточноевропейский вариант тюркской руники, к сожалению, не дешифрованный. Буду работать над точной атрибуцией». К сожалению, в связи со смертью исследователя работа не была завершена.

В 2015 году дешифровкой надписи занимался И. В. Кормушин. Его заключение таково: «Буквы типологически похожи на орхоно-енисейское письмо. Из 14 букв в обеих строках (13 в верхней строке и 1 — в нижней) только две имеют шансы быть идентифицированы в орхоно-енисейском алфавите: 1) “волна из 4–5 элементов” — знаки № 6 и № 9 (отсчет справа) в первой строке и единств. знак во второй строке; 2) вертикальная прямая — в знаках № 7, 10, 12. Причем эта черта не очень-то уж и прямая, чувствуется небольшое скругление, но отчего оно — не понятно. Еще одним кандидатом на идентификацию является знак № 11 — “рогатина, обращенная вверх”, но он тоже как-то “не по-нашему” широк. К тому же вопрос: не является ли идентичным номеру 11 знак под номером 1 в этой же строке? Еще вопросы: над первой строкой и под ней неясные черты являются ли стертыми следами букв? Остальные буквы, кроме № 6, 7, 9, 10, 11 четко не опознаются, ОДНАКО все, что удается как-то притянуть к буквам орхоно-енисейского алфавита, к сожалению, не дает конкретной языковой картины».

Аналоги подобного рисунка (копытное животное) имеются в тюркских памятниках. Это изображения горного козла, который был тамгой правящего рода каганов Восточно-Тюркского каганата. Хотя рисунок имеет аналоги и в памятниках

Каменная плита с берега реки Алабуга. Звериноголовский район. Курганская область

Руническая надпись. Ачикташ, Таласская долина

древнетюркской эпохи в целом [98, таб. IX]. «Для изображений этого типа характерны строгая профильность и передача рогов, туловища и ног линиями одинаковой толщины. Фигуры козлов на них предельно стилизованы и уже превращены в схему, в тамгу. В настоящее время круг аналогий им на памятниках бесспорно тюркского времени (на каменных изваяниях, стелах, рельефах, стенках саркофагов, статуарных изображениях животных) значительно увеличился. Неоднократно встречены они и в сочетании с руническими надписями. В свете этих материалов, принадлежность таких рисунков (а, следовательно, и их аналогов в наскальных изображениях) ко времени господства древнетюркских каганатов можно считать установленной» [57, с. 244–245]. Единственным, но, возможно, значительным отличием является то, что у животного, изображенного на алабугтской плите, рог прямой, а не загнутый. Д. Г. Савинов указывает, что «схематические рисунки горных козлов можно в значительной степени определить как памятник политического характера, которым наносивший его человек подчеркивал свою принадлежность к данному государственному объединению» [98, с. 74–75].

Таким образом, было сделано заключение, что алабугтская плита содержала тюркское руническое послание.

Симптоматичен тот факт, что весной того же 2013 года в фонды Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН поступили материалы поверхностных сборов, проведенных

И. В. Яшиным в окрестностях города Шадринска. Находки были сделаны на бортовой террасе левого берега реки Исети недалеко от северо-восточной окраины города.

Наиболее яркой находкой, обнаруженной в пределах исследуемой площадки, оказалась бронзовая раскованная пластинка размерами 5,9×6,3×0,11 сантиметра с отверстием диаметром 0,35 сантиметра в верхней части и кольцом из бронзовой проволоки для подвешивания. На отшлифованной стороне пластины техникой холодной гравировки нанесены пять письменных строк, отделенных друг от друга горизонтальными линиями. Они содержат более пятидесяти письменных знаков.

В связи с необычностью этой находки автор принял решение обратиться к специалистам-языковедам за разъяснениями. Считаю необходимым привести здесь мнения всех специалистов-консультантов (в хронологическом порядке):

07.06.2013 г.

Интересная табличка. Рахмат сизге!

То, что это фонетическое письмо, вы сами видите. То, что это не руны — тоже. Точное определение письма требует времени (коим не располагаю, да и вы торопитесь). Влет скажу следующее:

– письмо очень архаично;

– письмо справа налево (иными словами, у него семитские корни);

– основа его — обозначение согласных (при пропуске, по крайней мере, частично гласных слова; иными словами — и у его правописания семитские корни);

– ряд знаков указывает на бывшие финикийские корни этой письменности (иными словами, и здесь семитская основа).

Кызласов Игорь Леонидович

30.06.2013 г.

Найденная Вами надпись (откуда?) не имеет ничего общего ни с тюркской руникой, ни с руноподобным письмом кургана Иссык. Лившиц еще не смотрел, о результатах сообщу.

Ваш С. Кляшторный

08.10.2013 г.

Наконец-то мне удалось встретиться с нашим основным специалистом по древнеиндийским письменностям — М. И. Воробьевой-Десятковской (она болеет и редко бывает в институте). Она без всяких сомнений определила найденную вами надпись как текст, написанный письмом брахми. Скорее всего, санскритский, и обещала подумать над ним. В. А. Лившиц также согласен с ее атрибуцией. В настоящее время известна целая серия надписей в Монголии и Восточном Казахстане письмом брахми, относящихся к тюркской эпохе.

Не уточните ли вы условия находки вашей пластинки?

С наилучшими пожеланиями, ваш С. Г. Кляшторный

13.01.2014 г.

Очень интересный артефакт. Может быть, это форма письменности брахми, использовавшаяся в санскрите. В этом случае я бы согласился с Сергеем Кляшторным, серьезным экспертом в этой области. Не думаю, чтобы это была тюркская руническая письменность, хотя мы знаем, что существовал ряд вариантов тюркской рунической письменности, которые использовались по всей Евразии. Также можно задаться вопросом, не является ли это некоей формой греко-бактрийской письменности, использовавшейся эфталитами и, возможно, иными племенами. Артефакт действительно интригует. Так как большого разнообразия в «буквах» на обнаруженном памятнике не наблюдается, и они, как представляется, разделены линиями, напр. |φ| и т. д., можно также задаться вопросом, не являются ли они неким видом культовых/магических знаков. Мне чрезвычайно интересно, как и к каким конечным заключениям вы придете.

С наилучшими пожеланиями, Питер Б. Голден

К сожалению, так и не удалось получить более широкие комментарии М. И. Воробьевой-Десятковской, однако, несмотря на то что до сегодняшнего дня не удалось дешифровать текст на этой пластине, специалистами-языковедами высказан ряд весьма важных наблюдений. С одной стороны, все исследователи признают, что изобразительный

ряд представляет собой элементы древнейшего письма. При этом категорически отрицается его принадлежность к тюркскому руническому ряду. Питером Голденом высказано осторожное предположение, что, возможно, это может быть рядом культовых магических знаков (тамг?).

Это требует особого разъяснения. Действительно такой знаковый ряд присутствует на различных артефактах предшествующей эпохи. В Урало-Казахстанском регионе известна целая серия зеркал позднесарматского (гунно-сарматского) времени (II–IV вв.).

Таким образом, эти две находки позволяют говорить, что Южный Урал полноценным образом был втянут в орбиту культурного и цивилизационного влияния Западно-Тюркского каганата.

Трудно говорить о том, какую роль играл южноуральский регион в реформациях и этносоциогенезе Западно-Тюркского каганата. Очевиден тот факт, что южноуральский регион в период западно-тюркской государственности был стратегически важным транскультурным маршрутом северных провинций кочевой империи.

Судьба народа он ок будун, или «народа десяти стрел»

Западно-Тюркский каганат дал рождение различным ранним государствам Западной Европы. С момента своего возникновения в пределах джунгарских и урало-казахстанских степей, как уже говорилось, происходили значительные перемещения населения кыпчаков-сеянто (648), восточнотюркских карлукского и огузского населения. Безусловно, столь масштабные переселения создавали перенаселенность степной части Урало-Казахстанского региона, причиной этого явилось обособление какой-то части кочевого населения «народа десяти стрел» рода Дулов в пределах степного Приазовья, где ханом Кубратом была создана Великая Болгария.

В литературе существует определенная неточность: говорится, что выделившись из Западно-Тюркского каганата, болгары в полной мере оказались независимыми от тюркских каганов.

Великая Болгария — кратковременное объединение болгарских племен (632 — ок. 671), возникшее в степях Восточной Европы. Основная территория располагалась в причерноморских и азовских степях. Территория Болгарского союза не имела четких границ и простиралась от Нижнего Дона до предгорий Кубани и от Тамани до междуречья Кумы и Восточного Маныча. Основу объединения составило болгарское племя кутригуры, которому удалось освободиться от власти аваров и Западно-Тюркского каганата (после 630).

Термин «Древняя Великая Болгария» взят из византийских источников, где им обозначается область проживания основных группировок болгар до их расселения во второй половине VII века.

Хану Кубрату (632–665) из рода Дуло удалось объединить свою орду с другими болгарскими племенами — кутригурами, утигурами, оногурами и прочими, находившимися ранее в зависимости от тюркотов.

Великая Болгария при хане Кубрате была независима как от авар, так и от хазар. Но если с запада опасность миновала полностью

ввиду ослабления Аварско-го каганата, то с востока постоянно нависала угроза. Пока Кубрат был жив, он имел достаточно сил, чтобы держать в единстве болгарские племена и противостоять опасности. Примерно в 665 году Кубрат умер. Его могила, возможно, находится около села Малая Перещепина Полтавской области Украины, где были найдены богатое захоронение кочевого вождя, содержащее большое количество золотых и серебряных предметов, и печать с монограммой, в которой возможно прочтение имени Кубрата.

По преданию, после смерти Кубрата территорию Великой Болгарии поделили пятеро его сыновей: Батбаян, Котраг, Аспарух, Кубер, Альцек. Каждый из сыновей Кубрата возглавил свою собственную орду, и ни у кого из них в отдельности не достало сил, чтобы соперничать с хазарами. В ходе столкновения с хазарами, последовавшего в 660-е годы, Великая Болгария прекратила свое существование.

Великая Болгария

Не следует забывать, что род Дуло входил в единое родовое объединение «народа десяти стрел». Учитывая эту родовую близость, следует предположить, что, вероятнее всего, становление Великой Болгарии происходило не без ведома Западно-Тюркского каганата. То же можно сказать, вероятно, и о последовавшем вслед за ее распадом, переселении болгар на Среднюю Волгу и Дунай. Занимая столь важную территорию с выходом на Кавказ и в Причерноморье, хан Кубрат контролировал стратегически важный участок восточноевропейского маршрута Великого шелкового пути, что, безусловно, было чрезвычайно важным обстоятельством для западно-тюркской знати. Возможно, это и явилось основной причиной скорого распада Болгарского государства. Руками хазарских ашинов с Великой Болгарией было покончено в 660-е годы. А хазарский каганат по праву занял стратегический регион Междуморья на три последующих века.

Огурский «народ десяти стрел» расселился на огромной территории Европы, часть болгар оказалась в Южной Италии, куда ушел вместе со своей ордой пятый сын Кубрата — Альцек.

Вероятно, какая-то часть огурского населения длительное время взаимодействовала с зауральским оседлым населением так называемого бакальского историко-культурного горизонта, а также с протомадьярскими племенами кушнаренковской и караякуповской культур, населением неволинской культуры сылвенского Приуралья. Подтверждением подобных контактов может служить вещьевой материал, обнаруженный в Ингалинском святилище, а также серебряные неволинские поясные накладки и пряжки, найденные в одном из курганов могильника Калкан.

Серебряные предметы. Находки у могильника Калкан. Учалинский район. Республика Башкортостан

Заключение

Эпоха поздней Древности и раннего Средневековья явилась временем становления единого цивилизационного евразийского пространства. Переселение северных хунну в начале II века в урало-казахстанские степи стало отправной точкой, ознаменовавшей момент формирования гуннов и гуннской орды, которые устремились в Европу. Этот западный исход был не одноразовым, а волнообразным. Ранние гунны, сосредоточившись на европейском пограничье, в степях Южного Урала и Западного Казахстана, вероятно, совершали многократные рейды в Волго-Донье, Сарматии, Причерноморье и Центральную Европу, вплоть до восточных границ Паннонского лимеса. На это указывают многочисленные яркие артефакты позднесарматского облика, которые обнаружены в погребениях урало-казахстанских гуннов. В этот период шло активное смешение гуннского и сарматского этносов, а также лесостепного угро-финского населения Урала и Волго-Донья. Гуннское движение на запад было приостановлено нашествием готов в середине III века, однако спустя чуть более века (370) гуннская орда достигла своей наивысшей консолидации и из Заволжья устремилась в Приазовье, Крым и Причерноморье и даже в Подунавье (орда Ульдиса), где обрела новые границы своего обитания. Началась европейская история гуннов, которая продолжалась до конца 460-х годов — до гибели Атиллы и его сына Элака и исхода его орды в Азию после Дунайских войн (468–469).

Несмотря на то что дальнейшую историю римской Европы продолжают диктовать варварские объединения, наиболее мощным из которых остается конфедерация Одоакра, собранная из родов и племен, ранее входивших в государство Атиллы, основная история гуннов разворачивается далеко на востоке. И вновь пределы Южного Урала и Казахстана становятся своеобразными форпостами.

Наступила новая эпоха — Средневековье. Повсеместно от Испании до Великой Китайской равнины возникали варварские королевства, царства и династии. В Южном Приуралье под главенством

гуннов, вернувшихся из западных походов, сформировалось объединение, археологически определенное как турбаслинская культура. Центр объединения находился в месте слияния рек Белой и Уфы (территория современной Уфы и ее пригородов). Там обнаружены многочисленные богатые некрополи V–VIII веков, в которых ярко представлены предметы римского облика. Турбаслинское население, занимая стратегически важную позицию, вероятно, явилось доминирующим в среде более многочисленного местного населения, которое составляло бахмутинскую и мазунинскую археологические культуры. Эта ситуация ярко иллюстрируется материалами с городища Уфа II. Нечто схожее мы видим и в районе устья Камы, где исследован некрополь Коминтерновский II, обладающий весьма сходными с турбаслинскими чертами. Он располагался в стратегически важном районе, в плотном окружении населения именьковской культуры.

Однако наиболее мощный очаг постгуннского населения сформировался на юге. Здесь в низовьях Сырдарьи и Кувандарьи возник мощный раннесредневековый горизонт джетыясарской культуры, представленный ныне гигантскими некрополями V–VIII веков. Вероятно, именно этот регион и стал эпицентром будущего государства хионитов, эфталитов и кидаритов. При этом налицо была общекультурная связь между турбаслинской и джетыясарской общностями. Таким образом, южноуральское население на раннесредневековом этапе продолжало участвовать в последующей истории азиатских гуннов-эфталитов.

Это был лишь один из финальных эпизодов гуннской истории, который разворачивался далеко на юге — в Средней Азии, Пешаваре и Северной Индии. Урало-казахстанские степи вступали в это время в новый этап развития кочевой цивилизации. Его ознаменовало появление в пределах Южного Урала и Казахстана раннеболгарского объединения — «народа десяти стрел», или он ок будун, которое соотносилось с союзом огурских (оногурских) племен. Эта страница южноуральской истории прекрасно иллюстрируется своеобразными мегаплановыми сооружениями, назван-

ными курганами с «усами». Сформировавшись еще в позднегуннское время, это раннеболгарское объединение (рода Дуло) позже вошло в состав Западно-Тюркского каганата и просуществовало в его составе как минимум до конца VII века, затем было вынуждено покинуть урало-казахстанские степи после переселения сюда карлуков и кыпчаков (сеянто). Вероятнее всего, на смену курганам с «усами» повсеместно пришли другие ритуальные сооружения — тюркские подквадратные жертвенно-поминальные оградки с каменными изваяниями у восточной стенки. Возникали новые святилищные центры на Южном Урале (Каменный Амбар, Система, Солончанка) и в Казахстане (Кумай, Жайсан, Мерке). Наступала тюркская эпоха, которая окончательно изменила не только антропологический облик населения Южного Урала в сторону монголоидности, но и языковую восточно-тюркскую алтайскую составляющую.

Существование первой кочевой империи — Западно-Тюркского каганата — позволило встроить весь регион Урала в единую коммуникационную артерию Евразии, которой являлся Великий шелковый путь. Несмотря на то что самая северная его магистраль проходила по югу Казахстана, между городов и столиц Западного Тюркского каганата, сезонные меридиональные маршруты урало-казахстанских кочевников обеспечили бесперебойный обмен между городами каганата и северными пушными провинциями Урала и Западной Сибири. Прямым доказательством этого явилось беспрецедентное количество богатого сасанидского и согдийского серебра, византийских и сасанидских монет и украшений, попавших в урало-сибирские святилища и некрополи как предметы обмена между югом и севером.

Существование Западно-Тюркского каганата оказало серьезное влияние на кочевое и оседлое население Южного Урала. Причиной этого явилось не только то, что наш регион был втянут в систему торгово-обменных связей, возникавших по всему Великому шелковому пути, но и то, что культурные инновации отразились в появлении нового стиля одежды, украшений, конской узды и вооружения.

Особым проявлением этого процесса стало возникновение в Южном Зауралье письменных памятников. Так, обнаружение подвесной таблички с бахрийской надписью в окрестностях Шадринска, возможно, указывает на существование весьма протяженных маршрутов буддийского паломничества — из Средней Азии в северные районы Южного Урала.

Список литературы

1. Абрамзон С. М. Киргизы и их этнографические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1990.
2. Амброз А. К. Восточноевропейская и среднеазиатская степи V — первой половины VIII века // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981.
3. Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э.— IV в. н. э. // Свод археологических источников. Вып. ДИ-30. М., 1966.
4. Амброз А. К. Хронология древностей Северного Кавказа. М., 1989.
5. Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М., 2001.
6. Арсланова Ф. Х. Бобровский могильник // Ин-т истории и археологии Акад. наук Казах. ССР. 1963. Сер. Обществ. науки. Вып 4.
7. Арсланова Ф. Х. Керамика раннесредневековых курганов Казахстана, Прииртышья // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980.
8. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
9. Асеев И. В. Прибайкалье в средние века. Новосибирск, 1980.
10. Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989.
11. Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.
12. Бажан И. А., Каргапольцев С. Ю. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 198. М., 1989.
13. Бекбасаров Н. М. Курган «усами» на р. Сага. Астрономическое содержание расположения его элементов // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы; М., 1998.
14. Бернштам А. Н. Находки у оз. Боровое в Казахстане // Сб. Музея антропологии и этнографии. 1951. Т. 13.
15. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена : в 2 т. Т. 1. М., 1950.
16. Богачев А. В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования. Самара, 1992.
17. Боровкова Л. А. Запад Центральной Азии в II в. до н. э.— VII в. н. э. М., 1989.
18. Боровкова Л. А. Проблема местонахождения царства Гао Чан. М., 1992.
19. Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999.
20. Вайнберг Б. И. Этногеография Турана в древности VII в. до н. э.— VIII в. н. э. М., 1999. 358 с.
21. Вернадский Г. В. Древняя Русь. М. Тверь, 1996.
22. Викторова Л. Л. Монголы: происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
23. Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон о модели мироздания в культово-поминальных памятниках истории VI–VIII вв. М., 1996.
24. Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. н. э. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982.
25. Гаврилова А. А. Могильник Кудэргэ как источник по истории алтайских племен. М., 1966.
26. Гавритухин И. О. К изучению ременных гарнитур Поволжья VI–VII вв. // Культура Евразийских степей второй половины I тысячелетие н. э. Самара, 1996.
27. Гавритухин И. О. Среднеднепровские ингумации второй половины V — VI в. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб., 2004, с. 208–220.
28. Гавритухин И. О., Малашев В. Ю. Перспективы изучения средневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.
29. Гавритухин И. О., Пьянков А. В. Могильники V–VII веков. Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья: IV–XIII века. М., 2003. С. 193–195.
30. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.
31. Гмыря Л. Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала, 1993.
32. Гмыря Л. Б. Страна гуннов у каспийских ворот. Махачкала, 1995.
33. Грязнов М. П. и др. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у г. Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979.
34. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1993.
35. Гумилев Л. Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. 1967. № 1.
36. Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1992.
37. Гумилев Л. Н. Эфталиты и их соседи в IV в. // Вестн. древн. истории. 1959. № 1 (67).
38. Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс // Археологические памятники сюнну. Вып. 2, т. 2. СПб., 1996. 176 с.
39. Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ, 1996.
40. Джафаров Ю. Р. К вопросу о происхождении европейских гуннов // Историко-культурные контакты алтайской языковой общности. Вып. 1. М., 1986.
41. Димитров Д. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие.. Варна : Георги Бакалов, 1987, с. 47–48.
42. Досымбаева А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. Алматы, 2006.
43. Досымбаева А. М. Культура населения Семиречья во II в. до н. э.— V в. н. э. (по погребальным памятникам) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Аты, 1999. 29 с.
44. Ермоленко Л. Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск : Наука, 2004. 124 с.
45. Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху IV–VI вв. СПб., 1994.
46. Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы : Дайк-Пресс, 2002. 338 с.
47. Зуев Ю. А. Тамги лошадей из вассальных княжеств (перевод из китайского сочинения VIII–X вв.) // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии Акад. наук Казах. ССР. 1960. Т. 8.
48. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / сост. В. В. Латышев. Т. 1. Греческие писатели. СПб., 1890–1900.

49. Исхаков Д. М., Измаилов И. Л. Этнополитическая история татар. Казань, 2000.
50. Казаков Е. П. К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э.* Самара, 1996.
51. Казаков Е. П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // *Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии).* Самара, 1998.
52. Казаков Е. П. Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // *Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой.* Казань, 1981.
53. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
54. Кляшторный С. Г. Степные империи. Рождение, триумф, гибель // *Степные империи древней Евразии.* СПб., 2005.
55. Кляшторный С. Г., Левина Л. М. Об одной рунической надписи в городище Алтын-асар (Восточное Приуралье) // *Этноисторическая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана.* Нукус, 1989.
56. Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Открытие и изучение древнетюркских эпиграфических памятников Центральной Азии // *Археология и этнография Монголии.* Новосибирск, 1978.
57. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Древней Евразии. СПб., 2005.
58. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Древней Евразии. СПб., 2005.
59. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994.
60. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государство и народы евразийских степей (Древность и Средневековье). СПб., 2000.
61. Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки // *Свод археологических источников.* Вып. Е1–2. М., 1979.
62. Кондратенко А. П. Западные хунны (опыт этноисторической идентификации) // *Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетиях н. э.* Кемерово, 1994.
63. Коновалов П. В. Некоторые итоги и задачи изучения хунну // *Древние культуры Монголии.* Новосибирск, 1985. С. 41–50.
64. Крадин Н. Н. Климат, тренды и нашествия кочевников // *Генетические коды цивилизаций.* М., 1995.
65. Кубарев В. Д. Новые сведения о древнетюркских оградах Восточного Алтая // *Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока.* Новосибирск, 1979.
66. Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири // *Свод археологических источников.* Вып. Е3–18. М., 1983.
67. Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994. 327 с.
68. Кызласов Л. Р. Древняя Тува. М., 1979. 207 с.
69. Кызласов Л. Р. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры // *Совет. археология.* 1977. № 2.
70. Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
71. Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии памятников джегтыасарской культуры // *Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана.* М., 1966.
72. Левина Л. М. Могильник Асар 4 // *Низовья Сырдарьи в древности. Джегтыасарская культура.* Вып. 4, ч. 2. М., 1994.
73. Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приуралья. М., 1996.
74. Магомедов М. Г. История Хазарского каганата. М., 1983.
75. Мажитов Н. А. Южный Урал VII–XIV вв. М., 1977.
76. Мажитов Н. А., Сунгатов Ф. А., Иванов В. А., Сагтаров Т. Р., Султанова А. Н., Иванова Е. В. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2006 года : в 2 т. Т. 1. Уфа, 2007а.
77. Мажитов Н. А., Сунгатов Ф. А., Сагтаров Т. Р., Султанова А. Н. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2007 года : в 2 т. Т. 2. Уфа, 2009а.
78. Мажитов Н. А., Сунгатов Ф. А., Султанова А. Н. Город Башкорт — средневековая столица Башкортостана // *Сокровища древней Уфы.* Уфа, 2008.
79. Мажитов Н. А., Сунгатов Ф. А., Султанова А. Н. Средневековый город Башкорт (Уфа II) // *Вестн. Акад. наук Респ. Башкортостан.* 2007. Т. 2, № 3.
80. Мандельштам А. М. К восточным аспектам истории ранних кочевников в Средней Азии и Казахстане // *Краткие сообщения Института археологии.* Вып. 151. 1978.
81. Мариковский П. И. О древних астрономических сооружениях на территории Казахстана // *Вестн. Акад. наук Казах. ССР.* 1977. № 5.
82. Массон В. М. Первые цивилизации. Л., 1989. 276 с.
83. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М., 1973.
84. Минаева Т. М. Погребения с сожжением близ Покровка // *Ученые зап. Саратов. гос. ун-та.* 1927. Т. 6, вып. 3.
85. Могильников В. А. О культурах лесной полосы Западной Сибири второй половины 1 тыс. н. э. // *Методические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири.* Томск, 1981.
86. Новгородова Э. А. Древняя Монголия (некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М., 1989.
87. Обломский А. М. Заключение // *Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени (Раннеславянский мир).* Вып. 6. М., 2004. С. 163–166.
88. Обломский А. М. Раннесредневековое трупоположение у с. Лихачевка Полтавской области // *Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье.* СПб., 2004. С. 221–227.
89. Овсянников В. В. К характеру этнокультурных контактов в лесостепном Приуралье в позднесарматскую эпоху // *XIV Уральское археологическое совещание : тез. докл. Челябинск, 1999.*
90. Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск, 1990.
91. Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР // *Труды Института востоковедения.* Т. 41. М. ; Л., 1941.
92. Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
93. Плетнева С. А. Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника Саркела Белой Вежи). М., 1990.
94. Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983.
95. Рашев Р. Прабългарите през V–VII. София, 2004.

96. Рашо Рашев. Праболгары на юго-западной окраине евразийской степи // Средневековая археология евразийских степей : материалы учредит. съезда Междунар. конгресса : в 2 т. Т. 1. Казань, 2007, с. 104–117.
97. Рыков П, с. Суловский курганный могильник. Саратов, 1925.
98. Савинов Д. Г. Этнокультурные ареалы Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово, 1984.
99. Сайко В. Цивилизация в пространственно-временном континууме социальной эволюции и проблема ее системного слома // Цивилизация. Восхождение и слом: структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. М., 2003, с. 16–26.
100. Семенов А. И. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 29. Л., 1988.
101. Симокатта Ф. История / пер, с. П. Кондратьева. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 224 с.
102. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
103. Степная цивилизация Восточной Евразии : в 2 т. Т. 1. Древние эпохи. Астана : Култегін, 2003. 264 с.
104. Сунгатов Ф. А. Погребальные комплексы Дежневского и Ново-Турбаслинского могильников (по материалам раскопок 1989–1992 гг.) // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995.
105. Сунгатов Ф. А. Султантимиловский I курган с «усами» // Уфим. археол. вестн. 2003. Вып. 4.
106. Сунгатов Ф. А. Турбаслинская культура. Уфа, 1998.
107. Таиров А. Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии в II–I тыс. до н. э. : материалы к ист. рек. Челябинск, 2003.
108. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
109. Хабдуллина М. К., Зданович Г. Б. Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане // Бронзовый век Урало-Ишимского междуречья. Челябинск, 1984.
110. Хазанов А. М. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху // Материальная культура народов Казахстана и Средней Азии. М., 1966.
111. Худяков Ю, с. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 368 с.
112. Худяков Ю, с. Хунны в Саяно-Алтае // 100 лет гуннской археологии. Номадизм. Прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе : тез. докл. Улан-Удэ, 1996.
113. Цзэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985.
114. Яценко С. А. Аланы в Восточной Европе в середине I — середине IV в. н. э. (по данным письменных источников) // Петерб. археол. вестн. 1993. № 6, с. 83–88.
115. Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung // Archaeologia Hungarica. 1932. Vol. 9.
116. Bona I. Das Hunnen-Reich. Corvina, 1992.
117. Das Gräberfeld der hunno-sarmatischen Zeit von Kokel, Tuva, Süd-sibirien // Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. München : Verlag C. H. Beck. 1984. Bd. 25. P. 202.
118. Erdelyi I. Az avarság ées Kelet a régészeti források Tükrében. Akadémiai Kiado. Budapest, 1982.
119. Früh-und hochmittelalterliche Gräber von Kudyрге im Alta // AVA-materialien. 1982. Bd. 3.
120. Marquart J. Ęrānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. Berlin, 1901.
121. Sinor D. The legendary origin of turkus // Folklorica. Festsh rift for the Felix D Orinal. Bloomington, 1982.
122. Vida T. Die awarenzeitliche keramik I. (6/7/Jh) // Varia archaeological Hungarica. Vol. VIII. Berlin ; Budapest, 1999.

В долине реки Уй.
Фото С. М. Арканова

Гроза.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

4

Том
Заключение

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гуннская эпоха явилась весьма важным периодом в развитии Южного Урала как ключевого срединного региона в период формирования кочевой цивилизации Евразии. Глобальный выплеск населения — осколков Хуннской империи — в пределы Южного Урала и Западного Казахстана, на евразийское пограничье привел вначале к решающей культурной трансформации кочевых сообществ урало-казахстанских и нижневолжских степей, зауральской и западносибирской лесостепи, а затем к кардинальным изменениям этнокультурной карты Восточной Европы вплоть до Карпатской котловины.

В современной литературе эта эпоха традиционно называется позднесарматской. В нашем представлении основные черты, заложенные в II веке н. э., в период поздней Древности — тотальная черепная деформация, захоронение покойных головой на север, гробовые конструкции и особый набор предметов, сопровождавших мужские и женские погребения, — продолжили существовать в течение довольно длительного периода, включая эпоху Атилы (V век) и далее, вплоть до VIII века (джетыясарские, турбаслинские и коминтерновские памятники). Все это убеждает нас в том, что именно тогда, в поздней Древности, в урало-казахстанских степи пришли новые кочевые племена, существенно отличавшиеся от обитавших здесь сармато-аланских кочевников. Последующий синтез пришельцев и автохтонного населения привел к формированию к концу IV века собственно гуннской орды, впоследствии сокрушившей Рим и города Восточной Европы и невозвратно изменившей этнополитический ландшафт этого пространства. В большей мере гунны вместе с другими варварскими племенами, их деяния и непосредственное присутствие привели к формационной ломке исторического развития Центральной Евразии, в результате чего все последующее за IV–V веками н. э. время получило наименование — Средневековье.

Зауральская осень.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

4

ТОМ
Сведения об авторе

ОБ АВТОРЕ

Сергей Геннадьевич Боталов (р. 02.06.1958, дер. Федорово Юсьвенского района Пермской области) — российский ученый-археолог, историк, доктор исторических наук, действительный член Международной тюркской академии. Ведущий научный сотрудник Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН, профессор Южно-Уральского государственного университета, директор Археологического научного центра.

С начала 1980-х годов организатор и руководитель многочисленных экспедиций по выявлению и исследованию археологических памятников кочевых сообществ урало-казахстанских степей и степной Евразии. Участвовал в раскопках курганов и городищ в Крыму, Херсонской области, Казахстане. После раскопок курганов Друженского и Большекараганского могильников С. Г. Боталовым впервые была аргументированно высказана идея об отнесении памятников позднесарматской культуры к погребальным и жертвенно-поминальным комплексам ранних гуннов.

С. Г. Боталовым в пределах урало-казахстанских степей были проведены полномасштабные исследования так называемых курганов «с усами» (с каменными грядами), которые были аргументированно датированы эпохой раннего Средневековья и соотнесены с раннеболгарским населением [племя дуло в объединении он ок будум (оногур «10 стрел»)]. Данное население сформировалось здесь с постгуннского времени и позднее вошло в Западно-Тюркский каганат. С. Г. Боталовым впервые были открыты и интерпретированы урало-казахстанские памятники гуннской и тюркской эпох.

В 2009 году под руководством С. Г. Боталова был обнаружен и исследован уникальный погребальный комплекс Уелги (Кунашакский район Челябинской области), материалы которого получили всемирную известность. Раскопки этого поликультурного комплекса (VIII–IX века) позволили по-новому подойти к проблеме культурогенеза башкир, венгров, волжских и сибирских татар, кыпчаков, кыргызов и зауральских угров (манси). С. Г. Боталов автор более 500 научных публикаций.

botalovsglp@mail.ru

Список основных публикаций

Боталов С. Г. Курган у оз. Синеглазово (по раскопкам Н. К. Минко и С. А. Гатцука) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1987.

Боталов С. Г. Волго-уральские и казахстанские степи в V–VIII вв. (некоторые вопросы тюркизации евразийских степей) // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск : Рифей, 1996. С. 194–209.

Боталов С. Г. Памятники урало-казахстанских кочевников XI–XIV вв. // Древняя история Южного Зауралья. Т. 2 Ранний железный век и Средневековье : монография. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 366–430.

Боталов С. Г. Номады. Челябинск : Рифей, 2003. 423 с.

Боталов С. Г. Этапы культурогенеза населения урало-казахстанских степей в эпоху раннего железа // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза) : монография. Челябинск : Рифей, 2006. С. 299–312.

Боталов С. Г., Таиров А. Д., Любчанский И. Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск : Юж.-Урал. фил. ИИА УрО РАН, 2006. 232 с.

Боталов С. Г. Внешний вид и антропологический облик гуннов // История башкирского народа : в 7 т. Т. 1 / гл. ред. М. М. Кульшарипов. М. : Наука, 2009. С. 273–280.

Боталов С. Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск : Рифей, 2009. 672 с.

Боталов С. Г. Погребальный комплекс могильника Уелги — новый средневековый памятник в Южном Зауралье // Челябин. гуманитарий. 2011. № 2 (15). С. 103–113.

Боталов С. Г. Позднегуннский и раннетюркский период в заволжских и южноуральских степях. Этнокультурные ареалы Центральной Евразии // Западный Тюркский каганат : атлас / А. Досымбаева, М. Жолдасбеков и др. Астана : Service Press, 2013. С. 652–672.

Том **4**
История
Южного Урала

ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ И РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ ЮЖНОГО УРАЛА (II–VIII века)

Печатается по решению
Ученого совета Южно-
Уральского государствен-
ного университета.
Протокол № 4
от 29.12.2018 г.

Сергей Геннадьевич Боталов

ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ И РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ ЮЖНОГО УРАЛА (II–VIII века)

Научное иллюстрированное издание

В издании использованы фотографии и репродукции из фондов Челябинского государственного исторического музея, Государственного Эрмитажа, Магнитогорского историко-краеведческого музея, музея «Народы и технологии Урала» Южно-Уральского государственного университета, а также фотографии и прорисовки артефактов из музеев Уфы (Республика Башкортостан), Оренбурга, Кургана, Актюбинска (Республика Казахстан), материалы частных коллекций, общедоступные ресурсы сети Интернет, авторские фотографии С. Арканова, А. Таирова, С. Боталова, художественные реконструкции С. Г. Боталова, А. М. Федорова, А. И. Соловьева, Л. И. Загирной, М. В. Горелика, К. С. Ахметжана, А. Н. Кубарева, Д. В. Позднякова, Е. В. Веселовской.

Научный редактор Н. Н. Крадин

Рецензент И. Э. Любчанский

Редактор, ответственная за выпуск Н. О. Иванова

Корректор И. Н. Козырева

Набор текстов М. Н. Загирной

Графические реконструкции Н. Н. Бойко

Фотохудожник С. М. Арканов

Дизайн, верстка: Р. Я. Шарапов

Формат 60×90 1/8

Усл. печ. л.

Печать офсетная. Бумага мелованная

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ОАО «ИПП "Уральский рабочий"»
620990 г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

Четвертый том 8-томной «Истории Южного Урала» посвящен событиям и культурно-историческим процессам, происходившим в регионе и на сопредельных территориях в эпоху поздней Древности и раннем Средневековье (II-VIII века). Территория Южного Урала в это время оказалась вовлечена в евразийское цивилизационное пространство.

